

Марина Эльденберт

Поющая для дракона.
Пламя в твоих руках

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

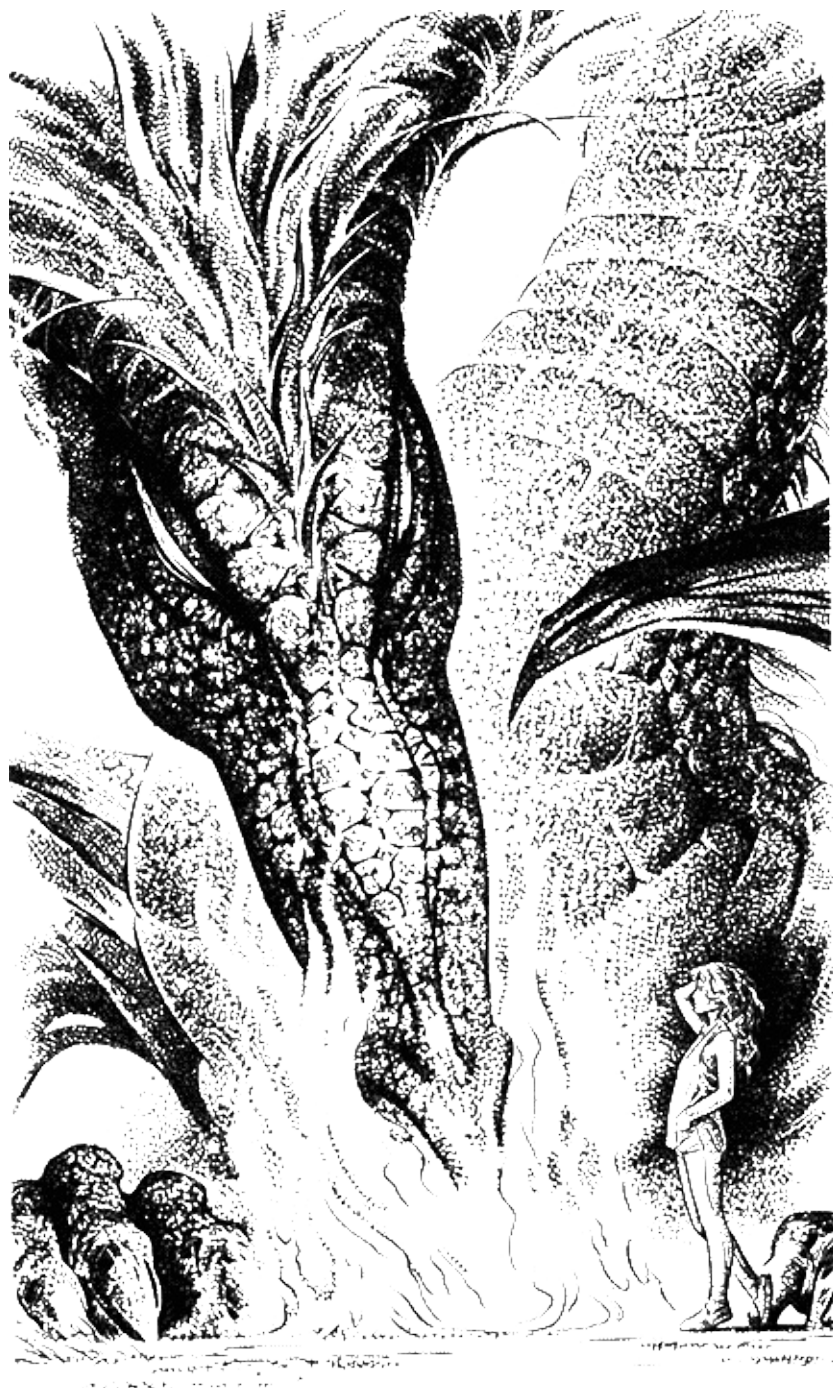
Annotation

Наша жизнь у всех на виду: моя — на сцене, его — на вершине власти. Мир иртыханов не примет полукровку без имени, Совет не простит правящему неверного выбора. Мои чувства могут стоить мне репутации, его — развязать войну. Но это не объяснить огням, соединившим нас. Он меня не отпустит, а я не готова от него отказаться. Куда заведет нас эта опасная страсть?

- [Марина Эльденберт](#)

- - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
-

Марина Эльденберт
ПЛАМЯ В ТВОИХ РУКАХ

ГЛАВА 1

Драконы продолжали поливать границы пустоши огнем. Сейчас уже не способные причинить вреда, усмиренные, в записи они смотрелись не менее устрашающими. Беснующиеся хищники, красивые и смертельно опасные. Страшно представить, что Халлоран был там. Даже на фоне сторожевых башен звери казались огромными, не говоря уже о человеке. Или иртехане. Пусть даже сильнейшем иртехане Мэйстона, за спиной которого вальцгарды — военнообязанные иртеханы, младшие наследники аристократических семей. И все же что-то внутри тонко подрагивало, когда я вспоминала оскаленную морду, тянущуюся ко мне. Тот дракон был спокоен, ярость этих чувствовалась даже с экрана визора спустя часы после несостоявшегося прорыва.

Умом я понимала, что, если бы с Рэйнаром что-то случилось, сейчас бы показывали не драконов. Но усидеть на месте от этого было не легче. Хотелось бежать к нему, на другой конец города, в пустоши или в Лаувайс, чтобы быть рядом. От этого чувства в груди становилось горячо, словно угасающие на границе города пожарища нашли продолжение во мне. И все-таки я заставляла себя сидеть и смотреть эту дурацкую передачу, сжимая в руках мобильный.

В студии центрального телеканала под огненно-серебристой эмблемой устроился Вэлис Горальски, известный ученый-драконолог. Ведущий слушал его внимательно, и сдается мне, сейчас это было неотрепетированное шоу. Происходящее волновало всех, кто собрался у экранов визоров, и всех участников экстренного выпуска.

— Сейчас мы можем только гадать, что именно спровоцировало драконов.

— Но какие-то предположения у вас есть?

Чего я ждала? Что Рэйнар позвонит?

Это вряд ли.

У него наверняка столько дел, что выдохнуть некогда. Нужно разобраться в причинах случившегося, выслушать отчеты, а после готовиться к завтрашней пресс-конференции, на которой его будут забрасывать вопросами. Потому что династия Халлоранов — последний оплот. Потому что это случилось, а он правящий.

— В том-то все и дело, что причин может быть множество. — Горальски развел руками. — Агрессия зверя непредсказуема, иначе налетов

можно было бы избежать.

— То есть это может быть вызвано чем угодно?

— Именно. Драконы яростно оберегают границы своих владений, свое потомство, своих сородичей. Возможно, им что-то угрожало или они сочли что бы то ни было угрозой.

— Значит ли это, что мы не защищены от таких вспышек в дальнейшем?

— К счастью, нас защищает Лаувайс.

Ученый натянуто улыбнулся. Внимательные серые глаза, в которых играли бликами линзы, казались встревоженными.

— Мы сейчас говорим не о единичном случае? Каковы ваши прогнозы на повторение ситуации и в течение какого времени?

— Боюсь, предугадать это невозможно. Это может случиться завтра. Или через сотню лет.

— И все же. Более ста лет мы жили спокойно...

— Это не совсем точно, эстерд Рихт. Подобные волнения уже были. Во времена правления Дихарта Халлорана, а после Керрана II, деда местра Халлорана.

— Но в те времена нас не оберегала Лаувайс. Могли ли перебои в защите вызвать этот всплеск?

— Думаю, на этот вопрос никто не ответит лучше местра Халлорана.

Я раздраженно постукивала пультом по колену, с трудом справляясь с желанием выключить визор и что-нибудь разбить. На месте удерживало только осознание, что, если я перестану слушать эту провокационную болтовню, начну метаться, как Марр во время нападения. Сейчас начнут нагнетать — какого, спрашивается? Люди и без того напуганы, но СМИ на то и СМИ, чтобы выдоить из этой темы все соки до официального заявления.

Не удивлюсь, если завтра их стараниями наиболее впечатлительная часть населения Мэйстона будет сидеть на чемоданах, высчитывая, сколько денег нужно на телепорт для всей семьи. Что самое смешное — никто даже не задумывается, что за все время правления Халлоранов в городе не было налетов, а такие заявления только доводят панику до небывалых высот.

— Леа? — голос Тanni из-за спины. — Можно я к Имери съезжу? С ночевкой?

Отпускать сестру к подруге не хотелось, особенно в тот район, из которого отлично просматриваются пустоши. Но и удерживать не имело смысла: все уже в порядке, драконов отогнали за горы, пожары потушены, а девочкам есть что обсудить. Тем более что в школе сестра особо ни с

кем не дружит. В компании Имери она себя чувствует гораздо лучше, чем с одноклассниками.

— Хорошо, — кивнула. — Только завтра в первой половине дня — домой. Уроки делать.

— Обязательно! Ты лучшая.

Танни метнулась к лестнице, а я все-таки выключила визор и поднялась. Смотрела на мобильный. Перебирала в уме фразы, с которых можно было начать разговор, но все они казались либо слишком пресными, либо глупыми. В итоге написала простое, ни к чему не обязывающее: «Как ты?» — и отправилась на кухню варить кофе. Обычно меня это успокаивало, но сейчас я то и дело поглядывала в сторону молчащего телефона и думала о том, что услышала и увидела за последние несколько часов.

Получается, волнения все-таки были, просто в школьном курсе истории они не упоминаются.

Знать бы еще, чем они вызваны. Из материалов Рингисхарра я узнала, что у драконов, живущих поблизости, создается единое энергоинформационное поле. Они чувствуют друг друга и могут мысленно посылать зов на расстоянии — отсюда и способности к телепатии у сильных иртханов. То есть теоретически, если один дракон разъярен, у других это тоже может вызвать ярость.

Но Горальски однозначно прав в одном: гадать можно до бесконечности.

Кофемашина с шипением выплонула в чашку первую струйку, над кухней поплыл резкий горьковатый аромат, и в ту же минуту зазвонил телефон. Это оказалась Лэм, я попыталась дозвониться до нее чуть раньше, но подруга не отвечала.

— Нет, ты представляешь, а? — Она решила обойтись без приветствий. — Я, значит, стою, втираю одному иртхану масло в его высшую задницу, а тут ему срочный звонок. В жизни не видела, чтобы мужик с такой скоростью одевался. Вылетел за дверь, а вместо него Нийша, наша администратор, вбегает — во-от с такими глазами: ты видела, говорит, что по визору показывают? Щас от нас одни головешки останутся. Ну я и стою — с руками в масле и воспоминаниями об иртхановой заднице. И думаю — о чем? О том, что у меня драконовы купальники сгорят вместе с сертификатом на бракосочетание. И что я Дрэйка перед уходом сегодня не поцеловала.

За что люблю Лэм, так это за чувство юмора. Подход к жизни у нее такой: либо смейся, либо убейся. Неудивительно, потому что жизнь у

подруги была не сахар. Родители разошлись из-за того, что отец выпивал, а первый бойфренд обожал пускать в ход кулаки. Попрекал, что жрет она много, а денег в дом не приносит. К счастью, Лэм нашла в себе силы его послать и выбраться из той задницы. С тех пор философия целебного смеха в ней укоренилась напрочь вместе с легким налетом цинизма. К счастью, Дрэйк немного отогрел ее сердечко.

— Ничего, вечером поцелуешь, — хмыкнула я.

И подумала, что сама безумно хочу поцеловать Халлорана.

Так безумно, что губы горят и кончики пальцев покалывает.

— Я честно думала, что без клиентов останусь. Но пока мы липли к визору, у нас всего три записи отменили. Некоторые даже посмотрели с нами, поахали, обзвонили всех, кого только можно, и по кабинетам разбрелись.

Драконы драконами, а красоту наводить надо.

— Рада, что твой день прошел не зря.

— Уф, да. Деньги мне сейчас очень кстати, эта свадьба жрет их, как голодный дракон. Ну а ты где была, когда это все началось?

Эм.

— Я что-то не то спросила? — уловив паузу, живо поинтересовалась Лэм.

— Нет, я просто...

Зависнуть меня заставила Танни, которая кралась к выходу в... той самой юбке. Заметив мой взгляд, на миг остановилась, а потом помахала рукой.

— Я пошла! — и стартанула к двери прежде, чем я успела слово сказать.

Щелкнул замок.

Мысль о том, что Имери может оказаться Миком, пришла ко мне ну как-то очень не вовремя. Потому что я как раз взяла чашку с подставки, но тут Лэм, терпеливо дожидаясь ответа, вдруг завопила:

— Леона, включи визор!

— Я сейчас чуть кофе не облилась, ты в курсе?

— Поставь чашку, иначе точно обольешься. — Подруга перевела дух и выпалила: — Там показывают твоего Халлорана. Он в больнице.

Сердце упало, а вместе с ним чашка, поставленная мимо стойки. Кофе ржавой паутиной растекся между черепков, я споткнулась о Марра, вытянувшегося поперек кухонной арки. Расстояние до дивана преодолела чуть ли не в полете, схватила пульт.

— Какой канал? — выдохнула, зажимая трубку между ухом и плечом.

— Девятнадцатый, «Мэйстон Тим».

Носилки стремительно парили по коридору, изрезанному проемами дверей. Сопровождали их быстро бегущие следом Норгхар, немолодой врач и медсестра. Камера двигалась над ними, управляемая невидимым оператором, но когда попыталась взмыть выше, начальник службы безопасности неожиданно повернулся. Под таким взглядом глазок только чудом не заledenел и не рассыпался крошкой.

— Уберите отсюда журналистов, — сказал он.

Сказал так, что тряхнуло даже меня.

Последнее, что я успела увидеть, — темные волосы Рэйнара, слипшиеся от крови. Закрытые глаза и бледное лицо. Потом носилки исчезли за дверями лифта, а журналистов оттеснили из холла сотрудники службы безопасности.

— Как я уже говорила, мы находимся перед зданием центральной больницы Мэйстона... — Журналистка говорила быстро, словно боялась, что слова разбегутся раньше, чем она успеет их собрать.

— Охренеть, — голос Лэм.

— ...Пока что отказываются давать комментарии о состоянии мэстра Халлорана, который...

— Он действительно туда сунулся! Я-то думала, что все это для проформы — сейчас покажут, как он гордо выходит из флайса, а потом...

— ...По предварительным сведениям, это произошло, когда основная угроза уже миновала...

Голоса подруги и репортерши сливались в единый фон. Так же как и картинка перед глазами. Бежать туда. Бежать... лететь... Не прерывая связи с Лэм, заказала флайс, и только тут поняла, что меня не пустят в больницу. Меня не пустят к нему, потому что я ему никто. Не мать. Не жена, не сестра. Даже не любовница, хотя сдается мне, толку от последнего было бы мало. Меня вообще не пустят дальше ресепшена, потому что нужен пропуск, а у меня его нет. Я не смогу даже с врачом поговорить.

Так, Леона, соберись. Нужно срочно взять себя в руки.

— Если честно, я всегда считала, что это штучки-дрючки правящих. Ну, перед выборами покрасоваться геройством...

— Лэм, у Дрэйка, кажется, друг работает в нейрохирургии? — крикнула я, на ходу заворачиваясь в куртку и вбивая ноги в сапоги.

— Работает в экстренной. А зачем тебе это на... — Подруга осеклась и добавила внезапно севшим голосом: — Так насчет «твоего» это была глупая шутка, да?

— Мне нужен пропуск, Лэм. Мне очень нужно туда пройти,

пожалуйста, — это я говорила, уже захлопнув дверь.

Не знаю, в каком он отделении, соображу по дороге. Если смогу попасть внутрь, будет уже проще. Гораздо проще. Ткнула пальцем в оранжевую стрелку и мысленно выругалась. И это называется скоростной лифт? Да я по лестнице быстрее спущусь.

— Я сейчас наберу Дрэйка, а потом перезвоню тебе.

— Спасибо.

Прислонившись к стене лифта, привычно отсчитывающего этажи, обхватила себя руками. Из зеркала на меня смотрела девица с огромными, расширенными от ужаса глазами. Такая же бледная, как Халлоран. Неосознанно провела по волосам, понимая, что забыла даже расчесаться. Вылетела из лифта и бросилась к уже припаркованному на стоянке флайсу.

— Центральная больница, быстрее, пожалуйста.

— Какое крыло, эсса? Там куча парковок.

— Давайте к главному входу.

Как назло, пробки были просто драконовы, а Лэм все не звонила. Я бы сгрызла все ногти, если бы перед выходными не сделала маникюр — сейчас грызть было попросту нечего. Поэтому я только сжимала в ладонях мобильный и кусала губы.

— Что-то серьезное? — участливо спросил водитель.

— Да. Очень.

Очень.

Эта мысль оглушила, выбила из реальности, заставила замереть. Меня трясло — от кончиков пальцев ног до корней волос. Мелко так, противно. Последний раз меня так трясло, когда я летела в больницу к маме. Врач позвонил и сказал, что ей внезапно стало значительно хуже и что можно ждать всего. Та больница была попроще, в то время мы не могли позволить себе дорогую страховку, но страх остался тем же. Был он таким же липким, таким же раздражающим сердце и таким же опасным.

Я тогда бежала по коридору, сжимая в руках пропуск, но не успела.

Несколько минут навсегда оставили неслучившуюся встречу моим самым страшным кошмаром. Так же как лица повернувшихся ко мне Танни и отчима и спокойное, теперь уже навсегда, мамино.

Но что произошло в пустошах? И какого дракона у него столько охраны, если они это допустили?

Водитель сигналил как мог, облетал тащившиеся со скоростью хромых наблов флайсы, но мы все равно еле двигались в общем потоке.

— Это все из-за долбанных драконов, — ругнулся он. — Весь город на ушах стоит. Мне сейчас сестра звонила, говорят, местр Халлоран в той же

больнице. Слышали? Охраны там навалом... Хорошо, если на парковку пустят без проверки.

Отвернулась, чтобы не смотреть на бесконечную вереницу транспорта перед нами.

Разумеется, для него сделают все. Разумеется, его вытащат. Просто надо немного потерпеть, и я поговорю с врачом. Или с Норгхаром. Или еще с кем-нибудь, не суть важно. Они скажут, что все будет хорошо. Обязательно скажут. Все ведь будет хорошо, иначе просто быть не может.

Звонок от Лэм раздался в ту минуту, когда мы подлетали.

— Лапонька, пропуск тебя ждет. Спроси на ресепшене.

— Спасибо, — прошептала, сунув водителю карту заранее, чтобы не терять время. — Спасибо вам.

— Не за что. Ты же знаешь, мы всегда.

Знаю, поэтому ни минуты не сомневалась, когда попросила о помощи. На глаза навернулись слезы, но если сейчас позволю их себе, остановиться уже не смогу. Потерла сухие ресницы и бросилась к переливающейся огнями громаде. Бесконечные ряды мест, большая часть из которых пустовала. В такое время посещения разрешены разве что для родственников очень важных персон, но у них своя парковка.

Полукруглое крыльцо с огромной сияющей над ним вывеской, холод сверкающего камня. Пришлось пробиваться через полчища репортеров, уже слетевшихся на горяченькое. Разумеется, у дверей выставили полицейский кордон: меня пропустили, только убедившись, что к журналистам я не имею никакого отношения. Отовсюду доносились голоса, над больницей парили десятки камер, оставшихся за спиной, когда я шагнула в холл.

Здесь было много света, а еще, несмотря на позднее время, много людей. Ослепительный белоснежный кафель и стальные стены сверкали так, что глазам было больно. Светильники, вмонтированные в двухуровневые потолки, ничем не уступали солнцу. Свободная администратор равнодушно поднесла документы к считывающему устройству, а после вручила пропуск посетителя.

— Кабины очистки на каждом этаже справа от лифтов, — сказала будничным тоном. — Не забудьте, иначе в отделение вас не пропустит детектор.

Я кивнула и поспешила к информационному стенду. Выбрала общую схему. Так, экстренное — пятое крыло, с шестидесятого по восемьдесят седьмой этаж. Элитные палаты находятся на трех последних, два этажа прямо под ними — отделение реанимации с восстановительными

капсулами. Схема лабиринтов коридора была мудреной, поэтому я сделала фотографию и бросилась к лифтам. Выбрала нужную секцию, перекинулась взглядами с сосредоточенной медсестрой и перевела дух.

Теперь... теперь мне осталось только понять, куда можно сунуться.

И к кому. Чтобы наверняка.

Потому что второго шанса у меня не будет.

Медсестра вышла, и я осталась одна. Сцепив руки за спиной, сложив пальцы колечками на удачу, пыталась собрать разбегающиеся мысли. К персоналу обращаться бессмысленно, значит, остается только ферн Норгхар. Он единственный, кто может мне сейчас помочь. И единственный, разговор с кем не закончится через две минуты.

Первая вылазка прошла неудачно: помимо дверей в отделение, разветвляющихся переходов, спешащего по ним персонала с планшетами и припозднившихся посетителей я никого не увидела. Никого — то есть постов охраны, которые наверняка будут на этаже, куда после восстановления привезут Рэйнара. С другим этажом повторилась та же история, и только на последнем повезло.

Стоило выйти из лифта, в меня тут же вонзились иглы пристальных взглядов сотрудников службы безопасности. Просторный холл, переходящий в отделение стеклянными раздвижными дверями, сейчас пустовал. Не считая четверых охранников, один из которых сразу же направился ко мне. Я успела только увидеть длинный рукав коридора с матовыми заплатками дверей и прозрачный тоннель, ведущий к другим палатам. Где врач что-то набирала на планшете, указывая коллеге на экран.

— Простите, эсса, но посещения на этом этаже временно запрещены.

— Мне нужно переговорить с ферном Норгхаром.

— По какому вопросу?

Чего-то подобного я ожидала, поэтому сейчас ответила спокойно:

— Этого я вам сказать не могу. Доложите ему, он меня ждет. Это срочно.

Пару мгновений меня достаточно пристально изучали, после чего все-таки изволили спросить:

— Ваше имя?

— Леона Ладэ.

Охранник отошел в сторону и коснулся гарнитуры, не сводя с меня пристального взгляда. Другие замерли изваяниями, а я решила повесить куртку в длинный стенной шкаф. Просто потому, что сил выдерживать это напряжение не осталось.

Высокие потолки, таблетки светильников над головой.

Тишина и гулкое биение сердца.

Казалось, что каждый миг промедления действует на меня как ударная мощь земли на спящий вулкан. Дышать становилось все сложнее, да и оставаться спокойной — тоже. Направилась было к шеренге диванчиков, но передумала. Прогулялась до кабин очистки, выстроившихся справа от лифтов. Снаружи они представляли собой прозрачные короба, в которых очищающие лучи проходились по одежде, так же на входе очищалась обувь. После них посетители допускались в отделение или в переходы через специальные детекторы в дверях.

Если Норгхар сейчас откажется, если мой план не сработает...

— Эсса Ладэ, ферн Норгхар просит вас подождать.

Ответить я не успела, двери лифта распахнулись, выпуская в холл Ирргалию. Короткие мгновения узнавания сменились яростью — перекосило ее знатно. Таким выражением только лед крошить, а сколами вырезать сердца. Миг, и маска безупречности вернулась, ир்தханесса прошла мимо, словно меня не существовало. Охрана при ее появлении подобралась еще больше — хотя казалось, больше уже некуда. Ирргалия же подошла к мужчине, с которым я только что разговаривала.

— Что здесь делают посторонние?

— Местрель Стоунвилл, эсса Ладэ ожидает ферна Норгхара.

— Пусть ожидает его в другом месте, — холодно заявила рыжая. — Здесь что, зал ожидания?

— Да, — сообщила я и указала на ряды диванчиков.

Подтверждая свои слова, села на ближайший и сложила руки на груди.

— Невероятная наглость. — Ирргалия вскинула тонкие брови и добавила, обращаясь к охраннику: — Проводите эту женщину вниз, пожалуйста. Так, чтобы о ней никто не узнал. И позаботьтесь о том, чтобы она здесь больше не появлялась.

— Но ферн Норгхар...

— Ферн Норгхар, — голосу ир்தханессы могла позавидовать самая прочная сталь, — работает на моего будущего мужа. Вам нужны неприятности?

Понимая, что неприятности не нужны никому, я вцепилась в сиденье.

— Если прикоснетесь ко мне, я закричу, — предупредила. — Громко. Я умею.

Поддействовало, он даже руки сложил по швам.

— Безумие какое-то. — Ирргалия поправила идеальную прическу.

Впрочем, у нее она всегда была идеальная, будто даже ветер не решался с ней связываться. И я его понимала, фиолетовые глаза посветлели

от злости и напоминали драгоценные камушки на свету. Ну ладно, если быть точной, они напоминали утопленные в дюнах глаза пустытника, готового вот-вот изрыгнуть яд на зазевавшуюся жертву.

— Вы что, не можете справиться с одной наглой девицей?

— Одна наглая девица стоит десятка бравых парней, — заметила я. — Если у нее сильный голос, а вы не хотите раздувать из ее появления историю.

Понимая, что силой меня вывести не удастся, иртеханесса сменила тактику. Приблизилась и, отодвинув охранника, точно он был барным стулом, взглянула сверху вниз.

— Давайте договоримся так, эсса... Ладэ. Сейчас вы уходите отсюда без шума, и я забываю о том, что вы здесь устроили.

Этот взгляд я встретила неестественным спокойствием.

— Давайте лучше договоримся так, местрель Стоунвилл. Вы оставите меня в покое, а я не устрою скандал, — не повышая голоса, поднялась и оказалась с ней лицом к лицу. — Я пришла сюда узнать, как себя чувствует местр Халлоран. И я не уйду, пока не узнаю.

После моих слов воцарилась страшная тишина. Опасный штиль перед ураганным ветром. Крылья носа иртеханессы едва дрогнули, а после она стремительно отвернулась. Как раз в тот миг, когда двери разошлись в стороны и в холл шагнул Норгхар.

— Как он? — Сейчас голос Ирргалии звучал иначе: глухо и взволнованно. — Я хочу поговорить с врачом.

— Врач снимает показания с датчиков, он выйдет к вам позже. Местр Халлоран отдыхает после восстановительной капсулы, скоро его погрузят в искусственный сон — до утра. Завтра ему предстоит пресс-конференция, и он должен быть полностью здоров.

Рэйнара уже перевели в палату?

Значит, он в сознании и с ним все хорошо. А завтра будет еще лучше.

С сердца не то что камень свалился, это был настоящий обвал. Стараясь держаться спокойно и отстраненно, обхватила себя руками и шагнула вперед.

— Вы слышали, что хотели? — Голос рыжей сочился ядом. — Что вам еще надо?

— Я смогу его увидеть? — На нее я не смотрела. Только на Норгхара. — Мне хватит двух минут.

— Нет, это уже переходит все границы! — прошипела Ирргалия и дернула плечом в мою сторону. — Ферн Норгхар, примите меры по поводу этой женщины. Вы же прекрасно понимаете, чем это чревато, здесь

журналисты на каждом шагу. И проводите меня к Рэйнару. Немедленно.

Начальник службы безопасности не изменился в лице. Он вообще напоминал человекоподобного робота экспериментальной модели, от которых отказались из-за серьезных сбоев в программном обеспечении и потенциальной угрозы владельцам. Не знаю, как насчет роботов, угроза от него была вполне реальной и ощутимой, мурашками бежала по коже, собираясь морозными кольцами у позвоночника. Но я не двигалась, смотрела в сканирующие льдинки, которые достались Норгхару вместо глаз. В упор.

— Вам придется подождать, — произнес он.

Ирргалия смерила его убийственным взглядом, однозначно говорящим о том, что она думает о моем дальнейшем пребывании здесь.

— Вы меня проводите или мне самой искать дорогу? — В королевское превосходство ворвались нотки звенящего раздражения.

— Вам придется подождать. — Норгхара заело, как того самого робота? — Местр Халлоран хочет видеть вас, эсса Ладэ.

Я моргнула.

Проследила, как трескается маска Ирргалии под огнем безудержной ярости. Тонкие черты лица исказились, на миг показалось, что она сейчас его ударит. Вместо этого иррханесса развернулась и направилась к лифтам, а я бросилась к кабине очистки. На ходу стягивая серьги, — с металлом туда нельзя, сунув сумку в руки первому попавшемуся охраннику. Наплевать мне, как это выглядит. В голове билась одна только мысль: «Я увижу его! Я его увижу!»

Дверца с мягким шипением захлопнулась, я надела специальные очки, защищающие глаза. Стекло тут же потемнело, и на нем высветилась панель управления: несколько режимов очистки для разных времен года. Выбрала нужный и запустила систему. Сверху вниз по мне прошелся поток спиралей, похожих на неоновые огни. Ничего особенного не почувствовала, только легкое покалывание в кончиках пальцев, после чего тонкий писк возвестил о завершении операции и дверь поехала вверх.

Норгхар дожидался меня у дверей в отделение.

— У вас пятнадцать минут, — невозмутимо сообщил он. — Потом вас выведут через служебный вход. Большая просьба не покидать палату без сопровождения, во время разговора вас никто не потревожит.

Вместо ответа кивнула. И так понятно, что мое присутствие здесь нежелательно, и вообще его не было.

Больничный коридор напоминал коридор дорогого отеля — широкий, в несколько раз больше тех, что мне доводилось видеть. Кремовые и

серебристо-стальные цвета. Под ногами — отполированные до блеска полы. Матовые стекла автоматических дверей, скрывающих отдельные палаты, здесь точно не найдется ни одной сдвоенной, не говоря уже об общих. Мы завернули за угол, и сразу стало понятно, куда определили Рэйнара: вытянувшиеся в струнку парни, как по команде повернувшиеся в нашу сторону. Интересно, где тут логика? Этаж нашпигован охраной, но захоти кто-то до него добраться, лучше указателя не придумаешь. Сообщать о своих соображениях безопаснику я не стала из соображений собственной безопасности.

— Что с ним случилось? — спросила негромко. — Как он пострадал?

— Во время зачистки. После того как большинство драконов отвели в пустоши, всегда проверяют территорию — не остался ли кто-то. Они, несмотря на свои размеры, мастера маскировки.

Вспоминая, как я приняла дракона за излом хребта, даже переспрашивать не стала.

— Четверо вальцгардов, — последнее слово устами Норгхара прозвучало как «кретинов», — пошли по непроверенной территории, игнорируя технику безопасности. Нарвались на драконицу, которая пряталась в опорах ближайшего сторожевого массива. Местр Халлоран уже выложился к тому моменту — ментально и стихийно, но волну огня перехватил. Ребят он спас, но его ударило отдачей во время боя. Если бы не вовремя выставленный щит, все могло быть гораздо хуже. Для всех.

Мы подошли, и Норгхар набрал на электронном замке код.

— Пятнадцать минут, — напомнил он.

Дверь за моей спиной закрылась с мягким щелчком.

Рэйнар стоял, опираясь о раму панорамного окна. В халате, с зачесанными назад волосами, темными — очевидно, после душа. Заметив меня, обернулся и наградил пристальным, привычно жестким взглядом. Подошла, вглядываясь в его лицо, молча. Просто не знала, что сказать. Растерялась. Иногда так бывает, в голове крутятся тысячи слов, которые льются потоком, а потом нужно сказать одно, но даже его подобрать не можешь. Рэйнар выглядел чуть бледнее обычного, но от него по-прежнему веяло уверенностью и силой. А еще — хищной опасностью, отраженной в изгибе губ и холодном прищуре.

Но каким же огнем захлестнуло, когда иртвахан резко притянул меня к себе и впился поцелуем в губы! Не думая, не понимая, почти не осознавая, где нахожусь, рванулась ему навстречу, отвечая. Подчиняясь властному, сметающему все на своем пути урагану по имени Рэйнар. Волосы под пальцами и правда были влажными. От страсти, смешанной с нежностью,

чувственного восторга и какой-то тихой неумемной радости: жив, с ним все в порядке — сердце забилося с удвоенной силой. По венам ударила драконья доза адреналина, словно я стояла на перилах смотровой площадки. В туфлях на умопомрачительной шпильке. На одной ноге.

Как же больно будет падать...

Но как же светло и хорошо сейчас.

Вот так прижиматься к сильной груди, слушать биение сердца. Позволять ему перебирать свои торчащие в разные стороны волосы и думать о всяких глупостях. Например, о том, что я без макияжа и выгляжу как старшеклассница, у которой родители отобрали косметику.

— Как ты? — повторила глупый вопрос.

— К утру буду как новенький. Как ты сюда прорвалась?

— Это долгая история.

— Говорил же, что ты драконица. — Ир்தхан усмехнулся и добавил: — Моя.

Ладно, сегодня даже спорить не буду.

— Что случилось? — спросила, запрокинув голову. — Почему они напали?

Рэйнар нахмурился и указал в сторону мягких кресел, придвинутых к столу.

Палата была двухкомнатная, со спальней, где уже установили капсулу гибернации, и гостиной, обстановке которой мог позавидовать самый дорогой люкс.

— Подозреваю, что дело в браконьерстве.

— Подозреваешь?

— Спецподразделение вальцгардов не нашло никаких улик. Все сделали очень чисто.

— Тогда почему ты думаешь, что это были браконьеры?

— Потому что я там был. Драконица, которая напала на парней, истекала болью и яростью. Она хотела их сжечь, она хотела сжечь всех нас. Думаю, она лишилась пары. Возможно, детенышей или кладки. Может быть, всего.

— Ты отправил ее к своим?

— К своим, — глухо подтвердил он.

Привычно спокойное лицо Халлорана исказила судорога, словно от боли. А я вдруг поняла, что драконицы больше нет, она не сдалась. Пошла за своими, но не в пустоши. Туда, откуда шаманы древности призывали силу ветра и дождей, гораздо выше, чем может взлететь любой дракон.

Сердце сжалось, я потянулась и взяла Рэйнара за руку.

Он действительно их любит. Любит драконов. По воле судьбы тот, кто считается защитником людей, сейчас больше переживает за тех, от кого призван защищать. По воле дара, наделившего его род силой, ему пришлось сделать выбор, который ударил по нему гораздо сильнее отдачи во время боя.

— Она бы не остановилась, — добавил он зачем-то. — Изводила бы остальных своей утратой.

И тогда я сделала очередную глупость: поднялась, обошла столик и села к нему на колени. Обняла, оплетая руками сильные плечи, прижалась щекой к щеке, тронутой едва проступившей щетиной. В ответ он коснулся моего локтя. Легко, будто молча благодарил.

— Ты поэтому выступаешь за высшую меру?

Халлоран не изменился в лице, только в голосе его зазвучала сталь.

— Это меньшее, чего они заслуживают. Самое мерзкое, когда браконьерствуют иртыханы. Те, кого судьба наделила властью и силой.

— Иртыханы? — Собственный голос показался хриплым и беззвучным.

— Живая драконья кровь усиливает нашу магию. Особенно стихийную, которая напрямую связана с магией драконов.

— Живая?

— Кровь дракона, у которого еще бьется сердце. — Слово «еще» он произнес сквозь зубы. — Главное ее отличие от рэгста в том, что эффект не кратковременный. И в том, что обнаружить такое смещение невозможно. Спасибо эволюции, наша кровь теперь мало отличается от крови драконов.

Если учесть, что первые иртыханы появились именно от вливания себе драконьей крови, все более чем понятно. Выходит, «перенять силу зверя» можно даже не иносказательно.

— Но ведь для этого не обязательно убивать. Достаточно просто отдать ментальный приказ и взять то, что нужно.

— Драконы запоминают энергию. Магические слепки. Образно говоря, браконьеры не оставляют свидетелей. Тех, кто может на них указать своим.

Веками драконы убивали людей, люди убивали драконов. На заре времен из чешуи делали броню или доспехи, из кожи — шкуры, в которых укрывались от холода в пещерах или подземных ходах. Из зубов и нижних чешуек вытачивали украшения, а из гребней оружие. Когда появились иртыханы и создавались первые наземные поселения, охотники пытались очистить гнезда и уничтожали потомство. Но теперь, когда страх быть сожженными заживо стал страшилкой из прошлого, когда в каждом крупном городе есть своя Лаувайс, драконов убивают ради власти и силы.

— Что предпримет Совет?

— Если такой факт всплывает, что за последнюю сотню лет случилось всего один раз, нарушителя судят на закрытом заседании. Его ждет смертная казнь, а семью, которая использовала драконью кровь для увеличения родовой силы, никогда не допустят к правлению.

— Поэтому случился ландсаррский налет? — спросила неожиданно даже для себя самой.

Но Рэйнар, как ни странно, ответил:

— Да. Рогран Ландсарр свихнулся на теме могущества и продолжения правящей династии. Регулярно вливал себе драконью кровь. Думал, что сумеет их удержать, что бы ни случилось.

Халлоран замолчал, но он и так рассказал мне слишком много. Приоткрыл дверь в недостижимый и высокий мир иртеханов, как красивый футляр для фальшивых бриллиантов. Об этом никогда не напишут в газетах или учебниках истории, никогда не заговорят даже на самом скандальном канале Аронгары. О том, как правящий сбежал, оставив залитые огнем улицы и полыхающие за спиной дома на милость судьбы и вальцгардов, многие из которых погибли.

— Но как можно спрятать дракона? Не оставить следов?

— Увести в дальний сектор пустоши, за Драконий круг. Поиски там опасны, особенно после случившегося. Соваться сейчас туда чистейшей воды самоубийство, на это они и рассчитывали. — Лоб его прочертила глубокая морщина. — Но виновных это не спасет.

Жесткий колющий взгляд. Он предназначался не мне, но по коже все равно прошел мороз.

— Когда мы были в пустошах, — сказала, чтобы перевести тему, — тот дракон на меня не набросился. Потому что не почувствовал угрозы?

И не только тему, свои мысли тоже срочно требовалось перевести в другое русло.

— Это ты мне скажи. Ты же много всего знаешь.

На что это он намекает? На то, что я нарушила наше соглашение, что ли?

Вот же... драконище. С очень хорошей памятью.

Решила не поддаваться на провокацию и как ни в чем не бывало пожала плечами.

— Потому что рядом был ты, и он решил, что с тобой лучше не связываться?

— Почувствовал родственную магию и ее течение. Спокойное, размеренное, мощное.

— Магию, значит. Твою.

— Не только, Леона. Твою тоже.

— Но это же случилось до юбилея.

Халлоран пристально на меня посмотрел.

— Драконы — удивительные звери. Они воины от рождения, поэтому чувствуют силу воина, даже если она скрыта под хрупкой оболочкой. Даже если она пока еще спит.

— На самом деле всем нам крупно повезло, что мы не почувствовали что-нибудь еще. Например, аромат «страх воина».

Иртхан молчал долго. Губы его сомкнулись, как створки раковины ночного моллюска с первыми солнечными лучами.

Но потом он все-таки позволил им разлепиться.

— Ты ужасна.

— Знаю, — охотно согласилась я. — Помни об этом, когда в следующий раз повезешь меня к драконам. Ну, тренироваться там. Или еще что.

Он на миг прикрыл глаза, чтобы удержать рвущийся из груди смех. Не удержал, сначала затряслись плечи, потом сам иртхан, а после из моей груди вырвался сдавленный писк. Спустя миг мы беззвучно хохотали. Доведись нас кому-нибудь увидеть, приняли бы за дергающихся в такт музыке подростков. Это было ненормально и нелепо, но остановиться я не могла.

Отсмеявшись, Рэйнар ссадил меня с колен и поднялся.

— Сброшу тебе номер Приста, — сказал он. — Сейчас его вызвал Норгхар, но в будущем делай это сама.

От неожиданности опешила. Очнулась, когда дернулся мобильный, иртхан все делал очень быстро.

— Рэйнар, у меня нет возможности оплачивать личного водителя.

— У меня есть.

Даже раскрыть рот не успела, мне указали на часы.

— Сейчас сюда явится целый взвод врачей, поэтому поговорим об этом позже. И еще.

Телефон дернулся второй раз.

— Лидс Рольген, безопасник из команды Норгхара. Он днем провожал тебя до дома.

Эм.

— Мне не нужен телохранитель.

— Сейчас, когда я приблизил тебя к себе, более чем.

Приблизил? Мило.

— Ты хоть понимаешь, как это будет выглядеть со стороны?

— Рольген умеет быть незаметным. Ему можно доверять в отличие от уволенного идиота, который упустил тебя на юбилее.

Свою челюсть я подбирала с пола ровно столько, что упустила момент пришествия Норгхара и последнюю возможность сказать, что я не собираюсь таскаться по Мэйстону с личным водителем и охраной.

— Время, — коротко сказала фервернская глыба льда.

— Увидимся на занятиях, эсса Ладэ. Завтра во второй половине дня.

Холодный тон явно указывал на то, что нужно прощаться.

Примерно в том же ключе. Ну и на здоровье.

— Скорейшего выздоровления, местр Халлоран, — постаралась скрыть звучащую в голосе язвительность. — Не стукнитесь головой о крышку капсулы гибернации.

Ладно, фигово у меня получилось.

— Благодарю за заботу.

Обратно меня тоже вел Норгхар. В другую сторону, потом через два перехода, сквозь стеклянные рукава которых был виден усыпанный ночными огнями город и стоянка медицинских флайсов. С такой высоты они казались крошечными блеклыми пятнышками. Почему-то совсем не удивилась, что по дороге нам не попало ни врачей, ни пациентов. Этаж словно вымер, точнее, его «вымерли» по случаю моего появления. Начальник службы безопасности не проронил ни слова, да и мне не особо хотелось разговаривать. Сейчас, когда напряжение схлынуло, накрыло осознанием, как в свое время маленького Марра — диванной подушкой.

Я умудрилась связать себя огнями с иртханом.

Который любит драконов и сходит с ума, когда кто-то причиняет им боль.

С правящим.

Который уволил человека, потому что тот упустил быстро бегущую девицу.

С Рэйнаром Халлораном.

Который считает, что может, а главное, что он будет управлять моей жизнью как ему вздумается.

Ну это мы еще посмотрим!

ГЛАВА 2

Дверной звонок надрывался, превращая квартиру в музыкальную шкатулку, Марр выплясывал рядом. Спросонья никак не могла понять, кого принесло в такую рань. Только покосившись на часы, выяснила, что рань, в общем-то, совсем уже не рань, а за полдень. Не знаю, как спалось местру Халлорану в капсуле гибернации, но мне в кровати гибернации пришлось поворочаться. Мыслей о случившемся было немерено, и с ними я справлялась с переменным успехом.

Потирая глаза, вбила ногу в мохнатую тапочку, накинула халат и полезла за второй. Ее не обнаружилось под кроватью, за кроватью и вообще в спальне. Выяснить, куда она делась, времени не было, поэтому я направилась вниз как есть. Звонок на миг затих, а потом разразился новыми переливами.

— Иду! — рыкнула я неожиданно бодро.

Зато, распахнув дверь, сонно уставилась на Лэм.

— Слава небесам! Я-то уж думала, что ты в больнице ночевать осталась.

— Ха-ха-ха.

Что и говорить, спалилась я вчера по полной.

Не дожидаясь приглашения, подруга прошла в холл и покосилась на растрепанную меня.

— Ну рассказывай.

Нет, я же не была столь наивна, чтобы полагать, что Лэм это так оставит.

Мне определенно нужна хоть какая-то отсрочка. Пока я придумаю, что говорить.

И вообще нельзя со мной так, у меня вчера был ну очень насыщенный день.

— Мне нужно вывести Марра. Давай, я сделаю тебе кофе и...

— Я сама кофе сделаю. Выведем вместе.

Плакала моя отсрочка.

Пока я бегала туда-сюда, собираясь в спешке, Лэм устроилась на кухне и сварила нам кофе. Который разлила по одноразовым стаканчикам и запечатала крышками. Один сунула мне, другой обхватила ладонями, как бывает, когда пытаешься согреть замерзшие руки. Парой минут позже выяснилось, она и впрямь хотела их согреть.

Ночью на Мэйстон обрушились заморозки, и сейчас, несмотря на яркое солнце, изо рта шел пар. Я искренне пожалела, что надела тонкие перчатки. Втянула голову в широкий шарф почти по макушку. Зато проснулась сразу окончательно и бесповоротно, даже не успев притронуться к кофе. Морозный воздух пощипывал щеки, хорошо, хоть ветра не было. Зато Марр чувствовал себя превосходно: вышагивал рядышком, принохиваясь и поглядывая в сторону парка, куда мы и направлялись.

— У меня для тебя две новости, подруга, — заявила Лэм, потягивая кофе.

— Хорошая и плохая?

— Ну это как посмотреть. Первая — ты попала. Ты хоть понимаешь, насколько ты попала?

Спасибо, утешила. Можно подумать, я вчера родилась и хожу, цепляясь за ошейник Марра. Пожалуй, большего попадалова в моей жизни не случилось со времен появления на свет. Но тогда я еще не осознавала, на что подписываюсь, и вообще от меня это мало зависело. Другой вопрос, что делать теперь. Но можно, я не буду думать об этом сейчас? У меня голова не арена для заседания Совета.

Лэм смотрела на меня, я смотрела вперед. Или на стаканчик с кофе.

— Ну и?

— Что — и?

— С тобой мне все понятно. А с ним-то что? Тебе вчера хоть удалось что-нибудь выяснить?

— Я с ним разговаривала.

Настал черед молчания Лэм. Она хлопала глазами, пока наконец не обрела дар речи.

— По телефону.

— Нет. В его палате.

— Охренеть.

Ну да, я примерно так себя и чувствую. Сейчас немного проснусь, и все станет замечательно. А пока побуду немножко охреневшей, мне сегодня можно.

Все-таки отхлебнула кофе, он оказался чересчур крепким, подруга сделала на свой вкус. Понимала, что живой и без подробностей меня не выпустят. Поэтому, дабы не затягивать, рассказала все — начиная с арии Артомеллы и заканчивая последними событиями. Если честно, было немного страшно сознаваться в наличии у себя ир்தханской крови, но Лэм слушала внимательно и ни разу не перебила. Любительница вставить

словечко, сейчас она молчала, даже когда я брала тайм-аут.

— Сразу почему не сказала? — только и спросила она, когда мы свернули с центральной аллеи на петлявшую хвостом пустынного дорожку.

— Не знаю. Боялась.

— Чего?

— Что ты не поймешь.

— Дурища.

— Ага, — легко согласилась я.

И широко улыбнулась, просыпаясь окончательно. Вот она, сила дружеских поболталок.

Марр потянулся понюхать сумку проходившей мимо девушки, и та с визгом отпрыгнула в кусты с мятыми фантиками листвы. Не ожидавший столь бурной реакции виар сиганул в соседние, из-за чего я чуть не выронила кофе и только благодаря крепкой дружеской руке Лэм удержалась на ногах.

Людей в парке сегодня оказалось много, несмотря на погоду. Прозрачный воздух искрился от яркого света, на потемневшей траве поблескивали капельки влаги. Здесь сказывалась близость Гельеры, из-за чего было еще более зябко. Сквозь поредевшие деревья просматривался залив и далекие очертания пустошей. Удивительно резкие, невзирая на разделявшее нас расстояние. Вода отзеркаливала мазки тяжелых облаков с темной каймой, тянущееся вниз ослепительно-яркое небо, в котором змеились ленты аэроэкспрессов и мельтешили флайсы.

— Что насчет второй новости?

— Твой бывший жаждет примирения, — фыркнула Лэм.

Я только головой покачала. Даже когда мы встречались, Вальнар не проявлял такого завидного рвения покорить мое сердце.

— Он достал Дрэйка своей идеей устроить у нас вечерние посиделки, а потом в самый удачный момент оставить вас одних.

Похоже, Вальнар до сих пор не осознал, что все кончено. Что закончилось все в ту минуту, когда он появился с новой подружкой на пороге квартиры Лэм. Было ли это сделано нарочно, поскольку он решил, что я уже достаточно помучилась и можно брать горяченькой, или просто так, для меня больше значения не имело. Равно как и та рыжая девица.

Вот именно, что та.

Хотя по большому счету я не имела ни малейшего права ревновать Халлорана.

Но оно как-то само собой ревновалось.

— И что говорит Дрэйк?

— Говорит, шел бы он пустошью. Пусть сам тебя добивается, а если не может — пусть отваливает.

Обожаю своих друзей.

Мы навернули почетный круг и вышли из парка, трусцой пробежались по улице — изо всех нас только горячий Марр не чувствовал себя окоченевшей сосулькой. Можно было пройти до лифтов, которые поднимут нас сразу к моей квартире, но я уже основательно продрогла и решила, что голос мне дороже. Да и Лэм призналась, что жаждет повторить кофе, желательно с печеньками. Что касается меня, желудок однозначно намекал на то, что его пора покормить как пропустившего завтрак.

В итоге мы нырнули на нижние уровни стоянки, где тепловые завесы создавали пригодные для жизни условия. По пешеходной дорожке направились к лифтам, и тут Лэм дернула меня за рукав.

— Ох ты ж...

Проследила ее взгляд — в сторону рядов временной парковки и чуть было не выдала парочку нецензурных слов.

Вжатая в дверцу ярко-синего спортивного флайса Танни целовалась с невысоким темноволосым парнем. Взасос.

— А...

Это было единственное, что я успела сказать, потому что подруга запечатала мне рот ладонью. А потом вцепилась в локоть мертвой хваткой и шустро поволокла в заданном направлении. Марр покосился в сторону сестры, приглушенно заурчал, но когда поводок натянулся, все-таки потрусил за нами. Чтобы вызвать лифт, Лэм пришлось меня отпустить, и я тут же яростно зашипела:

— Ты что творишь?

— Остынь, мамаша. Сейчас домой придем и поговорим.

— Я и здесь с ними неплохо поговорю.

Как раз в этот миг дверцы лифта распахнулись. Лэм выхватила из кармана карамельку и подбросила в кабину.

— Марр, еда!

Внутри меня внесло. Зубы клацнули в воздухе у самого пола, конфетка даже не успела упасть.

Подруга зашла следом и нажала кнопку моего этажа.

— Ну и чего ты так кипятишься?

— Чего? — спросила я, когда наконец обрела дар речи. — Чего? Там Танни! Лижется с каким-то молокососом!

— Пфф. Ты что, в ее возрасте с мальчиками не целовалась?

— Целовалась! Но это другое.

— Да ну?

Лэм приподняла бровь.

— Она меня обманула. Сказала, что будет ночевать у подружки.

— Но это не значит, что стоит девчонке портить свидание.

Пока я придумывала, что могу сказать Лэм по поводу ее воспитательных советов, чтобы вышло не слишком грубо, мы приехали. Быстро прошли по коридорам — отсюда до квартиры нужно было идти в обход, и остановились у двери.

— Моему папаше было пофиг, с кем я тискаюсь, — хмыкнула Лэм, пока я доставала ключи. — Когда он напивался, кричал, что я такая же ларрка, как и моя мать. Когда они разошлись, она посадила меня за учебники и сказала, что если увидит рядом с каким-нибудь наблом, выдерет, как мне и не снилось. В результате я ни хрена не разбиралась в парнях. Мне казалось, чем круче, тем лучше. Поэтому в четырнадцать я переспала с капитаном школьной команды по гратхэнду, и на следующий день об этом узнала вся школа.

Да уж, юность Лэм была гораздо «веселее», чем моя. Первый поцелуй у меня случился в двенадцать лет с одноклассником. Мы целовались под рядами трибун, где собирались зрители во время чемпионатов по гратхэнду, и мне совсем не понравилось. Было мокро и противно во всех смыслах — во-первых, шел дождь, а во-вторых, парень полез ко мне языком, хотя совсем этого не умел. Потом мы еще пару раз сходили в кино, на этом моя первая любовь и закончилась. Она научила меня тому, что симпатичные мальчики не всегда умеют целоваться.

— Так что мой тебе совет, лапонька. Остынь, не наезжай на девчонку. И вообще сделай вид, что этого не было.

— Тебе легко говорить, — буркнула я. — И что ты предлагаешь? Забыть, что она непонятно где всю ночь пропадала?

— Выбери удобный момент и дай ей понять, что ты не против их романа. Она ведь не просто так подружкой прикрывается. Как ты в последний раз ее друзей встретила?

Ладно, знакомство с Грэнсом и Карроком у меня не задалось и вообще плохо закончилось. Но этот Мик вроде как должен быть поприличнее.

— Пусть она пригласит его домой. Глядишь, парень тебе понравится.

— А если не понравится?

— Если не понравится, тогда и подумаешь. Главное, не перегнуть палку. Чуток передавишь — так и будет вешать тебе драконью чешую на уши, и ничем хорошим это не кончится.

За этими разговорами мы переместились на кухню вместе с Марром.

Разбуженный конфеткой аппетит требовал подкрепиться чем-нибудь посущественнее, поэтому начались ритуальные пляски около миски.

Если честно, я не знала, как поступить: с одной стороны, желание высказать Танни все и посадить под домашний арест еще на недельку не прошло. С другой, в последнее время она даже ни в какие неприятности не влипала, ходит вся такая мечтательная, из школы мне не звонят, и вообще. Может, этот Мик на нее хорошо влияет?

— Может, ты и права, — призналась я, когда мы уселись за стол.

Малюсенькие сэндвичи исчезали с тарелок быстро, а в кофе я добавила побольше камартового флара — для аромата и сливок.

— Я всегда права, — сообщила Лэм. — Когда не ошибаюсь.

В подтверждение ее слов щелкнул замок, бухнула об пол сброшенная с плеча сумка, и спустя минуту Танни заглянула на кухню. Счастливая. С сияющими глазами и показательно припухшими губами. Мою сестру вообще редко можно застать с улыбкой не язвительно-саркастичной, не скептической — с высоты максимализма переходного возраста, а вот такой — безоблачно-яркой. Как летнее солнце.

— Леа, привет! Привет, Лэмерти.

— Привет! — Подруга помахала ей рукой. — Присоединяйся.

— Ой, нет. Я к себе. Увидимся.

— Счастливо!

Танни потрепала сытого и довольного Марра по голове и вышла. Дождалась, пока шаги на лестнице стихнут, только после этого пробормотала себе под нос:

— Не могу представить, что она с ним...

— И не представляй. Лапонька, ты с дальней луны свалилась? Танни выросла. Это нормально.

Танни и правда выросла. Только попробуй уложить это в голове, когда у тебя перед глазами безбашенный подросток, который красит волосы в разные цвета, не расстаётся с леденцами, слушает музыку так, что дребезжит огнеупорное стекло, и постоянно что-то рисует в стареньком графическом планшете. Кстати, хорошая идея для подарка на день рождения — куплю ей новый со всякими наворотами. Всяко лучше стереосистемы, нервирующей соседей.

Танни нравится рисовать так же, как мне нравится пение. Поэтому, когда девчонки увлекались парнями, я ходила на дополнительные занятия по вокалу. В школе у меня был всего один серьезный роман, в старших классах. Возможно, у нас даже могло бы что-то получиться, если бы с мамой не случилось несчастье. Но когда она заболела, мне стало не до

романов, а ему — неохота со мной возиться. Это научило меня тому, что рассчитывать можно только на себя. На выпускной бал я не пошла, да и потом особо некогда было с кем-то встречаться.

Какое-то время моя жизнь вообще состояла сплошь из работы. До тех пор, пока на одной вечеринке, куда меня затащили девчонки из вокальной школы, я не познакомилась с Вальнаром. Мы встречались довольно долго, прежде чем это переросло в нечто серьезное. Около трех месяцев — просто свидания, виарчики в животе и переписка перед сном. А потом он стал моим первым мужчиной, и в ту ночь мне казалось, что это навсегда. Наверное, «навсегда» даже могло сложиться, если бы я согласилась с его доводами и ушла из Ландстор-Холла. К счастью, не согласилась и не ушла. Отношения с ним научили меня тому, что с «навсегда» надо быть осторожнее.

— Вернемся к нашим драконам, — решительно заявила Лэм. — Вы поговорили, а что потом?

— Потом он сказал, что приблизил меня к себе. — Я постучала черенком ложечки по столу.

— Прибл... — Лэм чуть кофе не выплюнула.

— Ага. И что теперь я должна передвигаться по Мэйстону только с личным водителем и под охраной.

— Что, прямо так и сказал? — Глаза у подруги стали круглыми, как ее любимое печенье с джемом посередине.

— Прямее некуда.

Пока Лэм приходила в себя, я уничтожила последний сэндвич и всерьез задумалась о ближайшем будущем. В котором мне предстояло наглядно объяснить одному драконицу, что если он правит Мэйстоном, это еще не значит, что он будет управлять мной.

Но для начала надо разобраться с сестрой.

— Так-с, — сказала Лэм. — Судя по взгляду, ты сейчас все равно в комнате Танни, устраиваешь ей взбучку. Драконы летят пустошью.

Не сказать, чтобы совсем. Но перед глазами все равно стоит стильный флайс «Одей», дорогуший, как и все спортивные модели этой марки. И лапающий мою сестренку парень.

— Взбучки не будет, — честно пообещала я.

— Да ну?

Подруга глянула на часы и поднялась.

— Ладно, оставляю вас наедине. Помни заветы старушки Долливан.

Я фыркнула и вскочила следом.

— Спасибо, что приехала, старушка.

— А то. Сэндвичи были вкусные.

Сверкнув ослепительной улыбкой, Лэмерти меня обняла, и мы распрощались.

Танни снова была в наушниках, поэтому даже не заметила, как я вошла. Лежала в обнимку с телефоном, терзая сенсор и болтая босыми ногами. Свободная розовая майка с принтом пронзенного сердца в черной кайме съехала набок, домашние шортики под ней утонули напрочь.

Немного подумав, опустила на кровать, и сестра подскочила. Сдернула наушники, грозно на меня зыркнула.

— Леа!

— Я не смотрела, что ты там пишешь.

— Ага. — Она сунула мобильник под подушку и уселась, скрестив ноги. — Что, Лэмерти уже ушла?

— Только что.

Я смотрела на сестру совсем другими глазами. Она заправила волосы за ухо, то и дело нетерпеливо поглядывая в сторону припрятанного телефона. Изящная прядка падала на выглядывающее из-под майки плечико, округлое, уже утратившее угловатость. Сама прическа — мягкий творческий кавардак не в пример обычным резким контурам дерзких хвостов. Сейчас даже сложно было представить, что эта девчонка со вздернутым носом и ямочкой на подбородке способна приложить парня до сотрясения мозга.

— Что? — нетерпеливо спросила сестра.

— Я знаю, что ты не ночевала у Имери, — сказала я. — Случайно увидела тебя на парковке.

— Вот дерь... — Танни сложила руки на груди, мрачняя.

— Давай договоримся, что это было в первый и последний раз.

— Это моя личная жизнь, ясно? Ты не можешь мне запретить с ним встречаться!

Сестра вскочила, из кармана шорт вывалился запечатанный леденец.

Глаза ее сверкнули, она сжала кулаки.

— Ясно. — Разговор с подростком как ходьба по пескам. Никогда не знаешь, откуда пустынный выскочит или когда под ногами раскроется яма. Ловушка, замаскированная песком и колючками. Пустынники умудряются лепить из перекатывающихся шипастых зерен покрывало, чтобы прикрыть ведущую прямиков в их гнезда дыру, а потом колючки заматает песком. Сейчас я чувствовала себя примерно так же. Каждый шаг как по шпильке Лаувайс. — Я и не собиралась.

Готовящаяся до последнего отстаивать свою свободу, сестрица

замерла. Хмурое выражение уступило место растерянности, она смотрела на меня так, словно пыталась угадать, в чем подвох.

— Но ты же сказала...

— Я говорила о твоём обмане.

— То есть домашнего ареста не будет?

— Нет, — покачала я головой. — Но я хочу знать, если ты идешь куда-то с Миком.

— О'кей. — Все еще глядя на меня с сомнением, Танни поправила майку.

— Ты пригласила его на день рождения?

— Пригласила, — сестра сунула руки в карманы и нахмурилась, — но у него, скорее всего, не получится, когда мы будем с Имери и остальными. Мик помогает отцу с делами, поэтому он постоянно занят. Вместе мы точно отметим, просто не со всеми.

Вот тебе и золотая молодежь. Многие парни его возраста, получив от родителей флайс и карманные деньги, забывают об их существовании.

— Здорово, — сказала я. — Очень за тебя рада.

И тогда Танни расцвела: недоверие, которое все это время отражалось на ее лице, сменила широкая улыбка. Она полезла за телефоном и провела пальцем по дисплею.

— Помнишь, я тебе говорила, что у них тоже виары есть? Гляди. Это бойцовские породы, ближе всего к диким.

Мик оказался красавчиком. Темные, как смоль ночной Гельеры, волосы, ослепительная улыбка. Под кожаной курткой — белоснежная рубашка, кожаные штаны присобраны из-за высоких ботинок на шнуровке, одна рука в кармане, другая сжимает поводок. Такие парни всегда душа компании, их везде принимают с распростертыми объятиями.

Чего не скажешь о виарах, которые сидели у его ног. Один из них — бесшерстный, покрытый иссиня-черными чешуйками. Приземистый, с мощными лапами и серебристыми лезвиями когтей. Глаза его были полностью белыми, отчего создавалось жутковатое чувство слияния радужки и белка. Только зрачок, суженный от яркого света, разделял их на две половины. Второй был чуточку более симпатичным — пожалуй, за счет короткой рыжеватой шерсти, стоявшей как шипы иглорыцки. Он скалился на фотографа так, словно был не прочь сожрать его живьем.

Жуть.

Несколько лет назад бойцовские породы вообще хотели запретить — их не брали подчиняющие кристаллы, но потом какой-то ветеринар придумал, как усилить сигнал, и виаров продолжили выводить и

совершенствовать. Бойцовскими их называли потому, что при Ландсарре частенько устраивались бои с крупными ставками. После того как к власти пришел Керран I, жестокие развлечения запретили. Легально, разумеется. Подпольные бои проводились во всяких притонах еще долгое время.

— Ого, — сказала я. — Это ты снимала?

Просто больше ничего в голову не пришло.

— Ага. Они жуткие, но классные.

Телефон зажужжал, Танни уткнулась в сообщение и выпала из реальности. С лица не сходила улыбка — то загадочно-счастливая, то хитрющая, глаза блестели. Я же пыталась убедить себя в том, что у богатых людей много самых разных причуд. Ну и что с того, что они держат бойцовских виаров. Это же не отражает их характер на самом деле.

Или отражает?

— Если захочешь, можешь пригласить Мика к нам, — заметила я, когда Танни вернулась из виртуала.

— Круто. — Танни наклонилась за леденцом, развернула его и сунула в рот. — И еще, Леа... помнишь, я обещала тебе подумать на тему высшего. Ну кем я хофу фыть и все такое...

Я удивленно приподняла брови. Действительно, этот разговор у нас состоялся еще в прошлом году, когда я задумалась, куда же пристроить сестру после школы. Поскольку она так и не определилась, я уже начинала думать, что выбирать придется самой. Чего ну очень не хотелось бы. И вот, пожалуйста.

Танни вытащила леденец и выпалила:

— В общем, я хочу создавать 3D-интерьеры сцен, спецэффекты для шоу и праздничных мероприятий. Это, конечно, дико сложно и дорого, но у меня по голографическому 3D-моделированию высокий балл. К тому же здесь напрямую все завязано на рисовании.

Я только удивленно моргала.

Это действительно очень дорогостоящий факультет, в центральном университете Мэйстона на него конкурс по сотне человек на место. Оно и неудивительно — при должном желании со временем даже можно перебраться в Долину Синема, в Зингсприд. 3D-художники, вручную создающие «живые» голограммы для картин, очень востребованы. Особенно сейчас, когда каждый день выходит какое-нибудь кино, эта индустрия работает на полную.

Словом, это как-то круто, конечно.

Почему бы и нет, но...

— Я подумаю, — сказала осторожно.

Сначала мне нужно заглянуть на счет, потом на сайт университета и только после этого разбрасываться обещаниями.

— Супер! — сообщила Танни, и я поднялась.

Из комнаты сестры выходила, пребывая в легком астрале.

Когда шла к ней, думала только о том, как бы не поругаться, но... Определенно, этот Мик на нее хорошо влияет.

Директриса права, когда мамы не стало, я сама была девчонкой. Но ведь эта девчонка справилась! Переехала в лучший район. Перевела сестру в другую школу, которую та через два года закончит. Танни — выпускница... Это казалось невероятным, но она действительно становится взрослой. Еще чуть-чуть, и из упрямого подростка сестренка превратится в прекрасную девушку. Поклонников у нее с каждым днем будет становиться все больше, и мне надо к этому привыкать.

На этот раз Халлоран меня встречал в костюме цвета асфальта после проливного дождя. Внушительный. Хищный. Пугающий и притягательный. Даже не скажешь, что вчера пережил схватку с драконом и оказался в больнице. Некстати подумалось, что, если на иртхана надеть мешок и подвязать веревочкой, скрыть правящего все равно не удастся.

— Ты не вызвала Приста и Рольгена. — Поразительно, как ему удавалось сочетать стальную мощь голоса и вкрадчивые хрипловатые нотки, от которых моя драконица пригибалась к земле и начинала дергать кончиком хвоста. Ну и пусть себе дергает, она — не я. Уж точно не на все сто, половинка нечистокровной Леоны сейчас лелеяла коварные планы.

— Решила сделать сюрприз, — невинно отозвалась я. — Заскочила в торговый центр и купила тебе подарок. Хочешь посмотреть?

Такого драконище не ожидал, лицо его слегка вытянулось. А я достала из сумки темно-синий футлярчик и вручила Рэйнару. Сияя, как Лаувайс в закатных лучах.

— Вот.

Лицо драконища вытянулось сильнее. И еще больше, когда он открыл коробочку.

На темном бархате лежала пластинка, которую владельцы виаров вешают на своих питомцев, чтобы в случае чего их можно было найти. Обычно на такие наносят номера телефонов, кличку или адрес, на этой же красовалась гравировка: «Моему Драконищу». Внизу было пририсовано сердечко, декоративный ошейник покупала отдельно. Его я вручила Халлорану, перевязав бантиком.

Пока он подбирал слова, перекинула сумку через плечо и направилась

в кабинет. Устроилась на стуле, достала планшет и сделала вид, что готова внимать. Нет, я на самом деле была готова, другой вопрос — готов ли он делиться со мной знаниями или так и будет смотреть в эту коробочку.

— Что. Это? — Иртхан наконец появился на пороге.

Мрачный такой.

— Подарок. — От низкой горловой интонации по коже побежали мурашки, но я невозмутимо постучала пером по дисплею. — Тебе не нравится?

Выражение лица драконища однозначно говорило, что нет.

— Странно. Я думала, раз ты меня к себе приблизил, — сделала ударение на последнем слове, — то оценишь. Видишь, какими красивыми большими буквами написано слово «моему»?

Халлоран прищурился и захлопнул коробочку. Звучно, со смачным щелчком.

— Ты играешь с огнем, Леона, — прорычал он.

— Кстати, об огнях. На них мы в прошлый раз и остановились.

Искушение почитать про связующие огни было велико, но я решила не рисковать. Удалила из компьютера все файлы, которые прислал мне Рингисхарр; будь дело только во мне, и пальцем бы не шевельнула, но подставлять того, кто хочет тебе помочь, — низко и неблагодарно. Поэтому придется разбираться на месте. Нет, ну а что? Сам вызвался меня учить, вот пусть и учит. У меня вопросов много, можно сказать, на несколько лет полноценного академического образования.

— Что еще ты хочешь знать? — Таким взглядом только зачистку производить — сплошной поток неприкрытого пламени.

— Для начала... Я всегда буду чувствовать себя как на сковородке? Когда огонь раскрывается?

— Со временем это пройдет. Когда у нас открывается сила, жар кажется невыносимым, но с каждым разом все проще и проще. Постепенно ты становишься единым целым со своим внутренним огнем и тогда перестаешь чувствовать температуру. Это происходит, когда иртхан полностью овладевает стихийной магией, чтобы не причинить вреда ни себе, ни кому-либо другому.

Вот и замечательно. Значит, мне не грозит ненароком подпалить гостей Ландстор-Холла, а заодно с ними Дрэйка и себя. То есть почувствовать назревающий пожар успею и сразу побегу к огнетушителю. Или в душ.

— Как этого избежать? Всплеска огня.

— Не провоцировать иртханов, — хмыкнул он.

Прозвучало неоднозначно. Особенно когда кое-кто возвышался надо

мной подобно Драконьему шипу. Особенно когда он положил коробочку передо мной, а после взял ошейник, словно и впрямь был не прочь его надеть.

На меня.

— То есть если бы я пела арию не перед иртханами. С тем же настроением, и...

— Этого бы не случилось, верно. — Он коснулся стола кончиками пальцев рядом с моей рукой, как бы невзначай на них опираясь. Волоски на коже встали дыбом, и я поспешно переложила планшет себе на колени. Кстати, надо бы его включить. — Твоя сила откликнулась на призыв остальных, когда ты была меньше всего к этому готова.

Халлоран смотрел на меня так, точно я уже раздета, и... ну, в общем, не как учитель на ученицу. Сосредоточиться от этого становилось все труднее.

— Не совсем поняла, это моя сила откликнулась на призыв остальных или они призвались на мою силу?

— Одно следует за другим. Ты позвала — мы откликнулись, ответили — и твоя магия плеснула через край. Игра голосом — высшая ступень ментальной магии. Осваивать ее можно начинать только после того, как разберешься с безэмоциональными приказами. Ты передаешь свои чувства другому, но это уже не подчинение. Скорее привлечение внимания, высший уровень эмпатии, из которой рождается взаимное доверие.

— Доверие? Драконы нас понимают?

— На уровне чувств и инстинктов. Вести разговор со зверем гораздо проще и приятнее именно игрой-диалогом, нежели приказами, превращающими дракона в послушное орудие. — Сильный голос смягчился, и я невольно подалась вперед, забыв о настроении, с которым перешагнула порог его квартиры. — На юбилее у тебя это получилось непроизвольно, но овладеть этим искусством и применять его осознанно гораздо сложнее. Поэтому в самом начале нам предстоит заниматься командами.

Когда Халлоран становился таким, общаться с ним было гораздо проще. Даже скользящая между пальцев иртхана полоска ошейника не смущала. Только когда он замолчал, до меня дошло, что это была очередная демонстрация, и вот тут я не удержалась от искушения подвинуть стул и наехать колесиком ему на ногу. Прямо на идеальный ботинок.

— Ой, прости.

— Тебя что-то смущает, Леона?

Это он у меня спрашивает?

— Список по почте отправить?

Глаза его сверкнули, но он все-таки обошел стол и устроился на своем преподавательском месте, слегка ослабив галстук. И на том спасибо, я как будто отлепилась от раскаленной солнцем скалы, жар которой проникал в меня, в самую суть. С каждой минутой все глубже и глубже, подбираясь к пульсирующему сгустку пламени, именуемому сердцем.

Теперь, если честно, я вообще смутно представляла себе, как будет проходить наше обучение. Приказы, игра голосом, еще и стихия... Ну и время на теорию где-то между всем этим надо найти. Если учесть, что вечерами я занята семь дней в неделю, при самом удачном стечении обстоятельств — шесть. Постоянно отпрашиваться у Эвель не получится, она в последнее время злющая, как бешеный набл. Не хотелось бы лишиться дохода. Особенно теперь, когда Танни меня всерьез озадачила.

Даже если представить, что с прослушиванием все срастется, на скорый гонорар рассчитывать не приходится. Сначала репетиции, которые оплачиваются чисто символически, только потом — большая сцена Мэйстонской оперы. И только после премьеры, в случае моего успеха, можно будет спокойно выдохнуть.

— Я ответил на все твои вопросы? — Меня окинули хищным пристальным взглядом.

Властным. Собственническим.

Надо будет проверить, не появилось ли на мне в каком-нибудь укромном месте клеймо «моя» — от частого общения с местром Халлораном.

— Остался еще один. По-прежнему непонятно, почему ты не можешь назначить мне в наставники кого-нибудь другого.

— А мне по-прежнему непонятно, чем тебя не устраиваю я. — Он недобро прищурился. — Или хочешь в наставники того, кто сбросил тебе файлы?

— Хочу профессора из Академии, — хмыкнула, — с внушительным... багажом знаний. Без замашек собственника, это обязательно. Но главное, у него не должно быть склонности к наказательно-показательным методам обучения.

Взгляд иртехана потемнел. Ну а что, я тоже умею быть злопамятной.

— Отклоняется, потому что ты вывела меня из себя.

— Удивительный протест! То есть всякий раз, когда ты будешь вне себя, отдуваться придется мне?

— Если будешь подставляться — да. — В голос его ворвались привычные стальные нотки.

— Я буду — что?

— Сейчас твоя сила интересует всех и каждого. Тебе следовало бы подумать об этом, прежде чем открываться своему неожиданному помощнику.

Он что, намекает, что Рингисхарр нарочно прислал мне материалы? Глупости какие. Зачем тогда было предупреждать меня о том, что это опасно и что мы нарушаем правила. Открыла рот, чтобы высказать драконицу все, что думаю, но тут же его закрыла, слишком опасно сверкнули глаза иртехана. Надо осторожно сворачивать с этой темы.

— И что же в моей силе такого интересного?

— Я.

От неожиданности чуть не выронила планшет, но вовремя успела его поймать. Поскольку покупка нового не входила в мои ближайшие планы, положила на стол и оставила в покое.

— Я тебя нашел. Я тебя пригласил. Я взялся за твое обучение.

Сейчас мне здорово не хватает леденца. Надо будет одолжить у Танни в следующий раз, когда соберусь на встречу с Халлораном. Пожалуй, теперь понятно, почему сестра носит их в карманах в неограниченном количестве и сует в рот всякий раз, когда назревает серьезный разговор. Чтобы лишнего не наговорить.

— И чем это мне грозит?

— Тебя могут проверять. Поэтому нужен водитель и охрана. Поэтому, если в следующий раз ты не вызовешь Рольгена и Приста, у меня на столе окажется распорядок твоего дня, а у них — часы и список адресов, в которые тебя нужно встречать и где.

А еще леденцом можно от души запустить в высокий самоуверенный лоб. Или ткнуть палочкой в глаз.

— Планшет, Леона. — Халлоран дотянулся до коробочки и ошейника, убрал их в ящик стола. — Одна из техник постановки безэмоционального голоса — чтение вслух. Желательно читать текст, который не вызывает у тебя никаких чувств.

Планшет, Леона. Планшет.

Включила и погладила перышком, готовясь делать пометки.

— То есть любовные письма не подойдут? — хмыкнула.

— Нет. Лучше всего подойдет какой-нибудь справочник, атлас или учебник. Во время чтения, особенно механического, бездумного, неосознанно отключаешься. Минуту.

Он вышел из кабинета, а вернулся с книгой. Настоящей книгой, которую положил передо мной. Оперся о край стола, склоняясь ко мне, от

чего мои эмоции ну вот прямо совсем успокоились.

— Читай.

Пальцы неверяще коснулись корешка. Погладили выпуклые тисненные буквы.

Сейчас же передо мной была «живая» книга, а надо мной — драконище со своим огнем. Вот и как тут эмоции отключать?

— Громко. Четко. Как в студии звукозаписи.

Открыла книгу, которая оказалась атласом созвездий, и принялась читать названия, историю и всякие справочные данные. Иртхан, к моему великому счастью, это никак не комментировал и вообще отошел в сторону. Я даже оглянулась, он стоял у окна, привычно сцепив руки за спиной. Понемногу получилось расслабиться, и созвездия полились моими устами одно за другим. Красочные картинки и мягкая шероховатость бумаги под пальцами... было невероятно сложно отстраниться от чувств, которые во мне вызывали новые ощущения. Но в какой-то момент я поняла, что просто читаю. Книга, даже будь она хоть трижды красивой, живой и реальной, отошла на второй план. Равно как и весь кабинет отодвинулся, расширился, как границы Вселенной. Осталась только я. И мой голос.

— Хорошо. — Вздогнула от сильных резких интонаций.

И вдруг поняла, что чувствую себя как-то странно. Более спокойной, что ли.

Все лишние мысли ушли, осталась небывалая легкость.

— У меня получилось? — обернулась к нему.

— Да. Последние два слова — нулевые эмоции. Домашнее задание: научиться делать это осознанно и ловить момент перехода в нулевой спад. Научишься улавливать разницу, будет гораздо проще тренировать приказы. Второй метод ты уже знаешь.

— Числа.

— Совершенно верно. Лучше всего вести счет в обратном порядке.

— Ты сейчас рассказал два способа, которые наверняка помогут мне заснуть.

— Ни один иртхан еще не заснул. Первое, что тебе нужно для успеха, — расслабление. Со временем научишься делать это мгновенно.

Судя по тому как переключался он, это действительно возможно. Режим Халлоран-преподаватель был ближе всего к Халлоран-политик. Мы свернули на академическую тему так легко, что я даже не успела понять, как это произошло. Он рассказывал о приказах, оказывается, чтобы отдать приказ, недостаточно просто избавиться от эмоций. Нужно еще вложить в него мысленный импульс, соответствующий команде. При этом

необязательно смотреть в глаза. А еще лучше — вовсе избегать контакта, потому что прямым взглядом ты создаешь привязку, в первую очередь для себя. Драконы воспринимают взгляд глаза в глаза как пристальный интерес, что может помешать восприятию. Сопrotивляемость к ментальной магии у них гораздо выше, чем у людей.

— Если случится так, что твой взгляд зацепят первым, — он пристально посмотрел мне в глаза, — не пытайся его отвести. Смотри прямо, дай дракону понять, что ты наравне с ним. Что ты не угрожаешь. Но и не собираешься отступить.

Представила себе эту картину и мысленно хлопнулась в обморок.

— А женщины, когда заканчивают Академию, тоже сдают экзамены в пустошах?

— Разумеется нет. Только на тренировочных полигонах.

— Как вы вообще туда драконов заманиваете?

— Никак. Это драконы, которые выросли при Академии.

И на том спасибо.

После теории снова тренировались. На моих глазах Гельеру разогрело закатное солнце, на моих глазах оно скатилось за горизонт, позволяя взошедшим лунам прочертить две серебристые дорожки на черной воде. Никогда не думала, что это настолько сложно: вытолкнуть из себя хотя бы парочку безэмоциональных слов. Если во время чтения или с числами у меня еще кое-как получалось, то стоило попытаться отдать команду, как эмоциональный тумблер начинал сбоить. Ближе к вечеру поняла, о чем говорил Халлоран — что петть я буду не в состоянии. Какой петть, я напоминала себе литтоновую ягодку, на которую упала бетонная плита. Хотелось домой. Заползти в душ и сдохнуть то ли от осознания собственной неполноценности, то ли от перемены эмоционального фона. Словно поочередно окуналась то в огонь, то в ледяную воду.

— Ненавижу тебя, — простонала я, когда Халлоран открыл дверь, выпуская меня в коридор.

— Сейчас можно, — милостиво сообщил драконище.

А мне захотелось треснуть его книгой по голове: благо тяжесть в дрожащих руках ощущалась приличная. Может, хоть так его проймет. То ли что-то почувствовав, то ли осознав, что у меня с лихвой хватит сил выполнить желание, ирлхан отобрал книгу и вернул на стеллаж.

— Мы куда?

— Ужинать, разумеется.

— А потом я лягу спать рядом с Эрри, — предупредила на всякий случай. — Так что хватит с меня водички, и я поеду домой.

— Не сегодня, — заявил он и мягко подтолкнул меня в сторону кухни.

Мм. Не сегодня — это он о чем?

Мне что — спать сегодня не грозит? Или что — я домой не попаду?

— У меня там сестра, — заявила я, упираясь каблуками в пол.

— Пятнадцать лет — вполне сознательный возраст. Она спокойно может переночевать одна.

— Ты тоже можешь переночевать один.

— Могу. Но не хочу. Хочу с тобой, Леона. Хочу тебя.

Откровенная властность этих слов прошла по телу волной предвкушения. Халлоран сжал мои плечи легко, но настолько интимно, что обожгло даже через свитер. Огонь внутри меня встрепенулся и побежал по венам тонкими раскаленными ручейками, дыхание перехватило. Особенно когда его руки скользнули на обнаженные запястья и запечатали ладони в своих. По коже словно живое пламя потекло.

Дернулась от неожиданности, но иртехан удержал.

— Горячо!

— Сейчас пройдет.

И правда, обжигающая мощь сменилась согревающим теплом. Оно вливалось в меня бурлящим потоком, стирая усталость, как горячая ладонь очищает запотевшее стекло. Наполняя странной будоражащей силой. Горело все от губ до кончиков пальцев, дрожало, звенело от напряжения, как натянутый вдоль небоскреба трос.

— Что ты сделал? — хрипло спросила я.

— Поделился огнем. — Халлоран коснулся губами моего виска. — Со своей драконицей.

— Еще раз назовешь своей драконицей — огрею планшетом, — рыкнула я.

Быстренько вывернулась из рук иртехана и шустро припустила на кухню, только чтобы избавиться от наваждения, рождаемого этой близостью. Как он это вообще делает? Разгоняется от небоскреба с глазами до действующего вулкана за пару минут.

— Чего-нибудь попроще или посытнее?

— Попроще.

Посытнее в меня сейчас не поместится. Моему организму необходим отдых и легкий прикорм.

Стоило Рэйнару отвернуться, сбросила туфли. Совершенно неэстетично, но как же классно! С наслаждением поболтала ногами и распласталась по столу как рихт по дну морскому. Рихты — это такие экзотические рыбыны, которые меняют цвет и форму. При малейшей

опасности прижимаются ко дну и становятся почти невидимыми, чтобы водные драконы не отъели себе лакомый кусочек. Не знаю, как насчет водных, но один вполне сухопутный сейчас наградил таким взглядом, словно не прочь был попробовать меня на вкус.

Кровь зашумела в ушах, закипая от нахлынувшего предвкушения.

От бесстыдных воспоминаний, рождающихся в каждой клеточке тела.

Огненный вихрь взвился от босых пяток до макушки, превращая каждый волосок на теле в наэлектризованную пружинку.

— Очаровательное зрелище, — сообщил иртвахан, глядя куда-то вниз.

Я тоже посмотрела, но Эрри там не увидела. Только свои обнаженные лодыжки, изящно выглядывающие из обтягивающих брючек. При этом драконище смотрел так, что мне захотелось спрятать ноги под себя.

— Мы есть собирались, — напомнила.

— Разумеется.

Ко мне подвинули бокал с вином.

— За твое пламя. Над которым еще работать и работать.

Вот драконище.

— Тем не менее вчера ты отпустил мою руку, — язвительно заметила я, поднимая бокал. — Не так уж мое пламя и безнадежно.

Вино оставило мягкое послевкусие, кислинка на губах оказалась терпкой и сочной.

— Разумеется, отпустил. Потому что ты попросила.

— Значит, если я попрошу сейчас, ты меня тоже отпустишь?

— Нет.

Да, где-то здесь явно закралась нестыковка.

Халлоран положил мне салат. Вкусный, хорошая у него домработница.

— Рэйнар, мне нужна свобода, — произнесла я. — Свобода и выбор.

— О каком выборе ты говоришь? — Он прищурился.

— Возможность решать самой. Ты ставишь меня перед фактом совместного обучения, переводишь на мой счет баснословную сумму, даришь безумно дорогие подарки...

Сегодня, когда я собиралась на встречу, до меня неожиданно дошло, почему на футляре «взятого напрокат» ювелирного комплекта нет адреса. Только эмблема дорогущего бренда «Ламкар» — заключенное в треугольник дерево, вместо листьев у которого драгоценные камни. Этот комплект никогда не брали напрокат. Точно так же, как платье, которое, кстати, бесследно сгинуло из моей квартиры после первого пробуждения огня. Предполагаю, что его вернули в магазин, а еще предполагаю, что кое-кому здорово досталось за качество.

— Что тебя не устраивает?

— Все! Я привыкла сама отвечать за свою жизнь. Сама решать свои проблемы. Сама обеспечивать себя и сестру. Не хочу, чтобы ты сыпал передо мной деньгами, потому что так я чувствую себя содержанкой. Не хочу, чтобы ты вторгался в мою личную жизнь, не хочу, чтобы навязывал мне охрану или водителя. Я вполне способна сама передвигаться по Мэйстону. И защитить себя тоже. Особенно теперь, когда ты меня предупредил о возможном... внимании.

Ну вот, я это сказала.

— Тебя будут сопровождать, Леона. Это не обсуждается.

— А еще хочу обсуждать. Все, что касается меня.

Терпеть не могу, когда он так смотрит — жестко и холодно, когда не могу понять, что там, в глубине этих глаз. Вот только для меня это важно, настолько важно, что ладони непроизвольно становятся влажными, а сердце сбивается с ритма. Я хочу услышать его ответ больше, чем что бы то ни было.

— Хорошо.

Хорошо?

— Хорошо, Леона. Впредь мы будем все обсуждать.

Неверяще смотрю на него, он что, правда, это сказал?

— Начнем прямо сейчас. У меня тоже есть три желания.

Так, вот это уже больше похоже на правду.

— Ты будешь принимать мои подарки.

Он подался вперед, наши пальцы соприкоснулись, и Рэйнар раскрыл мою ладонь. Мягко согнул мизинец.

— Не деньги? — уточнила я.

— Нет. Подарки. Не потому, что я могу это себе позволить, а потому что хочу, чтобы ты сияла ярче и ярче с каждым днем. Потому что ты заставляешь меня гореть.

Как в одном мужчине может сочетаться столько властной нестигаемой силы и обескураживающей своей искренностью откровенности? Наверное, я никогда к этому не привыкну — точно так же, как и к его голосу, от которого меня крутит в крендельки.

— Хорошо. — Собственный голос отказывался подчиняться и звучал немного хрипло.

Я непроизвольно облизнула губы и увидела, как его зрачки дернулись в вертикаль.

— Ты согласишься, чтобы Прист и Рольген тебя сопровождали. По крайней мере, пока не научишься управлять магией и полностью ее

контролировать.

К мизинцу присоединился безымянный палец, моя ладонь в его руках разогрелась так, что только чудом не полыхала. Точно так же полыхали зеленые глаза, внутри которых рождался яростный огонь. Огонь, предназначавшийся мне.

— Везде, кроме Ландстор-Холла.

— Везде.

— Ладно, — сдалась.

В конце концов, слухов обо мне уже и так достаточно. Одним больше, одним меньше. А мне еще третье желание слушать. Зная Халлорана, самое интересное он приберег напоследок. Будем надеяться, что меня не попросят снова петь на каком-нибудь сборе иртханов. А даже если попросят, все равно откажусь. Хватит с меня прошлого раза, на все будущие двенадцать драконьих жизней вперед.

— И последнее, — голос Рэйнара стал низким, горловым, рычащим. Прежде чем успела что-либо подумать, в мою ладонь лег мой же подарок. — Сегодня ночью, Леона, ты наденешь его. Для меня.

ГЛАВА 3

Мне бы радоваться, что не дружу с леденцами. Потому что сейчас я бы точно им подавилась или выплюнула. Да, прямо в этот непробиваемый лоб, чтобы наверняка дошло.

— Надену, ага, — сказала я. — С удовольствием! Наклоняйся.

Могу еще миску с остатками салата надеть на драконью голову с шедевральными идеями. А что? Ему пойдет.

А у меня сейчас дым из носа повалит. Как у Марра, который набегался по парку перед сном.

Нет, не охамели ли вы такое предлагать?!

Спрыгнула со стула, сжимая в руке кожаную полоску, но меня быстро перехватили и прижали к себе. Спиной.

— Пусти! — брыкнулась, в результате чего оказалась вжата в столешницу.

— Леона, — негромко произнес он. — Моя дикая огненная драконица... Ты так отчаянно цепляешься за свободу... Но свобода внутри тебя. Заметь, я не сказал, кому сегодня ночью придется примерить ошейник. Ты решила это сама.

Халлоран перехватил мои руки и свел их вместе, поглаживая ладони. Зажимая дурацкий подарок так, что из сведенных лодочек торчала только застежка. Отвел мои волосы со спины, легко перебросив их на плечо. Длинные пряди скользнули на стол и расплескались по стеклу волнами, собирая все блики приглушенного теплого света.

— Еще скажи, что сам его наденешь, — прошипела, примериваясь, как бы так извернуться, чтобы цапнуть его за руку.

— А ты этого хочешь?

Че-го?

Ярость моментально испарилась, осталась только растерянность. А еще власть сильных рук и близость горячего тела, от которого мое разогревалось и плавилось. Каждая частичка меня сейчас превратилась в дрожащий оголенный нерв.

— Так что, Леона? Хочешь увидеть его на мне?

Голос Халлорана звучал тихо, но твердо. Не оставляя ни малейших сомнений, что случись мне сказать «да», он его наденет. Жесткие губы коснулись шеи, от вспыхнувшего на коже огонька по телу прокатилась волна жаркой дрожи. Такой же жаркой, как полыхающие над нами

светильники, тонкие пластинки которых уже казались раскаленными от запертых внутри ламп.

— Нет, — выдохнула тихо. — Нет. Не хочу.

— А чего ты хочешь?

Он развернул меня лицом к себе. Провел пальцами по губам, размыкая их — сильно, уверенно, за миг до того, как повторил этот жест поцелуем. Раскрывая мой рот, словно уже брал, бесстыдно и яростно, прямо на этом столе. Я ответила, позволяя огню захлестнуть волной. Подкинуть до небес, где кончалась реальность. Наверное, так чувствуешь себя во время полета, когда мир внизу теряет очертания, остается только бьющий в лицо поток. Не то ледяной, не то обжигающий. И дыхание, тихим стоном вырывающееся из груди, когда он тебе это позволяет.

— Не в ошейнике дело. Ты просто боишься, Леона. Боишься довериться мне. Боишься довериться себе. Тому, чего хочешь на самом деле. Тому, что ты выбираешь. Каждую минуту. Каждый миг.

Сейчас край столешницы упирался в спину, а сердце колотилось так, что я чудом не прыгала в такт ему. Халлоран коснулся моего виска, чтобы заправить волосы за ухо.

— Нет власти большей, чем ты даешь мне сама. Своим выбором. — Он подался вперед, повторяя меня, как будто мы были единым целым. — Ты моя, и ты это знаешь. Моя. И будешь ей снова и снова, — резко добавил он, заставляя содрогнуться от интимной властности этих слов.

Возбуждение нахлынуло волной, стирая все возражения. Все мысли и все, что нас разделяло. Я подалась вперед, стягивая с него пиджак, чтобы снова ощутить под пальцами стальные мышцы. Чувства обострились настолько, что, когда Рэйнар потянул наверх свитер, я закусила губу. Прикосновения губ, повторяющие скольжение ткани по коже, заставляли выгибаться дугой. Подняла руки, чтобы ему помочь, и дернулась, когда новый поцелуй ожег грудь.

Свитер отлетел в сторону, я потянула вниз его брюки, чтобы снова чувствовать своего мужчину. Безоглядно, откровенно, горячо — всю силу его желания под пальцами. Лаская мягкими прикосновениями, сцеловывая рвущееся из груди рычание, сильнее сжимая ладонь.

Хриплый стон Рэйнара отозвался внутри сладкой... невысказанно сладкой дрожью.

Потянулась губами к губам, вплетая пальцы в жесткие волосы.

Мы целовались так, словно это была наша последняя ночь. А может быть, первая и единственная, когда не можешь насытиться друг другом просто потому, что все время будет мало. Он вжимал меня в себя, сквозь

алое пламя проступило мое отражение. Вертикальный зрачок раскрылся почти во всю радужку. Наверное, именно так постигаешь истинный смысл слов «утонуть в глазах».

— Признай это, Леона.

— Признать — что? — выдохнула между поцелуями.

— Скажи, что ты моя.

Закусила губу и покачала головой, глядя в горящие омуты. Безумные — наверное, такие же у меня.

Рэйнар прищурился, а потом резко развернул спиной к себе.

Сейчас я горела чуть ли не ярче, чем в первый раз. От жадных поцелуев, от скольжения ладоней по разгоряченной коже, заставляющих дыхание сбиваться еще сильнее. От требовательных губ, дразнящие касания которых прокатывались жаркими волнами от стянувшихся в бусины сосков до самого низа живота.

— Скажи это, — хрипло.

Его пальцы скользили по внутренней поверхности бедер в жестокой дразнящей ласке. По внутренней поверхности бедер и дальше... Скользили по чувствительно полыхающей коже, едва касаясь, заставляя кусать губы, чтобы не начать подаваться навстречу его руке. Сердце заходило в сумасшедшем ритме от томительно-сладкого желания, накатывающего и отступающего, хотелось кричать.

— Скажи! — прорычал он, раскрывая меня пальцами.

Всхлипнула и выгнулась, подчиняясь ритму жестких ласк. Столешница под сжавшимися пальцами казалась ледяной.

— Твоя, — выдохнула хрипло. — Твоя, твоя, твоя...

Несколько мгновений промедления показались чуть ли не вечностью.

Всплеск огня, короткий, мощный — и мы снова стали единым целым. Дернулась, подаваясь навстречу резким яростным движениям. Открываясь, принимая, подчиняясь.

Это было не похоже ни на что — гореть вместе с ним.

Сливаться воедино телами и огненной сущностью.

Дышать на двоих, забывая о том, что когда-то было иначе.

Сладкая судорога прокатилась от низа живота по всему телу. За ней — следующая. Еще и еще.

Я выгнулась, падая в его руки. Почувствовала, как в губы мне течет хриплый рык, как перекачивается под кожей металл мышц, как сильная пульсация внутри рождает новый виток наслаждения.

Огненный, сумасшедший, заставляющий повторять его имя одними губами, шепотом или всей грудью — со стоном, на выдохе.

До тех пор пока мир не вспыхнул сверхновой и я не утонула в его объятиях.

Утро встретило меня непривычно ярким светом. Открыла глаза и зажмурилась, холодное солнце ударило в упор, отраженное от сотен стальных полос и стеклянных заплаток. Оно текло с небес, подернутых облаками с тяжелой свинцовой каймой, заполняя ослепительными лучами все пространство. Несколько минут я просто лежала, свернувшись комочком, подтянув к себе одеяло и разглядывая комнату из своего гнезда. Гостевая спальня, в отличие от спальни Халлорана, оказалась более ласковой, в ней преобладали теплые тона. Наволочки на маленьких подушках были теплого персикового цвета, одна большая почему-то валялась на полу.

О случившемся вчера напоминало все: и припухшие губы, хранящие вкус жадных поцелуев, и приятная слабость во всем теле — легкая и ненавязчивая, от которой так просто избавиться, едва оказавшись под душем. Вчера мы не могли оторваться друг от друга — до бессильного изнеможения, когда подгибаются колени, а глаза закрываются сами собой. Когда болезненно-сладкое наслаждение накатывает волнами, уводя за собой на какие-то новые, неизведанные высоты.

Удивительно, но сегодня я чувствовала себя заново родившейся. Свежей, полной сил и готовой на всяческие подвиги.

Вот только сейчас первый подвиг совершу — из-под одеяла вылезу и...

— Доброе утро.

— Привет.

Обернулась и села на постели, глядя на вошедшего ирлхана. Уже в костюме, разве что с потемневшими после душа влажными волосами, до которых невыносимо хотелось дотронуться.

Халлоран глянул в сторону окна и нахмурился.

— Совсем забыл про жалюзи.

Хихикнула.

— Странно было бы, если бы ты про них вспомнил.

— На что это ты намекаешь?

— Ну... не знаю. Может, на то, что ты слишком устал?

На самом деле сюда он принес меня на руках. Точнее, сначала отнес в душ, а потом уже сюда. И это было приятно. Не передать как.

— Нравится меня дразнить? — Он прищурился.

— Ага, — призналась честно. — Очень.

— В таком случае просыпайтесь быстрее, эсса Ладэ. У нас с вами есть время на неспешный завтрак и обсуждение домашнего задания. Если поторопитесь, останется еще и на дразнилки.

— Не стану уточнять, что ты имеешь в виду под дразнилками.

Взгляд его потемнел.

— Правильно, не уточняй, а то останешься без завтрака.

В ответ показала ему язык и потянулась. Одеяло поползло вниз, повторяя изгибы тела и открывая... в общем все, что выше пятой точки. Не без удовольствия отметила, какие искры сверкнули в глубине драконьих глаз. Ну да, облизывайтесь, облизывайтесь. Но у меня завтрак по расписанию, и вообще я ничего не знаю. Сами настояли, чтобы я с вами ночевала, местр Халлоран. Да еще и одежды не выдали, за халатом вон как далеко тянуться.

Драконище покинул спальню так стремительно, будто его срочно вызвали на подписание договора федерального значения. Я снова хихикнула, поднялась и направилась в душ. Просыпаться окончательно.

Однажды, дорогой, ты проснешься дру-гим,
И прошлое из памяти развеется, как дым.
И звезды будут лишь нам с тобой светить,
И ты меня тогда не сможешь не лю-бить.

Здесь даже ароматы геля для душа были другие: цветочные, фруктовые, гораздо более мягкие, чем в прилегающей к спальне иртеханной ванной комнате. Я попробовала несколько, но остановилась на ванильно-сливочном. От него бодрость стремительно пошла в гору — в утренние гели для душа производители всегда добавляют легкий энергетик. Хотя с тем способом, который мне вчера показал Халлоран, не сравнить. Интересно, у этой техники есть какое-нибудь научное название? Переливание огней, например. Звучит забавно.

Пока же ты играешь, а в сердце твоём лед,
И ты все время хочешь забежать вперед...
Но вот что я скажу, мой милый, сейчас:
Со мной такое не пройдет, не в э-тот раз!

Настроение было замечательным, а еще каким-то хулиганским.

Поэтому я даже не стала одеваться, выползла к завтраку как была. В халате и с рассыпавшимися по плечам волосами. Заглянула на кухню, но там никого не обнаружилось. Кроме ошейника, который я подобрала с пола и засунула в карман. Заберу с собой и подарю Марру, а то кто знает, на какие еще дикие фантазии кожаная полосочка наведет его ир்தхамство. Хм... ну и где мы собираемся завтракать? Или завтрак предлагается приготовить мне?

Глянула на телефон, новых сообщений от Танни не было. Вчера я успела только написать ей, что меня сегодня не будет, и прочитать ответ: «Очеушенной ночки» — после чего всерьез задумалась о воспитании подростков. С этой мыслью и отключилась прямо с телефоном в обнимку.

Эрри в гостиной вылизывала лапу. Заметив меня, демонстративно повернулась тыльной стороной чистокровной виари.

Не удержавшись, показала вредине язык.

— Леона! Ты что здесь делаешь?

Халлоран стоял наверху, пришлось задирать голову.

Что-что, ошейник прячу. Не видно, что ли? Надеюсь, что не видно. Я даже сунула руку в карман, запихивая компромат поглубже.

— Ты что-то говорил про завтрак или это кодовое название, как дразнилки?

— С завтраком все в порядке, — протянул он мне руку. — Пойдем.

Пришлось снова подниматься наверх, мы прошли по коридору мимо спален. Завернули за угол и оказались у стеклянных дверей, выводящих на просторную лоджию. Под ногами — деревянные! — полы, по которым так и хотелось походить босиком. На широком бордюре у панорамных окон были разбросаны подушки, там же лежало несколько книг. Отсюда было видно Лаувайс, пустоши, кусочек Гельеры и даже уголок моста Паллинас: выпукло-вогнутой громады с монументальными опорами. Подошла к окну, бросив мимолетный взгляд на накрытый стол и мягкие кресла. Вне всяких сомнений, это было самое уютное место в его квартире. Самое уютное и самое теплое — несмотря на то, что в пентхаусе света хватало везде.

— Нравится? — Рэйнар подошел ближе и обнял меня со спины.

Я даже сопротивляться не стала, хотя волоски на коже встали дыбом.

— Очень.

— Это хорошо. Вчера мы не договорили по поводу моего третьего желания...

Ик.

Нет, серьезно. Ик.

Он серьезно?

Ик еще раз.

Неожиданно Халлоран рассмеялся, низкая вибрация его смеха прокатилась по моему телу волной совершенно ненормального будоражающего огня.

Прежде чем я успела сказать, что с извращенцами не знаюсь, в руки мне легли два билета. Темно-красный пластик с логотипом-голограммой, раскрывшимся множеством огненных лепестков драконьего цветка.

— Я тебя приглашаю, Леона. Зингспридская опера. Артомелла.

Из меня вдруг разом вышел весь воздух, как в детстве. Когда в «замри» выдохнешь на полную и зажмешь нос двумя пальцами на время, кто дольше так простоит.

Вживую слушать оперу, о которой раньше могла только мечтать, оказаться в зале, где пела Шайна. Тот, кто однажды там побывал, уже не сможет оценить другие — из-за особой акустики голоса возносятся до таких высот, что звучание отзывается в каждом сердце. Я хотела этого до умопомрачения и боялась не меньше. Не окажется ли «Артомелла» без Шайны сверкающей подделкой в оправе для бриллиантов? Знаю, это глупо и по-детски, Эллина Райт тоже выкладывается на выступлениях, но ничего не могу с собой поделать.

— Леона?

Пришлось приходить в себя в срочном порядке.

— Это... несколько неожиданно.

— Не хочешь идти?

— Хочу, но...

Но Рэйнар собирается представить меня миру. Не только миру ир்தханов, всей Аронгаре. Наше появление в опере точно не останется незамеченным.

И все-таки это было приятно.

— Хочешь, чтобы я стала твоей на всех телеканалах страны?

— Ты — моя женщина, и я не собираюсь это скрывать.

Моя, моя, моя... жуткое собственническое драконище. Как-нибудь точно нацеплю на него медальку, пока он будет спать.

— Твоя невеста уже знает, что у тебя появилась женщина? — фыркнула.

— Нет.

Замечательно.

— Потому что у меня нет невесты.

Нет?... Странная, сумасшедшая, по-детски искренняя радость напугала. Просто ее было отчаянно много, она затопила меня всю. Она и еще непростительное чувство надежды. Надежды на что?

— А та рыженькая, которая гостит в Мэйстоне?

— Ревнивая. — Он разве что не облизнулся, убирая волосы с моего плеча, в небрежной ласке касаясь бьющейся ниточки пульса пальцами.

Да кто бы говорил! Сам каждый раз напоминает про Рингисхарра.

В отместку подалась назад, вжимаясь в его пах ягодичами. Чем вызвала хриплый выдох-рычание.

— Я? С чего бы. Просто решила уточнить некоторые формальности.

— Формальности? — Иртехан помрачнел.

Так тебе и надо.

— Ну да. Надо же знать, что говорить журналистам.

— Что ж, формально у меня невесты нет, хотя некоторые считают иначе. Наше с ней знакомство ограничивается официальными встречами. Когда Ирргалия приезжала в прошлый раз, мы с ней неудачно сходили в оперу. И по настоянию отцов проверяли совместимость огней.

— Стесняюсь спросить как.

Неожиданно он расхохотался. Смеялся так, что даже Эрри к нам заглянула, но, перехватив мой прищур, гордо вздернула голову, потом хвост — и тут же удалилась.

Отсмеявшись, Халлоран развернул меня лицом к себе.

— Это делается с помощью крови и магического ритуала, Леона.

Минутка стыда. Почувствуй себя розовым драконом, называется.

— Проверка крови проводится под особым заклинанием, когда соединяются пораненные руки будущих супругов и выясняется, тянутся ли огни друг к другу.

Не сомневаюсь, что совпали они идеально, потому что его мать до сих пор лелеет мечту объединить крылышки Мэйстона и Флангстона. Да и сама Ирргалия вряд ли решила тут задержаться из-за благоприятного климата и дружбы с местной Халлоран. Но ревность — чувство бессмысленное, надо с ним завязывать.

— Так вы согласитесь сопровождать меня в оперу, эсса Ладэ?

— Я подумаю, местр Халлоран.

— Думайте. Времени еще предостаточно, — Рэйнар развернул меня к столу, отменяя все возражения, которые крутились в голове. — Пойдем. Обсудим домашнее задание.

Все еще немного оглушенная, устроилась на стуле, разглядывая карточки. Они были именные, а номер ложи заставил сердце биться чаще. Центральная, предназначенная для главы Совета и правящих. Именно оттуда Аррингсхан смотрел на Шайну. Именно там ее голос впервые положил начало их истории, о которой до сих пор ходят слухи. В те годы

ему уже было около сорока и он возглавлял Совет. Самый молодой правящий, который занимал это место за всю историю Аронгары. Неудивительно, что он поздно женился — вся его жизнь была сосредоточена на карьере.

— Я вышлю тебе материалы с методиками тренировки голоса. — Халлоран снял крышку с подноса, и на тарелку ко мне переключал хрустящий дымящийся тост. За ним второй. — Заниматься нужно каждый день, Леона. Не меньше двух часов, иначе ничего не получится.

— Знаю, — закатила глаза, — я же в вокальной школе училась.

Меня смерили серьезным взглядом. Настолько серьезным, что с трудом подавила желание сложить руки на коленях, а еще лучше на столе, и сесть ровно. Вот ведь скалодром чешуйчатый. И не скажешь, что только что меня обнимал.

— В Академии тонкостям эмоций посвящен целый курс.

Да я уже прониклась всей серьезностью положения на двенадцать жизней вперед.

— Ну мне-то Академия не светит, — пожала плечами, намазывая хлеб тоненьким слоем масла. Оно таяло мгновенно: не то что наш классический заменитель с ароматизаторами, и пропитало хлеб от корочки до корочки. Натуральное, такое вкусное, что стоило невероятных усилий не схрумкать весь хлеб одним куском, как оголодавший Марр. Дабы придать себе благородный вид, уставилась в кофейную чашечку и рассматривала кремовые щупальца сливок и пенку. — И даже всего один ма-а-алюсенький профессор...

Заметив тяжелеющий взгляд иртехана, показала ему язык.

— Мне правда нравится тебя дразнить.

Халлоран прищурился.

— У тебя были хорошие преподаватели по вокалу. Голос уже поставлен, почти готов как инструмент для ментальной магии.

Вот так учишься себе петь и не подозреваешь, что заодно постигала азы иртеханского мастерства. Ну частично. Видимо, это тоже происходило неосознанно, как в случае с игрой голосом из-за моего более чем интригующего происхождения. Забавно, что, если бы Халлорана в тот вечер не занесло в Ландстор-Холл, я бы так ничего и не узнала. Даже он не сразу понял, почему его так зацепил мой голос, что уж говорить обо мне.

— Сейчас тебе нужно только научиться им управлять. Осознать, в чем отличие эмоционального призыва от приказа. Как отключать эмоции на ходу, как к ним вернуться. Как работать с командами и как грамотно разорвать ментальную привязку.

— Разорвать что?

— Когда ты отдаешь приказ или играешь голосом, ты цепляешь сознание. Образно выражаясь, сплетаешь нить между собой и ведомым. Если грамотно не отпустить, могут возникнуть проблемы.

— Например?

— Например, обезумевший дракон пойдет жечь все подряд, потому что его ударило волной твоей силы.

Миленько.

— А ты будешь мучиться сильной головной болью.

И совестью заодно. Мм...

Тут мне как-то резко расхотелось есть.

— Рэйнар... на юбилее... я же грамотно это сделала?..

Или нет? Или вообще не сделала?

— Не совсем.

То есть я обеспечила толпе иртханов головную боль?.. Правящим и всей мэйстонской аристократии? Надо проверить, сохранила ли я телефоны Приста и Рольгена. Нет, правда.

Халлоран неожиданно улыбнулся, становясь на несколько лет моложе.

— В отличие от драконов мы умеем с этим справляться. С последствиями ментальных атак и с их предупреждением. Этому тебе тоже предстоит научиться.

— То есть если кто-то попытается отдать мне приказ, я смогу с этим справиться?

— Почти мгновенно. Разберемся с этим и пойдем дальше.

— А что будет дальше?

— Работа с потрясениями. С сильными потрясениями. Будешь учиться делать все то же самое в стрессовых ситуациях.

Можно я сразу пойду? Не дальше, а просто отсюда. У Рэйнара, конечно, талант создавать стрессовые ситуации, но мне дорога моя короткая жизнь. И нервы. И цвет волос. Ладно, последнее снимается, я все равно крашусь, чтобы образ выдерживать. Но вот как-то не хочется помереть от остановки сердца в расцвете лет.

— Только не говори, что ты через пару недель повезешь меня к драконам.

— Не скажу. К драконам я тебя не повезу, пока сама не попросишь.

Ну ладно. С остальным как-нибудь разберемся. Наверное.

Если, конечно, меня не заставят и впрямь стоять на одной ноге. На перилах смотровой площадки Драконьего шипа.

И нет, я не попрошусь к драконам. Ни. За. Что.

— А ты правда учился управлять голосом с детства?

— Правда.

Ого.

— У меня немного другой уровень ответственности, Леона. Тебе нужно всего лишь научиться справляться с собственной магией и слышать эмоции. Свои и других.

— Переливать огни ты меня тоже научишь?

— Что?

Секунд десять я наслаждалась подобием непонимания на непробиваемом лице, потом Халлоран хмыкнул.

— М-да. Так это еще никто не называл.

— Но ты же не сказал, как это называется.

— Делиться силой можно только после слияния огней. Ты передаешь частицу своей магии, чтобы восстановить силы, вплести ее в чужой огонь невозможно. Если только они уже не смешались однажды.

Взгляд его снова потемнел, он коснулся ладонью моих пальцев, и я поспешно отняла руку.

— А если огни просто принимают друг друга?

— Ничего не получится.

Чудненько. Значит, у наших огней уже давно все замечательно, и они превосходно чувствуют себя в компании друг друга. Не сказать, как я за них рада!

— Телепатии мы тоже будем учиться?

Брови его сошлись на переносице, взгляд заledenел, и я прикусила язык. Об этой стороне магии Халлоран мне не рассказывал.

— Ментальной связи научить нельзя. Она либо есть, либо нет. — Голос его звучал жестко. — Эту особенность мы впитали вместе с кровью драконов, но получается это не у всех. Разумеется, необходимое условие — взаимное приятие огней. Такое действительно возможно, если магия сильна. Но, как ни странно, ключевой элемент здесь не магия, а доверие. Близость.

Теперь понятно, почему у драконов это работает, а у иртханов не всегда.

Остаток завтрака мы говорили о том, как лучше тренировать голос и приказы. Я избегала лишних вопросов, дабы случайно не наткнуться на очередную «запретную» тему из файлов Рингисхарра. Сосредоточенно внимала, потому что предстояло заниматься в одиночестве, а на выходных ожидался мини-экзамен. Изредка бросала взгляды в окно, где тяжелые облака уже цеплялись краями друг за друга, но в основном смотрела на

него, зная, что мы не увидимся целую неделю. Понимая, что мне не хочется вставать из-за стола, не хочется с ним прощаться. Но все имеет обыкновение заканчиваться.

Даже завтраки.

Разумеется, мне «повезло» встретить Зетту. Как раз в ту минуту, когда Лидс спрашивал, во сколько меня забрать, зев лифта распахнулся и выплюнул на стоянку певицу. Взгляд которой самонаводящимся магнитом присосался ко мне. Оценив обстановку, она вздернула подбородок и направилась в сторону своего флайса, звонко цокая каблучками. Эта встреча несущественно отличалась от наших с ней отношений, но завтра весь Ландстор-Холл будет знать о моем сопровождении.

Скрипнув зубами, я помянула всех — наградившего меня силой папочку, драконище-перестраховщика и случайные встречи с кем не надо. Сказала, что освобожусь часа через три, нырнула в лифт, который привез Зетту, о чем тут же сильно пожалела. Не знаю, какими духами она пользовалась, но аромат был просто сногшибательный. В прямом смысле: приторно-сладкий настолько, что захотелось водички. Заполнявший собой все и вызывающий стойкое желание сунуть нос в шарфик.

После двухдневного перерыва Ландстор-Холл встретил привычной суетой, блеском нарядов, музыкой и огнями. Эвель, сухо поздоровавшейся со мной в коридоре, и осторожным молчанием Клари. После того разговора гримерша предпочитала обходить меня стороной и общаться исключительно по необходимости. Впрочем, сегодня все на меня косились — после случившегося в городе моя персона привлекала особое внимание, как лицо «особо приближенное». Поразительно, как быстро расходятся слухи в одном маленьком... ну ладно, не очень маленьком коллективе. Широкие улыбки в лицо, шепотки за спиной и взгляды, которые мне полагалось не замечать.

Я старалась не разочаровывать: если замечала, то чисто случайно.

После выхода в оперу с Рэйнаром таких взглядов будет в разы больше.

Не говоря уже о слухах.

Клари орудовала пуховкой, как планшетным ластиком, можно подумать, собиралась стереть мне лицо. Пару раз чуть не ткнула кисточкой в глаз, после чего я сообщила, что если у нее еще раз «извините, рука сорвалась», я скажу Эвель, что мне нужна новая гримерша. Руки сразу перестали срываться, и все прошло довольно сносно. Не считая вздернутого носика и надутых губ — видимо, тесное общение с Зеттой не

проходит бесследно.

Когда она уже заканчивала наносить грим, мне позвонил Хейд.

— Как дела у будущей примы Мэйстонской оперы?

Я бы и рада была рассмеяться, но Клари заканчивала с контуром губ.

— Ум.

— Я не вовремя?

— Мм... — Отодвинулась от карандаша и повернулась на вертящемся стуле. — Мне сейчас на сцену выходить.

— О, ну тогда я быстро. Как насчет того, чтобы увидаться завтра? У меня интересные новости по поводу премьеры.

— Шутишь? Я с радостью!

Динамик у меня не фонил, но Клари уже наострила ушки. Это было видно по тому, как осмысленно она собирала кисточки, аппликаторы, щипчики и прочее, постоянно перекладывая с места на место и поправляя ремешки.

— Тебе удобнее до или после?

— Лучше до. На этой неделе я тоже пою ночами.

— Заметано. Сбрось адрес, откуда тебя забрать.

Прежде чем я успела подумать, как сочетается Лайтан Хейд, флайсоциклы, личный водитель и охрана, он уже попрощался.

Везет мне в последнее время на мужчин, которые знают, чего хотят, а главное, не стесняются об этом сообщить. Читай, поставить перед фактом. Правда на Хейда злиться не получалось: его сшибающая с ног самоуверенность совершенно не походила на приказные мотивы Рэйнара. Вот только теперь мучайся любопытством, что же он мне хотел сообщить. А главное, почему это нельзя сделать по телефону или по электронной почте.

Клари закончила и оставила меня в царстве зеркал и света — до выступления оставалось всего ничего, нужна коротенькая распевка. Вместо того чтобы заняться делом, снова покосилась на мобильный. Наверное, это было глупо — ждать сообщения или звонка от Рэйнара, но я все равно ждала. Даже несмотря на то, что после случившегося дел у него невпроворот, и вообще. Просто хотелось услышать его голос.

Подумала, не набрать ли самой, но потом все-таки отложила телефон.

Распевка сегодня далась мне в разы легче, сказывались голосовые тренировки магии. Им я посвятила целых три часа после обеда, когда вернулась с занятий по вождению. Довольная, инструктор отметил явные успехи. Не знаю, как насчет явных, но у меня уже перестали потеть ладони, когда я оказывалась напротив панели управления. Сердце не ухало в пятки,

когда нас кто-то подрезал, а скорость пугала все меньше. Глядишь, так и флайс покупать придется. Интересно, что драконище скажет тогда по поводу охраны и водителя? Буду катать Рольгена от моего дома до Ландстор-Холла и обратно?

— Бри, охрененно выглядишь! — Дрэйк встречал меня за кулисами и не удержался от порыва обнять.

Я покосилась на него — не поймаю ли осуждение в темных глазах друга, но он, кажется, был искренне счастлив меня видеть. Да и вообще ни словом не обмолвился о случившемся. Только подмигнул, провожая на сцену, где нас встречали аплодисментами.

Привычный туман от дорогих сигарет, игра света и тени.

Нет-нет, но я посматривала на ложу, которую снимал Халлоран. Сегодня портьеры в ней оказались задернуты, значит, там никого. А жаль, мне хотелось, чтобы он пришел. Хотелось петь для него и знать, как разгорается в зеленых глазах пламя. Пламя, способное поглотить нас обоих.

Так, о чем я вообще думаю?

Изгибы рек, ладони солнечных долин
Легко, струясь, накроет неба палантин.
Сейчас я взгляд... твой пристально ловлю,
Но не скажу, как сильно я тебя люблю.

Взгляд привычно скользил по залу. За ближайшим столиком молоденькая девушка беззастенчиво целовалась с мужчиной, приглушенный холодный свет играл на его волосах серебром. Я ловила ответные взгляды и рассыпала улыбки — легко и радостно. Эвель могла говорить все что угодно, но я безумно скучала по сцене. Безумно скучала по гостям, которые пришли послушать, пусть даже сегодня самое начало недели. Конечно, посетителей было меньше, чем в выходные, но свободных столиков оказалось не больше трех. Свет играл на черных узорах зеркальных витражей, скользил по клавишам рояля. Чарующая игра Дрэйка и мой голос сливались воедино, раскрываясь под сводами зала.

Забывтый миг, когда сидели мы с тобой
На парапете... крыши поднебесной той.
И мир мечты... перед глазами расцветал,
И рук моих... в те годы ты не отпускал...

Ночное выступление короче, чем вечернее. Оно и неудивительно, но людей меньше не становилось. Провожали нас с Дрэйком овациями, я же почти не чувствовала усталости. Даром что время позднее, музыка, голос, огонь — бурлили, хотелось продолжать петь. Что я и делала себе под нос, пока мы шли по коридору к гримерной.

— Как насчет собраться у нас в пятницу? — поинтересовался пианист. Я понимающе улыбнулась.

— Вальнар?

— Разболтала уже?

Я легонько ткнула его локтем в бок.

— Эй! Ты о будущей жене говоришь.

— У моей будущей жены язык без костей, — проворчал он, но тут же ослепительно улыбнулся. — Ладно, я просто хочу вспомнить старые добрые времена. А то дальше суета со свадьбой наберет обороты, так до нее в неформальной обстановке и не увидимся.

— Но Вальнар там все-таки будет? — уточнила я.

Дрэйк развел руками.

— Я ему честно сказал, что могу просто тебя пригласить. Но сливаться мы не станем, Бри. Клянусь.

— Я в вас ни на минуту не сомневаюсь.

— Так что насчет пятницы?

— Скажу ближе к выходным. Хорошо?

Увидеться с друзьями хотелось, но еще больше хотелось увидеться с Рэйнаром. Не представляю, правда, что я буду делать до пятницы... Хотя рабочая неделя пролетает быстро. На следующей уже день рождения Танни, надо будет ей еще подарок купить. Напомнить отчиму, присмотреть кафе — все-таки шестнадцать лет, совершеннолетие. Надеюсь, все получится, особенно надеюсь на кафе: дома послать кого угодно проще, чем на людях. Хотя сдается мне, Танни и публичность не остановит, но будем верить в лучшее.

— Договорились, — Дрэйк поцеловал меня в щеку.

— Передавай привет Лэм.

— Обязательно.

Лампы вокруг зеркала гудели. Сколько раз говорила Клари, чтобы она их выключала, когда уходит. В последние несколько дней они дико шумят, когда перегреваются. Эвель обещала прислать мастера, но, видимо, у нее не дошли руки. Или мастер не дошел. Надо будет напомнить.

Цветов сегодня было не очень много, зато перед зеркалом лежала коробочка. Небольшая такая, сочно-изумрудная, как трава в рекламе виртуальной реальности «Другая жизнь» про мир без драконов и магии. Эта тема с каждым днем становится все более и более популярной. Когда снимут фильм по книге «Мир без тебя», обязательно пойду. Очень хочу посмотреть это кино, наверняка будут невероятные спецэффекты. Интересно, кого пригласят на главные роли?

Прикоснулась к коробочке, повторяя пальцем стильный черный узор, визитки не было, но я сразу подумала про Рэйнара. И улыбнулась.

Вот же... ему только волю дай, что на этот раз? Бриллианты и билеты в оперу были. Развязала бант, потянула крышку вверх, и тут в гримерную заглянул Дрэйк.

— Слушай, Бри, я тут забыл спросить по поводу...

Договорить он не успел, потому что я все-таки открыла подарок.

И в лицо мне ударил черный гудящий рой.

Кожу обожгло дикой болью, а потом снова и снова. Вскинула руки, закрывая лицо, когда меня схватили за плечи и толкнули к двери. Мы вылетели в коридор, и пианист запечатал жужжащее облако в гримерной. Привалился к стене, но тут же отпрянул.

— Зар-раза!

Хлопок, словно надутый пакет лопнул.

На самом деле широкая ладонь друга с размаху впечатала в стену что-то. Или кого-то.

Скула горела так, точно меня приложили лицом к раскаленной гладильной установке. Так же горели шея, ухо и руки, коридор начинал расплываться перед глазами. Я бы упала, если бы Дрэйк не подхватил.

— Бри! Тихо-тихо-тихо... — Он уговаривал меня так, словно я была ребенком и собиралась плакать.

Откуда-то вынырнул Смерч, бессменный секретарь Эвель. На краю сознания мелькнула мысль, что после выходных она постоянно засиживается допоздна.

Увидев нас, блондин как-то подозрительно побледнел.

— Что за...

— Врача вызывай живо! — рявкнул Дрэйк. — И Эвель сообщи! Не стой столбом, твою ж...

Сильный голос выдернул из оцепенения так же, как минутой раньше Дрэйк выдернул меня из гудящего смертоносного роя. Меня затрясло, я вцепилась в друга мертвой хваткой, как если бы кто-то собирался меня отрывать. Слез не было, но это упущение с лихвой искупала дрожь. Моими

зубами только барабанные ритмы перебивать, громыхали они как неисправные жалюзи под порывами ураганного ветра. Не спасали даже сильные руки Дрэйка.

— Все, Бри, все... они тебя не тронут.

Он погладил меня по волосам, мягко отстранился, заглядывая в лицо.

И поморщился.

А потом попытался взять на руки, но я покачала головой.

— Сама дойду.

Вопрос — куда?

— Точно? — Дрэйк посмотрел с сомнением, но все-таки осторожно приобнял за талию.

Мы медленно петляли знакомыми коридорами Ландстор-Холла: приглушенное мерцание ламп в стеклянных ловушках «под старину», темно-красный и золото, фото на стенах и квадраты модульных зеркал. Кажется, мы двигались в направлении кабинета Эвель, и очень скоро выяснилось, что я не ошиблась, в приемной нас уже встречал взволнованный Смерч.

— Веди ее туда. — Он коснулся ладонью панели, и дверь в начальственный кабинет открылась. — Врача вызвал, Эвель сообщил. Она только-только уехала, но уже возвращается.

Вернулась та и впрямь быстро, к тому времени моя шея уже сама напоминала гладильную установку. Не знаю, как насчет промышленных масштабов, но ложки об нее точно можно было плавить. Начальница побледнеть не успела, следом за ней влетел врач и устремился к диванчику, на который меня усадил Дрэйк. Молодой мужчина с залысинами, довольно приятный. Кажется, я его даже узнала: он работал в частной клинике и дружил с Эвель. Приезжал на вызов, когда одна из танцовщиц «случайно» упала на лестнице и сломала ногу перед премьерой.

— Эсса Ладэ, ну-ка... смотрите на меня... А вот это на сгиб локтя.

Мне тут же всучили обезболивающую саморастворяющуюся пластинку, которую я послушно приложила к коже. По мере того как отступала боль, сознание прояснялось.

— Это для вас, эсстерд Беркинс.

Такую же мужчина протянул Дрэйку.

По просьбе врача что-то принесли на подносе. Глянув туда, отпрянула.

— Мерзость какая... брр... — произнес Смерч и приподнял дохлую пчелу за крылышко.

— Это не мерзость, эсстерд Харрис. Рагранская пчела.

Черное, с белыми полосками существо размером с треть моего

мизинца. Вымирающий вид, который держится только благодаря частным пасечникам, вкладывающим в разведение огромные деньги. В отличие от Аронгары, где пчеловодство поставлено на поток, в стране, откуда я родом, совсем другие приоритеты. Тем не менее рагранский мед самый вкусный и натуральный, поэтому цена у него запредельная. Пчелка, что сейчас валялась на подносе кверху лапками, стоила целое состояние. Одна. А сколько их было в той коробке?

— Вам повезло, эсса Ладэ, что у вас нет аллергии, — врач прервал ход моих мыслей. — Но антигистаминный препарат я все равно вколю. Он без снотворного эффекта, так что отвечать на вопросы сможете.

Кивнула, не особо отдавая себе отчет в том, на что соглашаюсь.

Кто мог позволить себе такой «подарок»?

Только иртышанцы...

Рагранские пчелы — отсылка к моему происхождению.

В кабинете Эвель становилось все больше народа. Сначала появилась насмерть перепуганная Клари, которую привел охранник. Потом нарисовался начальник службы безопасности Ландстор-Холла: крепкий седовласый мужчина с широкими плечами и удивительно теплым для его профессии взглядом карих глаз. Меня уже не трясло, но друг не отходил ни на шаг, как заправский телохранитель. Ему тоже досталось — сейчас он напоминал боксера, который пропустил удар: одна губа раздулась, левый глаз заплыл.

Не хотелось даже думать, как выгляжу я.

— Можно мне зеркало?

— Зеркало подождет, эсса Ладэ. — По лицу врача стало ясно, что он думает о такой идее.

Убедившись, что обезболивающая пластина растворилась, он принялся колдовать над моим лицом и руками. Я чувствовала только касание пальцев и покалывание: легкие, далекие, как надавливание на кожу через подушку. Даже обещанный укол оказался едва ощутимым, я ойкнула скорее по привычке.

— Ну вот и все. Почти.

Эвель куда-то постоянно выбегала, трясущаяся Клари рассказывала безопасникам, что коробку ей вручил посыльный с «суммой сверху». Это означало, что подарок нужно положить на самое видное место в примерной. На такого рода чаевые в Ландстор-Холле всегда закрывали глаза, потому что у певиц и танцовщиц было множество поклонников. Некоторые предпочитали сохранять инкогнито, за букеты и подарки без подписи платили даже больше, чем за именные. Поэтому примерша

принесла коробку, поставила на столик и даже лампы включила, чтобы обратить внимание.

— Проверьте камеры, — донесся до меня резкий голос Эвель.

— Записи уже у вас на почте.

— Так, эсса Ладэ. Теперь просто сидим, хочу понаблюдать за вашим состоянием. Но если я прав, все обошлось.

— Зеркало принесли? — голос Эвель. — Леона, детка, как ты себя чувствуешь?

Вот что мне еще непонятно, так это с какой радости вокруг такая суета?

Глянула в зеркальце, которое мне подал Смерч, и зажмурилась. Онемевшая из-за лекарств скула выглядела страшно: укус с нее «растекся» на щеку, ухо напоминало парус, а шея с правой стороны полыхала огнем. Отнюдь не в поэтическом смысле слова, увы.

— Не расстраивайтесь, — снова подал голос врач. — Выпишу вам мазь и пластины, которые нужно будет накладывать каждые два-три часа. Сильнодействующие и дорогие, результат того стоит, но, к сожалению, быстро избавиться от следов все равно не получится.

Современная медицина способна справиться с серьезными ранениями и переломами в считанные дни — была бы страховка или деньги. А пчелиные укусы придется лечить аккуратно столько же, если не дольше.

Парадокс.

— Эсстерд Беркинс, присядьте сюда. Повезло, что вы оказались рядом.

Да, мне основательно повезло. Повезло, что я отвернулась к Дрэйку — лицо почти не пострадало. Повезло, что реакция у него хорошая: пианист выдернул меня из роя, вытолкнул за дверь и запечатал «подарочек» в примерной.

Тут только я вспомнила, что вместе с пчелами в примерной остались все мои вещи, в том числе и мобильный. Что Рольген должен был меня встречать. Когда — полчаса, час назад? У меня даже волосы на голове зашевелились. Что он мог подумать, если я не вышла, не отвечаю, вообще не подаю никаких признаков жизни? И почему, если он должен меня охранять, его до сих пор здесь нет?

— Эсса Ладэ, вы готовы ответить на несколько вопросов? — Ко мне приблизился начальник службы безопасности.

Ответ мы с ним получили одновременно, потому что дверь в кабинет снова распахнулась.

Все присутствующие замерли, как на стоп-кадре: на пороге стоял Халлоран.

ГЛАВА 4

Взгляд Рэйнара метнулся ко мне, но я резко выдернула заколку-стилет и тряхнула головой. Теперь из шалаша прядей торчали только нос и подбородок. Сама мысль о том, чтобы показаться ему в покусанном виде, была страшнее, чем добровольная попытка сунуться к рагранским пчелам.

— Местр Халлоран... — первой в себя пришла Эвель. Ее обычно резковатый голос, отмеченный легкой хрипотцой, стал мягким и текучим. — У меня есть записи с камер, мы как раз собирались узнать, что...

— Передадите записи ферну Норгхару.

— Да-да, конечно. Я обещаю, что мы обеспечим вам все необходимое.

— Надеюсь. Потому что безопасность собственных сотрудников вы обеспечить не в состоянии. — Холодом этого голоса можно было выстудить весь Ландстор-Холл.

Благородная бледность Эвель стала еще благороднее, это было единственное, что я успела заметить. Иртхан направился ко мне, присутствующие с его пути разлетались в разные стороны как щепки. Еще чуть-чуть — и он будет рядом. Еще чуть-чуть, и...

Я взвилась в воздух, как долгие годы стянутая пружина. С усердием, достойным чемпиона мира по гратхэнду, ушла из-под рук попытавшегося меня перехватить Смерча и вылетела в приемную. Вождеденная дверь уже была прямо по курсу, когда прямо по тому же самому курсу нарисовался фервернский айсберг. В Норгхара я влетела с тревожным писком как виарчик, который совершает свой первый полет. Начальник службы безопасности Мэйстона не позволил улететь дальше, а в следующий миг меня подбросило в воздух ураганом «Рэйнар».

Подбросить — подбросило, но к груди он прижал на удивление бережно. И прежде чем я успела опомниться, уже вынес из кабинета, на ходу бросив:

— Разберись.

— Рэй, — фервернские морозы инеем поползли в приемную, — не думаю, что...

— Не думай. Просто разберись.

Стоило нам оказаться в коридоре, рванулась.

— Пусти!

— Даже не пытайся, — прирыкнули на меня. Не то чтобы очень

грозно, но внушительно, драконица пригнулась к земле и спрятала хвостик между ног.

Трусливое чешуйчатое.

— У меня в гримерной телефон, — заметила храбрая я. — И вещи.

— Их заберут. Привезут вместе с лекарствами.

— А...

— Не спорь, Леона. Не сейчас.

Обиженно засопела, но связываться — себе дороже, в лучшем случае меня просто заткнут приказом. Хочет, чтобы молчала, буду молчать. Да я вообще с ним больше разговаривать не буду. Командир выискался, свалился же на мою голову и никак не взлетит обратно. Принялась считать узорчики на настиле, смягчающем грозную поступь Рэйнара Великого. К счастью, в такое время коридоры Ландстор-Холла пустынные, по дороге нам даже никто не попался. Лифты принесли на стоянку, где меня ссадили с рук не менее бережно, чем до этого держали.

— Садись в машину.

— Я к тебе не поеду, хочу домой.

— Садись, Леона, — вкрадчивый, угрожающий голос. — Больше повторять не буду.

Плюхнулась на сиденье и надвинула волосы на глаза, как паренек из фианского ужастика, вылезавший из труб центрального отопления в высотке.

В отличие от флайса Приста здесь безраздельно царил запах Рэйнара, горьковато-терпкий. Кожаное сиденье под ладонями оказалось никаким, ни холодным, ни теплым. Только сейчас поняла, что я почти ничего не чувствую из-за обезболивающего.

Флайс взмыл ввысь по рукаву-коридору, а я уткнулась взглядом в заслонку, отделяющую салон от водителя. Сейчас она была поднята: серебристо-стальное, полупрозрачное стекло, чтобы во время поездки наслаждаться обзором как тебе угодно. Водитель не оборачивался, но даже случись ему обернуться, нас с той стороны все равно не видно.

— У тебя инстинкт самосохранения есть? — припечатал иртехан.

Промолчала, продолжая сердито сопеть. Мало того что меня вынесли как кулек с литтоновыми ягодками, так еще и нарычали. Очаровательно!

— Ты работаешь в шоу-бизнесе. Это тебя осторожности не научило?

— Пчел мне подарили впервые.

И не только пчел. За все время работы в Ландстор-Холле я единственный раз обнаружила в тувельке крошево из стекла. К счастью, до того, как сунула туда ногу перед выходом на сцену. С тех пор тувели я

всегда проверяю.

— Как тебе взбрело в голову открыть гудящую коробку? — Упорно на него не смотрела, только чувствовала раздражение, волнами расходящееся по салону.

— У меня лампы в гримерной гудят!

— И поэтому надо всякую дрянь подносить к лицу?! — рявкнул он. — О чем ты вообще думала?

На глаза навернулись слезы.

— О том, что она от тебя.

После этих слов воцарилась тишина.

Меня накрыло и хотелось разреветься уже по-настоящему. Так, чтобы затопить весь салон вместе с его ир்தхамством. А почему молчал он, понятия не имею.

Молчал долго, пока не вернулся в эфир уже совсем другим голосом:

— Леона, посмотри на меня.

Пальцы легли на подбородок. Мягкое прикосновение, ласка. Которую я почти не почувствовала из-за дурацкого лекарства и которую так хотела продлить, но вместо этого мотнула головой.

— Не трогай.

— Леона.

— Не хочу, чтобы ты видел меня такой, ясно?

— Ясно, — вздохнули справа. — Яснее некуда.

А потом все-таки развернули лицом к себе.

Хотела брыкнуться, но почему-то замерла. Просто до ужаса захотелось потянуться губами к губам или дотронуться до резко очерченного подбородка. Соскучилась? Да, отчаянно, до дрожи, хотя расстались только сегодня утром. Точнее, уже вчера, но как же дико хочется обнять, прижаться, дышать им. Дышать полной грудью.

— Можно? — Пальцы легко коснулись щеки.

— Я луноликая, — предупредила тихо, глядя в тот самый желанный подбородок. — Два кратера, пять горок. Напугаешься, будешь плохо спать по ночам.

Вместо ответа он осторожно приподнял завесу волос, убирая пряди за уши. Одну за другой. У меня даже сердце замерло: страшно, аж жуть. Страшно увидеть разочарование или брезгливость. Страшно понять, что... Неуверенно подняла глаза и словно в яростный зеленый огонь шагнула, так на меня смотрели. Яростью окатило, как бурлящей лавой. На миг показалось, что меня сейчас снова покусает, только гораздо больнее пчел.

— Тот, кто это сделал, за это ответит. Слышишь?

Низкий голос Рэйнара. Искренность, сильнее которой что-то придумать сложно.

Всхлипнула и вздрогнула от ожегшего губы поцелуя. Обжигающего даже сквозь забытие обезболивающего.

Выпала из реальности, танцуя в языках охватившего нас пламени. Вместе с ним.

Почему... почему так?

Каждый миг как на вулкане. Как на краю переполненной огнем бездны, выброс которой способен стереть любого, оставив лишь тень на камнях.

Но падать в нее было совсем не страшно.

Только с ним я чувствовала так остро.

Так сладко.

Так жадно.

Каждый раз как первый или последний.

— Леона, — хрипло выдохнул он, отстраняясь лишь на миг, чтобы крепче прижать к себе, — я просто обезумел, когда мне позвонила Эвель.

Эвель?

— В Ландстор-Холл ты больше не вернешься.

Шмяк.

Примерно с таким звуком упали последние слова на мою и без того беспокойную голову.

— Мм, — сказала я, осторожненько выворачиваясь из объятий, — Рэйнар, это моя работа.

— Подвергать опасности свою жизнь я тебе не позволю.

— Какой опасности?!

— Самой непосредственной. Не знаю, как должна быть построена охрана, чтобы в клуб можно было пронести рагранных пчел.

Он смотрел на меня, хищно раздувая ноздри. Губы упрямо сжаты, а в глазах запечатано решение, обжалованию не подлежащее. То есть невозможность моего возвращения в Ландстор-Холл.

— Не могут же охранники вскрывать подарки! Все пропускается через стандартный детектор.

— Ключевое слово — стандартный.

Да что же он непробиваемый-то какой!

— Детектор для рагранных пчел еще не придумали, — заметила я, начиная заводиться.

Устроилась на сиденье поудобнее и сложила руки на груди, разглядывая город в огнях. Тут и там мелькали змейки аэроэкспрессов,

рекламные щиты сменяли один другой с такой скоростью, что уцепиться взглядом за что-то одно не представлялось возможным.

— Дело не в пчелах.

— А в чем?

— Ты понимаешь, что могла пострадать гораздо серьезнее?

А то нет. Рагранские пчелы — это не мелкая пакость и даже не стекло в туфельки. Если бы Дрэйк не выдернул меня из черного облака, валялась бы сейчас в больнице с лицом, напоминающим пирог криворукого кулинара. Другу тоже досталось. Ему завтра выступать, и в отличие от меня Дрэйку не прикроешь заплывший глаз длинными волосами.

Напихать бы этому дарителю рагранских пчел в трусы.

— Понимаю. Но прятаться за твоей спиной и толпой охранников не стану. Мне нравится петь, сцена — это моя жизнь. Если помнишь, твои цветы передали таким же образом. И точно так же положили к зеркалу.

Вспомнила букет аррензий, и на сердце потеплело.

— Не путай цветы с угрозой для жизни.

— Я все равно буду петь.

— Вот как, — хмыкнул он.

— Именно так.

— Это называется обсуждать, Леона?

Так-так-так, вот только давайте без этого. Знаю я ваши дипломатические штучки.

— Обсуждение — это когда двое взрослых людей садятся друг напротив друга и говорят, — заметил Халлоран.

— Да неужели? И когда кто-то из этих взрослых людей сразу решает, что он прав.

— Давай договоримся так: ты не станешь выступать, пока я не найду и не накажу виновных.

Недоверчиво покосилась на него.

— И ты конечно же расскажешь, кто это был?

— А ты хочешь это знать?

— Меня напиговали жалами, как природа иглорыцку. Разумеется, я хочу это знать.

— Узнаешь.

Лично я сильно сомневалась, что теперь найдутся концы, не зря же самого Норгхара выдернули в Ландстор-Холл. Нет, эта история решится тихо и мирно, до людей вообще ничего не дойдет. Кого надо, попросят молчать, внушительно так попросят. Еще бы! Кому я насолила настолько, чтобы передать мне такой привет, а главное, кто настолько уверен в своей

безднаказанности? На ум почему-то сразу приходила Ирргалия. Местрель Стоунвилл — личная гостья матери Рэйнара. И что он ей сделает? Погрозит пальчиком или разложит на кровати, как меня, и ремнем помашет?

Три ха-ха.

— Ты сомневаешься в моих словах? — резко спросил Халлоран.

Видимо, что-то такое отразилось на моем лице.

Недоверчивое.

— Не сомневаюсь.

— Тогда в чем дело?

— Дело в том, что между нами пропасть, Рэйнар. Пропасть между нашими мирами. Она просто есть, и с этим ничего не поделать.

— Пропасть только в твоей голове, Леона.

— Неужели?

— Да. Смотри.

Только сейчас поняла, что мы уже снижаемся. И что пейзаж вокруг поразительно напоминает Четвертый остров. А вот и родная высотка, всего семьдесят пять этажей, из которых пять нижних отведены под флайсы жильцов, места продаются вместе с квартирами.

— Ты привез меня домой?

— Ты об этом просила.

Ну вот как с этим мужчиной общаться?

Сначала в приказном порядке заявляет, что я не вернусь на сцену, потом отвозит домой, потому что я попросила.

Флайс аккуратно пристроился на временную парковку среднего уровня. Следом опустились еще два: оказывается, все это время нас сопровождала служба безопасности. Халлоран помог мне выйти, накинул на плечи пальто — мое осталось пчелам, и подал руку, провожая по дорожке. Порыв ветра ударил в спину, но покусать уже не мог. Пальто было хорошее. И одуряюще пахло Рэйнаром.

— У меня там сестра, — напомнила я.

— Пятнадцать лет, помню. Она все равно узнает, — иртехан коснулся панели вызова и подтолкнул меня в гостеприимно раскрывшийся лифт, — так почему не сегодня.

После такого заявления даже забыла, что хотела сказать.

— Я спать хочу, — выдала первое, что пришло в голову.

— А я хочу уложить тебя спать, — хмыкнул он.

— И колыбельную спеть? — не удержалась.

— Это не самая сильная моя сторона. Ты когда-нибудь начнешь мне

доверять, Леона?

Рука в его руке нагрелась. Это было удивительно тепло.

А еще страшно. Потому что однажды уже было тепло, но тогда мне поставили условие: или я, или Ландстор-Холл. Тогда было просто тепло, с Рэйнаром — жарко, горячо, пламенно, невыносимо — до безумия. Что я буду делать, если однажды снова окажусь перед выбором? Превращусь в уголек.

— Я учусь, — сказала тихо. — Правда. Просто у меня не всегда получается.

— Вот и я учусь, — сказал он. — В моей жизни раньше не было женщин, которые так отчаянно сопротивляются тому, чтобы о них заботились.

— Спокойно, наверное, было.

— Скучно.

Пока я пыталась придумать, что бы еще такого умного сказать, мы приехали. Ключи тоже остались в гримерной с пчелами. Эта мысль посетила меня в тот момент, когда за спиной пикинул соседний лифт. Двери разъехались в стороны, выпуская в наш уютный маленький холл безопасников, которые тут же кордоном растеклись по этажу. А Халлоран, не дожидаясь вертевшегося на языке вопроса, уже нажал кнопку звонка.

Щелчок, и перед нами предстала сестрица в пижамке с литтоновыми ягодками.

Выражение ее лица однозначно говорило о том, что она сомневается в своих умственных способностях.

— Добрый вечер, — сказал Рэйнар.

— Ыыы... — ответила Танни.

Тут только до меня дошло, что сейчас предстоит как-то представить его сестре.

Пока представляла представление в красках, мы просочились — если так можно назвать уверенный шаг и ускорение, которое придали объятия. Вот тут уже я сама влетела в квартиру, наткнувшись на любопытный взгляд Марра. Зарегистрированный и ныне законный гражданин Аронгары взирает на правящего с нескрываемым интересом. Взгляд сестры стал более осмысленным, хотя она теперь созерцала безопасников, рассредоточившихся по этажу. К счастью, сейчас глубокая ночь. Рэйнар заберет их раньше, чем кто-то из соседей решит, что в нашем доме проводится спецоперация по захвату опасных преступников или снимают кино.

Поскольку Танни залипла, пришлось самой захлопнуть дверь.

— Местр Халлоран, это моя сестра Танни Ладэ. Тан, это местр Халлоран, мой...

Вот тут драконище так улыбнулся, что я чуть сердце не проглотила.

— Хороший друг.

— Очень приятно, эсса Ладэ, — негромко произнес он.

— О, — сказала сестрица. — Мне тоже. Очень приятно, в смысле. Ко мне можно просто по имени.

— Договорились.

Халлоран прошел вперед, а Танни шустро ткнула пальцем ему в спину, потом на меня, и нарисовала в воздухе сердечко. Я сделала большие глаза. И строгие. Надеюсь. Но сестру почему-то не впечатлило. Возможно, потому что это был всего один глаз — я снова надвинула волосы на лицо с покусанной стороны.

Зато мы обе подпрыгнули, когда он обернулся.

— Танна, вас не затруднит сделать мне кофе?

— Э... да. Конечно.

Танни сдуло из холла. Марр остался, взирал на нас, наклонив голову.

А я думала о смысле жизни: чтобы сестра делала кому-то кофе? Она и себе-то не всегда делает.

— Даже не представлял, что ты бываешь настолько вежливой, — хмыкнул Рэйнар, помогая мне снять пальто. Впрочем, снять — это сильно сказано, он просто позволил ему соскользнуть с плеч и устроил где положено, как если бы я была в этом доме гостьей.

— Не последний сюрприз, который тебя ожидает, — вернула ему шпильку.

— Даже не сомневаюсь.

— Ты вообще никогда не сомневаешься, — хмыкнула я.

— Разумеется. Сомнения — пустая трата времени. Кстати, мне понравилось твоё определение «хороший друг».

— А кто еще? — невинно пожала плечами. — Кстати, ты тоже сегодня чересчур вежливый. Подозрительно.

— Я всегда вежливый.

— Да ну?

Халлоран прищурился, а я опустилась потрепать Марра по голове. Тот довольно потерся о ладони, выпустил струйки дыма из ноздрей и распушил шерсть цветочком: доволен жизнью на все сто. Судя по всему, с ним уже погуляли и покормили. Поэтому живейший интерес виара сейчас вызывал только высокопоставленный гость. В случае с Марром высокопоставленный в трех плоскостях — по своему происхождению, по

росту и по статусу в драконьем мире. Постукивая кончиком хвоста по полу, виар не забывал смотреть на него — можно ли так открыто ко мне приставать.

Вот ведь...

— Кофе готов! — донеслось с кухни.

— Замечательно. — Халлоран взял меня за плечи и увлек в гостиную.

Сразу к лестнице.

— Мм... мы же кофе пить собирались.

— Мы с твоей сестрой. А ты, если не ошибаюсь, хотела спать.

— Ты что, меня выставля...

Тут я замолчала, потому что в гостиной нарисовалась сестра.

— У Леоны сегодня был очень тяжелый день, — сообщили за меня. —

Поэтому она нас оставит.

Моя челюсть удержалась на месте только потому, что рядом была Танни.

Что касается сестры, она восприняла это заявление как-то чересчур философски. Поправила сползшую с плеча лялочку, плотнее запахла домашний халатик, который уже успела набросить, и заявила:

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Топая наверх, я мысленно пожелала Халлорану облиться кофе. Впрочем, кое-что хорошее в случившемся тоже было: сестра не увидит моей устрашающей физиономии и не будет лишних расспросов. По крайней мере, сегодня, потому что устала я дико. Правда, не факт, что засну, рагранские пчелки до сих пор жужжат в ушах. Да и любопытство не даст заснуть — разве можно такое пропустить? Знаю, что подслушивать нехорошо, но все равно же не успокоюсь. Пока не узнаю, о чем они там беседуют.

А ладно, если один раз, то можно.

Наскоро переодевшись в домашние брючки и кофточку, выждав пару минут, я тихонечко приоткрыла дверь.

Убедившись, что путь свободен — в гостиной не наблюдалось даже Марра, осторожно направилась к лестнице. Бесшумно ступая босыми ногами по ковровину, подкралась поближе. Насколько возможно: на кухню уводит широкая арка, из которой все отлично просматривается. Как назло, разговаривали они негромко, отсюда не расслышать о чем. Нахмурилась — не вернуться ли назад, но тут снизу донесся смех Танни.

Смех? Танни?

Да она в жизни не смеется рядом с малознакомыми людьми!

Даже улыбается из великого одолжения.

Тут меня осенило идеей. Если примерно на середине лестницы перелезть через перила и, осторожненько придерживаясь за металлические столбики, спуститься вниз, то из арки меня не заметят. Посижу у стены рядом с кухней, послушаю и вернусь тем же путем. Марр, судя по всему, тоже увлечен встречей, а может, ему еды пообещали. В общем... в общем, я перекинула одну ногу через перила, потом вторую. Оказавшись на узеньком краешке ступеньки, вцепилась в столбики, перенося вес на руки. Ладони заскользили по металлу, перед глазами мелькнули темные змейки поручней. А потом я поняла, что мне не хватает роста.

То есть вот совсем чуть-чуть, сантиметров тридцать.

А в гостиной у нас наливные полы с черно-белым узором. Если прыгнуть, звук будет смачный — «чвак». Да и потом, если я отсюда спрыгнуть не могу, то как обратно залезать? С разбега?

С досады мысленно ругнулась. Попыталась забраться на ступеньку, но не получилось. То ли всему виной обезболивающее, то ли я просто устала: руки отказывались вытягивать меня наверх. Попытка закинуть ногу закончилась тем, что я чуть не сорвалась, а из кухни выбежал Марр. Цокая когтями, устремился ко мне и принялся нарезать круги, то и дело тыкаясь горячим носом в пятки. Осознание горячего носа заставило меня понять две вещи: скоро закончится действие обезболивающего, а еще сюда сейчас точно кто-нибудь выглянет. Разузнать, что же такого интересного происходит в гостиной.

— Марр, — пробормотала еле слышно. Слышно скорее для себя. — На кухню! Живо.

Но виару понравилась Леона-колбаска, поэтому он уходить не спешил, продолжая радостно скакать рядом. Еще и крылья расправил во весь размах, готовясь взлететь.

Взлететь?..

А если...

— Стой! — сказала. — Замри!

На этот раз Марр подчинился.

Мне удалось поставить носочки на мощную спину аккурат между крыльев. Как раз в ту минуту, когда из кухни вышли Рэйнар и Танни. Марр дернулся и все-таки взмыл к потолку, а я взвизгнула и разжала руки.

Шлеп.

Примерно с таким же звуком можно сесть мимо стула.

Вышло скорее обидно, чем больно.

Вот кто вообще так по-идиотски делает лестницы?

— Леа? Ты что тут делаешь?

Вопрос Танны соответствовал ситуации. Мой ответ, впрочем, тоже:

— Сижу.

Марр, взволнованный нашей неудачей, кружил под потолком. Благо мне в свое время хватило ума ограничиться точечными светильниками и квадратными, встроенными в потолки световыми платформами. Потому что люстре сейчас пришел бы бесславный, но очень эпичный конец. Во время особо крутого виража от размаха мощных крыльев по гостиной заметался ветерок, откинувший мне за спину волосы.

— А... что с твоим лицом?

Сестра сунула руку в карман халата, но он оказался пуст. К счастью. Для завершения картины не хватало только знаменитого леденца в стиле Танны Ладэ.

— Вниз. Живо.

Негромкий голос Халлорана перевел Марра в пике. Тот сложил крылья и приземлился у его ног с такой точностью, что даже не снес пару диванных подушечек. Рэйнар же подошел ко мне и, прежде чем я успела разгадать коварный план — драконище протянул руку, чтобы помочь подняться — уже снова оказалась в воздухе. Возмущаться при сестре не хотелось, поэтому я просто угрюмо молчала. До тех пор, пока мы не вернулись в спальню и меня не поставили на ноги.

Там я выразительно уперла руки в бока.

— Зачем?

— Ну ты же хотела полетать.

Ага, только из гнезда выпала.

— При ней!

— У тебя потрясающая сестра.

После таких слов желание ругаться сразу пропало.

— Она взрослая девушка и все понимает.

Но это не значит, что меня нужно таскать на руках в ее присутствии!

Впрочем, желание ругаться не возвращалось.

— И не надо командовать моим виаром! — предприняла отчаянную попытку я.

— Он у тебя невоспитанный, — меня подтянули к себе.

— Да ты что? В отличие от некоторых он не ест чужие сапоги.

— А какие ест? — ухмыльнулся драконище.

— Никакие. Только носки.

Рэйнар выразительно приподнял брови, я не выдержала и фыркнула.

— Так что, тебя можно оставить одну принимать душ? Ты больше не

станешь падать с лестницы?

Укусить его, что ли?

— Я просто хотела знать, о чем ты говоришь с моей сестрой.

— Много о чем. Она рассказала, что хочет заниматься 3D-дизайном.

— И... что скажешь? — неожиданно для себя спросила я.

— Интересная профессия. Самое то для девушки с такой неуемной энергией.

Неуемной энергии в Танни и правда много.

Вот как он умудрился это понять за одну короткую встречу? Но главное, как он выпытал из нее про 3D-дизайн? За несколько минут знакомства.

— Я увидел планшет, — пояснил Халлоран, словно мои мысли читал. — У нее роскошные рисунки и весьма интересный стиль.

Что правда, то правда. Танни с детства любила рисовать. Увы, после смерти мамы она редко показывала мне свои работы — то ли потому, что поначалу у меня не хватало времени, а потом она привыкла обходиться без моих впечатлений. То ли потому, что для нее это был способ справиться с тем, что случилось. Как-то я пришла за ней к Имери, а моя сестра рисовала, сидя на кровати подруги, хотя сама Имери зависла в виртуальной реальности. Продолжалось это и у нас дома, теперь, когда спальня мамы и отчима принадлежала мне, Танни запиралась у себя. Рисовала, рисовала, рисовала — выходила из комнаты только в школу, погулять или поесть.

Я не настаивала: личное есть личное. Не надоедала, в свободные часы старалась вытащить в кино или в парк. Наши отношения с каждым днем становились теплее, только привычка рисовать в одиночестве осталась. Но то, что сестра показывала, было чудесно. Ее создания оживали внутри планшета — люди, драконы, здания становились вполне реальными. От трехмерной красоты захватывало дух, но размещать рисунки на сайтах Танни по-прежнему не хотела.

«Не хочу выслушивать от всяких», — оговорила как-то раз.

Больше мы к этой теме не возвращались.

Она и с преподавателями-то обсуждала только технику рисунка, потому что иначе нельзя. Я видела несколько ее картин, нарисованных по урокам. Заключенные в рамки классической школы, они выходили гораздо более плоскими, чем самый простенький самостоятельный рисунок.

Не думала, что это пойдет дальше увлечения, но вот пошло.

И меня это несказанно радовало.

— Ладно, — сказала я, — мне и правда нужно в душ.

Потрясений на сегодняшний день хватит. А то мало ли, сейчас

Халлоран признается, что ему рассказали про Мика, и мой мир никогда не станет прежним. Вот только рассказывать он не спешил, равно как отпускать мою талию. Напротив, привлек еще ближе к себе, коснулся губами губ. Мягко и осторожно, словно впервые пробуя нашу странную близость. Придумать которой определение у меня пока ну никак не получалось.

— В ду-уш, — пропела я, выворачиваясь из объятий.

И ускользнула за дверь раньше, чем Рэйнар успел что-либо сказать, а я — что-либо подумать.

Не надо об этом думать, вредное это занятие!

Лучше немного привести себя в порядок и лечь спать. А завтра, то есть уже сегодня на свежую голову решать, как быть. С тем, что за мной приехали в Ландстор-Холл. С тем, что отвезли домой, проводили и пили на кухне кофе с моей сестрой. С тем, что по милости Ирргалии или кого-то еще из иртханов я теперь напоминаю Приайлан-Обэ — злого духа, принимающего обличье женщины и заманивающего мужчин в ловушки пустынных.

Считается, что эта женщина погибла, потому что провалилась в такую ловушку, а возлюбленный трусил и не пожелал ее спасти. С тех пор она мстит всему сильному полу за предательство и свою жестокую смерть. Левая сторона лица этого существа прекрасна, а правая — отражает истинную суть. Ладно, насчет прекрасной левой стороны я погорячилась, потому что забыла нанести на ресницы средство для снятия макияжа. И теперь стала еще больше похожа на мальчика из фиянского ужасика.

Провозившись в ванной чуть дольше, чем рассчитывала, вышла в спальню.

Там меня уже дожидалась сумка, оставшаяся в Ландстор-Холле. На кровати лежали несколько коробочек и пузырьков с лекарствами. Отдельно — мой телефон с неприкрытыми вызовами от Рольгена и Танны.

Помимо прочего, в телефоне обнаружилось сообщение: «Доброй ночи, эсса Ладэ».

Разбирая постель, я почему-то знала, что не найду его внизу.

И на кухне с Танни тоже не найду.

Это было правильно и привычно. В отличие от всего, что было до.

Только немного грустно.

Обклеив укусы целебными пластырями, устроившись на подушках и завернувшись в одеяло, я снова смотрела на Лаувайс. Из-за обрушившейся на город темноты и надвигающейся бури подсветка выхватывала тут и там клочья снежных туч — высотка казалась еще более яркой и недосыгаемой,

чем обычно.

Тем не менее я прилепила телефон к настенной панели зарядки над тумбочкой.

Недолго водила пальцем по дисплею, не позволяя ему погаснуть. Смакуя почти забытое обращение «эсса Ладэ».

А после все-таки написала: «Доброй ночи, местр Халлоран».

ГЛАВА 5

Дурацкая прядь никак не желала держаться там, где нужно. То и дело норовила соскользнуть, приоткрывая заметно уменьшившееся красное пятно на щеке. Отчаявшись что-нибудь сделать с этой подвижностью, решила воспользоваться старым проверенным способом — лаком суперсильной фиксации от «Латрикс». Только с ним волосы выглядели естественно и лежали как положено. В итоге мне удалось подцепить локон, повесить его на остальные. Блестящая прядь легла как влитая, там я ее и подстерегла струей из баллончика. Лента на волосы — и готово!

Новый образ мне даже понравился, была в нем какая-то загадка. Справа лицо скрывала завеса волос, открывая только линию подбородка. Продолжалась она на груди, подчеркивая декольте, особенно когда я наклонялась. Что касается покусанных рук, на них очень в тему пришлось перчатки. Длинные, выше локтя: потрясаясь смотрятся с открытыми плечами. На шею нашлась широкая замшевая бархотка. Осмотрев себя, осталась довольна. Пожалуй, даже на сцене под софитами заметно ничего не будет.

— Крутая! — сообщила Танни, заглянув в комнату.

— Как дела в школе?

— Да какая разница. Я вчера пила кофе с Рэйнаром Халлораном.

Поймав возмущенный взгляд, сестра хихикнула.

— Шучу! Круто все. Сегодня сдавали тест по математике, вроде все решила, а к следующей неделе нужно подготовить доклад по современной литературе.

— Готовь заранее. У тебя день рождения, обязательно посидим в кафе.

— Когда это еще будет, — отмахнулась сестра и достала леденец. Повертела в руках и сунула обратно в карман безразмерного комбинезона, надетого поверх водолазки. — А Рэйнара ты позовешь?

— Рэйнара?!

— Он сам предложил называть его по имени. Что я, дура отказываться? Тем более что у вас такая теплая... дружба.

— Танни!

— Молчу-молчу, — невинно передернула та плечами.

— И правильно делаешь, — свирепо заявила я.

— Да ладно, чего ты так кипятишься. В отличие от твоего бывшего этот отличный мужик.

Пристально посмотрела на сестру, но в глазах не уловила ни тени насмешки.

— С чего бы это? — сложила руки на груди.

— Ну, во-первых, он не стесняется носить тебя на руках, — Танни загнула палец, — а во-вторых, сказал, что кофе у меня дерьмо.

Мои брови не подскочили до волос только потому, что я побоялась повредить укладку.

— Так и сказал? Потрясающий комплимент.

— Ну... не совсем так. Просто кофе у меня и правда дерьмо. — Сестра устроилась на кровати и опрокинулась на спину, вытянув руки за головой. — Люблю чуваков, которые говорят правду.

Понятия не имею, как можно неудачно приготовить кофе в кофемашине, но Танни в этом профи. Она каждый раз умудрялась переложить или не доложить зерен, а в особых случаях еще и сделать пенку густой, как тянучка. Честно — у меня так ни разу не получалось, какие бы режимы я ни выставляла. В итоге мы решили, что Танни не трогает кофемашину, а кофемашина не трогает ее.

— А как вы с ним познакомились? — последовал вопрос.

— Я уже опаздываю, — указала на часы.

— Да ну? Ты же сейчас ночами поешь.

— У меня еще встреча.

— С кем это? — Танни приподнялась.

— А все тебе расскажи, — фыркнула.

Встречу с Хейдом решила не отменять, только написала, что доберусь сама. Возражать агент не стал, сбросил мне адрес клуба, где мы общались в прошлый раз. Помимо прочего с утра я успела поболтать с Лэм. Главное, что у Дрэйка все в порядке: лекарства сняли отек и боль. Он откопал в залежах прошлой жизни шляпу, в которой выступал на заре молодости в каком-то второсортном ресторане. И слегка сменил имидж под стиль начала столетия.

Подруга сообщила, что, когда он надвигает ее на глаза, тень скрывает укусы. А пианино Эвель обещала развернуть так, что губу тоже не будет видно. Вчера в Ландстор-Холле всех разогнали на удивление быстро: Дрэйка расспросили и отпустили первым, поэтому, чем дело кончилось, Лэм не знала. Но от души желала дарителю или дарительнице сесть голой задницей на иглорыцку. И тут я была с ней согласна.

— Ну расска-а-жи, — протянула Танни. — Ну Леа! Я же тебе про Мика рассказываю. Ты ведь с Рэйнаром встречаешься, да?

— Нет. Я еду на встречу с агентом, который будет представлять меня в

опере.

— Очешу... круто, в смысле.

Улыбнулась.

— Погуляешь с Марром? А то я уже не успеваю.

— Разумеется, — проворчала сестрица. — Тебе в таком наряде только с Марром гулять.

Распрощавшись, быстро сбежала по ступенькам вниз, накинула пальто и вылетела за дверь. Чтобы наткнуться на Рольгена.

— Эсса Ладэ, добрый день. — Видимо, он в свою очередь наткнулся на мой ошарашенный взгляд, потому что поспешно добавил: — С сегодняшнего дня я буду сопровождать вас от двери и до двери.

Мне тут же захотелось взбрыкнуть, но охранник выглядел виноватым. Настолько, что не было никаких сомнений: влетело ему знатно. От этого становилось не по себе, поэтому я решила вообще не касаться этой темы. Тем более Рольген действительно ничего не мог сделать. У него есть вышестоящее руководство, все приказы которого исполняются неукоснительно. Вот только непонятно, за что было его ругать — не стоять же ему за моей спиной круглосуточно. А я и сама могла бы быть повнимательнее. Например, не открывать коробку. Если бы не эти гудящие лампы...

— Добрый день, Лидс, — сказала как можно более мягко. — Спасибо.

— Могу я узнать, какой у нас на сегодня маршрут?

Мы погрузились в лифт, и я вздохнула.

— Сейчас диско-бар «Веалия», а потом Ландстор-Холл.

— Простите, эсса Ладэ, но...

— Давай просто Леона, хорошо?

Безопасник кивнул.

— Леона, в Ландстор-Холл я вас сопроводить не смогу.

— То есть как?

— Это приказ, — твердо сказал он.

— А если я поеду туда сама?

— То я лишусь работы.

Когда двери открылись и мы вышли на стоянку, я набрала сообщение Халлорану. Содержало оно одно-единственное слово: «Драконнице». А главное, знал ведь, на чем меня зацепить! До сих пор дергает, когда вспоминаю об уволенном парне, который не сумел меня догнать после выступления на юбилее. Я прекрасно знаю, какие на биржах очереди. Может, у Рольгена жена и двое детей, которых нужно кормить, и кредиты для полного счастья. Даже если нет и даже, несмотря на то, что это не мое

дело, не мои заботы и вообще никакого отношения ко мне не имеет, просто вернуться в лифт не получалось. И сбежать из клуба точно не получится, меня же совесть потом с потрохами съест. Ругая себя последними словами, направилась к знакомому флайсу.

— Добрый день, эсса Ладэ, — водитель улыбнулся. — Как вы себя чувствуете?

— Добрый вечер, Валентен. Замечательно. Как внучки?

Тот расцвел.

— Угломонить невозможно. Кричат целыми днями.

Мы еще немного поболтали, пока взлетали со стоянки, даже Рольген немного расслабился.

Ответ на сообщение пришел, когда машина выходила на верхнюю магистраль: «Мы вчера все обсудили, Леона».

Сам с собой ты все обсудил!

«И с Эвель тоже?» — «С Эвель я разговаривал сегодня. К тебе никаких претензий нет».

Ну, обалдеть.

На такой ноте я подумала, что стоило бы переодеться, раз уж сегодня все равно не пою. Но разворачивать Приста не хотелось.

До клуба добрались быстро — благо эта дорога всегда свободна. Я прошла регистрацию, сунув охраннику запястье: на меня нацепили браслет, на который весь вечер записывается счет. Напитки, закуски или желание отдохнуть в вип-ложе танцпола. Выйти я смогу, только когда счет будет полностью обнулен. Такой же надели и Рольгену, хотя он задерживаться не собирался. В отличие от своего твердолобого начальника пообещал, что будет поблизости, но светиться не станет. Что, в общем-то, приятно — не хочется оглашать Хейду всю историю своих приключений за последнее время. И так есть о чем поговорить.

Мы шли по полутемному коридору, петлявшему лабиринтами неоновых узоров, когда навстречу вылетела парочка. Девушка в коротеньком стильном платье была нетрезва от слова «совсем»: светловолосая, с вызывающим макияжем, она глупо хихикала и висла на своем кавалере. Мне хватило секунды, чтобы зацепиться за показавшееся знакомым смазливое лицо, когда они протиснулись мимо. Обернувшись, впиваясь взглядом в спину парню, но тот увлек свою спутницу в соседний коридор, к танцполу.

— Кто-то знакомый? — Рольген заметил мое замешательство.

Да вот попробуй пойми!

В ядовитом флере неона парень был вылитый Микас Лодингер.

От того, чтобы припустить за парочкой, меня удержала мысль, что это будет как минимум стремно. Мало ли что могло показаться на бегу, мало ли похожих людей? Толком рассмотреть лицо в таком свете невозможно, да и на фото я видела Мика мельком. К тому же до назначенного времени оставалось не так много, а опаздывать на деловую встречу не комильфо.

— Показалось.

Мы с Рольгеном разошлись на входе: он направился куда-то влево, а я остановилась, чтобы осмотреться. Царство приглушенного света, ретромелодий, виньеток на стенах и поблескивающих в свете ламп отполированных полов. Столик, за которым мы сидели с Хейдом в прошлый раз, пустовал, за занятыми его не наблюдалось. Ко мне тут же подскочил официант: белая рубашка, фрак-бабочка и ослепительная улыбка.

— Эсса, вас ожидают?

— Да, у меня встреча с эстердом Хейдом.

Официант улыбнулся еще шире.

— Разумеется, поднимайтесь на второй этаж.

В вип-зону? Тут я додумалась поднять голову и посмотреть наверх, Хейд тоже смотрел на меня. Судя по тому как — восхищением протянуло от тупелек до макушки, ухищрения с образом «антипчела» были не напрасны. Агент поднялся и приблизился к лестнице, чтобы меня встретить.

— Восхитительно выглядишь. Даже немного обидно, что все это исключительно ради Ландстор-Холла.

— Пока что все это исключительно для тебя.

Хейд широко улыбнулся. При всей его любви к черном цвету он не выглядел мрачно. Скорее стильно. Лицо его, каждое движение, каждый жест излучали позитив и уверенность. При встрече с таким человеком невольно начинаешь улыбаться в ответ.

— Тогда я счастливейший из смертных. Пойдем, будущая звезда.

Мы устроились у самых перил: со второго этажа абажуры напоминали перевернутые цветы, которые закрылись на ночь. Окруженные бахромой лепестков-кисточек они рассыпали неяркий свет на столики, большая часть из которых была занята. Ничего не поделаешь, Мэйстон — город, в котором развлечения продолжаются от заката до рассвета, потому что в остальное время все очень заняты. Я глазела внимательно, но Рольгена так и не высмотрела. Должно быть, он за барной стойкой, которая прячется внизу.

— Что будешь пить? — Хейд рассматривал меня, не таясь.

Перед ним стоял бокал с неизменным тоньясом, льдинки в котором

льнули друг к другу, как изголодавшиеся по ласке любовники. Я же полистала меню и остановилась на слабоалкогольном коктейле, основным преимуществом которого был Литтоновый сироп и ягоды в качестве украшения. Выложенные на взбитых сливках ожерельем они даже на картинке смотрелись весьма аппетитно. Выбрала его на дисплее, сделала заказ и потянулась браслетом к экрану, чтобы записать на счет.

— Позволь, — Хейд перехватил мою руку и прежде, чем я успела возмутиться, приложил свой. — Сегодня я угощаю.

— С чего бы?

— С того, что у меня отличные новости. Удалось разведать, о чем будет постановка.

— Ого.

Это действительно отличные новости. Премьеры всегда держались в строжайшем секрете, за исключением режиссеров и директоров, перед прослушиванием о них мало кто знал. Зато когда начиналась рекламная кампания, новости летели с каждого экрана. Мэйстонская опера вкладывается в раскрутку с должным усердием, и это всегда окупается: народ валом валит на представления. Конечно, с зингспридскими постановками наши не сравнить, но у них преимущество — совсем другой бюджет. После исчезновения Шайны в театр вкладывается сам Аррингсхан.

— Ага. Так что есть идеи, о чем ты будешь петь?

— Это что-то совсем новое?

— Совсем.

Хейд пригубил тоньяс и подмигнул. Выглядел он при этом довольным, как виар, которого накормили вяленным мясом. Не знаю, что такого содержится в вяленом мясе, но стоит Марру его учуять, у него начинается истерика. Как-то я купила большущий кусок, чтобы собраться с друзьями у нас. Виар (тогда ему не было еще и года) вздыхал, плакал, выклянчил у меня целую четверть, а когда я ушла к себе, разворотил дверь холодильника и сожрал остатки. После чего был наказан и сидел на голодном пайке до следующего утра. С тех пор я не покупаю вяленое мясо, а Марр знает, что холодильник трогать нельзя.

— То есть таких постановок еще не было?

— Вообще.

Я быстренько прикинула, что из классики и легенд еще не приодели в музыку. На ум ничего не пришло: в мире, где правят иртханы, большую часть известных историй облачают в голоса и звучание.

— Хм...

— Ладно, не буду пытаться. Рок-опера называется «Мир без тебя».

— «Мир без тебя»? — Я ахнула.

Хейд кивнул.

— Надеюсь, у тебя нет предубеждений против новых веяний.

— Разумеется, нет!

Больше того, я пришла в несказанный восторг. Экранизация ожидается только в следующем году — выходит, наши успели их обскать, заключили контракт на рок-оперу, которая, в случае успеха, прогремит на весь мир. Второй «Артомеллой» не станет, конечно, ее до сих пор никто не может обогнать, но это и не главное. Просто мне действительно очень понравилась книга — живая, эмоционально яркая, да и главная героиня тоже. Поэтому сейчас даже голосовые связки зачесались от вдохновения.

— Ну вот и отлично. Будем лепить из тебя Люси.

— Ваш напиток, — знакомый уже официант поставил передо мной высокий бокал на тонкой ножке.

Трубочка кокетливо изгибалась, окруженная пышным кружевом взбитых сливок. Литтоновый сироп растекался в сливочном слое ликера тонкими щупальцами. Льдинки жались к краям, запотевшее стекло покрылось крохотными капельками.

— Спасибо.

Люси — странное имя. Впрочем, в этой книге все имена были странные. Люси, Стен, соперницу героини и по совместительству главную злодейку звали Элла, а мужчину, безответно влюбленного в Люси и предавшего ее в конце, — Адам. Вообще автор сделал упор на имена из четырех букв, собирая довольно странное звучание: в них не встречалось рычащих. На фоне привычных уху звучало довольно необычно. Хотя в моем имени тоже рычащих нет, в Рагране пару столетий назад люди были недовольны властью. Протест этот вылился в то, что детей называли вот такими «мягкими» именами. Многие из которых потом прижились.

Впрочем, псевдоним я брала как раз с расчетом на оперу.

Интересно, чем руководствовалась Шайна, когда выбирала сценическое имя? О ее прошлом было известно непростительно мало: только то, что она сама захотела поведать журналистам. Родилась в Зингсприде, в небогатой семье. Отец был учителем музыки в школе, про маму почти ничего не известно. Шайна пела с детства — в школьных ансамблях и соло, а потом над Зингспридской сценой взошло ее солнце, озарившее город. О ней писали всякое, в особенности то, что она самоучка, которую натаскивал весьма посредственный музыкант — отец. Впрочем, этот факт она не скрывала: говорила, что горда лучшим учителем в мире, но слухов все равно ходило множество. Журналисты пытались раскопать

прошлое самой юной оперной дивы, секрет успеха ее феноменального голоса, но никому это не удалось.

Подозреваю, что Аррингсхан знал о ней все.

— Надеюсь, Люси из меня получится, — рассмеялась и попробовала коктейль.

Вкусно.

— Получится, — уверенно заявил Хейд. — С удовольствием посмотрю на тебя в этой роли.

— Ты меня обнадеживаешь.

— Главное, что до следующей недели у тебя уйма времени, чтобы потренироваться.

— Наверное, не стоит брать для прослушивания «Артомеллу».

Главная героиня в «Мире без тебя» наивная девушка, очень мягкая и неискушенная. В первой книге герой знакомит ее с миром, в котором живет с ранних лет — миром богатства, власти и чувственных удовольствий. Его тянет к ней, потому что Люси совсем не похожа на женщин из его жизни. Она для него диковинка, но он не собирается называть ее своей или тем более жениться. Артомелла — жесткая, сильная, резкая, ее сердце смягчается только рядом с возлюбленным. Который готов ради нее на все.

— Попробуй Ильнир из «Шестнадцати» или Триаррис из «Солнечного ветра». Они ближе по образу. Если нужно, я пришлю партитуры. Но все-таки я бы не рекомендовал тебе сразу отказываться от «Артомеллы». Главное, чем ты гордишься.

— О да.

Бросила быстрый взгляд на дисплей — на часы. Неосознанно.

И вспомнила, что на работу мне не нужно. Можно просто вернуться домой, погулять с Марром, а после посидеть над материалами, которые прислал Халлоран.

— Во сколько тебе нужно быть в Ландстор-Холле? — Хейд невольно взглянул в сторону меню.

Хотя на запястье у него красовались часы: стильные, черное с серебром.

Врать ему не хотелось.

— На сегодня я взяла выходной.

Хейд как-то странно на меня посмотрел и улыбнулся, не размыкая губ. В его исполнении эта улыбка выходила скорее мальчишеской, озорной, нежели провокационной.

— Значит, этот наряд все-таки для меня.

О-ой. Ну лучше пусть будет так, чем объяснять, почему у меня

выходной.

— Я просто люблю выглядеть стильно. Так же, как ты.

Агент хмыкнул и протянул мне руку.

— Если ты никуда не торопишься... Потанцуем, Леона?

А почему бы и нет, собственно. Не пропадать же перчаткам, бархотке и платью. К счастью, в таком очень удобно двигаться: коктейльное, немного выше колен с пышной юбкой и широким поясом. Открытые плечи — и руки можно поднять свободно. Да и вообще, если вспомнить, когда я в последний раз танцевала...

Приняла протянутую ладонь и улыбнулась, поднимаясь из-за столика.

— Должна тебе признаться, — наклонилась к самому его уху, — у меня этого не было очень давно.

— Ничего, дело поправимое.

Он переплел наши пальцы, словно я собиралась обмануть его и сбежать. Теперь моя рука удобно покоилась в его.

— Я могу отдавить тебе ноги, — задумалась, глянув на свои шпильки. — Ну или проткнуть насквозь.

— И все-таки я рискну.

Мы спустились, и я быстренько глянула в сторону барной стойки. Поблескивали стеклянными боками многочисленные бутылки, отмеченные стильными этикетками. Наверху застыли перевернутые бокалы, то и дело падающие в руки ловких барменов. Те виртуозно орудовали шейкерами, смешивая коктейли, вдоль отполированной полосы на высоких стульях не осталось свободных мест. Но Рольгена там не было.

М-да. Вот так и поверишь, что кое-кто умеет быть незаметным.

Или невидимым?

— Ищешь кого-то? — От Хейда не укрылась моя внимательность.

— В коридоре показалось, что видела парня сестры. — Как выкрутиться и не солгать. Сто один проверенный способ от Леоны Ладэ, ограниченное издание.

— У тебя есть сестра?

— Младшая. Они только начали встречаться, поэтому я жутко волнуюсь, и все такое.

— О... серьезная старшенькая. — На сей раз улыбка тронула только уголки его губ.

Получилось по-доброму.

— Серьезнее некуда, — фыркнула, вспоминая недавнее эпичное падение с лестницы.

— А что с родителями?

— Мама умерла. У отца... точнее, у отчима своя жизнь.

Странное дело, я вдруг поняла, что впервые об этом говорю. Рэйнар узнал все через свою систему «все вижу, все знаю», Вальнар меня вообще ни о чем не спрашивал. То есть оно само собой выяснилось, мы тогда уже несколько месяцев встречались. Просто однажды я сказала, что у меня не получится пойти с ним на свидание, потому что сегодня День Памяти — именно в этот день умерла мама.

— Сочувствую. — Хейд легко сжал мою руку.

Без лишней драмы, за что я была особенно ему благодарна.

Коридоры-лабиринты, затянутые в пестрящий сиренево-синий неон, привели нас на танцпол. За столик можно было не бояться, до закрытия счета он за нами закреплен. Здесь же открывался невероятный панорамный обзор со всех сторон. Да, дизайнеры постарались на славу: на полу изобразили просвечивающий сквозь нижние этажи город. Казалось, будто танцуешь в воздухе.

Разноцветные лазерные огни вонзались в прозрачные стекла, пронизывая короб высоты. Хейд ухмыльнулся, увлекая меня в круговорот разгоряченной публики. Лучи скользили по его волосам, делая пряди разноцветными. Впервые за долгое время я полностью слилась с оглушающими басами, отдающими в сердце. Позволила себе расслабиться и двигаться в едином ритме с беснующейся вокруг толпой.

Сво-бо-да! Дикая, необузданная, сумасшедшая. Сладкое слово, которого моя молодость была лишена.

Ух, держите меня семеро!

Я танцевала так, как если бы вокруг не осталось ни единого человека и никто не мог меня видеть. Танцевала, вспоминая все отработанные на занятиях по пластике движения.

— Позволь? — низкий с хрипотцой голос скользнул по обнаженным плечам.

Улыбнулась, позволяя себя развернуть, нырнула под его руку. Еще один разворот, и я оказалась плотно прижатой к Хейду. Горячая грудь под тонкой черной рубашкой, рельефные мышцы. Мы одновременно вскинули руки, вжимаясь друг в друга еще плотнее, и теперь скользили телом по телу: зажигательно и откровенно, подчиняясь одной лишь музыке. Не сразу заметила, что вокруг нас образовался «почетный круг»: мужчины и женщины, короткие яркие платья, движение, движение, движение — даже в глазах зарябило.

— Во дают! — выкрикнул кто-то.

Мы остановились, только когда на миг стихла музыка. Эта пауза тут

же взорвалась аплодисментами, заставляя ощутить себя шальной, бесконечно юной и далекой от реальности. Хейд по-прежнему держал меня за руки, я по-прежнему стояла к нему спиной. Вдыхая разгоряченный от танцев воздух и его запах. Приятный — мята и свежесть.

— А говорила, давно не танцуешь. — Он легко развернул меня лицом к себе.

— Очень давно, — призналась честно. Последний раз был полгода назад с Вальнаром. — Наверное, соскучилась. Или на меня хорошие новости так действуют.

— Надо будет почаще сообщать тебе хорошие новости.

Последнее слово потонуло в новой вспышке басов, поэтому Хейд только рукой махнул — танцуем дальше. И мы танцевали. До тех пор, пока у меня не заболели ноги, а сердце не начало сбиваться с ритма. Но тут, как назло, врубили медленную композицию, и агент не преминул этим воспользоваться. Мельтешившие до этого лучи успокоились. Включилась нижняя подсветка, по залу поплыл легкий туман. Из-за этого создавалось ощущение, что мы танцуем в неоновой дымке. Лишь на миг позволила себе одну глупую мысль — каково бы это было с Рэйнаром. Обнять, прижаться щекой к плечу, позволить ему вести...

— Директор клуба — мой хороший знакомый, — негромко сообщил Хейд, прерывая несбыточные мысли. — Если хочешь, могу узнать по поводу того парня. Как его зовут?

— Не стоит, — отмахнулась. — Не хочу становиться похожей на озабоченную мамашу. Но спасибо.

— Ты меньше всего похожа на озабоченную мамашу.

Серые глаза сверкнули — слишком ярко даже в полумраке танцзала. Горячие руки сомкнулись на моей талии, притягивая к себе. Мгновение — и меня бы поцеловали. Отпрянула, чудом не налетев на танцующую рядом с нами пару. Хейд тут же взял меня за локоть и увлек за собой в коридоры, оставляя парам купаться в сгущающейся романтике.

— Не в тему. Понял, — сказал, примирительно вскинув ладони.

— Не страшно.

— Уверена? — Он подмигнул. — Не хочу, чтобы ты думала, будто я вроде тех продюсеров, которые лапают симпатичных певиц.

— Без твоей подсказки я бы до такого не додумалась, — фыркнула. — Но теперь...

— Конечно! С тобой я был бы не против такое проверить...

Хейд ухмыльнулся и сделал вид, что собирается меня облапать, но я шутиливо увернулась.

— Руки!

— В наличии.

Удивительно, но раньше так легко я себя чувствовала разве что с Лэм или Дрэйком.

— А если серьезно. Парень?

Мм... Не знаю, можно ли назвать Рэйнара моим парнем. Хотя он упорно заявляет, что я его женщина. Так что по логике вещей можно. Справедливости ради.

— Девушка?

— Что?!

— Ну ты так выразительно молчала...

— Я размышляла. — Красноречиво на него покосилась и добавила уже серьезнее: — Да. У меня есть мужчина.

— Завидую, — беззастенчиво сообщил Хейд.

— Кому? — вернула шпильку.

Да и вообще. Я вот себе не завидую.

— Уела. Твоему мужчине, разумеется.

Вот как поступить в такой ситуации? По идее — точнее, по договору, мой агент должен «незамедлительно узнавать обо всем, что так или иначе может повлиять на коммерческий потенциал партнера», то есть меня. Роман с правящим однозначно может повлиять на «коммерческий потенциал», но вот говорить об этом с Хейдом я пока не готова. Тем более что в наших с Рэйнаром отношениях все запутано. Как колтуны на пузе длинношерстного виара, на которого давно забил ленивый хозяин.

— Смотрел твою страницу в соцсети, — сообщил агент, когда мы вернулись за столик. — Над ней тоже придется поработать.

Небо, как же я обожаю уверенных в себе мужчин, которые не воспринимают отказ на свой счет.

Ну ладно, некоторые вообще отказы не воспринимают.

В голову упорно лезли мысли о Рэйнаре и о том, каким мог быть наш танец. Вот же...

— А что там нужно будет изменить?

— Попросту все.

Хотела возмутиться, но передумала. Если честно, я ее почти не вела. Некогда было: раз в месяц скидывала новости и фотографии с выступлений в Ландстор-Холле, которые мне присылала Эвель. Даже статусы забывала обновлять, не говоря уж о чем-то большем. Как раз в тот момент, когда собиралась сказать, что не имею ничего против полной переделки странички, Хейд уставился куда-то за мою спину.

Исполненная самых нехороших предчувствий, медленно обернулась. Вид у Рольгена был хмурый, если не сказать, страдальческий.

— Прошу прощения, Леона. Нам пора.

Хейд приподнял бровь. Моя конспирация разваливалась на части, как рухнувший с конвейера флайс. Одновременно с этим силу набирало чувство, что кто-то обнаглел в драконьей степени. Рольген тоже хорош! Вместо того чтобы меня прикрыть, доложил все по форме СПИВЗ (Система Правящий Иртхан Все Знает), высший уровень доступа. Интересно, он ему все танцы в подробностях описал?

Искушение задержаться было велико, но с Халлорана ведь станется явиться за мной лично, как он это провернул в Ландстор-Холле. Так и представляю себе эту картину: замирают официанты, охранники на входе вытягиваются в струну, а по лестнице в сопровождении дружественной службы безопасности поднимается мое персональное наваждение. И даже музыкальный автомат замолкает, а потом начинает играть гимн Аронгары. Сам по себе.

Разрядил обстановку Хейд:

— Представишь нас? — Агент поднялся, и я тоже вспорхнула из-за стола.

— Лайтан Хейд — Лидс Рольген.

Решила не уточнять, кто есть кто.

Мужчины пожали друг другу руки, после чего Хейд поспешил подать мне пальто.

— Ты невероятно танцуешь, Леона. Я бы не отказался повторить.

— Ты тоже, — улыбнулась. — Думаю, это можно устроить.

Легко поцеловала агента в щеку и направилась к лестнице. Может, Рольген и об этом доложит? А что, я бы на это посмотрела. Сейчас, когда окутанный ретророскошью зал остался за спиной, хотелось кого-нибудь покусать. Сильно. После музыки и сумасшедшего мельтешения приглушенный свет казался каким-то неправильным. Да и тишина тоже, поскольку в ушах еще бился пульс единой танцующей волны, набирающей силу. Стены, тронутые нитями неона, проплывали перед глазами. Безликие и бесконечные.

— Леона. — Рольген догнал меня и пошел чуть ли не в ногу.

Я не ответила. Только ускорила шаг.

— Леона, у меня четкие инструкции. Я обязан сообщать о вашем местонахождении по первому требованию.

Инструкции? Обязан сообщать?

— И немедленно вас доставить, куда потребуется.

Как быть женщиной Рэйнара Халлорана, или сто один способ почувствовать себя пиццей.

Не стала останавливаться, напротив, шустро завернула за угол. Синие неоновые лучи перескочили со стены на костюм Рольгена и добавили экзотических узоров строго регламентированному облику. Говорить с ним не хотелось. Если честно, говорить не хотелось вообще. Было у меня подозрение, что если сейчас начну, остановиться не смогу еще долго. Поэтому, когда охранник на входе снял с меня браслет с нулевым счетом, я лазерным лучом вылетела за двери. Рольген как раз вытащил мобильный.

— Адрес доставки уточняется? — не удержалась все-таки.

Вместо ответа он указал мне на центральные ряды парковки.

Там застыл служебный флайс Халлорана — стильная черная модель. Горящие фары напоминали глаза хищника, который вот-вот бросится на тебя. Ну, кто на кого бросится, это мы еще посмотрим. Решительным шагом направилась к дружелюбно открывшейся двери и нырнула в салон. Перегородка, естественно, была поднята. Только прозрачная полоска для зеркал заднего вида поверх наших голов позволяла водителю рассмотреть, что творится позади. Мне назад смотреть не хотелось, только вперед. Да вообще без разницы куда, главное, чтобы не на драконище. От него воздух в салоне раскалился так, что можно было яйца варить или парилку устраивать. Не удивлюсь, если все мы тут начнем взрываться, как попкорн в микроволновке.

Флайс плавно взмыл ввысь.

— Ты что творишь? — прорычал иртхан.

— Как что? — спросила невинно. — Ты же сказал, что я свободна от Ландстор-Холла до выяснения обстоятельств. Отдыхаю вот. Развеелась немного.

— Развеелась?

— Ну да. А что тебя удивляет?

— Леона, смотри на меня.

— Ты хотел сказать, посмотри? Но забыл две буковки?

Взгляд Халлорана внушал серьезные опасения за сохранность меня, маленькой и двуногой. Ну ладно, он тоже двуногий, но огнемдохнет — мало никому не покажется. Я даже подумала, не сойти ли, но мы уже вошли в воздушный коридор.

— Никогда больше не смей флиртовать с другими.

Флиртовать? Я?!

От обиды сейчас сама бы огнемдохнула. Если бы могла.

Потому что несмотря ни на что соскучилась дико. С сегодняшней

ночи, да.

— С другими не буду, — заверила я.

Радужки иртышана вспыхнули алым.

— Ты хоть понимаешь, что сейчас сказала? — вкрадчиво спросил он. — И какие неприятности я могу ему обеспечить?

— А ты? — поинтересовалась ему в тон. — У меня была деловая встреча. Де-ло-вая! А ты прислал ко мне Рольгена, который наплел тебе невесть что.

— Рольген мне сообщил, что ты целый час провела на танцполе. Сомневаюсь, что там удобно обсуждать деловые вопросы.

— Никакой детализации, ужас! Запроси подробный отчет у своего ответственного сотрудника.

— Да, в отличие от тебя он прекрасно понимает значение слова «ответственность».

В отличие от меня?

Хотела сказать, что в оперу он может идти с Рольгеном, раз уж тот такой ответственный, но промолчала. Потому что помимо горящего яростного взгляда заметила залегшие под глазами круги. И упрямые складки у плотно сжатых губ — жестких, но таких желанных. Наверное, в этот миг я окончательно осознала, насколько на самом деле соскучилась.

Повернулась и дотронулась кончиками пальцев до резкого подбородка.

— Рэйнар, я просто хотела немного отдохнуть.

— Знаю, — хрипло выдохнул он. — Но вчера на тебя было совершено нападение, а сегодня ты идешь в клуб и суешься в толпу?! И вешаешься на первого попавшегося парня.

Он что, на самом деле ревнует?

Меня вдруг затопило странное чувство: какая-то головокружительная шаловливая радость.

— Не на первого попавшегося. Это мой агент.

Ответом мне было рычание, а после мой рот запечатали поцелуем. Таким, что из груди разом вышел весь воздух, из головы вылетели все мысли. Властный огонь ворвался в меня с такой яростной силой, что у моей искорки не осталось ни малейшего шанса тихо-мирно отсидеться в уголке. Прическе настал конец, когда Халлоран запустил пальцы мне в волосы. Губы выжгли на шее огненный цветок — снизу под бархоткой, где кожа еще слегка припухла от пчелиных укусов и была болезненно-чувствительной. Всклипнула и дернулась, но оказалась только плотнее вжата в сиденье. Полы пальто распахнулись, горячая ладонь скользнула по колену и между бедер.

— Мне плевать, кто он.

Откровенно бесстыдное прикосновение по краю белья заставило выгнуться, сливаясь с иртеханом. Пальцы скользнули выше, и я закусила губу, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Халлоран перехватил мои запястья за мгновение до того, как я уперлась бы ладонями ему в грудь. Перехватил и поднял высоко над головой, заставляя чувствовать себя растянутой над сиденьем. Запястья почти касались мягкой обивки дверцы, а я отражалась в его глазах. Темнеющих, как стянувшаяся над Мэйстоном ночь, остывающих, как забытые угли. Они меняли свой цвет так стремительно, что это уже само по себе было магией.

Удар сердца.

Палец иртехана скользнул внутрь, и с губ невольно сорвался стон. Медленные движения, от которых внизу живота раскрывался огненный цветок желания. Дыхание, скользящее по коже.

Небо, как Рэйнар на меня смотрел! То, что между нами было раньше — упоительно-жаркая нежность не шла ни в какое сравнение с порочностью этого взгляда.

— Но если он сунется к тебе еще раз...

Угроза прокатилась по телу жаркой волной, лаская безумнее самых откровенных прикосновений. Движения внутри становились сильнее, стоило немалых усилий не стонать в голос. Перегородка тут, конечно, знатная и звукоизоляция для деловых встреч, но мало ли.

Ладонь, лежавшая на запястьях, больше меня не удерживала, но это было и не нужно. Я запустила пальцы в черные волосы, притянула Рэйнара к себе.

Губами к губам.

Скользнула рукой между наших тел, медленно расстегивая брюки и чувствуя твердость его желания подушечками пальцев.

— А-ах...

От резкого рывка внутри обожгло.

Болью пополам с наслаждением, а может быть, просто огнем.

Его.

Шире развела бедра, позволяя брать себя так, как нравится ему. Мучительно медленно, впитывая каждый вздох, каждый стон, блеск широко раскрытых глаз и румянец на щеках. О, сейчас они горели так, словно ими поживился целый улей. От сумасшедше острых ощущений, от хлещущего наотмашь желания, которым горели его глаза.

Всхлипнула, когда он коснулся подушечкой большого пальца самого

чувствительного местечка. Вздригнула, когда надавил и с силой подался вперед.

Не знаю, кто из нас сейчас обладал большей властью: он, чьи ласки сводили с ума, заставляя терять рассудок и сгорать от желания. Или я — раскрытая, отдающая всю себя на заднем сиденье флайса.

Запрокинула голову и теперь смотрела в глаза его отражению. На своего бесстыдного двойника, нанесенного поверх смазанной голограммы ночного города. Вздрагивая, двигаясь вместе с ним, принимая властную игру своего дракона.

Мне не нужен другой.

Осознание этого накрыло сильнее, чем захлестнувшее с головой наслаждение.

Кажется, я кричала и билась, пока движения внутри не затихли вместе с отголосками чувственного удовольствия.

И только когда меня притянули к себе — все еще дрожащую, окутывая собой, своим запахом, наполненную нашим общим огнем, поняла, что попала. Окончательно и бесповоротно.

ГЛАВА 6

Дрэйку я купила его любимый шоколадный торт и бутылку дорожущего тоньяса. Пока тащила пакет от флайса до лифта, ветер трепал карточку с гравировкой «Моему спасителю». Снег валил крупными хлопьями, падал на щеки и таял, но на сердце было удивительно тепло. Таким же уютным теплом повеяло из квартиры, когда Лэм распахнула двери и от души меня обняла. Друг помахал рукой из-за ее спины.

— О! А это что такое? — Лэмерти воззрилась на пакет.

— Моему спасителю, — сообщила я и ткнула в карточку.

— Нет, ну ни фиги же себе, а! Кому-то не хватит простого «спасибо»?

— Кому-то, может быть, и хватит. Но не Дрэйку.

— Не стоило, — широко улыбнулся он.

Но было видно, что ему очень приятно.

Я же шагнула и порывисто обняла своего высоченного друга, после чего запрокинула голову.

— Чудесно выглядишь.

Дрэйк ослепительно сверкнул зубами.

— Тебя все равно не переплюну.

Укусы у него почти прошли. У меня, в общем-то, тоже. Осталось разве что несколько неярких крохотных пятнышек на шее и совсем незаметное на щеке. Спасибо чудесным лекарствам.

— Так, хватит обниматься, — Лэм ткнула меня в бок. — На стол уже накрыто.

— Ревнует, — шепнул Дрэйк, помогая вывернуться из куртки.

— Я все слышу!

Мы расхохотались и втроем ввалились на кухню, где аппетитно пахнущее жаркое с овощами напоминало произведение искусства. Из кастрюльки тянуло шантвейном, тарелки насыщенно-зеленого цвета уже расставили на столе, поблескивали приборы. От меня не укрылось, что стол накрыт на четверых. Значит, Вальнар все-таки ожидается... Ну да ладно. Я взгромоздилась на свой любимый стул в уголке — укромненько и рядом со стеклянной перегородкой. Во-первых, когда объешься, на нее удобно опереться, а во-вторых, так нас с Вальнаром будет разделять стол.

Хотя думать про Вальнара не хотелось ну вот вообще. Последние несколько дней я ходила по-дурацки счастливая, улыбалась Танни и Марру, Шайне, а иногда даже кухонным шкафчикам. Но чаще всего — дисплею

мобильного. Иногда там возникали сообщения следующего содержания:

«На мне маечка и носочки. Надеюсь, что застала тебя не на важном совещании».

«На мне костюм и ботинки. Надеюсь, что ты занимаешься не только тем, что пишешь мне провокационные сообщения.

P. S. Я действительно на важном совещании».

«Хочешь знать, чем я занимаюсь? Сейчас я медленно выгибаюсь на кровати...»

«Хочешь после совещания выгибаться на моем столе? Я устрою».

«Утомонитесь, местр извращенец. Я выгибаюсь, чтобы достать перо от планшета, которое Марр уволок под кровать».

В общем, это было так одурительно тепло, что я даже перестала сопротивляться. И приглашение в оперу приняла. Точнее, пока приняла еще только в мыслях, но собиралась сообщить об этом на выходных. Равно как и поговорить про Ландстор-Холл, потому что мораторий на выступления не сняли до сих пор. Кстати, пока мы втроем, надо бы выяснить у Дрэйка, как там обстоят дела.

— Что нового на работе?

— Да все по-старому. Зетта счастлива, что сцена в ее распоряжении, Эвель лютует, остальные рассказывают о том, как все было. — Пианист ненадолго нахмурился, но все-таки продолжил: — Клари уволили.

— Уволили?

Мне мигом расхотелось есть.

— Угу. Насколько я понял, ей еще повезло, что не стали возбуждать дело.

— Почему?

— Похоже, она знала, что в коробке, ей заплатили. Какой-то тип. Призналась этому, как его... ферну... Уй! Ты чего? — Дрэйк потер пострадавшую коленку.

— А ничего. — Лэмерти выразительно показала ему кулак. — Мы здесь собрались приятно провести вечер.

Да уж, в таких новостях приятного мало.

То есть мне, конечно, хотелось бы верить, что Клари тут ни при чем, но факты вещь упрямая. А ферн Норгхар кого угодно расколет. Даже айсберг, что уж говорить о простой визажистке. Короткая вспышка сожаления мелькнула и погасла. В конце концов, Клари не думала обо мне, когда ставила коробку и включала гудящие лампы. О том, что у меня может оказаться аллергия на яд, например. В этот момент я основательно задумалась над тем, как продвигается расследование. И почему-то мне

казалось, что результаты уже давно на столе Рэйнара. Вот только мне о них он рассказать не торопился.

Ладно, завтра выясним почему.

Сегодня он занят допоздна, а завтра Прист и Рольген заберут меня рано утром. С Рольгеном, кстати, я начала разговаривать вчера. Когда он основательно проникся и стал приходить на работу совсем хмурый. После этого мне стало стыдно, мы вместе посидели в торговом центре, попили кофе и поговорили. Помирились. А еще я купила Танни подарок. Навороченный планшет. Специально для 3D-моделирования, с переводом в голограмму и возможностью редактирования прямо в проекции.

— Так, ну и где там шляется кое-кто? Я ведь сейчас разрежу жаркое, и плевать на этикет.

— Когда это тебе было на него не плевать?

Лэм подцепила вилок морковку и запустила в будущего мужа оранжевым кругляшом. Тот ловко поймал его на лету и съел.

— Когда у тебя прослушивание? — поинтересовалась подруга, разглядывая бокал на свет.

Сквозь него черно-золотая кухня становилась немного пузатой.

Каменная столешница поблескивала в свете подвесных ламп в виде кристаллов.

— На следующей неделе перед выходными.

Признаюсь, хоть я и скучала по выступлениям, свободного времени у меня больше не стало. Всю неделю я пела арии Ильнир, на следующей собиралась взяться за «Солнечный ветер»: к образу Люси готовилась основательно. Репетировала перед зеркалом — манеры, речь и жесты, какой ее вижу я. Не менее основательно увлеклась вождением и основами магии иртханов. Изучала теорию, которую мне прислал Халлоран. Сосредоточиться было невероятно сложно, все время тянуло на какие-то шалости. Например, взять мобильный и написать Рэйнару. Приходилось буквально запихивать в голову информацию, которая туда влезала с боем. Например, главу про игру голосом пришлось перечитать раза три, прежде чем она мало-мальски уложилась.

Оказывается, чтобы перекрыть связующий канал, нужно было последовательно «остужать» голос. Не резко, ни в коем случае, иначе эффект может оказаться непредсказуемый, напротив — мягко и постепенно уводить от располагающих интонаций к безэмоциональным. Поэтому с техники постановки безэмоционального голоса обучение и начиналось — использовалась она буквально во всем. Как ноты в музыке или алфавит.

И да, к своему стыду, я два раза пробовала практиковаться на Марре.

Безуспешно.

На этой мысли меня и застал звонок в дверь.

Дрэйк поспешно поднялся.

— Сидите, я встречу.

Лэм покосилась на меня, но ничего не сказала. Да и не успела бы — на кухню в верхней одежде вошел Вальнар. С тающими на куртке и волосах снежинками. Такие же снежинки таяли на упаковке букета гедаринов. Пронзительно-голубых.

— Привет. Это тебе. — Он протянул мне цветы.

— Привет. Спасибо.

На тонких лепестках пристроилась крупная восьмипалая снежинка, которая никак не хотела таять.

— Я запомнил. Гедарины в цвет твоих глаз.

Это было по меньшей мере неожиданно. Не только цветы, но и напор, с которым Вальнар обошел стол и оказался рядом со мной. Наклонился, чтобы поцеловать, но тут очень кстати пришелся букет: я его слегка подняла, и вместо моей щеки бывший поцеловал упаковку. Та отозвалась трепетным шелестом, нарушая воцарившееся неловкое молчание. Положение спасла Лэм, которая ухватила Вальнара за капюшон и выразительно ткнула в сторону прихожей.

— Вешалка там. Спасибо, что снял ботинки.

— И тебе доброго вечера. — Тот недовольно поморщился, но вынужден был отступить в надежные руки Дрэйка. — Лэм, солнышко, ты же уступишь мне мое место?

Стул, на котором устроилась Лэм, стоял ближе всего к моему. Обычно мы так и сидели: я в своем уголке, Вальнар, а дальше будущие супруги.

— Ага, щас, — заявило «солнышко», — табличка «мое» давно отвалилась.

Вальнар изобразил ехидную гримасу и ретировался. Выходя, бывший прикрыл двери на кухню — не иначе как будет уламывать друга оставить нас одних после ужина. Не то чтобы прямо захотелось встать и убежать, но выглядело это поведение так, словно мы снова встречаемся и просто долго не виделись. Поскольку я все еще держала цветы как щит, Лэм выдернула букет из моих рук и водрузила в напольную вазу, на дне которой покоились золотисто-черные камушки.

— Спасибо. За стул и вообще.

— Не за что. Цветочки прелесть.

— Прелесть, — согласилась.

Подруга прищурилась.

— Кажется, кто-то намерен взять тебя штурмом. Ты готова?

— Ты забрала последний оплот моей крепости, — покосилась на цветы.

— Если что, всегда можешь использовать вилку.

Я прыснула.

Нет, Вальнару и правда ничего не светило, но, судя по настроению, он считает иначе. А это значит, что надо готовиться к длительной осаде и словесной катапульте, которая заряжена всякого рода ухищрениями вроде совместных воспоминаний. Ладно, я сюда отдыхать и общаться с друзьями пришла, так что не будем заикливаться.

Мужчины вернулись, и Лэм дотянулась до кастрюльки с шантвейном.

— Давай помогу. — Я кивнула на камартовый флар и ломтики фруктов, которыми нужно было украсить бокалы.

— Как дела на работе? — поинтересовался Дрэйк, ловко орудуя огромным ножом.

Не сомневаюсь, что повар из него тоже вышел бы отличный.

— Неплохо, — сообщил Вальнар. — Графики, отчеты, аналитика. Уже прописался в офисе.

Он хмурился и выглядел недовольным: подобраться ко мне поближе не удалось.

— К концу года меня повысят. Уже готов приказ.

— О. — Дрэйк приподнял брови, а мы с Лэм обменялись многозначительными взглядами. — Так тебя можно поздравить?

Я мазала края бокалов камартовым фларом и сажала на него съедобные украшения. Подруга разливала ароматный напиток из специальной кастрюльки с герметичной крышкой и толстыми стенками, позволяющими долго сохранять готовый шантвейн горячим.

— Да. — Вот теперь довольная улыбка на лице бывшего однозначно говорила о том, что он горд собой. — Давно к тому шло. Этот придурок Гирр уже огреб из-за своей мягкотелости по полной программе. Чуть что, все бегут к нему жаловаться, а он постоянно «входит в положение» и тянет за всех: у той ребенок болеет, у того комп полетел во время выгрузки отчета, ну и прочие левые отмазки. Какой из него вообще начальник департамента? Честное слово, я бы лучше уборщицу на его место поставил. И руководство того же мнения.

— Поэтому они выбрали тебя?

— В самое сердце сражен твоим остроумием, Лэмерти Долливан.

— Твое сердце даже стрела белого дракона не возьмет.

К слову, у белых драконов стрелы хоть куда. Они спрятаны под

чешуйками и напоминают ледяные наросты, которыми во время боя те оцетиниваются, как иглорыцки. Витуйи, их самки, таких лишены. Но не сказать, что более безобидны: проморозить могут до костного мозга.

— Хэй! — Друг вскинул руки. — У нас тут дружеские посиделки.

— Именно, — согласился Вальнар и устремил свой взгляд на меня.

— За встречу, что ли? — предложил Дрэйк, поднимая бокал. — Долгожданную.

Мы слегка соприкоснулись краями бокалов. Эта традиция пришла к нам от пустынных шаманов, которые, перед тем как вкусить питье, таким образом обменивались энергией. Разумеется, только с теми, кому они полностью доверяли: считалось почетным поделиться частичкой силы и передать ее другу. Причем сделать это нужно было очень тихо — чем тише, тем лучше. Это значило, что таинство состоялось, а приглашение разделить веселье в теплой компании одобрено духами тишины.

— «Долгожданную» не то слово. Я безумно соскучился, Леона.

— О-ум-м-м... — Хорошо, что я уже жевала.

— Так, я тут хотела кое-что разузнать про торжественную часть. — Когда в дело вступала Лэм, все остальные замолкали. Точнее, замолкали те, кого ее вопросы не касались. К счастью, разговор о предстоящей свадьбе увел нас от темы соскучившихся. Вальнар принимал участие в обсуждении постольку-поскольку. Всем своим видом выражая, что ему неприятно невнимание общества к его истинной цели.

В целом мы довольно мило общались и уже добрались до шоколадного торта, которым Дрэйк пожертвовал ради дружеских посиделок, когда моей лодыжки коснулась нога Вальнара. Я дернулась и чуть не пролила кофе, а он смотрел на меня так, словно не прочь был продолжить прямо на этом столе. В ответ я пнула его под коленку: от души, чтобы проникся. Он поморщился, а потом накрыл мою руку своей, когда я потянулась за кусочком торта.

— Давай, я тебе положу.

Да, кое-кто явно не понимает намеков.

— Мы ненадолго.

Спрыгнув со стула, поманила Вальнара за собой. Черная напольная плитка блестела под светильниками. Из-за золотых вкраплений создавалось ощущение, что я иду по звездному небу. Зато в гостиной, где свет был выключен, а жалюзи подняты, гораздо лучше просматривался город, чем обстановка.

— Так и знал, что долго ты не продержишься.

С трудом удержалась от того, чтобы закатить глаза.

Правда, зря расслабилась. Вальнар тут же попытался сцапать меня за талию, но я успела выставить вперед руку. Наткнувшись на растопыренную пятерню, он недовольно поморщился.

— Слушай, Леона, я тебя не понимаю. В чем проблема? Тебя же ко мне тянет, я вижу.

— Ты когда в последний раз зрение проверял?

— Общение с Лэм на тебя плохо влияет, — заявил он.

— На меня хоть что-то влияет! — рыкнула я, чувствуя, что начинаю терять терпение. — Ты что устроил на кухне?

— Что опять не так? Цветы не понравились?

Он хоть что-то в своей жизни делает просто так? Или все с расчетом на выгодное вложение в будущее? Понимаю, профессия такая, но в отношениях это не работает.

— Дело не в цветах.

— В твоей забегаловке? Да пой сколько хочешь, если для тебя это так важно. Я больше не буду возражать.

Вот теперь мне захотелось пнуть его чуть повыше, в стратегически важное место. Чтобы не размножился даже случайно, пока не поумнеет.

— Дело во мне, — сказала я. — Во мне, не в Ландстор-Холле, не в цветах, не в том, почему мы расстались. Я люблю другого, Вальнар, понимаешь?

Вот тут замолчали мы оба.

Он наконец-то понял, что зря купил цветы.

А я... до меня дошло, что я только что сказала.

Слово не виар, вылетит — не поймает. Определенно радовало, что мой виар не вылетел где-нибудь в другом месте: например, при Лэм с Дрэйком. Полночи я пыталась загнать его обратно и придумать этому какое-то логическое объяснение. Например, мне очень нужно было убедить Вальнара, что наши отношения остались в прошлом — вот и взбрело в голову такое. Но виар все равно хлопал крылышками и всячески намекал, что пора бы уже посадить его на колени, погладить по шерстке и смириться.

Ну уж нет.

Не может же это быть правдой.

Мы и знакомы-то всего ничего.

Нет, я сказала!

Примерно с такой мыслью и боевым настроением я отдавала Танни распоряжения по поводу выходных: допоздна не гулять даже с Миком, с

Марром гулять по первому зову, уроки учить по максимуму, чтобы разгрузить себе день рождения. Она подозрительно соглашалась, но ехидная улыбочка с ее лица не сходила весь завтрак. Под конец, когда сестра заявила, что в моих руках судьба Мэйстона на всю неделю, я не выдержала и запустила в нее литтоновой ягодкой. Она увернулась, и приз достался Марру.

На такой ноте и попрощались.

Рольген привычно встречал у дверей. Перехватил спортивную сумку, куда я сложила вещи на два дня, и проводил к флайсу, Валентен одарил улыбкой и всю дорогу рассказывал про внушек. То есть не всю. Пока я не заметила, что летим мы совсем не к дому Халлорана. Точнее, в сторону промзоны, где располагались все предприятия Мэйстона.

— Нам на Восемнадцатый остров, — сообщил водитель, заметив мое замешательство.

— А... Ага.

Мы как раз обогнули стрелы высоток семнадцатого, и перед глазами выросло ультрасовременное здание Мэйстонского телепорта. До этого я видела его только на картинках в сети: огромный стеклянный купол. С высоты казалось, будто кто-то перевернул гигантскую салатницу, чтобы накрыть ею весь остров. Восемнадцатый вытянулся в сторону открытого моря, словно хотел отделиться от города и сбежать.

По форме остров больше всего напоминал овал. Вокруг здания «Мэйстон-телепорт», как кольца вокруг малой луны, располагались парковки разных уровней, по сторонам — многочисленные грузовые терминалы и служебные помещения. В частности, «тарелка», отслеживающая допустимые колебания радиоволн. Жилых высоток здесь не было, равно как и на соседних островах — телепортационные поля перебивали сигналы вещательных вышек.

Стеклянные стены поблескивали в лучах холодного солнца так, что слепило глаза. Реклама на них сменяла одна другую, а мне как-то резко стало не по себе. Кажется, именно Рэйнар сообщал, что не любит сюрпризы, но вот сам делать горазд. Дабы не выглядеть совсем уже растерянной, улыбнулась. И прилипла к стеклу, мы как раз заходили на посадку. Стоянка верхнего уровня разлилась под нами ослепительно-изумрудной лентой — создавалось ощущение, что садишься на приглаженную сильным ветром густую траву.

Интересно, куда это мы собрались? До оперы и Зингсприда еще две недели.

И вообще, мне учиться надо, а не развлекаться.

Десятки вопросов крутились на языке, но не Рольгену же их задавать. Тем более что сейчас было на что посмотреть. На вмонтированных в стены экранах пестрели рекламные ролики. Повсюду темно-зеленый и оранжевый — фирменные цвета компании. Среди всего этого мельтешения четко выделялось табло с рейсами прибытия и отправления, а еще слоган бегущей строкой: «До вашей мечты всего лишь шаг».

— Хороших выходных, Леона, — улыбнулся Валентен.

С ним мы тоже договорились, что обращаемся друг к другу по имени.

— И вам чудесных! Внучкам привет!

Водитель ослепительно улыбнулся, а мы с охранником поспешили к автоматическим дверям. Флайсы над головами напоминали рой насекомых: оно и неудивительно, здесь бесконечный поток пассажиров.

Вход гласил: «ВИП-залы», но я решила больше не удивляться. Вот прямо сейчас взяла и решила, да.

Рольген пропустил меня вперед и поставил сумку на ленту металлодетектора.

А я залипла на масштабы, открывшиеся моему неискушенному взору.

То есть если вам когда-нибудь приходилось бывать под гигантской перевернутой салатницей, внутри которой голограммы рассыпались прямо над головами спешащих людей, то ничего страшного. Я вот к такому не привыкла, поэтому сейчас рассматривала огромный стильный зал, по которому с эхом разносились объявления. Мелодичный женский голос сообщал о рейсах, первыми приглашались именно пассажиры бизнес-класса.

Телепорт вообще штука занятная. Когда появилась эта технология (изобрел ее, кстати сказать, человек), иртеханы тут же прибрали такую выгодную разработку к рукам. Поставили производство на конвейер, наладили организацию рейсов и наслаждались прибылью. Подземные путешествия — сначала на ездовых виарах, а затем и на поездах обходились гораздо дороже, занимали уйму времени, а еще были опасны. Из-за разницы пород нередко случались обвалы, да и не везде можно было проложить пути. Собственно, телепорт стал прорывом для цивилизации, с помощью него соединили все уголки планеты, все страны и города. Благодаря ему не осталось на нашем шарике точки, куда невозможно попасть в считанные минуты.

— Леона, нам сюда. — Рольген направил меня в сторону.

Стараясь не глазеть по сторонам с видом «я сумасшедшая туристка и только говорить учусь», украдкой зыркала то вправо, то влево. Если снаружи стекло было непрозрачным, то здесь то и дело попадались

заплатки неба — в промежутках между рекламными щитами, вывесками магазинов и кафе, рукавами лифтов и эскалаторов, застывшими голограммами, которые того и гляди свалятся тебе на голову. Благо хоть движущиеся голограммы запускали нечасто: у них есть ограничения по времени, разница между ними должна быть не меньше десяти минут. Это медики что-то высчитали и внедрили закон, поэтому большинство маркетологов до сих пор отдают предпочтение статичной рекламе. А некоторые по старинке предпочитают 2D, поскольку она в разы дешевле.

Лифт вознес нас еще выше, хотя, казалось, выше уже некуда.

Пока летели наверх, ощущение создавалось, словно я парю. Дно оставалось ниже, люди все меньше и даже голограммы казались крохотными. По ощущениям, сейчас мы находились под самым днищем салатницы. Прежде чем успела додумать, двери разошлись. Нас уже встречала очаровательная девушка в форме. Темно-зеленые жакет и юбка, белая блузка и оранжевый шейный платок, повязанный узелком-галстуком.

— Эсса Ладэ, прошу вас. — Она указала в сторону коридора, в конце которого была открыта дверь.

— Если что, билета у меня нет, — призналась честно.

Рольген не сдержал смехов, а вот девушка как улыбалась до этого, так и продолжала. Ни на грамм больше веселья, ни на грамм меньше учтивости.

«Частный рейс, — гласила надпись. — Зал номер один».

Ну что сказать, я обещала себе не удивляться. Да и чему тут удивляться-то? Подумаешь, телепорт вне графика. Из зала правящего. Ерунда какая-то.

О-о-о... чешуешь!

Девушка отступила в сторону, а я нырнула в дверь и оказалась в просторной комнате. Халлоран стоял у окна — разговаривал по мобильному, но, заметив нас, обернулся. Перехватил у Рольгена мою сумку, кивнул, и дверь тут же закрылась. Даже пискнуть не успела, только помахать охраннику. Если он умел читать по губам, то наверняка уловил начало фразы: «Чудесно отдохнуть...»

— ...Если он еще раз позвонит, отправляй его в пресс-службу.

Не уверена, что это было не ругательство, ну да ладно.

Остатки мыслей вылетели из головы, когда телефон отправился на столик, а меня притянули к себе.

— Ну и что это за показательные выступления? — Вот сейчас посмотрю ему в глаза — и сразу телепортанусь. В астрал, где тот самый не вовремя вылетевший виар порхает.

— Тебе нравится, — довольно заявил иртхан.

— Что? Обниматься с тобой в зале номер один?

— Обниматься со мной, — подтвердил он. — Везде.

Вот же...

Кому-то надо немножко сбавить обороты!

— Скажешь, куда мы направляемся?

— А как же сюрприз?

— Он уже удался!

— Еще не совсем. — Рэйнар запустил пальцы мне в волосы, отчего сразу захотелось довольно рыкнуть.

— А учеба?

— Там нам будет даже удобнее.

— Там — это где?

— В моей загородной резиденции.

Мм.

— Что? — уточнила я. Подумала, что это звучит как-то не совсем точно. — То есть как?

Халлоран приподнял брови. Мне же отчаянно захотелось рвануться к двери и гипнотическим путем, которым меня сюда привели, вернуться домой. В сумке всего одно коротенькое коктейльное платье, которое я собиралась надеть на ужин специально для Рэйнара. Надеть, чтобы потом снять, поэтому под него даже белья не предполагалось. Белье я, правда, взяла, но это к делу не относится. Не говоря уже о том, что платье достаточно провокационное.

— Тебе не кажется, что о таком нужно предупреждать заранее?

Правящий улыбнулся.

— У Норгхара полно других дел, чтобы искать тебя по всему городу.

— На что это ты намекаешь?

— На то, что в вас, эсса Ладэ, погиб талантливый спринтер.

— Я не собиралась сбегать!

— Ну разумеется. И пару минут назад ты даже не косилась на дверь.

Какой внимательный!

Сказать ничего не успела — над дверью, ведущей в зал телепорта, загорелся оранжевый логотип. Это означало, что нас приглашают пройти в зал и дальше. Куда там положено, то есть в резиденцию Халлоранов. Сопротивляться было бесполезно, поэтому смирилась и вложила руку в ладонь Рэйнара.

Он мягко сжал мои пальцы и шепнул:

— Тебе понравится.

Ну, конечно, мне понравится, иначе и быть не может. И я тоже поправлюсь, особенно маме, Ирргалии, а заодно и всем остальным домочадцам, которые сбегутся на меня поглазеть. Мысли о местрель Стоунвилл заставили упереться подошвой в пол, когда дверь уже поехала в сторону.

— Ты обещал рассказать, кто подсунул мне пчел.

— Ирргалия.

От неожиданности чуть не споткнулась и покорно прошла за ним, где нас уже встречали портпроводники. Помимо них в зале находились только сотрудники службы безопасности, выстроившиеся вдоль стен. Внутри установленного в центре кольца бежала легкая рябь, из-за чего стена за ним казалась вертикальным бассейном. Разумеется, если бы бассейны лепили на стены. За стеклом в рубке управления сидели двое мужчин, которые устанавливали связь с принимающей стороной. Сам зал напоминал гигантскую микросхему, по крайней мере, узоры на кольце и дорожка, по которой мы шли. Призрачно-зеленоватое сияние телепортационной спирали было единственным источником света: во время перехода отключали все лишнее оборудование.

— Позвольте ваши документы, эсса Ладэ, — светловолосый портпроводник улыбнулся.

Я протянула ему карточку, и он приложил ее к панели.

Мои данные считались в мгновение ока, после чего документы вернули.

— А вот сюда ладонь, пожалуйста. На пару секунд замрите.

Я бы и на дольше замерла, слишком уж непривычно все это.

Над рукой пробежались оранжево-зеленоватые лучи, и на дисплее высветились давление, пульс, температура тела и что-то еще — видимо, мозговые ритмы. После чего сверху загорелся оранжевый треугольник. Стандартная медицинская проверка, я о ней читала. Проводится перед телепортацией, чтобы убедиться, что пассажир готов «прыгнуть» на нужное расстояние и не хлопнуться в обморок.

— Все в порядке, эсса Ладэ. Прошу. После перехода может слегка тошнить.

Нет бы сказать, что я почувствую восторг и невероятный душевный подъем!

Портпроводник отступил в сторону, а я поднялась по лесенке к кольцу.

Халлоран уже меня ждал с моей хлипкой сумкой. Вблизи телепортационного поля не было никаких особых ощущений. Просто чувство, что стоишь перед неисправным визором, в котором показывают

стену.

— Не уверена, что горю желанием с ней встречаться.

— У тебя это при всем желании не получится. Местрель Стоунвилл благополучно вернулась домой.

От неожиданности я даже язык прикусила.

Может, и к счастью, потому что нам уже нужно было проходить. Цепляться за Рейнара не хотелось, но он уже взял меня за руку и шагнул вперед. Чувство было такое, словно я окунулась в желе и взмыла к небесам. Ну примерно, потому что до этого мне никогда не приходилось летать в желе.

— Местр Халлоран, добро пожаловать. Эсса Ладэ.

Что? Уже все?

На сей раз моя сумка перекочевала в руки подтянутого темнокожего мужчины. Его курчавые волосы словно слегка присыпали мукой, а морщины у глаз намекали на то, что он давно уже немолод. Дворецкому можно было дать от сорока до шестидесяти, точнее сказать сложно. Держался он так, будто от макушки до пят в нем натянулась невидимая струна.

— Благодарю, Ригг.

— Комнаты эссы Ладэ уже готовы. Прикажете проводить?

— Я сделаю это сам.

Дворецкий склонил голову и принял у Халлорана мою куртку. Которая внезапно показалась малюсенькой и слишком простецкой. Особенно в резиденции, где есть личный зал для телепорта с полным штатом обслуживающего персонала: за стеклом в точности такое же помещение, как в здании «Мэйстон-телепорт».

Иртхан поднял руку в знак приветствия, и мужчины в форменной одежде поспешно поднялись. За нашими спинами погасли спирали и зажегся верхний свет. Разве что оформлено здесь все в цветах правящей семьи. Под ногами стальная дорожка, как лента конвейера, на стене герб Халлоранов. Как с печатки сошел — я даже покосилась на кольцо, чтобы сравнить.

Стоило нам выйти за дверь, в глаза ударило слепящее солнце.

Мы стояли на круглой платформе, над которой парусами сомкнулась створчатая крыша. Помимо здания телепорта здесь еще располагалась парковка. Под нами бурлила река, течение стремительно уносило искры бликов к водопаду. Рукав подвесного пешеходного моста протянулся к огромному монолиту из стекла и металла.

Загородная резиденция Халлорана больше напоминала дворец.

Возносящиеся ввысь зеркальные стены, выступающие над головокружительной высотой озелененные балконы. Собственно, вся крыша представляла собой огромный трехуровневый парк, над которым сейчас сомкнулся раздвижной купол. Яркая зелень и фонтаны, вечное лето.

Я поддержала челюсть руками, чтобы не рухнула вниз.

— Строительство началось при Керране I, заканчивал его дед. А парк — подарок матери от отца. Это ее гордость.

Гордиться было чем. Даже чувствуя себя маленькой и ничтожной перед такой роскошной громадой, я не могла справиться с восхищением.

— Вечером наведаемся туда, — сказал Рэйнар.

Мы направились к парковке, где застыла стальная капля флайса. Взмыли ввысь и парили над бурлящим водопадом на огромной высоте. Стремительно обогнули внутренние постройки, и нам открылся вид на природную арку, где вода уходила между гор. Здесь всюду сновали миниатюрные беленькие флайсы, как собирающие камартовый сок пчелы. Видимо, это был транспорт для обслуживающего персонала — на одном из таких улетел дворецкий с моей сумкой. Учитывая, что резиденция Халлоранов по размеру напоминала остров, прислуги здесь наверняка море.

— Мамочки, — сказала я, когда подул ветер.

Мост закачался, как огромные качели.

— Не бойся, — Рэйнар указал вниз, — это оптический обман.

И правда, подвесная громада застыла исполином, это становилось ясно, если смотреть вниз. Шум воды в закрытом салоне казался приглушенным, но я не смотрела вниз. Только вверх: со стороны центрального входа парк венчали каменные статуи. Драконы, расправившие крылья и готовившиеся вот-вот взлететь. Выточены они были с такой филигранной точностью, что просто дух захватывало. Если не знать, что камень, запросто можно принять за настоящих фервернских хищников.

Стоило флайсу зайти на посадку, как к нам тут же подбежал молодой человек и перехватил ключи из рук Рэйнара. Но дальше двинуться мы не успели: навстречу вышла местра Халлоран. Лицо ее — ухоженное, с идеальным дневным макияжем, сейчас портила легкая гримаса. Брови вразлет сошлись на переносице, красивые губы искривились.

— Поверить не могу, — сухо сказала она. — Ты все-таки ее сюда притащил.

Взгляд Рэйнара заледенел. Очень вовремя, потому что я как раз собиралась сообщить, что никто меня сюда не тащил, все добровольно и по

согласию. Ну ладно, сюрприз был, но маленький. В конце концов, я перед кольцом телепорта руки-ноги не растопыривала.

— Придется поверить, — жестко произнес он.

— Из-за этой девицы между Мэйстоном и Флангстоном теперь крайне напряженная обстановка, а ты тащишь ее в наш дом. Стоунвилл звонил Аррингсхану! Он в бешенстве, и я его прекрасно понимаю.

— Стоунвилл должен быть благодарен, что Аррингсхану не позвонил я. — Его голосом можно было резать металл. — И что его дочь отделалась так легко.

— Легко? Ты ее унизил! В моем присутствии, из-за чего я чувствую себя отвратительно.

— Достаточно. Слышать об этой женщине я больше не желаю.

Местра Халлоран вздохнула. Судорожно, точно ей не хватало воздуха.

— Об... этой женщине?! Твой отец был в чудесных отношениях с этой семьей! Ирргалия — сильнейшая из алых. Ты хоть понимаешь, что на предстоящих выборах Стоунвилл может поддержать Шахррейна? У них древний род и сильная кровь, к тому же Деверик с радостью объединит их семьи.

— Я отправлю им подарок. А тебе советую помнить, что Леона моя гостья, и относиться к ней соответственно.

— Соответственно? — Светлые глаза яростно сверкнули. — Что ж, соответственно — с удовольствием. Особенно если вспомнить, как ты отнесся к моей.

Развернувшись, местра Халлоран показала нам идеальную спину, обтянутую приталенным жакетом, и скрылась за дверями. Они мягко клацнули, точно выражая ей свое сочувствие, а нам — возмущение.

— Пойдем. — Рэйнар увлек меня следом.

Так просто, как будто ничего не произошло.

Возможно, для него действительно ничего не произошло.

— Для нее это тоже был сюрприз? — решила уточнить.

— Мама раздосадована скорым отъездом Ирргалии.

М-да. Вот не хотела я поднимать эту тему, но, похоже, спросить все-таки придется.

— Она уехала по своей воле?

— Нет.

Упс.

— То есть ты попросил ее уехать?

— Можно и так сказать.

Ну теперь-то понятно, что теплого приема ждать не приходится.

— А если сказать точнее?

Рэйнар внимательно на меня посмотрел.

— Если сказать точнее, Ирргалии закрыт въезд в Мэйстон.

Ой.

— Дальнейшее наказание остается на усмотрение местра Стоунвилла.

Актуально, если учесть, что Ирргалия его дочь.

— Потому что он тоже правящий?

— Потому что он правящий Флангстона. У иртханов существуют свои законы.

Да, в один я уже вляпалась. Когда чуть не подставила Рингисхарра.

— Живи она здесь, я бы мог наказать ее гораздо более сурово. Но она из другого города.

Мы как раз вошли и очутились во дворце. Под ногами сверкал натертый до блеска мрамор. Ковры на несколько оттенков темнее были разбросаны тут и там. На одном из таких устроился круглый столик аккуратно напротив лифтов. Впервые в жизни я видела двухэтажный холл: с одной стороны расположился импровизированный камин, вокруг которого примостились диванчики. Лестница уводила на второй этаж к балкону, откуда тоже можно было попасть в лифт.

Люстре могла позавидовать Мэйстонская опера. Честное слово, будь я Мэйстонской оперой, я бы позавидовала. Тысячи хрустальных капель в десятки ярусов переливались на свету, что струился сквозь огромное, в два этажа, окно. Под люстрой, окруженный узором на полу, был небольшой каменный фонтан с рожками-подсветками. В центре гордо восседала дева, чьи волосы стекали вниз по чашам. По волосам струился водопад.

— Если честно, не представлял, что Стоунвилл вообще об этом заикнется.

— Из-за этого могут возникнуть сложности?

Рэйнар помолчал.

— Не думаю.

— Но?

— Нет никаких но, Леона.

Надеюсь. Потому что мне как-то совсем не улыбалось стать причиной неприятностей Рэйнара.

— Что было бы, если бы ты позвонил Аррингсхану?

— Стоунвилл обязан был бы наказать дочь официально.

Официально — это как? На площади выпороть, что ли?

Решила не уточнять.

А то еще окажется, что да.

— Я рада, что ты этого не сделал.

Рэйнар пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал.

А я вернулась к созерцанию холла. Что самое интересное, охраны не заметила. Хотя, возможно они скрывались в многочисленных задрапированных нишах. То, что камер здесь понатыкано, как на стадионе, и так понятно. А еще в холле было много напольных ваз и живых цветов. Правда много. Но и самого холла тоже было много. Вот очень.

Капсула лифта подкинула нас на нужный этаж столь стремительно, что у меня закружилась голова. Вполне вероятно, голова кружилась после телепорта, просто раньше я этого не заметила, оглушенная окружающей меня роскошью. А как иначе сказать? Язык при всем желании не поворачивался назвать это просто богатством. Нет, каждый камушек панно, каждая плиточка были настолько идеальны, безупречны и на своем месте, что начинало казаться, будто люди здесь лишние.

— Можно мне план со стрелочками? — поинтересовалась абсолютно серьезно.

— Здесь на каждом этаже навигаторы. — Рэйнар указал на стенд, который попался нам в нише между дверями. Ну да, не спросишь — не почувствуешь себя дурачком. — У тебя в гостиной будет такой же, только поменьше.

— У меня где?

— В личной гостиной. Через него вызовешь горничную, если потребуется.

Зачем мне горничная?

А личная гостиная?

— Угу.

В широких коридорах можно было устраивать спринтерские забеги и матчи по гратхэнду — если дорожки правильно расчертить. С одной стороны окна, с другой — двери, дневной свет заливал все пространство, по которому хотелось бегать и кричать: «Уи-и-и!!!» Подавив недостойное «серьезной старшей сестры» желание, уткнулась взглядом в абстрактную голографическую картину. Она действительно была абстрактной насколько это возможно: линии сходились над расплавленным небоскребом, изогнувшимся буквой «зю». Рядом с ним так же изогнулся второй, в витиеватую арку проплывал аэроэкспресс, на котором сидел дракон. В небе над городом парило что-то отдаленно напоминающее свернутую жгутом простыню.

Вот ничего я не смыслю в высоком искусстве.

— Мой кабинет.

Кабинет оказался ощутимо больше того, что в квартире. Он вмещал стеллажи с книгами, огромную плазменную панель и длинный вытянутый стол — словом, для совещаний подходил идеально. Тут не хватало только наград, которые стояли в Лаувайе, да стального блеска стен, от которого становилось холодно. За счет пастельных оттенков этот был намного теплее.

— Садись. — Мне отодвинули стул.

— Ты серьезно? Хочешь проверять мою безэмоциональность сейчас?

— Я не обещал, что будет легко.

Иртхан выглядел серьезным, сосредоточенным и деловым: режим «строгий препод» активирован. Вот за что, спрашивается?

— Ты не обещал, что мне в наставники достанется тиран, — буркнула я и ткнула в сторону окна. — Там водопад. И твоя мама. То есть они по отдельности.

— Радует, что по отдельности. — Рэйнар устроился за столом и спокойно посмотрел на меня. — Начнем с теории. Что означает термин «остудить голос»?

У-у-у, драконище!

Гоняли меня нещадно: сначала по самостоятельно изученным главам, потом по пройденному материалу. До самого обеда задавали такие каверзные вопросы, что моя голова просила пощады, я то и дело смотрела на планшетные часы в тщетной надежде, что вот сейчас меня поведут кормить и будет долгий перерыв. Вместо перерыва нам принесли кофе и легкие закуски, после чего допрос продолжился. За ним последовали голосовые практики — благо здесь тоже проколов не возникло. Тренировалась я с помощью методички по электротехническому обеспечению.

Интересно, зачем в школе вообще такой предмет? Когда я спросила у Танны, нет ли у нее чего-нибудь очень скучного, она скинула мне именно ее. А вдогонку обучающий курс по фервернскому для класса В, на котором язык можно сломать. В свое время она выбрала именно его и теперь искренне сожалела, что не рагранский или фиянский. Как по мне, так рагранский и впрямь более звучный и мелодичный. А вот в фиянском мозги свернешь на иероглифах. Грамотному человеку полагается знать минимум тысячи две.

Когда экзамены были завершены, я напоминала подбитую когтем виара птичку.

— Стоило тащить меня сюда, чтобы потом так жестоко измываться? Можно подумать, в Мэйстоне этого было нельзя сделать, — буркнула я,

доставая планшет: дальше по плану шли лекции.

— Стоило.

— Чтобы проверить мою эмоциональную выносливость?

— С твоей эмоциональной выносливостью все в порядке. Еще неделю потренируешься, и перейдем к практике. А потом можно будет усложнять.

Куда уж больше-то? Хотя, если честно, мне не терпелось попробовать самой отдавать приказы и ставить защиту. Ну и все остальное тоже. Осталось только понять, где мы будем практиковаться.

— Планшет тебе сегодня не понадобится.

Успевший загрузиться планшет пискнул.

— То есть как?

— Лекции завтра утром.

Рэйнар обошел стол и протянул мне руку. Стоило коснуться пальцев, как огненное тепло потекло в ладонь. Миг — и я оказалась вплавленной в своего дракона. Его пальцы легко пробежались по шее, запуская вихрь будоражащих огненных искр.

— А сегодня?

— Сегодня экскурсия по парку, — он усмехнулся, — ужин. И кое-что еще.

ГЛАВА 7

Парк действительно был огромный и не уступал Центральному. Выложенные камнем дорожки разбегались между газонами, уводили к высоченным лестницам, а сколько здесь было зелени! От воздуха кружилась голова и создавалось ощущение, что ты перенеслась в реальность романа «Мир без тебя». Над головой — небо, подернутое синевой ранних сумерек, купол почти незаметен, если не присматриваться. Повсюду деревья, аккуратно подстриженные живые изгороди и цветы. Самые разные цветы, просто радость флориста. Или ботаника.

Я залюбовалась необычными на тонких стебельках, с прозрачными каплевидными лепестками. Верхние были закрыты, а нижние тянулись к стеблю. Днем их спокойно можно было бы не заметить, но в полумраке цветы светились. Поэтому и остановилась, даже опустилась на корточки, чтобы потрогать лепестки. Невесомые, шелковистые. Они переливались, словно в них включили подсветку, едва уловимое серебристо-голубое мерцание.

— Ночной иллекон, — сказал Рэйнар.

— Они только ночью светятся?

— Все как один. Капризные мерзавцы.

Я рассмеялась.

— Почему?

— Потому что если один перестанет светиться, остальные к нему присоединятся.

Присмотрелась — и правда по земле стелились усики, соединяющие стебельки между собой.

— Совсем как драконы.

— Как драконы.

Рэйнар кивнул и вмиг стал далеким. Только что был рядом со мной — и вот уже где-то далеко-далеко. Наверное, в пустошах.

— Браконьеров нашли?

— Только ее пару. Его действительно увели очень далеко.

Выпрямилась и нашла его руку, переплела пальцы.

— Совсем никаких зацепок?

— Все флайсы, пересекавшие границу, проверили. Он почти наверняка заходил через дикие земли, где нет камер. Скорее всего, действовал один. Впервые. Не подумал о последствиях или вынужден был бежать —

непонятно. Обычно убивают всю семью.

Мы вместе побрели по дорожке. Неподалеку шумела вода — пульс большого фонтана было видно даже снизу. Брызги разлетались над деревьями, подсветка превращала их не то в падающие звезды, не то в фейерверк. Пока дойдем, как раз совсем стемнеет. Наверное, красота просто невероятная, особенно ночью. Рядом с такой не хочется думать о случившемся, но не думать не получается. Найти бы этого браконьера и от души пнуть в причинное место. За эту жгучую ярость в глазах моего дракона. И за оставшуюся у смотровых башен драконицу.

— Получается, ему все сойдет с рук?

— Он сунулся к взрослому зверю однажды, а значит, пойдет на охоту снова. На такую мощь подсаживаются очень быстро. На границе усилена охрана, а в окрестностях Драконьего кольца и прилегающих землях разбрасывают сеть невидимок.

— Невидимок?

— Датчики жизненных ритмов. Появление человека или ирлхана они засекут сразу, сигнал поступит в Лаувайс.

Большая луна надвигалась справа. Здесь она почему-то казалась огромной, гораздо больше, чем в городе. Подсвеченные отраженными лучами кратеры напоминали выбитые в лазерном тире мишени.

— Почему этого не сделали раньше?

— Это слишком дорогое удовольствие, Леона. Некоторые до сих пор не согласны с таким вложением денег. Тем более что прямой угрозы городу все равно нет.

— Из-за Лаувайс?

Рэйнар кивнул.

— Защита Лаувайс основана на круглосуточном удержании поля постоянного уровня силы. Голосовые вибрации зациклены на тональности, формирующей постоянный запрет на пересечение черты города. Ментальная преграда преобразуется до частот, которые слышат только драконы.

— То есть это приказ, который не пускает их в Мэйстон?

— Все верно.

— А кто его отдал?

— Я. Приказ отдает тот, чьей кровью усилен модуль безопасности. В данном случае он напитан магией моего рода. Когда мы заявляем о сочетании магии и технологий, мы имеем в виду именно это. Драконы воспринимают силу на ментально-физическом уровне, поэтому создать такой барьер способен не каждый.

Деревья расступились, и мы вышли к большому фонтану. Живой коридор, подстриженный в форме геометрических волн, вел нас по выложенной камнем дорожке. Смягчая сумрак, под ногами стелился свет фонарей. Мраморная чаша раскинула свои лепестки, серебряные жилы подсветки придавали ей сходство с настоящим цветком. Бьющая вода взлетала ввысь, под самый купол. Казалось, что струи ласкают небо.

— То есть преодолеть барьер без приказа невозможно?

— Драконы попадут в город, только если отключить защиту. Коды отключения доступны мне и Норгхару, причем подтвердить их нужно одновременно. В ближайшее время мы не собираемся этого делать.

Я рассмеялась.

— Удивительно.

— И правда.

Видеть улыбку на его лице было приятно. А еще приятно было стоять рядом с ним: вот так, на островке лета посреди холода. Впрочем, сейчас казалось невероятным представить, что где-то там может быть холодно: мне даже в легкой кофточке с вырезом и джинсах хотелось что-нибудь полегче надеть.

— Парк скоро отметит свое сорокалетие. Отец подарил его матери в день свадьбы.

Ого!

— Каким он был? Твой отец?

— Сильным, резким. Временами жестоким. Но он не мог быть другим.

Разумеется, не мог. И старший сын на него очень похож, сейчас это сходство казалось мне еще более очевидным.

Листерн Халлоран был одним из немногих правящих, кто продержался до последнего года жизни на своем посту. Он сложил полномочия стариком, но ни у кого бы язык не повернулся назвать его немощным. Поговаривали, что Халлорана-старшего «ушел» Совет, и теперь я понимала почему. Получается, что даже сейчас, в настоящем, иртханы держат защиту своей кровью. Буквально. Именно поэтому Совет всегда выбирает сильнейшего. Того, чью силу драконы признают достойной. Того, чью силу признают равной. Видимо, с возрастом кровь все-таки начинает слабеть.

— Ты по нему скучаешь? — спросила тихо.

— Иногда. Мы с ним дружили гораздо больше, чем с матерью и братом.

— Значит, у вас было два лагеря?

— Да. Мужчины и мама с Энтаром.

Я прыснула.

— Ты в курсе, что сейчас выдал мне компромат на младшего брата?

— Ну должен же я был ему отомстить за пакость на юбилее.

Вот смотрю на него и не пойму — серьезно он или шутит.

Впрочем, разве это сейчас важно? Когда Рэйнар смотрит на меня так, что звезды отражаются в его глазах и падают в самое сердце.

— У нас осталось время посмотреть верхние сады, — негромко заметил он. — До ужина.

Вот! Самое то, чтобы побыстрее вернуться в реальность.

— Кстати, насчет ужина. Надеюсь, он будет в укромном уголке наедине с тобой, потому что у меня нет платья.

Ладно, есть, но не хочу я больше видаться с местрой Халлоран. По крайней мере, не сегодня.

Рэйнар приподнял брови, и сердце от этого припустило вскачь. А следом за ним пришло осознание, что не обломится мне ужина наедине.

— Платье дожидается тебя в твоей комнате.

Ик. Как пяткой чуяла, — что-то неладно с его сюрпризом.

То есть если я к нему не подготовилась, это еще не значит, что к нему не подготовился он.

— Ты уверен, что платье спасет ситуацию?

— Более чем. Матери и брату нужно привыкать к тому, что ты моя.

Великолепное платье. Яркого-желтого цвета, в пол, с летящей юбкой и плотным лифом, украшенным перекрестьем серебристых полос. Оно лежало на кровати в чехле все такое новенькое, рядом примостилась коробка с драгоценностями. Я уже успела в нее заглянуть и полюбоваться тонкой ниткой бриллиантов и крохотными серьгами в виде срывающихся с листиков капель. Кровать, к слову, могла вместить штук шесть Леон и еще парочку поперек уложенных Рэйнаров в ногах. Хотя Рэйнар с таким размещением вряд ли бы согласился.

Сама спальня была уютно солнечной, светильники в резных плафонах рассыпали теплый свет, из круга которого выбираться совсем не хотелось. Наверное, в этом платье я буду выглядеть так же уютно солнечной. Яркой. Горничная ко мне все-таки заглянула — спросила, не нужно ли помочь с прической, но я сказала, что справлюсь сама. Поэтому сейчас крутилась перед зеркалом, пытаюсь понять, как будет лучше: с убранными наверх волосами или с крупными локонами. Решила все-таки остановиться на распушенных, а после прически уселась наводить красоту.

Косметичка, которая постоянно путешествовала со мной, лежала на туалетном столике, а я устроилась на мягком пуфе, в который уютно

провалилась. С макияжем решила не заморачиваться: слегка подвела глаза и подчеркнула веки тенями, чуть тронула губы блеском.

Когда закончила, выяснилось, что времени еще полно.

Если быть точной, Рэйнар должен зайти за мной минут через сорок, а до этого я полностью предоставлена самой себе. Влезать в платье пока не хотелось, поэтому прямо в халате высунулась в гостиную. Оглядевшись, камер не обнаружила. Разве что они прятались в напольных вазах или в других труднодоступных местах. Да, у меня была своя гостиная, как в номерах люкс!

Неспешным шагом, расправив плечи, прогулялась до дверей и обратно.

Устроившись на диване, выпрямилась и откашлялась.

— Проходите! — заявила величественно-громко. — Присаживайтесь. По какому вопросу?

Предполагаю, что местра Халлоран с Ирргалией встречали журналистов примерно с такими же интонациями. Ну или вот с такими:

— Что? — повысила голос, вложив в него ледяную строгость. — Ох, нет. Сегодня я слишком устала, вернемся к этому завтра.

Взмахнула рукой и поднялась. Если здесь все-таки есть камеры, местная охрана решит, что я чокнутая.

— Невероятно! Они смеют являться сюда и задавать мне такие вопросы! Да что они о себе возомнили? — Я слишком резко повернулась и чуть не сшибла со столика вазу. Та подпрыгнула прямо мне в руки и была возвращена на место. — Я больше не принимаю! До свидания. Всего доброго. Уходите, на сегодня прием окончен. А вас я больше не желаю видеть. Охрана! Позаботьтесь, чтобы меня не беспокоили!

На сей раз повернулась куда более осторожно. Вазу это спасло, но не меня: в дверях стояла местра Халлоран. Смотрела она на меня, как на личинку пустынной мухи. Одна бровь изогнулась молчаливым знаком вопроса в конце предложения «Как это недоразумение сюда попало». Вторая, напротив, давила на глаз и вонзалась в переносицу, из-за чего выражение ее лица становилось особенно брезгливым.

— Представление окончено? — сухо поинтересовалась иртеханесса.

Улыбка медленно сползала с губ. Ну почему, почему, почему это не мог быть кто-нибудь другой? Тот же самый Ригт, например, или горничная. Снова.

Хотя лучше бы вообще никого.

— Простите, — вздохнула. — Мне просто стало немного скучно.

— Немного? — хмыкнула она и прошла в комнату, не дожидаясь

приглашения. — Впрочем, я пришла говорить с вами не об этом. Давайте присядем, Леона.

Да я вроде и стою неплохо. Но все-таки опустилась в кресло, тогда как мать Рэйнара устроилась на диване. Сейчас на ней было строгое бледно-голубое платье, которое могло подойти как для деловой встречи, так и для вечернего выхода. Взгляд Арргастель прошелся по моим босым ногам, и я подавила желание поплотнее запахнуть халат. Хотя он и так был запахнут очень и очень прилично.

— У меня к вам есть деловое предложение.

— Тоже хотите, чтобы я спела на юбилее?

Слова вырвались случайно, я даже язык прикусила. На сей раз брови мастера Халлоран встретились, как сведенные над Гельерой мосты. Ну вот кто виноват, что, когда я волнуюсь, начинаю нести всякую чушь?

— Нет, — холодно отозвалась она. — Хочу, чтобы вы оставили моего сына в покое. Сколько?

— Что? — даже не сразу поняла, о чем она говорит.

— Сколько вы хотите за то, чтобы больше никогда не приближаться к Рэйнару?

Щеки словно окатило кипятком, а сердце подскочило к горлу.

Вместе со мной. Я взлетела из кресла, как виар из катапульты.

— Уходите.

Разумеется, она не двинулась с места. Даже сидя, умудрялась смотреть на меня сверху вниз.

— Я хорошо знаю таких женщин, как вы. Не отказывайтесь. Пока что мы с вами еще можем остаться в приемлемых отношениях.

Потрясающей тонкости дипломатия.

— Вот это вряд ли, — жестко сказала я.

— Артистические замашки можете приберечь для моего сына. Уверена, что он давно их прекрасно раскусил, просто умело подыгрывает. Не представляю, что именно его в вас привлекло... хотя такие голоса, как у вас, всегда были слабостью иртыханов. Это чистейшей воды физиология и инстинкты, Леона. Ничего больше.

Вот теперь я прикусила язык вовремя, потому что на языке крутился вопрос по поводу ее мужа и инстинктов.

— Мне нужно одеваться, — отозвалась сухо в тон ей. — Местра Халлоран, я прошу вас уйти.

— Уйду, — хмыкнула иртыханесса и наконец-то соизволила подняться. — Но прежде чем я уйду, советую хорошенько подумать над моим предложением. Когда моему сыну надоест с вами возиться, а ему

надоест, вы останетесь один на один с обществом, которое вас никогда не примет. Так что подумайте, хотите ли вы стать моим врагом или лучше ко мне прислушаться.

Она холодно улыбнулась.

— Не думайте, что это... — Арргастель указала на платье и коробочку с драгоценностями, которые виднелись в спальне, — сделает вас лучше или поможет войти в наш мир. Для всех вы были, есть и останетесь девочкой с улицы, которая спала с моим сыном. До встречи на ужине.

Хлопнула дверь, а я все еще стояла и тупо смотрела на вмятину от ее каблука на ковролине. Почему-то на светлом узоре он выделялся особенно четко. Потом развернулась и направилась в спальню, расстегнула сумку и вытащила свое мини-платье. Белое с красным узором, с прозрачной вставкой на спине до самых ягодич. Короткое, плотно облегающее фигуру и совершенно точно не предполагающее белья.

Девочка с улицы, говорите?

Будет вам девочка с улицы!

Халлоран смотрел на меня так, словно не прочь был облизать с головы до пят. Медленно. До полного изнеможения. Впрочем, возможно, дело было в том, что он еще не ужинал. Вот надо нормально обедать, а не сэндвич-перекус устраивать.

— Что? — спросила я и невинно хлопнула ресницами.

Его взгляд прошелся по мне от носочков лодочек и поднялся до декольте. Декольте, кстати сказать, у платья приличное. Основной акцент здесь именно на узоры, на спину и ягодичы, ну и на фигуру, если женщине есть чем похвастаться. Вот мне — есть. Хочу и хвастаюсь. И да, мне приятно, когда в его глазах зажигается такой огонь. Пусть даже сейчас он недоволен, что ему тоже сделали сюрприз.

— Платье не подошло? — нахмурившись, спросил Рэйнар.

— Нет, что ты. Просто у меня немного другое настроение... — прошептала я, почти касаясь губами его уха.

— Какое же?

— Игривое. Тебе не нравится?

Я прижалась к нему всем телом — опасный маневр. Потому что в ту же минуту меня толкнули к стене и впились жестким поцелуем в губы. В ушах зашумела кровь, особенно когда сильная ладонь прошла по бедру, задирая платье до границы чулок. Долго его задирать не пришлось. От прикосновения к коже по кромке кружева внизу живота растекалось томительное, будоражащее тепло.

— Эй, — пробормотала хрипло, облизывая горячие губы. — Так мы пропустим первое блюдо.

— Если ты продолжишь со мной говорить, еще и второе.

— Говорить? — еще немного понизила голос. — Так?

Халлоран зарычал и дернул платье вниз, отпуская меня.

— Хочешь, чтобы я тебя взял прямо здесь?

— А ты хочешь?

Не знаю, к чему бы это привело. По крайней мере, я уже была не так сильно уверена, что хочу спускаться в столовую и показывать Арргастель попу виара. Честное слово, я бы лучше показала свою совершенно другому иртехану, который в настоящее время сжимал мои пальцы и провожал меня к лифтам. Сейчас жалюзи в коридорах были опущены и прикрыты портьерами. Примостившиеся на стенах двойные бра бросали теплые отблески на темные волосы Рэйнара.

Взгляд сам собой притянулся к резкой линии подбородка, а потом и к губам.

Он словно почувствовал мой взгляд, потому что кадык у него дернулся. А стоило нам войти в лифт, как я тут же сделала вид, что поправляю прическу. Игривое настроение грозило закончиться прямо в этой самой кабине: мне ли не знать, чем опасен такой огонек в глазах моего дракона. Да и мой ему не уступал, поэтому я решила вести себя прилично. По крайней мере, пока мы не спустимся.

— Малая столовая, — сообщил Рэйнар после очередной вереницы коридоров и переходов.

Нырнула в приоткрытую дверь и поняла, что слово «малая» явно придумали от скромности. Здесь можно было разместить пару сборных по гратхэнду, из чего я сделала вывод, что в большую поместятся все болельщики. А заодно судьи и вспомогательный персонал стадиона. Удивительно, но платье вписалось в красно-черный интерьер идеально. В столовой было бы достаточно уютно, если бы не местра Халлоран. Она стояла у окна, отодвинув тяжелую портьеру, и с кем-то беседовала по телефону. Услышав шаги, неспешно попрощалась и повернулась к нам.

— Добрый вечер, Рэйнар. — Она улыбнулась сыну, меня же удостоила снисходительным взглядом. — Эсса Ладэ.

— Добрый вечер. — Я посмотрела на Арргастель кристально чистыми глазами. — Можно просто Леона, а то все эти церемонии вгоняют меня в краску. Надеюсь, вы уже не злитесь на Рэйнара из-за того, что он меня привез, мне бы очень этого не хотелось. Я начинаю чувствовать себя не в своей тарелке, ну, словом... не очень хорошо. Вы же не злитесь, правда?

Положа руку на сердце, ни слова неправды не сказала. И если уж говорить откровенно, Леоной она меня сама называла наедине, так что пусть отдувается. Выражение лица местры Халлоран однозначно говорило о том, что она не против выставить меня за дверь прямо сейчас, но при сыне как-то стесняется. Вот и хорошо, пусть стесняется. А я не буду. Я девочка с улицы, мне можно все.

— Не злюсь, — сухо произнесла та. — Вы очень внимательны, эсса Ла... Леоны.

— Ох, я так рада!

Просияла и положила руку на локоть Рэйнара. Как раз в этот миг к нам присоединился Энтар. В отличие от старшего брата он предпочитал повседневный стиль, поэтому расстегнутая на пару пуговиц рубашка и стильно зачесанные снежные вихры придавали ему хулиганский вид. Весь его облик говорил, что он уверен в себе, прекрасно знает, какое положение занимает, и счастлив его занимать. А остальное приложится.

— О, вижу, все уже собрались! Рэй, привет, — короткое рукопожатие. — Мама, добрый вечер!

— Добрый вечер, сынок.

Взамен скупого приветствия, которое досталось Рэйнару, его Арргастель обняла вполне искренне и даже на несколько секунд задержала в объятиях.

— Леоны. — Энтар сжал мою руку и поднес к губам. — Рад вас видеть. После юбилея вы так быстро убежали, я даже не успел выразить вам свое восхищение.

— Успели, Энтар, — напомнила я. — Ваше восхищение и стало причиной моего бегства.

Улыбка с холеного лица сползла на удивление шустро. Иртхан приподнял бровь и стал невероятно похож на мать. Вообще его красота была из тех, что принято называть женской: мягкие черты лица, плавный контур губ и подбородок с ямочкой. Даже длинные, чуть ниже плеч волосы казались мягкими в отличие от жесткой шевелюры брата.

— Вечер обещает быть интересным, — пропел он. — Ну что, едим? Признаюсь, я зверски голоден.

Местра Халлоран поджала губы, а вот Рэйнар почему-то улыбнулся.

Иртханесса окинула меня пристальным взглядом, гораздо более пристальным и внимательным, чем удостаивала до этого, и произнесла:

— Прошу всех к столу.

Энтар отодвинул стул матери, Рэйнар — мне. Сам он сел во главе стола, а я оказалась напротив вражеского лагеря, то есть местры Халлоран

и союзных войск в лице младшего сына. Что и говорить, стол был накрыт по-королевски. Хрусталь играл бликами света, и когда Рэйнар налил мне вина, оно подхватило их брызгами жидкого рубина. К счастью, с блюдами все было просто: никакой тебе молекулярной или, упаси небо, атомной кухни. Все по старинке.

— За приятный вечер. — Иртхан улыбнулся, и на сердце сразу стало тепло.

— За приятный вечер, — подтвердила я.

Мы подняли бокалы, и мне почему-то вспомнились наши переговоры в ресторане башни Драконий шип. Тогда чувства были совсем другие.

Напряжение, осторожность, неловкость.

Сейчас мне нравилось просто на него смотреть, не говоря уже о желании коснуться. Бесстыдным, нескромном желании, от которого нас отделял ужин. Что-то в его глазах мне подсказывало, что Рэйнар тоже думает о «кое-чем еще».

Местра Халлоран пригубила вино осторожно, при этом лицо ее было настолько кислым, что я всерьез засомневалась во вкусе напитка. Но нет, видимо, дело все-таки во внутреннем мире иртханессы, потому что с вином все в полном порядке. Терпкая сладость, мягкая, с легкими цветочными нотками. Надо потом будет поинтересоваться, как называется, потому что бутылка стояла ко мне прозрачным боком. Хотя...

Дотянулась и развернула к себе лицевой этикеткой.

— «Небо в огне», — прочла вслух. — Красиво. Коллекционное? — Вопросительно посмотрела на Рэйнара.

— Да. Сорок лет выдержки.

— Обалдеть. Ой, — я прикрыла рот ладонью, — простите.

Лицо местры Халлоран стало еще кислее, а я смущенно улыбнулась и потупила взор.

— Леона, как вам нравится Скай Стрим? — Она решила, что лучше будет сама задавать тему для разговора. — Рэйнар уже показывал вам верхние сады?

— О, мне здесь очень нравится. Даже не представляю, с чем сравнить.

Верхние сады и впрямь оказались волшебными. Ветви плакучих вальри под тяжестью сиреневых листьев падали на увитую ползучими цветами арку. Арка эта представляла собой длинный коридор, который вывел нас к небольшому озеру. Дерево, растущее на другой стороне, протянуло крону над водой вплоть до самого центра. Сейчас оно цвело, иссиня-розовые лепестки застилали воду сплошным покрывалом. Под деревом устроилась беседка, узоры-украшения казались невесомой

паутиной, опутавшей столик и мягкие кресла. К ней вел мост, украшенный мраморной плиткой, а каменные колонны поддерживали крышу.

— Неудивительно. Где вы еще бывали? — Она приподняла брови.

— Вообще-то мало где. Я очень люблю оперу, но даже оттуда меня выгнали из-за пера.

Энтар прыснул. Точнее, сдавленно фыркнул в кулак, за что заработал неодобрительный взгляд матери. Светлые, точь-в-точь как у младшего сына, глаза стали просто ледяными.

— Но я люблю читать книги. Недавно прочла трилогию «Мир без тебя». Потрясающая история.

Местра Халлоран хмыкнула.

— Любите сказки, Леона?

— Обожаю. Они дарят надежду.

— Ложную.

— Мама, почему бы тебе не рассказать историю беседки? — Рэйнар отодвинул пустую тарелку. Дракон на печатке попал в перехлестье света и загорелся огнем.

— Не думаю, что твоей гостье будет это интересно.

— Будет, — заверила я и по-плебейски подперла руками подбородок.

— Нашей гостье, — холодно подчеркнул Рэйнар, сполна возвращая ее ледяную свежесть, — интересно все, что связано с нашей семьей.

Он накрыл мою руку своей и слегка сжал пальцы, в ответ я скинула туфельку и коснулась носочком его ноги. Местра Халлоран кашлянула, потому что за нашими спинами бесшумно нарисовалась прислуга. Они сняли сверкающие крышки с горячих блюд столь красиво, что им могли бы позавидовать чемпионы по синхронному плаванию или подводным танцам. Я даже пожалела, что успела втрамбовать в себя столько сыра, листьев и овощей — горячее выглядело и пахло ну очень аппетитно.

— Беседка у озера — подарок моего мужа на первую годовщину нашей свадьбы, — голос Арргастель звучал скупой, как если бы она зачитывала рапорт. — Ее проектировал Вейранто Хилл.

Ого! Фервернский архитектор с мировым именем.

— Когда включается подсветка, чувство такое, словно ты отрезана от всего мира магической завесой. — Взгляд иртеханессы стал задумчивым, осколки льда медленно таяли. — Никаких голограмм, просто игра света в узорах. Кажется, будто тебя оплетает сеть Ирифиды.

Вот не зря я сравнивала узоры с паутиной.

Ирифида — мифическое чудовище, женщина с головой и хвостом дракона. Она заманивает в свою пещеру на призрачный свет. Всех — от

мала до велика, а потом опутывает прочной сетью и тянет жизненные силы, чтобы существовать вечно. Но все это время человек не страдает, он счастлив, потому что в последнем сне сбываются его мечты. Сеть дарует ему такие фантазии, на какие ни одна современная виртуальная реальность не способна.

— Невероятно! — воскликнула я.

Сама не поняла, как задумалась и утонула в нашей беседе. Мне и правда стало интересно, даже захотелось рассмотреть подарок Листерна поближе. Может быть, даже там побывать.

— Родители отмечали в беседке каждую годовщину, — сказал Рэйнар и добавил, обращаясь к матери: — Помнишь, как это было?

— Помню. — Местра Халлоран наткнулась на меня взглядом и тут же нахмурилась, снова стала далекой и отстраненной. — Но это было давно.

Вот как. Выходит, отношения между родителями Рэйнара не всегда были сугубо деловыми? Тогда что же произошло потом?

— Получается, слухи об отставке Аррингсхана не просто слухи? — Арргастель подвинула к себе жаркое, решительно меняя тему.

— Не просто, — нахмурился мой дракон.

И я нахмурилась вместе с ним. Мне искренне нравился Гердехар. Даже несмотря на то, что в его присутствии у меня потели ладони и дрожали коленки. Было в нем что-то такое, едва уловимое — теплое, человеческое, глубокое, что ли. Это не объяснить словами, да и нужно ли? Иногда достаточно просто чувствовать.

— Когда он собирается о ней объявить?

— Точную дату его пресс-секретарь пока не озвучивал, но, насколько мне известно, в следующем году.

— Правильное решение, — заметил Энтар. — Наследников у него нет, и, судя по всему, жениться во второй раз он не собирается.

— А зря. — Местра Халлоран изящно подцепила кусочек мяса. — Такой род достоин продолжения.

— Вероятно, он безумно любил жену, — произнес Рэйнар.

— Какая бы безумная ни была любовь, в первую очередь существует ответственность. Ответственность перед обществом и перед теми, кто вверяет нам свои жизни. Ответственность перед родом, в конце концов. Власть нам дается не просто так, утратить ее очень легко.

— Любопытно, кто придет на его место. — Энтар заметно оживился.

— Во главе Совета скорее всего станет Бергман Стоунвилл. — Местра Халлоран постучала пальчиками с идеальным маникюром по столу. — Так что в ближайшее время Флангстон назовут столицей.

Отец Ирргалии займет место Аррингсхана? Ничего себе.

Да, в Аронгаре — как и во всем мире, в общем-то, «плавающая» столица. Ею становится город, где проживает возглавляющий Совет иртхан. Зингсприд продержался довольно долго, отец Аррингсхана тоже был не только правящим, но и Председателем.

— Необязательно, — хмыкнул Рэйнар.

— И кого же ты видишь достойным соперником?

— Фертрой. Или Ландррингли.

Местра Халлоран скептически приподняла брови.

— Фертрой против Стоунвилла?

— У него достойный огонь.

— Не настолько. А Ландррингли слишком молод.

— Если бы в Совет выбирали по возрасту, отец Шахррейна выбил бы меня с первой попытки.

— Рэйнар, это не смешно.

— А я разве смеюсь?

Мать и сын смотрели друг на друга так, что я на миг почувствовала себя лишней. Это не укрылось от Энтар, который последние несколько минут разглядывал исключительно меня и только чудом дыру не прожег.

— Я, конечно, понимаю, что вам охота подискутировать, — Халлоран-младший хлопнул ладонями по столу. — Но если вы продолжите в том же духе, Леона сейчас свалится носом в жаркое.

Рэйнар прищурился, будто очнулся, и повернулся ко мне.

Смотрел, по крайней мере, очень пристально. Словно пытаюсь понять, что я чувствую по поводу сказанного.

— Да ладно, я не в обиде. Узнала много всего интересного, — сообщила я и подмигнула ему.

Например, поняла, что женщины у иртханов не так уж далеки от политики. Это только со стороны кажется, что у них всякий забавный бизнес для развлечения, чтобы было чем свободное время занять. Судя по тому, как горели глаза Арргастель, эта тема ей гораздо ближе, чем журнал и благотворительность. Ну и еще самую малость поняла, почему она так радеет за Ирргалию. Конечно, брак с дочерью Председателя Совета — это вау-вау. Выгодно во всех отношениях: Флангстон, случись Стоунвиллу победить, начнет стремительно набирать популярность. Средств туда будет стекаться немерено, людей тоже. Значит, больше рабочих мест и выше уровень жизни. Торгово-промышленные отношения с ними тоже будет очень приятно наладить. Ну и так далее.

— Не представляю, как ты вообще росла, — хмыкнул Энтар. — Такой

голос, и... одна, с опекунами.

— Энтар. — Угрозе в голосе своего дракона значения не придавала.

Так и думала, что рано или поздно речь пойдет о моей семье, но я ее не стесняюсь. Я ею горжусь.

— Не с опекунами, у меня был отчим, а мама...

Я осеклась, потому что до меня медленно доходил смысл сказанных светловолосым иртханом слов. Местра Халлоран сложила руки на груди и выглядела ну очень недовольной. Ее младший сын повторил закрытую позу матери и пробормотал:

— Она что, не в курсе? Ну, зашибись.

— Не в курсе? — Холодея, вскочила из-за стола. — Рэйнар, о чем он говорит?

Взгляд Халлорана потяжелел, он поднялся следом за мной.

— Поговорим об этом позже. — Коснулся пальцами запястья, но я отдернула руку.

— Нет сейчас. При чем здесь опекуны?!

Меня трясло. Даже в ушах зазвенело, как в опере перед открытием занавеса. Только мелодия была фиговая. Я ведь знала, что он сейчас скажет — знала и все равно упорно продолжала цепляться за то, что обманываюсь. Вдруг, вдруг, вдруг... ну, пожалуйста! А потом, прочитав ответ в глазах Рэйнара, развернулась и бегом бросилась к двери. Не дожидаясь, пока тяжелые слова камнями упадут на сердце.

Все равно уже зная, что мама... моя родная мамочка, которую я знала с детства, — не моя мать.

Бежала, не особо понимая, куда и зачем. Все равно мне отсюда никуда не деться, но, по крайней мере, я могу закрыться в своей комнате. Если могу. Могу ведь, да?

— Леона!

Голос Рэйнара застал врасплох. Я дернулась, точно меня ударили, — дернулась и обернулась. Не надо было, наверное. Иртхан смотрел на меня, и во взгляде его разгорались тлеющие угли, мне же хотелось позорно разреветься. Мало того что он снова копался в моем прошлом, мало того, что ничего не сказал о маме, так еще и его дружелюбно настроенная семейка узнала об этом раньше меня. Глаза подозрительно пекло, но в груди горело еще сильнее. Больно было так, как никогда раньше. Кусала губы, чтобы сдержать слезы: нет уж, только не перед Арргастель и Энтаром.

Халлоран «отпустил» меня и медленно повернулся к брату.

— Неделя таэрран, — не сказал, а скорее прорычал он.

Энтар отшвырнул салфетку и вскочил:

— Серьезно, Рэй? Из-за этой...

— Две.

Не дожидаясь ответа, он направился ко мне, а я словно вросла в пол. Следом за младшим сыном поднялась местра Халлоран, ее идеальное лицо пошло красными пятнами.

— Рэйнар, послушай...

Но он не обернулся. Подхватил меня под локоть и мягко направил в сторону коридора. Стоило нам выйти за дверь, как меня накрыло окончательно.

— Отпусти! — рванулась, но он держал крепко.

— Поговорим у тебя.

— Я не хочу с тобой разговаривать, я хочу домой. Зачем ты меня сюда притащил?! Чтобы выставить мою жизнь на всеобщее обозрение?

— Я переговорил с матерью. О том, что твое происхождение может оказаться не таким, каким мы его представляли. Предположить, что она поделится этим с Энтаром, я не мог.

— А мне плевать! — огрызнулась.

Зато теперь смотрела на него, глаза в глаза.

— Плевать, что ты рассказал, кому и зачем. Ты распотрошил мою жизнь. Все, что мне было дорого, — говорить было сложно, дыхания не хватало. — Я ведь говорила... Говорила тебе, Рэйнар, что не хочу ничего знать о своем прошлом. Не хочу знать, кто мой отец. Но для тебя это не преграда, правда? Тебе мало моего огня. Так же, как и твоей матери.

— Моя мать ничего не знала о силе твоего огня. И до сих пор не знает.

В который раз за сегодня во мне кончился дар речи.

— Никто не успел почувствовать твой огонь. Всплеск, который ты спровоцировала, тебя же и заглушил. Слишком много правящих, слишком много огней. Они просто откликнулись на твой зов.

— Но ты же почувствовал мою силу на юбилее?

— Не на юбилее, у тебя дома.

— Класс! Знаешь, я, кажется, поняла...

Халлоран опасно прищурилась, но остановиться я уже не могла.

— Ты привык знать все и обо всех. Неужели ты пойдешь в оперу с девочкой из низов? Смешно! Нет, серьезно, на что ты надеялся? На то, что моими родителями окажется кто-то вроде Стоунвиллов? Ну так у меня для тебя новость: благородной родословной с тысячей веточек генеалогического древа тебе не светит. В лучшем случае ты узнаешь, что обзавелся полукровкой со встроенной горелкой, которая постоянно сбоит!

Я все-таки вырвалась и теперь опрометью бросилась к лифтам, которые уже виднелись прямо по курсу. Ткнула в панель, не особо заморачиваясь, что там приедет и в какой сектор я попаду. Главное, хоть куда-то попасть. Куда-то подальше отсюда, подальше от него. От них ото всех!

Двери распахнулись, и меня внесло внутрь ураганом Рэйнар. Внесло, прижало к стене, обдало силой. Мощной, крышесносной и подчиняющей. Я забыла, как дышать, забыла, как двигаться. Животный страх прокатился от кончиков пальцев ног до корней волос. Глаза дракона горели алым огнем, а руки впивались в мои запястья стальными браслетами.

— Никогда больше не смей повышать на меня голос, — прорычал он. — Особенно если это может кто-то услышать. Если такое случится, мне придется тебя наказать, Леона. Поверь, до такого лучше не доводить.

Он так ударил по панели, что чудом не вынес ее со всеми микросхемами разом. Лифт испуганно взмыл ввысь, а Рэйнар отпустил меня и отошел к противоположной стене. Я не возражала. Не возражала бы, если бы он вообще через люк выпрыгнул и растворился в ночи, как герой комиксов. Так и поднимались в молчании и так же шли по бесконечным коридорам.

Стоило нам оказаться в гостиной, а потом и в спальне, которая больше не казалась солнечной и уютной, я уселась рядом с платьем и драгоценностями и зажала ладони между колен. В груди полыхал самый настоящий огонь, полыхал так, что жгло пальцы. Смотреть на Халлорана не было никаких сил, поэтому опустила взгляд. Там, где ладони соприкасались, рождалось странное густое марево, колышущее воздух. Подозреваю, что из-за непролитых слез.

— Твоя мать... точнее, эсса Эрмина Ладэ, удочерила тебя сразу после налета, — спокойный голос отдавался в ушах так же, как и его шаги: Рэйнар подошел и остановился прямо передо мной. Я видела только его идеальные ботинки и обшлага брюк. — Новое свидетельство о рождении оформили на месте. Тогда не особо заморачивались доходом и возможностью содержать ребенка. Изъявила желание, и хорошо. Больницы и детские дома были переполнены, поэтому власти подписали разрешение без бюрократических проволочек. Так ты стала Леоной Ладэ.

Леона Ладэ.

Эрмина Ладэ.

Мамочка...

Слова отозвались в сердце щемящей тоской, ударили точнехонько и глубоко. Вспомнилось, как мама склонялась надо мной и целовала в щеку,

чтобы пожелать спокойной ночи. Вот только колыбельные мы пели вместе: она начинала, я подпевала. Потихоньку проваливалась в сон и даже сквозь уютную полудрему чувствовала, как меня укутывают в покрывало. Прикосновение губ к щеке, осторожные шаги. Она всегда оставляла для меня ночной голографический светильник с кружащим под потолком виарчиком — в детстве я боялась темноты. Оставляла, хотя лишняя строка в счетах за свет нам тогда была ни к чему.

Это было уже в Мэйстоне, Зингсприд я не помнила.

Мне хотелось зажать уши, но я почему-то продолжала слушать.

И смотреть на носки ботинок.

— Человек Норгхара беседовал с начальницей отдела кадров в мериужском отеле «Варпанти».

Мериуж — столица Раграна. Город, где родилась и работала мама, действительно очень сильно пострадал во время массовых налетов и того ужаса, который творился после них. «Варпанти» по рагрански значит триумф, победа. Вот примерно так я себя и чувствовала. «Победительницей» по жизни.

— И ты решил рассказать мне об этом только сейчас?

— Мне не о чем было тебе говорить, Леона. Твоих родителей я пока не нашел. Сама представляешь, что в то время творилось в городе. Даже теперь, когда местные власти нам дали добро на поиск, нужно время.

— Угу, — сказала я носкам ботинок. — Начальница отдела кадров.

— Она очень тепло отозвалась об Эрмине Ладэ. Рассказала, что ей, как и многим другим девочкам, приходилось подрабатывать. Она убиралась в богатых домах, видимо, так и познакомилась с твоей настоящей матерью. Пока неизвестно, была ли она иргханессой или человеком и кто был твоим отцом. В Мериуже она жила одна.

Желание пнуть ботинок пришло и ушло.

Сердце болезненно екнуло. Я не знала ту, о ком говорил Рэйнар, но...

— Норгхар разговаривал с твоим отчимом. Эрмина просила его сохранить твою тайну, поэтому после ее смерти он забрал документы об опекунстве. К сожалению, он не знает имени женщины, которая дала тебе жизнь. Эрмина приехала в Зингсприд, потому что твоя настоящая мать родилась там. А умерла во время налета в Рагрane.

Резко поднялась, и коробочка с драгоценностями свалилась на пол. Не знаю почему, но именно раскрывшийся футляр сработал как команда «старт» на гонках. Слезы покатались по щекам одна за другой. Горячие, соленые, горькие... Они просто капали. Когда Халлоран привлек меня к себе, закапали на него. На идеальный пиджак, превращаясь в кляксы.

Первые пару минут я еще героически крепилась, а потом уткнулась лицом ему в грудь и разревелась по-настоящему.

Не знаю, сколько мы так стояли, пока всхлипы не стали тише. Попыталась освободиться, но куда там. Оказалась только сильнее вжата в драконище.

— Отпусти, — попросила негромко.

— И не подумаю.

— Мне нужно побыть одной. «Что-то еще» удалось на славу.

Он замолчал. Ненадолго. Но руки так и не разжал.

— Я должен был тебе рассказать.

— Угу.

— Прости, — произнес он. Так искренне и по-человечески, что вырываться сразу расхотелось. — Прости, Леона.

Это меня добило окончательно. Представить себе Халлорана извиняющимся — на это даже моей фантазии не хватало. Я подняла глаза и посмотрела прямо в ночные костры. Так и залипла.

— Леона?

— Прости, — зачем-то повторила эхом. — Я хочу удостовериться, что не рехнулась. Самую малость.

Рэйнар приподнял брови.

Пальцы удивительно бережно легли на мои щеки, стирая дорожки слез.

— Мне сложно представить, как ты выглядишь, когда говоришь «прости». Можешь повторить это еще раз?

Он нахмурился.

— Издеваешься.

— Нет. Просто это...

— Необычно? — подсказал иртхан.

— Очень. Рэйнар, что такое таэрран?

Он помрачнел и все-таки выпустил меня из объятий.

— Магическая подчиняющая роспись. Наносится на шею, сходит сама. В зависимости от уровня нанесения позже или раньше. Пока на иртхане таэрран, его огонь заперт. Закрывать ее одеждой нельзя.

Что я там говорила про публичную порку? Лучше бы была она. Время идет, цивилизация развивается, а в обществе иртханов — публичные наказания. Позорное клеймо, магический ошейник, который должны видеть все. Времена Погасших костров отдыхают. Именно в те века, когда иртханами были одержаны первые серьезные победы над драконами, практиковались всякие показательные пытки и казни. В частности, за

инакомыслие, если кто-то осмеливался иртехану слово поперек сказать. Драконов освоили, взялись за людей. Но сейчас-то, слава небесам, двадцать шестое столетие со дня Великого Перелома.

— Рэйнар, отмени наказание, — попросила тихо.

С тем, что уже случилось, поделаться ничего нельзя. А вот с тем, что еще не случилось, — можно.

— Нет.

— Пожалуйста.

Ноздри его дрогнули, выдавая раздражение.

— Своим отношением к тебе он бросил мне вызов, Леона.

— Но это же унижительно. Особенно для мужчины.

— Он это заслужил.

— Нет. Такое — нет. — Если честно, за поправленную гордость Энтар я сейчас переживала меньше всего. Так ему и надо, но мне совсем не хотелось, чтобы Скай Стрим превратился в поле боя. Особенно после того, что недавно случилось с Ирргалией. — Уверена, он уже прочувствовал последствия, с него хватит. Хватит того, что это было сказано при мне.

Халлоран пристально посмотрел на меня.

— Я не отменяю своих решений.

— Но ведь...

— И тем более не позволяю ставить их под сомнение. Никому.

Глаза его снова потемнели, а я наклонилась, чтобы подобрать футляр, и зацепилась взглядом за уголок платья. Он желтел на покрывале, как только что сорвавшийся лист среди засохших. Не представляю, как я выглядела, но чувствовала себя мячом для гратхэнда после финала на Соурских играх. Хотелось спать и чтобы все меня оставили в покое. Хотя бы до завтра.

— Леона, сейчас проверяют архивы. Как только станет известно имя женщины, у которой работала Эрмина Ладэ, все остальное решится в считанные дни.

Женщина, которая дала мне жизнь, умерла во время налета. Что она искала в Рагране? Рожденная в Аронгаре, в столице мира, куда ежегодно стекаются миллиарды туристов со всех уголков планеты. Вряд ли я когда-нибудь об этом узнаю. Зато могу узнать, какая она была — если мама говорила о ней с отчимом. Она наверняка говорила, ведь именно от него Норгхар узнал, почему мама меня удочерила. Эсстерд Барт... Танни! Мысль о сестре заставила похолодеть. Сердце подскочило к горлу, на спине выступил пот. Если она узнает обо всем сейчас, когда только-только более-менее взялась за ум... У Танни и без того характер на дрожащей ноте, а из-

за такой новости вообще крышу может сорвать.

— Нет. Я не хочу знать, кто мои родители, Рэйнар.

Иртхан нахмурился и сложил руки на груди.

— Почему?

— Потому что моя мать — Эрмина Ладэ. Мне безумно жаль, что так получилось. Безумно жаль женщину, которая погибла в Рагране, что бы ее туда ни привело. Но для меня это ничего не меняет. Или ты думаешь, что мне станет спокойнее, когда я узнаю имена?

— Дело не в именах, Леона. Я больше чем уверен, что дело именно в твоём отце. Не исключено, что и в матери тоже. Сила твоей крови...

— Вот именно. — Я держала футляр с драгоценностями и не знала, куда его деть. — Сила моей крови. Какая тебе разница, кто произвел меня на свет?

— Потому что если твой отец жив, я могу заставить его тебя признать.

— Заставить? — фыркнула я. — Ты сам-то понимаешь, что говоришь?

— Что именно тебя смущает?

— Не знаю. Возможно, то, что ты хочешь разыскать человека и всучить ему меня как подарочек на Смену времен.

— Иртхана.

— Да без разницы! Меня устраивает моя жизнь такой, какая она есть. Я не хочу, чтобы в моем прошлом копались твои ищейки, понятно?!

— Понятно. — Голосом его можно было строгать металл. — Тебе гораздо привычнее сидеть в своей камере на Джиллингсон-стрит.

Задохнулась, словно меня резко ударили в живот.

— Ага.

Сгребла в охапку платье и сунула ему в руки вместе с драгоценностями.

— В интерьер камеры не впишется, — пояснила.

Сверток отлетел в сторону, ударился о стену с такой силой, что зазвенело в ушах. Меня обдало волной огненной ярости, от которой все волоски на коже встали дыбом. Рэйнар развернулся и вышел, а я пошла собирать драгоценности — они разлетелись по всей комнате застывшими слезами в огранке. К счастью или нет, но у меня слезы на сегодня кончились.

ГЛАВА 8

С утра я выглядела так, словно добровольно сунулась лицом в улей к рагранским пчелам. Опухшие красные глаза и бледное лицо наводили на мысль о том, что ночь в стиле «пьянящей молодостью жив» удалась, хотя большую ее часть я проворочалась с боку на бок в странной полудреме. Это было то самое состояние, когда ты вроде как спишь, а вроде нет.

К счастью, хотя бы мысли не посещали, взамен них снился какой-то бред. Сначала Арргастель летала на драконе над Лаувайс, потом я пыталась сбежать из Скай Стрим через открывшийся под моими окнами телепорт. С такой высоты он напоминал странное пугающее озеро, подернутое клубами тумана. Чтобы в него запрыгнуть, я спускалась по простыне, которая оказалась ну очень длинной — ее хватило до самой земли, руки жгло, поэтому на середине я сорвалась. Плюхнулась в телепортационное желе и... снова оказалась в отведенной мне спальне. То есть проснулась.

Высовываться из комнаты не хотелось, даже если начнется землетрясение или в Скай Стрим наведаются драконы, но позорно отсиживаться и показывать свою слабость хотелось еще меньше. Скептически изучая себя в зеркале, я пришла к выводу, что здесь поможет только маска. Поэтому и отправилась обратно в постель — медитировать с наэжской глиной на лице. Медитировать предстояло долго, около часа, время на «подумать» у меня было. Подумать и решить, что со всем этим делать.

На душе виары скребли. Хотя бы потому, что женщина с ребенком чаще всего остается одна в двух случаях. Либо мой отец погиб, либо ему просто стало скучно выращивать плоды страсти. По какой причине, дело десятое. Однако мог быть и еще один вариант: например, мама была ир்தханессой, а отец — человеком. Семья узнала о ее недостойном поведении и отказалась от нее, она решила все забыть и перебралась в Рагран. Подальше от дурных воспоминаний. Могли ли ее родные потребовать, чтобы она избавилась от ребенка? С варварскими нравами ир்தханов меня это совсем не удивляет. Но ведь она от меня не отказалась. Несмотря ни на что.

Попыталась представить себе лицо этой женщины и не смогла. Была ли я на нее похожа? Что ей нравилось? Любила ли она музыку — так же, как я, или же была к ней равнодушна?

Так, все, Леона. Хватит. Нечего травить душу.

И про драконище, который назвал нашу уютную квартирку на Джиллингсон-стрит каморкой, я тоже думать не буду. Вот не буду, и все! А еще завтра же вернусь в Ландстор-Холл, и если Рольген попытается меня остановить... в общем, пусть лучше сразу увольняется. Сам. А если Халлоран попытается меня остановить, я ему выскажу все, что думаю, там, где застану. Наденет на меня таэрран, после чего я надену ему на голову ведро. На сей раз этими самыми ручками с чувством глубокого морального удовлетворения. Если ему можно решать за меня, то мне совершенно точно можно решать за себя.

— Эсса Ладэ. — В дверь осторожно постучали, а потом она открылась. Миловидная светловолосая горничная в темно-синем форменном платье одарила меня улыбкой. — Завтрак дожидается вас в гостиной. Местр Халлоран просил передать, что ожидает вас у себя в кабинете через полтора часа.

Спасибо, что не наоборот.

Подтянулась на руках и села. Лицо цвета огурца — это еще ладно, но вот когда ты при этом валяешься как тот самый огурец...

— Спасибо, Миррани.

Имя я вчера рассмотрела на бейдже: видимо, горничную закрепили за мной.

— Вам помочь с прической?

— Нет, спасибо.

— Если хотите, провожу вас до кабинета.

— Буду рада. Навигаторы — это, конечно, хорошо...

— Я сама с ними путаюсь. — Девушка улыбнулась, но тут же снова стала серьезной. — Тогда загляну к вам позже.

Ладони по-прежнему слегка жгло. Я даже поднесла их к глазам, чтобы удостовериться, что ночью никуда не спускалась по простыне. Такое бывает, когда долго держишь чашку с горячим кофе, вот только после этого ладони становятся красненькими. Сейчас же они были нормального человеческого цвета, но странное чувство не оставляло. Ладно, из всех странностей, что случились со мной за последнее время, горячие ладони — это так, ерунда. Поэтому поднялась, смыла маску, спела в душе и принялась за завтрак.

Еда полезла в меня на удивление бодро и шустро. Вот за что люблю свой организм — так это за то, что, какие бы потрясения на него ни валились, аппетит от этого хуже не становился. Если не смотреть на платье и разломанную коробку с драгоценностями. К которым взгляд примагничивался, как попавший в силовое поле орбитальный спутник.

После быстренько собралась, и когда Миррани вернулась, уже была готова к труду и обучению. С планшетом наперевес, в джинсах и кофточке, купленных на распродаже, сам вид которых, должно быть, оскорблял благородные стены Скай Стрим. Ну да ладно, недолго осталось. Не думаю, что следующее свидание состоится в скором времени, а положила руку на сердце, вообще не думаю, что оно еще когда-нибудь состоится. Учитывая, что возвращаться сюда у меня нет ни малейшего желания.

С Миррани и правда получилось быстрее. Я сама залипала бы перед каждым переходом и навигатором, чтобы убедиться, что свернула туда, куда надо, и случайно не наткнулась на кого-нибудь вроде Арргастель или Энтара. Получать втык еще и за опоздание совершенно не хотелось.

Когда я вошла в кабинет, Халлоран стоял у окна, привычно сцепив руки за спиной.

У, небоскреб. С хвостиком.

— Доброе утро, Леона.

Он обернулся ко мне и указал на стул. С таким видом, словно вчера ничего не произошло.

— Доброе утро.

Устроилась за столом и сделала вид, что готова внимать. Ну а что, я и правда готова.

Разве что самую малость надеялась... на что?

Ладно, не важно.

— Сегодня поговорим о возможностях распознавания ментальных угроз и техниках постановки ментальных блоков.

Он подошел и устроился за столом. Видеть его так близко и не иметь возможности поцеловать или прикоснуться было странно. На всякий пожарный вцепилась в планшет покрепче, чтобы случайно не потянуться к его драконьей светлости. Даже в своей ледяной отстраненности Рэйнар умудрялся выглядеть невероятно притягательным. Ему на удивление шли темные оттенки. Стальные подчеркивали холодность, а темные делали... ну, более хищным, что ли. Казалось, что сейчас за спиной ирлхана раскинутся кожистые крылья, а черты лица заострятся еще сильнее.

Вот только это больше меня не пугало. Скорее, наоборот.

Так, о чем я вообще думаю?

Ментальные блоки.

— Ты уже знаешь, что в работе с ментальной магией между тобой и объектом устанавливается психоэмоциональная связь.

Ну да. Между мной и одним... субъектом уже установилась психоэмоциональная связь. Теперь вот на занятиях думаю совсем не о том,

о чем положено.

— В случае если что-то пойдет не так, нужно быть готовой отразить ментальный удар.

— То есть драконы тоже могут приказывать?

— Приказывать они не могут, а вот расплавить мозги своей яростью — вполне. Драконы нападают в полную силу. Не успеешь закрыться — сгоришь, в лучшем случае ментально. Умение грамотно выставить защиту убережет тебя и от возможных ментальных атак со стороны других иртханов.

— То есть погрозить мне ремнем ты больше не сможешь?

Халлоран прищурился, а я сделала вид, что тыкаю в планшет пером и пытаюсь открыть текстовый редактор. Для пометок, разумеется.

— Часто иртханы нападают друг на друга? — решила сменить тему.

— Еще пару столетий назад ментальные дуэли были обычным делом, особенно этим грешили вальцгарды и курсанты Академии. Потом их запретили. Сейчас за подобные выходки предусмотрено наказание, особенно если они причиняют вред здоровью.

— А что насчет морального ущерба? Ну, если кого-то заставили прогуляться по улице в шапочке из фольги и с накладным хвостиком?

— Моральный ущерб серьезной угрозой здоровью не считается. Если ты не умеешь защищаться, это твоя проблема.

Нет, ну а я что говорила?

Цивилизованные варвары!

Наверное, что-то в моем взгляде все-таки отразилось. А может быть, в тайные умения иртханов входило чтение мыслей. Потому что Халлоран произнес неожиданно мягко:

— У нас действительно другой мир и другие законы, Леона. Мы с детства учимся управлять собой и своей силой, защищаться и нападать. Мы ближе к драконам, чем кажется на первый взгляд. Несмотря на то что мы живем на одной планете с людьми, человеку сложно понять образ жизни иртханов. Во многом благодаря этому мы не распространяемся о нашей магии и ее особенностях.

Да уж, сложно — не то слово. Особенно если вспомнить про наказания.

Пожалуй, лучше сразу прояснить этот вопрос, чтобы в будущем неприятностей не возникло.

— Кто имеет право накладывать таэрран?

— Согласно иерархии, правящих могут привлечь к ответственности голосованием Совета, но окончательное решение все равно принимает

Председатель. Всех, кто проживает в городе, наказывает правящий. Членов семьи — глава рода, учащихся Академии — ректор, вальцгардов — командир подразделения.

— Чем это грозит? Я имею в виду запертый огонь.

— Тем, что иртвахан не сможет использовать магию. Ни ментальную, ни стихийную. Она оказывается запертой внутри до той минуты, пока узор не сойдет окончательно.

— Вообще?

— Вообще, — взгляд Халлорана стал холодным, а вот его слова обжигали. — Это наказание для тех, кто недостойн огня своего рода.

Кошмар.

— За что полагается таэртан?

— Я пришлю тебе свод законов.

Представила себе размер файла и поняла, что меня ждут бессонные ночи. Нет, ну не могу же я постоянно ходить по полю, на котором каждая ямка может оказаться ядовитым гейзером. Один раз прокололась с Рингисхарром, теперь вот выяснила, что повышать голос на его иртвахство в присутствии свидетелей чревато. Мало ли что там еще вылезет. Эх, похорошему, мне бы персонального юриста, а не водителя с охранником. Всяко полезнее будет.

— Вернемся к ментальным блокам. — Халлоран указал на планшет. — Большинство атак усиливается внезапностью. Даже если ты освоила техники защиты, тебя можно застать врасплох. Пробить можно ментальный блок любого уровня, но здесь суть именно в том, чтобы выиграть время и подготовиться к следующему удару. Или к нападению.

Он говорил, я слушала и делала пометки. Украдкой поглядывала на него, когда Рэйнар смотрел в сторону, но иртвахан оставался бесстрастным. Неужели совсем не переживает из-за случившегося? Неужели ему не жаль, что мы поссорились, — ну вот ни капельюшечки? Неужели все, что его интересует, — это теория ментальной защиты? Настроение стремительно портилось. Хотелось ткнуть его пером в коленку. Может, хоть тогда скривится или ойкнет. Но до коленки нужно было тянуться.

Поэтому я писала и слушала, слушала и писала. Основа построения ментальной защиты тоже держалась на внутренней концентрации и жестком самоконтроле. Вот только в отличие от команд и приказов здесь требовалось сосредоточиться на собственных ощущениях и держаться за них. Голова уже напоминала энциклопедию, поэтому я несказанно обрадовалась, когда горничная подала ланч. Сегодня даже не возражала против легкого перекуса в кабинете, потому что идти на обед в столовую не

хотелось.

— На неделе продолжай ставить голос, — произнес Рэйнар. — Если все будет хорошо, на следующих выходных перейдем к практике.

— И где я буду тренироваться? — спросила, отправляя в рот канapé.

— На тренировочном полигоне Академии.

— Кхм. Кхе... кха...

Сэндвич был вкусный, но пошел не туда. На глаза даже слезы навернулись, пока пыталась прокашляться. Зато впервые за все занятие уловила в глазах Рэйнара отголосок чувства. Понять бы еще какого. Это он волнуется, что я чуть не подавилась, или ему особо крупная перчинка в канapé попалась? Судя по тому, что даже привстал, наверное, дело все-таки во мне. Выставила вперед ладонь.

— Ты же обещал, что не повезешь меня к драконам.

С другой стороны, лучше драконы, чем мама и Энтар.

— К диким.

Забыла уточнить, понятно. Надо составить список особо коварных уточняющих вопросов и перечитывать на ночь. Потому что мастерская игра слов в исполнении Халлорана обычно оборачивается такими вот сюрпризами. Теперь выясняется, что мне еще и в Академию визит предстоит.

— Леона, начинать будем с виаров. Мне нужно понять, над чем дальше работать в практике. Или ты думаешь, что я поставлю тебя к дракону на второй неделе экстренного обучения?

— Нет, — буркнула я. — Это слишком сложный способ от меня избавиться.

— Я не собираюсь от тебя избавляться.

— Завтра я возвращаюсь в Ландстор-Холл.

Вот не знаю, зачем я это сказала. Наверное, все слишком хорошо шло.

Иртхан помрачнел, как Лаувайс, в которой разом вырубилó все электричество.

— Зачем?

— Потому что я хочу петь.

— Ты прекрасно можешь петь дома, пока твой агент не найдет тебе достойное место.

— А ты можешь управлять городом, не выходя из квартиры?

— Не сравнивай.

— Потому что к тебе ходят важные шишки, с которыми ты ведешь важные беседы?

Он прищурился, становясь похожим на готовящегося напасть дракона.

— Так вот, для меня тоже важно петь. Петь для людей, видеть их улыбки, их радость, дышать сценой. Ирргалия вернулась домой, пчелы тоже. Я выхожу на работу, и точка.

Дотянувшись до стакана с соком и сделала большой глоток: вот теперь лицо Рэйнара стало по-настоящему хищным. Губы сжались в тонкую линию, словно сплавились воедино, поэтому я уткнулась в тарелку и медленно дожевывала сэндвич. Очень медленно. А потом сразу откусила огромный кусок от нового. Больше мы не разговаривали, делали вид, что увлечены едой. А за едой, как известно, говорить не положено. Особенно в высшем обществе.

После обеда в планшет и в мою голову знания вливались такими потоками, что я едва успевала записывать и запоминать. Несмотря на солнечный день, в кабинете ощутимо похолодало, радости больше не приносила даже такая долгожданная близость. Да и была ли она? Хотелось поскорее попасть домой и что-нибудь там разбить, пока никто не видит. Поэтому, когда Рэйнар отпустил меня собираться — солнце в тот момент уже подпалило хребты гор, я лазерным лучом вылетела из кабинета.

Наскоро запихнуть в сумку платье, косметичку, туфельки, «все то, что еще могло понадобится». Наткнуться взглядом на желтый наряд и футляр с драгоценностями, лежащие на стуле. Выругаться, вытряхнуть все обратно, потому что ключей от квартиры не оказалось в кармане курточки. Залезть под кровать, обшарить мебель...

Я перетряхнула всю сумку, но так их и не нашла, пришлось перетряхивать содержимое всех пакетов, косметичку и даже пижамку, впопыхах свернутую комом. Нет, ну серьезно. Куда делись эти идиотские ключи? Неужели выронила где-то в здании телепорта?

— Добрый вечер.

От неожиданности чуть не подпрыгнула — в дверях спальни стояла местра Халлоран. Вот тут мне всерьез захотелось запустить в нее зубной щеткой. Интересно, в их высшем, дальше некуда, свете, стучать не учат? Она привычно смотрела на меня сверху вниз, но сейчас расстановка была правильная: я сидела в окружении разбросанных по полу вещей, как драконица в гнезде.

— Спасибо, Леона.

Я не уронила свою челюсть только потому, что ее подпирало колено. Лицо местры Халлоран по-прежнему выражало превосходство, но взгляд смягчился. Даже светлые льдинки глаз потеплели.

— За то, что Рэйнар отменил наказание.

Надо подпереть еще и вторым. Для верности.

Дар речи ко мне вернулся не сразу, но все-таки вернулся. Может, я пока и не умею проворачивать все эти ир்தханские штучки-дрючки, но говорить осмысленно — вполне.

— При чем тут я?

— Он никогда не менял своих решений. Так же, как и его отец. — Ее лицо на миг утратило снисходительное выражение, уголки губ опустились. — Мой сын сказал, что за это нужно благодарить тебя.

Она стояла, смотрела на меня и ждала. Я на нее не смотрела, но чувствовала, что она ждет. Поэтому все-таки подняла глаза и себя заодно. Даже неосознанно отряхнула джинсы, хотя на этом ковре можно было спать голышом: ни пылинки ни соринки.

— Пожалуйста.

Ир்தханесса кивнула и вышла, а я осталась наедине с собой и знанием, с которым не понятно, что делать.

Рэйнар отменил наказание из-за меня?

Очень хотелось бы верить, но это вряд ли. Скорее решил, что лишние ссоры в семье сейчас ни к чему.

Посмотрела на разобранную сумку, перетряхнула все еще раз и принялась запихивать вещи обратно в художественном беспорядке.

Ключи так и не нашлись.

А значит, придется вызывать Танни.

— Как выходные?

Хитрющее и довольное лицо сестры однозначно говорило о том, что ее выходные удались.

— Замечательно. Ключи потеряла.

— За кровать завалились?

Под моим взглядом Танни сделала большие невинные глаза. Сунула леденец в рот и вернулась к просмотру молодежного шоу, в котором девушки соревновались за право стать подругой сердца богатого жениха Мэйстона. Одной рукой она подпирала подбородок, другой поглаживала пузо вытянувшегося Марра. Такое состояние души животинки однозначно говорило о том, что виар накормлен, выгулян и обласкан.

— А как ты отдохнула?

— Чудесно! Мы с Миком ездили в парк и в киношку, смотрели новый ужастик. Там в психлечебнице водились монстры, а потом выяснилось, что это психи, на которых врачи ставили эксперименты.

Действительно чудесно.

— Еще мы вместе гуляли с Марром. Он ему понравился — в смысле,

Мику. Говорит, что клевый, хоть и неженка.

— Это Марр-то неженка?

— А ты на него посмотри.

Закатив глаза, чудовище размером с половину дивана порывивало, а иногда довольно дрыгало задней лапкой. Ну ладно, предположим, Марр у нас действительно очень милый, но это еще не значит, что всяким там Микам позволено обзывать его неженкой. Сестра была безоблачно счастлива — это я прочла в сияющих глазах, когда она обернулась, чтобы потыкать пальцем в сторону дивана: присоединяйся! Я это шоу не любила, но и подниматься наверх тоже не хотелось. По крайней мере, пока.

— Если она выйдет в полуфинал, я дальше смотреть не буду, — заявила Танни, указав на холеную блондинку. Потянулась за мобильным, но я перехватила телефон раньше, чем она успела его сцапать. — Эй!

— Нечего на всякую ерунду деньги просаживать.

— Это не ерунда! Я хочу проголосовать против.

— Ты бы лучше голосовала за тех, кто тебе нравится, — хмыкнула. Телефон вернула, конечно, мало ли. Вдруг там Мик.

— А я и голосую.

Танни отправила сообщение и сунула мобильный в карман на попе.

— Теперь понятно, почему у тебя постоянно нулевой баланс. Уроки сделала?

— Даже на следующую неделю кое-что. Как и договаривались.

— Супер.

Сестра снова уткнулась в визор, а Марр недовольно заворочался — его уже пару минут как не чесали. Ну вот, я вернулась домой, в свою родную каморку. Ладно, пусть даже она не родная, а съемная, но маленькой ее точно назвать нельзя. Все здесь было настолько знакомо и уютно, что сразу становилось легче. Или не становилось? Этого я пока понять не могла.

В груди что-то надсадно ныло, как если бы я проглотила иглорыцку и запила обезболивающим. С Рэйнаром мы встретились только у телепорта, а по возвращении в Мэйстон попрощались достаточно холодно. Стоило выйти из ВИП-зала, меня сдали на руки Рольгену и пожелали хорошей недели. Пожелание ему я вернула и всю дорогу думала о том, что мне теперь делать.

Понятно, что Танни придется рассказать о моем происхождении. Если она случайно узнает от кого-нибудь еще, получится как со мной, только хуже. Разумеется, не на этой неделе, после дня рождения и прослушивания. А вот что делать с отчимом, я так и не решила. Предполагалось, что для сестренки это будет сюрприз, но после такого сюрприза, который

обрушился на меня, я уже не была уверена в том, что это хорошая идея. Нет, все-таки придется с ней поговорить заранее — о том, что я пригласила эссерда Барта, и о том, что очень хочу их помирить. Правда, раньше это не срабатывало, но лучше уж пусть не сработает, чем у Танны будет испорчен день рождения. А если повезет, может, даже получится.

— Ты чего такая задумчивая? Смотри, сейчас танцевать будут.

— Угумс.

Я сделала вид, что увлечена визором: там к танцевальному номеру готовилась столь нелюбимая Тання блондинка с алой помадой и стрелками на глазах.

Рэйнар ни словом не обмолвился об отмене наказания. Не говоря уже о том, почему он это сделал. У меня же все вопросы застывали на губах, стоило на него посмотреть. Нет, злым он не выглядел — скорее заледеневшим. Разве что иней по костюму не бежал да руки не примерзали к моим. Не знаю, был ли причиной тому Ландстор-Холл или случившееся вчера, но он даже не попытался меня поцеловать. И я, разумеется, тоже. Что мне, больше всех надо, что ли? В конце концов, мы вообще друг другу ничего не обещали и не должны. Помимо огня нас связывает только обучение магии иртеханов.

Вот только почему тогда так... больно?

Даже когда я рассталась с Вальнаром, так больно не было. Неприятно, грустно, тоскливо как-то, но не больно.

С Рэйнаром я вроде как и не расставалась. Но все равно иглорыцка.

— А-а-а!!! Я выиграла-выиграла-выиграла!!!

С трудом подавила желание зажать уши.

— Ррр-иу! — взъерошенный Марр, который успел задремать, взмыл к потолку.

— Марр, а ну вниз!

Виар спустился, и я притянула его к себе. Мало ли кто там еще завизжит. Зато теперь я была почти готова присоединиться к Тання в ее нелюбви к этой девице. Верещала она так высоко и препротивно, что мои уши свернулись в трубочку, словно умоляя о пощаде. При этом она еще запрыгала и захлопала в ладони так, что они наверняка должны были загореться от усердного трения.

Хм...

Покосилась на свои руки — сейчас они совершенно точно не горели.

Утром голова была забита другим, даже не успела спросить. А сейчас едва могла вспомнить это чувство: такое согревающее тепло, похожее на то, что вливал в меня Рэйнар, чтобы восстановить силы... Так, все, хватит.

Ладони выглядели чистенькими, никаких иртышских сюрпризов на них не проявилось. Может, дело и не в моем огне вовсе, просто отлежала там. Ну или что еще. Спрошу на следующем занятии.

— Вот же зад... — Танни осеклась и просто сердито щелкнула пультом. — Нет, ты вообще это видела? Какой ей замуж за генерального менеджера «Далленж Электрик»?

«Далленж Электрик» — крупное промышленное предприятие Мэйстона. Корпорация, которая производит аккумуляторы для флайсов и обеспечивает ими всю Аронгару. Полезное будет замужество, да. Кстати, шоу довольно-таки популярное и отменно держит рейтинги. Финалистки, которые остались за бортом, потом чаще всего подаются в модели (если они уже не там). Сам генеральный менеджер, к слову, больше напоминал кинозвезду и так ослепительно улыбался в камеру, что его рекламные агенты танцевали джумбийские танцы в балетных пачках и подсчитывали прибыль.

— А может, ему нравятся такие женщины?

Танни фыркнула.

— Эй, что за скептицизм?

Сестрица пожала плечами.

— А ты мне подарок уже купила?

Глаза невинные-невинные, примерно такие были у Марра, когда он стянул вырезку, которой предстояло превратиться в жаркое.

— Нет.

Знаю я ее. Облазит всю квартиру, пока меня дома не будет, и найдет ведь. Пару раз уже так прокололась, больше не хочу.

Танни нахмурилась было, но потом снова улыбнулась.

— Ладненько, я побежала. Мы с Миком еще договаривались вечером пообщаться по видеосвязи.

— Удачи, — помахала сестре и принялась усердно чесать Марра.

Он радостно тыкался носом мне в руку, и на сердце становилось теплее. Ничего, вот посижу с ним, потом перекушу и поднимусь к себе. Лягу спать, завтра все начнется по новой — распевки, занятия, подготовка к выступлению в Ландстор-Холле. Дубликат ключей надо сделать опять же, когда Танни будет в школе. А пока можно и за горячим ухом почесать, за шерстинки легонько подергать. Когда я так делала, Марр начинал уворачиваться и пытаться подсунуть голову под другую ладонь, чтобы гладила нормально, а не занималась ерундой.

То и дело смотрела на телефон, но он молчал. Дисплей оставался темным, и в этой темноте скрывалась вся наша переписка с Халлораном.

Наверное, это глупо. Ждать. Я решила повозить мобильный по коврику и чуть за это не поплатилась: зубы виара клацнули в миллиметрах от тонюсенького смартфона.

— Марр! — зашипела я. — Сколько раз тебе говорить, не делай так!

Виар сделал вид, что такого предупреждения не было. Обиженно вздохнул, выпустил из носа струйку дыма и улегся ко мне попой. Я же все-таки набрала сообщение: «Спокойной ночи». С минуту смотрела на него, а потом нажала «удалить».

Если это пламя так жжется сейчас, то что же будет дальше?

В сплетенье рук, в фейерверке звезд
Мы ступили с тобой на хрупкий мост.
Он так высоко, что рябит в глазах.
Посмотришь вниз — и сорвешься... ах!

Есть в песнях с быстрым ритмом что-то игривое. Это передается и публике: усталость, которая навалилась на людей за день, отступает. В глазах загораются огоньки, ты чувствуешь, а иногда даже слышишь, как притоптывают под столами каблучки. Мужчины ослабляют галстуки и откидываются на спинки кресел, притягивая к себе своих спутниц или расслабляются в компании друзей и дорогого алкоголя. Аплодисменты начинаются задолго до того, как заканчивается песня — просто кто-то пару раз хлопнет в ладоши в такт музыке, а остальные тут же подхватывают. Они звучат над сценой, затихают, только когда голос снова вливается в аккорды:

Здесь страховки нет, правила игры:
Под мостом небеса, над нами — обрыв.
Шаг вперед — провал, за спиной — огонь,
Танцуем над бездной ладонь в ладонь.

Дрэйк поймал мой взгляд и привычно подмигнул. Пожалуй, он единственный не встретил меня в Ландстор-Холле как чужой. Танцовщицы отводили глаза, Эвель вела себя подчеркнуто вежливо, но очень холодно. Даже Смерч не отвечивал шуточки, ставшие неотъемлемой частью его образа. В гримерной, из которой я в последний раз вылетела, как ужаленная (буквально), тоже было не по себе. Особенно когда вместо

Клари появилась высоченная худощавая брюнетка по имени Лигрисс. Я попыталась поговорить с новенькой визажисткой, но та отвечала односложно, и разговор сдулся. Мы с ней видели друг друга в первый раз, но молодая женщина вела себя настороженно — видимо, успела наслушаться сплетен.

Мы будем танцевать, пока сердца стук
Течет сквозь нас в лабиринты рук.
Я дышу тобой, ты смотришь мне в глаза.
Это не остановить, отказали тормоза...

Мои тормоза отказали так точно. Иначе с чего я сегодня весь вечер рассматриваю ложу.

Последний проигрыш поглотили овации. Дрэйк привычно крутанулся на стуле и направился ко мне — вместе благодарить гостей за внимание.

— Мы скучали, Бриаль! — крикнула молоденькая девушка.

— Дрэйк, ты душка! — завизжала дама постарше.

Я упорно заставляла себя не смотреть в сторону ложи, с которой началось мое знакомство с Рэйнаром. Сегодня там кто-то был: едва уловимо шевельнулась занавесь, но приглушенный свет не позволял разглядеть ничего дальше лакированных перил. Хотела бы я, чтобы он пришел? Безумно. Точно так же, как сегодня весь день хотела набрать его номер. Вместо того чтобы заниматься, раз десять перечитала нашу переписку. Вот что это, спрашивается, за помешательство?

— Спасибо! Спасибо большое. — Я улыбалась в зал, но сегодня сама себе казалась чужой. — Я тоже по вам скучала!

Я не кривила душой, но... все же что-то шло не так. Удивительно, впервые за долгое время пение в Ландстор-Холле не приносило мне удовольствия. Размолвки с Вальнаром растворялись в музыке, стоило выйти на сцену, сегодня же я то и дело ныряла в мысли и оставшиеся за спиной выходные. Рольген мне ни слова не сказал, Прист послушно отвез в клуб. Сейчас они, должно быть, дожидались меня на стоянке. Вот так просто я получила назад свою свободу, но почему-то это совсем не радовало.

— Бри, все в порядке? — спросил Дрэйк, когда мы шли по коридору к гримерной.

Я знала, что никаких пчел там нет, но все-таки попросила друга меня проводить.

— Да. Наверное.

— Наверное?

— Угу.

— Не переживай из-за наших. Им нужно в себя прийти после такого. Зетта всем и каждому жалуется, что Клари уволили из-за тебя. Но мозги-то у каждого свои. Они просто не знают, как себя вести с... — Дрэйк замешкался.

— Любовницей правящего.

— Я этого не говорил, — нахмурился пианист.

— Да ладно.

Махнула рукой: зато другие говорили. Говорили, говорят и будут говорить. По сути, это правда, хотя если меня и можно назвать любовницей, то весьма условно. Мы встречаемся, мне выдают порцию магии ир்தханов, а то, что между нами происходит, вообще невозможно описать словами. Когда он рядом, я словно плавлюсь, полыхаю и парю. Когда его нет... Ладно, надо прекращать думать о том, чего не было, нет и не будет. Это мое решение и мой выбор. Открытым остается только вопрос, как вести себя при следующей встрече. И как вообще до нее дожить.

— На всякий. Вальнар ну очень интересуется, с кем ты встречаешься.

Потрясающе. Только этого мне еще не хватало.

— И что ты сказал?

— Сказал, что он достал.

Дрэйк открыл дверь гримерной, пропуская меня вперед.

Лампы больше не гудели: новехонькие, зажглись сразу, стоило провести рукой рядом с выключателем. Устроилась на высоком стуле у зеркала и кивнула Дрэйку на диванчик, где он с радостью расположился, вытянув длинные ноги. Накрыл лицо шляпой и пробурчал:

— Почему он не был таким внимательным, когда вы встречались?

— Ума не приложу.

Да и неохота, если честно. Прилагать.

Посмотрела на себя в зеркало: вроде все та же Бриаль Бетрой с голографической афиши, но что-то незримо изменилось. Такое бывает, когда после долгих лет возвращаешься к дому, в котором жила совсем маленькой. Кажется, что стоит оказаться рядом и постоять во дворе, как ты мгновенно перенесешься в прошлое, и на сердце потеплеет. Приезжаешь, смотришь на дом, а он не вызывает у тебя никаких чувств — что-то важное безвозвратно ушло. Да еще и на ближайшем пустыре уже выросла средней этажности высотка, заслонившая крохотную коробку знакомого здания. В высотке поселилась какая-то торговая компания, поэтому двор, где ты

играла в детстве, заняли под склады. Только в небогатых районах такое возможно.

— Как Лэм?

— Готовится к свадьбе. Уже записалась в своем салоне на все процедуры, какие только возможны. Я ей говорю, что она и так красивая. — Дрэйк сдвинул шляпу и весело посмотрел на меня.

— Ничего ты не понимаешь, — хмыкнула я.

— Вот и она так сказала.

— В подготовке к свадьбе важен сам процесс. Настрой, вдохновение, атмосфера... Кстати, передай, чтобы прислала мне телефоны подружек, которых она хочет видеть на холостяцкой вечеринке.

— О! Ты уже придумала что-нибудь этакое? — У друга загорелись глаза.

Он даже подскочил, из-за чего шляпа рухнула вниз, но он ловко поймал ее у самого пола.

— Почти.

Пока еще я не придумала ровным счетом ничего, но надо уже начинать думать. Оглянуться не успею, как месяц пролетит, особенно при таком ритме жизни. Ладненько, надо собираться домой, там меня ждет Танни и разговор про отчима. Хотя, может быть, стоит отложить его на утро — просто встать пораньше, пока сестра еще не ушла в школу. И верить в лучшее, то есть что мои планы по примирению дочери с отцом не накроются задницей дракона, как любит выразиться Лэм.

Попрощавшись с Дрэйком, которому предстояло еще играть для Зетты, я набрала Рольгена и сообщила, что спускаюсь. Быстренько переоделась, захватила букет цветов для настроения и выпорхнула из гримерной. На стоянке сегодня было удивительно мало флайсов, поэтому Приста я заметила сразу: он занял место чуть в стороне от центральных и самых удобных. Охранник помахал мне рукой, и я ответила тем же. Успела только пару шагов сделать — дверца ближайшей машины резко поехала вверх. Меня схватили за локоть и дернули назад.

Букет отлетел в сторону, я даже испугаться не успела. Обернулась и наткнулась взглядом на Вальнара, а в следующий миг его хватка ослабла. Бывший взвыл и зачем-то рухнул вниз, нежно прижимаясь к капоту. Точнее, к капоту его прижал Рольген, ловко вывернув руки за спину. Все это произошло настолько быстро, что я только глазами хлопала. Вальнар дернулся, но захват оказался прочный. От такого без навыков не освободишься.

— Леона, в машину. — В голосе охранника прорезались

профессиональные нотки, и тут меня разобрал смех.

Уж не знаю, что было тому причиной: сосредоточенное лицо Рольгена, впечатавшего моего экс-бойфренда в его же собственный флайс, пыхтящий Вальнар или вся ситуация в целом. Я даже губы сжала плотнее, чтобы не начать фыркать, как окунувшийся в прохладную водичку виар.

— Так это он, да? — Повернув голову, Вальнар зло посмотрел на меня. — С ним ты спуталась?

— Вы знакомы? — Светловолосый охранник последовал его примеру.

Разве что глядел Рольген не зло, скорее пристально.

— Да, — я наконец разлепила губы, — Лидс, мы встречались. Отпусти его, пожалуйста.

— Прошу прощения, — негромко процедил он.

Настороженность уступила место обманчивой расслабленности. Рольген разжал руки, отступил на несколько шагов, и Вальнар тут же вскочил, раздувая ноздри.

— Он у тебя на всех так набрасывается? — прошипел, отряхивая костюм и одергивая пиджак с такой силой, что только чудом не остался в одних рукавах. Как по мне, так они должны были оторваться.

— Это недо... — Договорить Рольгену я не дала, потому что повисла у него на локте.

— Нет, только на тех, кто набрасывается на меня. Правда, милый?

Охранник, выражение лица которого сейчас было ну очень страдальческим, промолчал. Зато Вальнар побагровел, как зарево над горами. Полыхало у него не только лицо, даже шея и уши — эта особенность говорила о том, что он в ярости. Я же только мило улыбнулась: если Вальнар не понимает по-хорошему, может, хоть так отстанет. Потому что мне вот совсем не улыбается постоянно спасаться от его внимания.

— И чем он лучше? — ядовито усмехнулся бывший. — Тем, что у него личный водитель?

Кивнул в сторону Приста, который тоже вышел из флайса и смотрел на нас. Рука Рольгена под моей напряглась, но я легко погладила его запястье.

— Прекрати меня преследовать и приставать к Лэм и Дрэйку с вопросами. Ясно?

— Во-от как ты заговорила! Нашла себе кошелек на ножках и рада? — не унимался Вальнар. — Что ж, теперь мне все понятно! Собственно, ради этого ты и шлялась в этот бордель, чтобы тебя оприходовал кто-то вро...

Я сама не поняла, как Рольген освободился, глаза его сверкнули яростью. Короткий замах — и бывший опрокинулся прямо на капот, на сей

раз от точного жесткого удара.

— Еще раз оскорбишь Леону, сломаю нос, — буднично пообещал он, после чего снова подал мне руку. Которую я совершенно неосознанно приняла.

— Да я... Да вы... — Вальнар снова вскочил.

Взъерошенный, скула наливается красным.

— Я подам на тебя в суд! — заявил он, указывая на моего спутника.

— Если не прекратишь преследование, в суд на тебя подам я, — сообщила холодно, после чего Рольген поднял букет, и мы вместе направились к флайсу.

В спины нам неслись проклятия и страшные угрозы, я же вообще ничего не могла понять. Нет, разумеется, Вальнар никогда не был идеалом: заносчивости много, амбиций еще больше, но чтобы вот так себя вести? Набрасываться, оскорблять, с маниакальным упорством пытаться выяснить, с кем я встречаюсь... М-да. Как мало мы, оказывается, знали друг друга. Или просто не хотели знать? Не так уж много времени мы проводили вместе — редкие прогулки, короткие встречи в перерывах между моей и его работой, романтические вечера, которые можно по пальцам перечесть. Да еще совместные посиделки у Лэм с Дрэйком. Вот и все отношения.

Я вдруг поняла, что больше не хочу такого. Не хочу, чтобы рядом был незнакомец. Не хочу сама становиться незнакомкой.

— Спасибо, — сказала, когда мы сели в машину.

— Не за что.

Рольген раздраженно взглянул через стекло — туда, где Вальнар от души пнул ни в чем не повинный флайс. Раз, другой, третий.

— Ты не должен был меня защищать.

— Должен.

— Я имею в виду...

— Терпеть не могу наблов, которые оскорбляют женщин. Думают, что им все позволено, — процедил тот. — Простите, что не сдержался.

— Прости, — напомнила я.

— Да, конечно.

— Тебе не за что просить прощения.

— Я про наблов.

Мы переглянулись и обменялись короткими улыбками. На какое-то время в салоне воцарилась тишина. Все благополучно молчали, даже Прист не пытался заговорить. Каждый думал о чем-то своем, и когда блики рекламных огней скользили по лицу Лидса, оно казалось не по возрасту

серьезным, а еще хмурым. Несколько раз подумывала о том, не спросить ли о причине, но не решалась. Не ответить мне он не сможет, только поставлю в неловкое положение. Захочет — расскажет сам.

— Отец был жутко ревнивый и вел себя отвратительно, — неожиданно пояснил Рольген. — С мамой. Их уже давно нет, но меня по-прежнему цепляет.

— Мне жаль, — тихо сказала я.

Какое-то время мы снова молчали, глядя на отражения друг друга в затемненных стеклах. Пока меня не накрыло воспоминанием.

— Лидс! Ты же говорил, у тебя брат того же возраста, что и Танни?

— Да. Он живет со мной.

— Ты его опекун?

Он кивнул.

С ума сойти, вот это совпадение!

— И как вы ладите?

— Пока не включаю строгого папашу — чудесно.

Не выдержала и рассмеялась.

— Часто включаешь?

— Иногда приходится заниматься воспитанием. С подростками просто, когда ты их друг, когда становишься родителем, уже сложнее.

— Но все-таки приходится?

— Приходится. Иначе никак.

— Не представляю, как моя дочь будет воспитывать внушек, — неожиданно добавил Валентен. — Она сама большой ребенок.

— У нее полно времени, чтобы повзрослеть, — заявил Рольген. — Основные проблемы начнутся, когда им захочется стать крутыми и соответствовать.

— С подростками сложнее всего, — подтвердил водитель. — Когда моя была в таком возрасте, как перед спящим драконом с женой себя чувствовали. Одно неверное слово — пожар.

Он хмыкнул и сосредоточился на управлении. За разговором время пролетело быстро, я едва заметила, как мы пошли на снижение.

— Прогулка с Марром? — уточнил охранник.

— Нет, на этой неделе с ним гуляет сестра.

— Понял.

С Валентеном мы попрощались на стоянке, но Лидс провожал меня до квартиры. Я не стала сопротивляться: видно было, что он по-прежнему чувствует себя неловко из-за того, что произошло на парковке Ландстор-Холла. Причем большей частью потому, что согласился на мои уговоры не

проводить от дверей до дверей. Не хотелось мне, чтобы все видели сопровождение. К тому же странно и непривычно знать, что за тобой постоянно следят, за каждым твоим шагом. Точнее, не следят, а... оберегают. По крайней мере, после сегодняшнего мне в голову пришло именно такое слово. Случись мне оказаться там одной, вряд ли от Вальнара получилось бы так просто отвязаться. Да и вообще...

— Лидс, если бы ты хотел помирить брата, ну... с кем-то, с кем он очень сильно поссорился, и для этого устроил им встречу... Ты бы сказал заранее или сделал сюрприз?

Тот внимательно на меня посмотрел.

— Насколько серьезно?

— Очень.

— Сказал бы заранее. Желательно за неделю.

— Почему за неделю? — растерялась я.

— Потому что за это время точно схлынут эмоции и включится голова.

Если в этой самой голове есть желание помириться, что-то может выгореть.

Лифт выпустил нас в холл, с легким щелчком закрылся.

Удивительно, но поговорить с ним совсем не хотелось.

— Заходи как-нибудь на кофе, — неожиданно для себя пригласила я.

Рольген тут же посерьезнел.

— Не положено. Особенно когда я на работе.

— А мы никому не скажем. Приезжай как-нибудь пораньше, пока ты еще не на работе. Поболтаем, поделимся методами воспитания. Договорились?

— Леона...

— Договорились! — хлопнула его по плечу и поцеловала в щеку. — До завтра!

Открывая дверь, я уже знала, что ждать до утра не буду.

Надо все рассказать сестре прямо сейчас.

ГЛАВА 9

Стоило мне открыть дверь и шагнуть в квартиру, как в комнате что-то упало. Почему выключен свет? Провела ладонью рядом с выключателем, и в полутемной гостиной увидела Танни, спешно оправляющую юбку. Щеки у сестры слегка покраснели, а вот стоявший рядом с ней Мик выглядел расслабленно-валяжным. Не надо было даже верхних светильников, чтобы понять, что они тут не кино смотрели. И даже не музыку слушали. Все научно-воспитательные теории разом вылетели из головы. Вот и что с этим делать, спрашивается?

— Мм... Леа, привет. Ты чего так рано?

Это не я рано, это кто-то о времени забыл. Впрочем, оно и неудивительно.

Танни смутилась еще больше, поэтому я промолчала.

— Леа, это Мик. Мик, это Леа.

— Привет, — сказал парень.

Таким голосом, от которого млеют все девчонки — низким, с легкой игривой хрипотцой. При этом он приподнял бровь и смотрел на меня приблизительно так, будто это я не вовремя заявила к нему в квартиру. Так, Леона, выдохнули! И помним, помним, что говорила Лэм. Можно подумать, ты до этого не знала, что они не просто за ручки держатся.

— Здравствуй, — сказала я. — Очень рада знакомству.

— Взаимно, Леа.

Неприкрытая фамильярность покорила.

— Леона.

— Договорились, — Мик усмехнулся, поймал руку Танни и сжал. — Ле-о-на.

Мое имя раскатали на языке, словно пробовали на вкус. Я старалась себя убедить, что меня коробит от этого парня исключительно потому, что он только что лапал мою сестру, но тут вдобавок еще и навалились воспоминания о парочке из «Веалии». Теперь уже я рассматривала Микаса Лодингера как заправский полицейский. Чем больше на него смотрела, тем больше мне казалось, что это был именно он. Красивый все-таки парень. Действительно красивый. Черные, как воды Гельеры, волосы стильно зачесаны назад. Хищный, с горбинкой нос, тонкие губы. Разве что взгляд ну очень холодный для старшеклассника.

Чтобы сменить ход мыслей, взглянула на Марра: тот лежал, устроив

голову между лапами. Глаза полуприкрыты, вид обманчиво спокойный. Вот только все, у кого есть виары, знают, что полуопущенные веки выдают крайнее напряжение. А неестественное спокойствие в любой миг может обернуться молниеносным прыжком. В такие минуты у них словно пружинки в лапах срабатывают, а хвост задает направление. Скажи мне, чудовище, тебе он тоже не нравится?

Ладно. Не будем же мы тут стоять до бесконечности.

— Хотите кофе?

— Будет круто. Правда, Танюш?

Танюш?!

Я ожидала, что Танни сейчас отдавит ему ногу — от уменьшительно-ласкательных своего имени у нее всегда кривилось лицо, но она только улыбнулась и кивнула. Когда Мик притянул сестру к себе, а ее рука сползла прямо на его задницу, моя выдержка дала сбой. Я сбежала на кухню, только у кофемашины вспомнила, что забыла снять пальто. И сапоги тоже. Мысленно выругалась, стащила обувь и отставила в сторону, пальто перекинула через спинку стула. Перед глазами стояли припухшие губы и растрепанные волосы Танни.

Леона, спокойно. Спокойно, я сказала.

Нужно посидеть, пообщаться, познакомиться. Сама же предложила Танни пригласить его в гости. Вот, пожалуйста, пригласила.

Привычно засыпала зерен с ореховым ароматом, залила в резервуар молока, выставила настройки. Похоже, моя сестра умудрилась влюбиться в плохого мальчика. В очень плохого мальчика. В плохого мальчика, от которого балдеют даже плохие девочки, и это я сейчас не про Танни.

— Проходите! — крикнула прямо из кухни, чтобы случайно не нарваться на очередной поцелуй.

Они прошли, цепляясь пальцами за пальцы, как принято у молодежи. Ничего, еще чуть-чуть, и я начну к этому привыкать. А нет, не начну... Вместо того, чтобы отодвинуть стул сестре, Мик устроился на ближайшем к окну, откинулся на стену и притянул Танни между разведенных бедер. Кажется, его вообще не смущало мое присутствие. Судя по тому, что она положила руки ему на колени, ее тоже не смущала такая малость, как я. Сестра запрокинула голову, чтобы поймать взгляд парня, и улыбнулась.

— Тан, — кивнула на кофемашину и чашки на подставке. — Давай-ка, займись.

Влюбленные нехотя расцепились, а я провернула обманный маневр: придвинула стул так, чтобы сестра не могла пролезть. Устроилась рядом с Миком и очаровательно улыбнулась.

— Танни рассказывала, что вы учитесь вместе.

— В одной школе. — Мик откровенно заскучал. — Про вас она тоже рассказывала. Говорит, что вы шикарно поете. Я как-нибудь приду послушать, в Ландстор-Холле дизайн просто отпад.

— Буду рада, — неожиданно подхватила тему. — Часто бываешь в клубах?

— Случается, — хмыкнул парень. — Тусовки, все такое.

Ну что тут скажешь? Он явно чувствовал себя крутым и балдел от этого. В его возрасте простиительно, но балдел он от себя гораздо больше, чем от Танни. Это уже напрягало. Как бы так осторожно его спросить на тему «Веалии»... Особенно когда сестра прислушивается к нашему разговору: так и вижу, как ее уши разворачиваются в нужную сторону, хотя стоит спиной и делает вид, что добавляет в кофе сироп. Марр прошел на кухню и улегся на проходе, снова прикрыл глаза и вздохнул.

— Какой любишь больше всего?

— «Файр Харт» на Роджес-авеню, — на меня посмотрели почти уважительно. — Знаете его?

— Нет, мне больше нравится «Веалия».

— А. Диско-бар под ретро. Тоже ничего, там коктейльное меню классное.

Недовольная тем, что ее оттеснили, сестра выдала всем чашки, достала печенье, вазочку с камартовым фларом и устроилась сбоку. Теперь я чувствовала себя на линии огня — переглядывалась парочка ну очень многозначительно. Правда, то, что Мик знал «Веалию», ничего не доказывало. Мало ли где он бывает. Ну и глазеть на парня сестры тоже как-то неприлично, поэтому я молча пила кофе и жевала печенку. До тех пор пока за моей спиной Танни не ткнули в плечо. Потом в плечо ткнули Мика. Потом ее в бедро. Потом его в коленку. И так несколько раз, словно невидимый мячик гоняли.

— Народ, я вас не смущаю?

— А должна? — хитро спросила Танни. — Ты же самая клевая сестра на свете.

М-да. Что там говорили про друзей и родителей?

— Видела твоих виаров, — решила сменить тему. — Красивые.

Все, хватит с меня подозрений. Если буду продолжать в том же духе, ничего не получится.

— Вообще-то папашиных. — Мик кивнул. — Но они правда шикарные. Брали из питомника. С родословной, породистые, а хватка как у равнинного.

Равнинные виары и правда отличаются невероятной хваткой: одно движение челюстей — и жертва пополам. Собственно, им это не только для охоты нужно, но и для самозащиты: на равнинах перед драконами укрыться негде. Поэтому у них двухцветная шерсть. Ночью поднимается, и они становятся черными, а днем серо-песочные, как пыль. Лапы коротенькие, но мощные, позволяют шустро пригибаться к земле и быстро бегать. Могут часами таиться в засаде перед тем, как напасть. Вот только виарам в городе такая особенность ни к чему.

— Не думаю, что им это пригодится, — фыркнула Танни.

— Ну как сказать... — Мик вытащил мобильный. — Танюш, я поехал. Проводишь?

— Конечно! — Сестра тут же вскочила.

Я тоже поднялась, улыбнулась.

— Приятно было познакомиться, Мик.

— Мне тоже. Спасибо за кофе.

Он привлек сестру за талию и направился к выходу.

— Пока, коврик.

Попытался потрепать Марра по голове, но тот увернулся и приглушенно зарычал. Мик даже не дернулся, а вот я на всякий подошла к виару. Опустилась на корточки и почесала ему между ушами. Взъерошила раскрывшуюся цветочком шерсть.

— Вот и выросла наша Танни, — сказала скорее себе, чем ему.

Еще бы понять, что я чувствую. Сестренку помню со смешными детскими хвостиками, да что там — я ее помню, когда она еще не леденцы в рот тащила, а пальцы. Вот только тогда я еще не знала, что мы не родные, и дико гордилась тем, что у меня появилась сестра.

— Леа, спасибо.

За своими мыслями даже не заметила, как хлопнула дверь и Танни вернулась на кухню.

— Нет, серьезно.

Я улыбнулась.

— У меня есть одна маленькая просьба.

Она сцепила руки за спиной и вопросительно посмотрела на меня. Влюбленная дальше некуда. Похоже, сейчас самое время.

— Какая?

— Хочу, чтобы ты поговорила с отцом.

На кухне запахло проблемами: ноздри у сестры дернулись, брови сдвинулись, а руки она сложила на груди. Лицо приняло то упрямое выражение, за которым обычно приходил тайфун Танна.

— Погоди. Выслушай.

Я поднялась и оказалась напротив нее. Да, выросла дальше некуда. Майка обтягивает налитую девичью грудь, стройные ноги юбка скрывает постольку поскольку.

— Он, правда, любил маму. Диран... твой отец поступил с нами не лучшим образом, но он об этом сожалеет. Правда искренне сожалеет и хочет попросить у тебя прощения.

Танни поежилась и сунула руки под мышки. Обошла Марра, который наконец-то расслабился, плюхнулся на бок и попытался скрестить когтями стену, за что заработал строгий взгляд.

— А если я этого не хочу?

— Я прошу тебя только поговорить с ним всего один раз. Пожалуйста. Давай пригласим его на твой день рождения?

— Зачем на день рождения-то?

— Потому что он очень хочет тебя поздравить.

Сестра молчала долго, но потом все-таки хмыкнула:

— Ладно. Но я не говорила, что мы помиримся.

— Не говорила, — подтвердила я.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, а потом обнялись, и у меня отлегло от сердца. Ничего, что мы не родные, для меня это ничего не меняет. Надеюсь, не изменит и для нее, главное ведь не родство по крови, а то, что в наших сердцах. Ничего, что Танни выросла, с этим я сама как-нибудь справлюсь. Главное, чтобы она была счастлива.

— А я его портрет нарисовала, — сообщила мне в плечо.

— Кого?

— Мика. Хочу в голограмму перевести и подарить. Посмотришь, когда закончу?

Отстранилась и заглянула сестре в глаза.

— Спрашиваешь!

— Договорились.

У Танни пикинул телефон, она тут же вытащила его из кармана и махнула рукой.

— Все, Леа! Я к себе.

Прежде чем успела ответить, она уже взлетела по лестнице, на ходу набивая ответ.

Расстались же всего несколько минут назад!

Я устроилась на стуле и достала свой мобильный. Пальцы сами набрали нужные слова. Настолько искренние, насколько вообще можно передать простым сообщением: «Скучаю. Безумно». И так же быстро его

удалили. Все, хватит страдать... ерундой. Мы оба взрослые люди. Если это не нужно ему, не нужно и мне.

«Нужно, — ехидно подсказал внутренний голос. — Нужно-нужно-нужно. Ты же по нему... горишь».

Я мысленно показала голосу средний палец и отправилась к себе.

Беспокойной ночи, местр Халлоран! Морозильник ходячий.

Иглорыцку вам в постель, а не мой чудесный огонек!

Да и вообще, почитаю-ка лучше теорию, которую мне выдали, и немного потренируюсь с приказами. Потому что завтра у меня будут совсем другие дела. До прослушивания на партию Люси осталось несколько дней, выступить нужно так, чтобы все упали. А значит, в ближайшие дни буду только петь.

Только петь!

И никаких дракониц. Даже в мыслях.

Чем ближе становился день прослушивания, тем сильнее меня потряхивало. То есть, конечно, умная я себя уговаривала, что это не впервые, что все замечательно, и вообще. Но умная я включалась пару раз в день — вечером перед сном и с утра, когда я была выспавшаяся и бодренькая. Все остальное время во мне бушевала Леона, которая упорно твердила, что Люси из меня, как из Танни образец поведения, что я пою ужасно, что в самый решающий момент у меня сорвется голос или на сцену упадет люстра. Почему-то, когда ты оказываешься в двух шагах от мечты, гораздо страшнее, чем когда тебя от нее отделяет расстояние длиной в тысячи километров.

В итоге я почти ни о чем не могла больше думать. Ну почти — Рэйнар все-таки неизменно присутствовал в моих мыслях, как я ни старалась его оттуда выковырять. В самый ответственный момент, например, когда нужно было взять отчаянно высокую ноту или удержать дыхание, из глубины подсознания выскакивал он и смотрел в самое сердце. В итоге это самое сердце начинало биться чаще, голос срывался и приходилось все начинать заново.

Он не звонил. Не писал. И как бы я ни старалась думать, что мы друг другу ничем не обязаны, от этого саднило в груди. Саднило так, что мне переставало нравиться, как я пою. Казалось, во мне поломался тумблер, который включает режим «Леона поет клево». Тем не менее я пела, пела и пела. Арии, которые звучали в нашей квартире в последние дни, даже Марр выучил наизусть. В моем сознании они вообще отпечатались как буквы в электронном документе.

Документы, к слову, у меня тоже все были готовы — точнее, готовы

они были у Хейда, он прислал мое портфолио, которое превратилось... ну, прямо скажем, я бы себя оторвала с руками и ногами и запихнула на самую модную роль без прослушивания. Все-таки хорошо, когда рядом есть тот, кто умеет тебя правильно представить. Касательно прослушивания мы с ним остановились на нескольких вариантах: парочка арий Ильнир, главная ария Триаррис, хотя он по-прежнему не советовал сбрасывать Артомеллу со счетов. Хейд хотел послушать все перед тем, как я покажусь режиссеру. После разговора с агентом меня потряхивало еще сильнее.

А еще очень хотелось, чтобы Рэйнар пожелал удачи.

К счастью, был повод отвлечься — день рождения Танны. Планшет пришелся ей по вкусу: развернув подарок, она бросилась мне на шею и вместо завтрака убежала переводить портрет Мика в какой-то новый формат. Что-то там дорисовывать. Я допивала кофе и думала про вечер: зная, что сестра не любит помпезность, выбрала модный молодежный ресторанчик на пятидесятом этаже «Маунтин Молл». Заказала отдельную нишу, где можно будет поговорить по душам — судя по тому, что Тання до сих пор не передумала, у них с отцом может получиться разговор. Непростой, но в их случае главное, что он вообще получится.

Судя по всему, эстерд Барт придерживался того же мнения — потому что, когда я приехала, он уже сидел за столиком. Постукивал пальцами по экрану меню, неосознанно листал страницы. Заметив меня, отчим поднялся: невысокий, начинающий лысеть приятный мужчина. Светлые волосы он всегда зачесывал назад, даже до того, как это стало модно.

— Заказ будете делать сразу? — спросил официант, который меня провожал.

— Нет, мы подождем именинницу. — Я глянула на мобильный. — Принесите, пожалуйста, минеральной воды.

— Хорошо, эсса.

Мы с отчимом обменялись улыбками, а потом он меня обнял. Неуверенно, словно опасался, что я вырвусь и убегу. Я вырываться не стала, а вот с Тання ему такое проворачивать точно не стоит — по крайней мере, сегодня. Надеюсь, он об этом знает.

— Здравствуй, Леона, — эстерд Барт отстранился и вопросительно заглянул мне в глаза.

Словно искал там что-то.

— Здравствуй, Диран.

Это было странно. Все наши предыдущие встречи отличались лаконичностью: в современном ритме жизни мы едва находим время на самых близких, не говоря уже о тех, кто давно перестал ими быть. А ведь я

любила его, действительно любила, и его поступок стал для меня не меньшим ударом, чем для сестры. Но сейчас я смотрела на этого мужчину и понимала, что не чувствую ни обиды, ни горечи, с которыми в последний раз закрывала за ним дверь. Мы встретились не как отец и дочь, а как старые знакомые, чьи пути разошлись много лет назад. Хотелось бы верить, что с Танни у них будет по-другому.

Очень.

— Танни немного задержится. У нее факультатив перенесли, а она скорее пропустит день рождения, чем рисование и 3D-графику.

Эсстерд Барт улыбнулся.

— Понимаю.

Мы с сестрой договаривались, что встретимся дома и поедem вместе, но столик был заказан ко времени, поэтому я попросила Танни ехать сразу из школы. А сама поспешила в ресторан.

— Я не знал, что купить, поэтому вот... — отчим показал подарочную карту в магазин электроники. — Тут не так много, но...

— Думаю, она найдет себе что-нибудь по вкусу. — Я улыбнулась, устраиваясь на стуле.

Музыка здесь звучала приглушенно, доносилась из-за неплотно прикрытых раздвижных дверей. Я обратила взгляд на диванчик, где сидел эсстерд Барт, точнее, на букет бледно-фиолетовых лерций в прозрачной, увитой тонкими лентами упаковке. Поразительно красивые цветы. Насчитала шестнадцать, по годам Танни. Такой подарок в Рагране сам по себе считается пожеланием счастья и удачи.

— Я рад, что она согласилась прийти, — произнес он после непродолжительного молчания.

— Я тоже рада, — кивнула. — Красивый букет.

— Твоя мама их очень любила.

Мама.

Да, цветы в нашем доме появлялись редко, но когда появлялись — это были лерции. Восхитительные тяжелые бутоны на крупных стеблях, с лепестками, которые кажутся восковыми, но под прикосновениями оживают шелком. Мама улыбалась, когда отчим приносил ей небольшие букетики — разумеется, не такие, от силы четыре-шесть цветочков. Она говорила, что они напоминают закатное рагранское небо в теплые дни. Летние ночи там бывают светлыми. Лишь на несколько часов небо заливают бледно-фиолетовая дымка, внутри которой раскрываются насыщенные солнечные переливы с бледными прожилками облаков. Из-за этого, кажется, что ты навсегда застыл на границе ночи и дня.

Интересно, какие цветы любила моя... женщина, которая дала мне жизнь?

Глянула на мобильный — Танни будет через полчаса, есть время поговорить.

— Мама говорила о женщине, которая... с которой познакомилась в Рагране?

Эсстерд Барт непонимающе моргнул, а потом неожиданно побледнел.

— Леона...

— Я знаю, что она просила не рассказывать. Но как видишь, это уже бессмысленно, — развела руками.

Отчим поморщился, словно эти воспоминания причиняли ему боль.

— Я бы не стал им говорить, но у них были доказательства и...

Они умеют быть убедительными, я знаю. Сама разговаривала с Норгхаром и прекрасно помню, что готова была рассказать даже про своего любимого плюшевого виарчика и как спала с ним до десяти лет, только чтобы начальник службы безопасности от меня отстал.

— Послушай, я тебя не виню, — вздохнула. — Мне просто нужно понять, что со всем этим делать.

— Во что ты ввязалась, Леона?

Хотела бы я знать.

— Сейчас не лучшее время для этого разговора. Просто расскажи мне, что она говорила? О ней и... о моем отце.

Эсстерд Барт нахмурился, я же облокотилась на стол и подалась вперед. В ярком свете настенных плафонов, похожих на диски орбитальных спутников, его глаза стали еще более светлыми. В нише не было ничего лишнего: «прозрачные» стены, на которых расходились концентрические кольца, напоминающие дисплей управления в современной лаборатории. Над головой — стекло, под ногами — стекло и 3D-«падение»: этажи, пролеты, головокружительная высота в такой потрясающей детализации... словом, Танни понравится.

— Она не очень-то любила об этом вспоминать, — отчим поежился. — Говорила только, что твоя мать ни с кем не общалась, почти не выходила из квартиры. Подруги и друзья к ней не заглядывали — вроде как не было у нее никого, равно как и твой отец. Эрмина не любила его, считала, что он ее бросил. А та девочка ей нравилась, очень. Говорит, она была совсем молодая, но уже бесконечно одинокая.

Горло перехватило. Я почему-то сразу вспомнила лицо мамы, когда заговорила с ней об отце. Она вспоминала мужчину, которого никогда не знала. Не знала с не лучшей стороны, если можно так выразиться.

— Почему мама переехала в Зингсприд?

— Твоя настоящая мать...

Отчим замолчал — видимо, что-то отразилось на моем лице.

— Прости, Эрмина не называла ее имени. Я не представляю, как ее еще называть.

— Ничего. — Я посмотрела через его плечо. — Я сама не представляю.

— Та девочка рассказывала ей о Зингсприде.

— Они общались?

— Да, — отчим вздохнул. — Эрмина говорила, что в ней не было ни капли снобизма. Ну или как это называется, когда богатые смотрят на тебя как на пустое место — ты вроде как есть, а вроде и нет, как мебель. Она не откровенничала и никогда не жаловалась, а вот про Зингсприд говорила много. Да так, что Эрмина в него влюбилась. И ей действительно понравилась столица, но там было слишком тяжело. Цены на жилье высокие, работы много, но работать надо допоздна. У нее была ты, совсем кроха еще. Словом, сама понимаешь. Либо няне платить, либо соседям сдавать, а она еще толком никого не знала.

Я понимала. Пожалуй, кроме одного. У нее не было денег, в столице Раграна творился ужас, но она взвалила на себя такую обузу — чужого ребенка.

— Почему мама решила обо мне позаботиться?

— Когда случился налет, Эрмина убиралась у нее в квартире. Все произошло так быстро, что никто понять ничего не успел. Сирены завывали, а драконы уже были в городе, от мериужских пустошей до столицы рукой подать.

Да, это действительно так. Расстояния до пустошей в Рагрane небольшие, хотя драконов и отводили по возможности далеко.

— Твоя мама схватила тебя на руки, чтобы бежать в убежище, но на соседний дом обрушился дракон. Просто рухнул сверху с силой, будто нарочно. Потом там что-то взорвалось, она еле успела повернуться и закрыла тебя собой. Но осколок...

Отчим покачал головой и отвел взгляд, я же закусила губу. Старалась не думать о том, что разозлило драконов в Рагрane. Так, что они прорвали защиту, разметали ее в клочья и обрушили ярость и огонь на ни в чем не повинных людей, среди которых оказались моя... мои мамы.

— Она просила Эрмину позаботиться о тебе. Сказала, что в детских домах после такого будет кошмар. Да там везде был кошмар. И она обещала. Поклялась. И заботилась.

Заботилась. Она меня вырастила. В любви, как родную. Ни разу не упрекнув тем, как ей было тяжело, как много приходилось работать, чтобы кормить чужого ребенка. Я сглотнула подступивший к горлу ком и потянулась за минеральной водой, которую принес официант. Сделала пару глотков и упала подбородком на перевернутые лодочки сцепленных ладоней. А моя родная мать... моя родная мать закрыла меня собой, хотя я не принесла ей ничего, кроме страданий и изгнания. От чего же она бежала? Или от кого?

— Она пела тебе. — Неожиданно отчим легко коснулся моего локтя. — Эрмина говорила, что она тебе пела и тогда улыбалась. Только тогда она и улыбалась.

Я неосознанно сжала его руку в поисках поддержки, и эстерд Барт не стал ее отнимать.

— Заждались?

Голос Танны звучал чересчур звонко, чересчур уверенно, а еще чересчур насмешливо. Эстерд Барт поспешно поднялся, а я обернулась. Сестренка стояла, сунув руки в карманы джинсовых брюк. Облегающая кофточка смешно топорщилась из-за перекинутого через плечо рюкзака, примявшего ткань, распущенные волосы разноцветными локонами разметались за спиной. Со стороны могло показаться, что ей все просто побоку, даже если встретится дракон — перешагнет и пойдет дальше. Вот только ресницы слегка подрагивали, а еще она покусывала губу. Волнуется.

— Немножко, — сказала я.

Если честно, и сама волновалась не меньше — сейчас, когда отец и дочь смотрели друг на друга, все отошло на второй план. Мне очень хотелось, чтобы они помирились. Пожалуй, теперь еще больше.

Отчим неловко подхватил букет и подарок, шагнул к ней.

— С днем рождения. — Голос у него сел и прозвучал сипло.

Танни покосилась на цветы, глаза ее расширились.

— Машины любимые! — удивленно сказала она. А потом осторожно взяла подарок из рук отца. Помолчала и добавила: — Круто.

— Прослушивание перенесли, — сообщил Хейд без предисловий.

— То есть как? — растерялась я.

— Теперь нас ждут в понедельник. К семи.

Мои мысли устроили джумбийские танцы. Для начала придется волноваться на целых три дня больше. Теперь еще и у Эвель отпрашиваться... снова, потому что на следующей неделе мы опять меняемся с Зеттой часами выступления. Далее если бы и не менялись, все

равно неизвестно, на сколько затянется прослушивание и когда подойдет моя очередь. Хорошо, если в самом начале, а если чуть позже, успеть к десяти нереально. Подавив желание выразительно постучаться лбом о туалетный столик, вздохнула. Нет, я определенно поседею до того, как получу эту роль. А если не получу, уйду в пустоши — посыпать седые волосы пеплом и пылью. И отдамся драконам. На съедение.

— Такое случается, — сообщил агент. — Сплошь и рядом, особенно с гениями. Не переживай, зато у тебя вдвое больше времени на распевку.

— Угу, — согласилась я.

Учитывая, что выходные выпадают, все вообще весело. Ладно, Хейду об этом знать не обязательно.

— Ничего, скоро ты обзаведешься громким именем и будешь всем диктовать условия. Главное... — Хейд ненадолго замолчал, потом хмыкнул в трубку. — Прости, я всем нужен срочно и сразу. Так вот, звездочка, главное — не накручивай себя. Все у нас получится. И не трясись там, ты лучшая. Все, в понедельник увидимся, а то у меня сейчас мобильный разорвется. Музыкальных снов.

— Счастливо, — сказала я. — Звездной ночи.

— Всенепременно, — фыркнул Хейд. — Как ты угадала?

На этом мы и распрощались, я же отложила мобильный и посмотрела на Бриаль Бетрой.

— Лучшая, — сообщила я своему отражению. — Слышала? Ты — лучшая!

Леона в отражении моргнула. Так, все! Хватит! Прослушивание на следующей неделе, у меня в запасе еще целых три дня и первая половина четвертого. Хейд прав, нужно просто пойти и сделать это! Покорить их всех голосом и игрой. Если я сразила наповал толпу иртханов, то с самым обычным режиссером и его комиссией точно справлюсь. Ну... наверное. Почему-то самый обычный режиссер сейчас представлялся страшнее самого разъяренного огнедышащего дракона.

Глянула на мобильный — Танни уже должна быть дома. С отцом я ее оставляла со спокойным сердцем: как-то незаметно за выбором блюд и обсуждением меню первая напряженность отошла в сторону, а когда нам принесли напитки, мы уже болтали обо всем подряд, ловко избегая семейных тем. Я украдкой поглядывала то на отчима — кажется, он действительно был счастлив, потому что с лица не сходила теплая улыбка, то на сестру — она не хмурилась и не собиралась защищаться. Словом, когда пришла пора ехать в Ландстор-Холл, ни малейших сомнений в том, что ничего страшного не случится, у меня не было. Я это поняла, когда

отчим пообещал проводить ее до квартиры, а Танни не стала возражать.

Теперь бы еще с Эвель разобраться.

Глубоко вздохнула и направилась к начальству. Откинувшись на спинку стула, Смерч запивал десертные кофейные зерна — ужин секретаря был в полном разгаре. Заметив меня, почему-то чуть не подавился и выпрямился, поспешно убрал пакетик в стол. Ладно, не привыкать: в последние дни коллектив Ландстор-Холла резко сменил настроение, читай — отношение ко мне. Сегодня, например, я выслушала несколько комплиментов. Платью, туфелькам и цвету волос, хотя он у меня ничуть не изменился. Дрэйк говорил, что они привыкнут, но у меня другой вопрос. Интересно, я когда-нибудь к этому привыкну?

— Привет, — сказала просто. — У себя?

— Привет, Бриаль. — Смерч поправил держатель для дисков, хотя он стоял идеально. — Ты к Эвель? Проходи.

— Даже не спросишь, не занята ли?

— Что? А, да. Конечно.

Он нажал кнопку на гарнитуре, а я отвернулась к окну и очень некстати вспомнила, что в приемной все время опущены жалюзи. Что в солнечный день, что в безлунную ночь, согласно мнению Эвель, это настраивает на рабочий лад. Как по мне, так это настраивает на желание удушиться. Не представляю, как можно целый день сидеть запертой в офисной коробке без окон, без дверей.

— Она ждет. — Смерч кивнул и тут же опустил глаза.

Задел локтем стаканчик с кофе, еле успел поймать.

— Я все та же, Лайл, — сказала, проходя мимо.

— А?

Бэ! Как же это бесит!

Обычно Эвель не сразу отрывалась от монитора, но сейчас тут же подняла голову.

— Леона, добрый вечер. Прошу, садись.

Голос ее был приторно-сладким, но в нем хрустели кристаллики льда.

— Добрый вечер, Эвель. Я бы хотела поменяться с Зеттой в понедельник.

— Не уверена, что у нее получится.

— Тогда я прошу выходной.

— Что-то случилось? — Начальница поджала губы.

К счастью, нет.

— У меня личные обстоятельства.

— Твои личные обстоятельства уже переходят все границы. Ты не

работаешь по выходным, теперь отпрашиваешься еще и на понедельник. Ты вообще настроена на сотрудничество, Леона, или собираешься уйти из шоу-бизнеса?

Я сцепила руки на столе. Почему-то всем вокруг кажется, что, если рядом с тобой правящий, приятности валятся как из рога изобилия. Сказала бы я, что валится на самом деле. Косые взгляды, сплетни, приторная лесть и неумная злоба.

— Я предложила вариант с заменой, но ты почему-то уверена, что Зетта откажется.

— Мы не можем подстраивать расписание только под тебя. Даже несмотря на твои связи.

— При чем тут вообще мои связи, Эвель? Я просто...

— При том, — отчеканила она и откинула шелковистые рыжие пряди за спину. — Не хочу, чтобы ты думала, что теперь все будет по-твоему.

Так, все. Надоело. Не просто надоело — достало!

— А разве нет?

То ли выражение лица у меня было чересчур говорящее, то ли что-то еще, но ее кожа пошла красными пятнами, словно Эвель тоже попала в рой рагранных пчел. Голос зазвенел, как стальной трос подвесного моста. Готовый сорваться и хлестать наотмашь.

— Вот как ты заговорила. Не слишком ли много на себя берешь?

— Только то, что мне по силам.

Зеленые глаза Эвель опасно сверкнули, но я уже поднялась. Оперлась ладонями на стол и чуть подалась вперед.

— Я люблю петь, я это умею, и я пою, Эвель. Пою для гостей Ландстор-Холла, вкладывая в это всю себя. Моя личная жизнь не имеет к этому никакого отношения. Так же, как и мои личные обстоятельства. Если ты не готова держать за мной место, только скажи. Доброй ночи.

Не дожидаясь ответа, вышла за дверь, где секретарь полировал ногти. Делал он это с таким усердием, что не оставалось ни малейших сомнений: подслушивал. В высоком бокале дымился новый кофе, стул на колесиках весьма спешно придвинут к столу.

А, без разницы. Без разницы, что все они думают, без разницы, что все они говорят. Личная жизнь, ха! Моя личная жизнь на меня забила, потому что я осмелилась ему слово поперек сказать и потребовать, чтобы он относился ко мне соответственно, а не как к бесплатному приложению.

Собиралась я с такой скоростью, что сам Смерч позавидовал бы. Из Ландстор-Холла на парковку вылетела прямо в руки Рольгена: после случая с Вальнаром меня теперь встречали и провожали от дверей до дверей, без

малейших послаблений. Подозреваю, что именно это запустило волну восторженного внимания в мой адрес. Действительно, как-то сложно не восхищаться цветом волос женщины, у которой есть личный телохранитель.

— Домой? — Валентен тепло улыбнулся.

— Угу.

— Как прошел день? — Рольген протянул мне конфетку.

Вот ведь подсадил — новые камартовые тянучки «Слайкери», реклама которых сейчас летела со всех каналов, просто таяли на языке. Я подумывала купить себе пакетик и бросить в сумочку. Пусть лежит на такие вот случаи. Сунул в рот, и жизнь кажется слаще. А главное, разговаривать необязательно.

— Фуфер.

Что-то среднее между «супер» и «фуфло», а главное — чистая правда.

Рольген оказался оптимистом.

— Я рад.

— А как у тебя?

— Неплохо. На выходных собираемся с братом на матч по гратхэнду. Я ему обещал билеты за высший балл контрольного теста по литературе, и вот... приходится расплачиваться.

Не выдержала и рассмеялась.

— Нелегко быть старшим братом.

— В «Беррик-Арена», — добавил безопасник.

— Ничего себе!

«Беррик-Арена» — стадион в центральном спортивном комплексе Мэйстона. Там проходят многие чемпионаты, десять лет назад проводились Соурские игры. Летом стадион открытый, зимой защищен куполом, вместимость у него двести тысяч человек. Я хотела спросить, кто играет, но тут коротко пикинул мобильный.

«Ты когда дома будешь?» — Сообщение от Танни.

Выглянула в окно.

«Минут через десять. А что?»

Ответа почему-то не последовало. Пока я ждала, мы уже вышли напрямую к дому и начали снижаться. Ладно, не критично — сейчас поднимусь и спрошу, с какой радости меня потеряли.

Рольген привычно проводил до дверей и пожелал доброй ночи, я же открыла дверь и шагнула в квартиру. Сначала услышала визг Танни, потом ее, вылетевшую ко мне с какой-то карточкой.

— Курсы Сириана Файта! самого Сириана Файта! Прикинь?

Пока я смотрела в восторженные сестринские глаза и судорожно пыталась вспомнить, кто такой Сириан Файт и какие курсы он ведет, меня дернуло. Ореховый аромат, смешанный с ледяными нотками, ударил сильнее самой беспощадной ментальной магии. Сначала я его почувствовала и только потом осознала. Медленно повернулась, чтобы увидеть на вешалке знакомое пальто. Из-за стены донеслось скрежетание когтей Марра: чудовище в очередной раз занесло на повороте. И шаги — те самые шаги, уверенные, сильные, от которых замерло сердце. А потом припустило с ними в такт. Додумать не успела: в меня врезался радостный виар — так, что я чуть не улетела обратно в дверь.

Не улетела, потому что меня подхватил Рэйнар.

ГЛАВА 10

Прикосновение — легкое, словно он удерживал меня в танце, и в то же время надежное, как если бы мы танцевали на пресловутом мосту над пропастью, на миг отключило разум. Все мое существо стремилось к нему, огнем и сердцем, каждой частичкой, дрожащей от напряжения. Лишь чудом удержалась от того, чтобы не прильнуть всем телом, чувствуя, чувствуя, чувствуя... Нет, невозможно так скучать, так сходить с ума по мужчине из плоти и крови. Невозможно рваться на лоскуточки от желания быть с ним, сливаться с ним воедино, дышать им и растворяться в любимых глазах.

В любви... Во-от же дракона твоего за хвост, через плечо и в вулканический кратер.

К счастью, рядом оказалась Танни.

— Кхе-кхе, — сказала она и добавила: — Я, наверное, пойду. Ну, к себе. Рэйнар, еще раз спасибо за подарок. Я в восторге, правда!

— Пожалуйста.

Он отвечал ей, но смотрел на меня. Смотрел так, словно разбивал меня на части одним только взглядом, а из осколков выплавлял новую Леону — какую ему хотелось. И видит небо, он единственный был на это способен. Потемневшие глаза полыхали, в закованных во льдах изумрудах рождался огонь.

Сестра ушла, я же вывернулась из рук Рэйнара, а следом из пальто. Которое он тут же подхватил и отправил на вешалку. С осознанием реальности пришла и обида — дурацкая, отчаянно-горькая обида. Почти неделя прошла со дня нашей встречи, а он заявляется и... считает вправе вот так смотреть! Так, что все внутри переворачивается, что меня потряхивает и жжет. Если бы в моих волосах сейчас начали потрескивать искры, я бы не удивилась.

— Спасибо, что поздравил Танни.

Хорошо, что есть Марр, на которого можно и нужно отвлечься. Ну не платице же поправлять, в самом деле.

— В нашей каморке не ждали именитых гостей, поэтому могу предложить только кофе в чашках из последней коллекции Простюрье Неизвестинджера. А еще есть печеньки из простого супермаркета, сегодня я не успела в гастрономический бутик. Будешь?

Запоздало вспомнила, что Сириан Файт — знаменитый мэйстонский 3D-дизайнер. Именно он оформляет все городские мероприятия, известных

работ для именитых компаний у него в портфолио — со счету сбиться. Не представляю, сколько стоят курсы в его студии. Хотя нет, представить как раз могу. Почему-то это заставляло злиться еще больше. Ну да, полагалось порадоваться за сестру, ведь ее мечта ожила. А мне почему-то хотелось наступить драконицу на ногу. Вместо этого наклонилась к домашнему чудовищу и перебирала раскрывшуюся цветочком шерсть на голове. Марр не просто урчал, он порывался от удовольствия, как если бы в его виарьей жизни случился центнер вяленого мяса.

— Леона. — Голос Рэйнара звучал хрипло, а от того, как он произнес мое имя, все внутри сжалось.

На миг.

Чтобы потом захлестнуть вихрем пламени и прокатиться от кончиков пальцев ног до макушки. Собраться в груди и раскрыться огненным цветком. Я закусила губу, чтобы не начать бросаться нелепыми обвинениями в стиле «почему ты пришел только сейчас» и так далее. Уверенно напомнила себе, что все это чушь и что мы ничего друг другу не обещали, особенно трепетного обмена сообщениями по десять раз на дню. И если этого не было, значит... не было. Вот только для него, похоже, прошла не неделя, а часа три — судя по выражению лица «прочти по мне, что я вовне». Пнуть его под коленку, что ли, чтобы проникся моими чувствами?

В этот миг Марр выскользнул из-под моей руки и нырнул под ладонь ирлхана. Янтарные глаза сверкнули, а как он заурчал, когда ему досталась небрежная ласка... У-у-у, предатель. За власть и силу готов продать даже мать. В смысле, мать. То есть ту, кто его вырастила, выкормила, холила и лелеяла, гуляла даже в самый лютый мороз или проливной дождь с мокрыми ногами и красным носом. Никому нельзя верить!

— Так что насчет кофе? У меня был долгий день, поэтому...

Халлоран знакомо прищурился, и угольки в глубине глаз заискрились. Да неужели? Чувство! Настоящее человеческое чувство! Ура мне! И медальку. Надеюсь, не посмертно, потому что яростью от него повеяло знатно.

— Почему ты все время от меня закрываешься?

— Почему? — взывала я. — Почему?! Может быть, потому, что ты перетряхиваешь мою жизнь, как шарик со снежинками, из-за чего в моем маленьком домике происходит землетрясение, а всех его обитателей потом еще с неделю штормит?! Или потому, что ты исчезаешь непонятно насколько, а я...

Не знаю, что думать. С ума схожу без тебя, чешуйчатый ты скалодром!

К счастью, этого я сказать не успела. Но того, что успела, было уже достаточно. К щекам прилила кровь. Обойти Рэйнара не представлялось возможным — между комнатой и мной стояла нерушимая стена правящего. Свирепо сжав руки в кулаки, я пошла на таран, но кончилось это тем, что меня перехватили за запястья и прижали к себе. Я брыкнулась и зарычала, как готовый кусаться виар, из-за чего меня еще крепче прижали к себе. Так прижали, что остатки мыслей выветрились из головы. Вместе со всеми «нельзя», «можно», «обещали и не обещали». Вместе с осознанием, что где-то там наверху Танни и ей тоже может быть интересно, что тут у нас происходит.

— Пусти! — рыкнула я. — Пусти, а то покусая!

Марр обвил наши ноги хвостом, из-за чего вывернуться и не шмякнуться стало почти невозможно.

— Леона, не провоцируй. — От дыхания Рэйнара кожа начинала дымиться. — Неужели не понимаешь, что чувствует мой зверь, когда ты сопротивляешься?

— Сделай ему прививку успокоина!

— Не поможет. Ты сводишь меня с ума, Леона. Я сам не свой, когда ты рядом.

Низкие рычащие интонации ударили в голову похлеще бутылочки тоньяса на голодный желудок. Ну... ну нельзя же так! Это подло! Невозможно существовать на таких полюсах. Когда тебя то подбрасывает за облака, где ты стучишь зубами от холода, то окунает в недра плавильных печей. От таких перегрузок даже у опытных каскадеров может случиться коллапс и аут, а я так, просто певица, и вообще ни разу не крутилась в тренировочных установках. Вот только кому-то, кажется, этого мало.

— И еще больше, когда тебя рядом нет. Как же я скучал. Девочка моя огненная, мое непокорное пламя...

Голос — низкий, властный. Решительный и в то же время удивительно нежный.

Ударило, как пламенный столб в небо.

В самое сердце.

Не оставляя ни малейшего выбора. Отметая все, что было до. Стирая все, что будет после. Замыкая нас в этом коротеньком отрезке времени, на вершине болезненно-странного чувства. Но ведь я же и так его, зачем он... так отчаянно, так глубоко, так бессовестно-искренне. Сильнее только во взаимности. Или нет? Нет, сильнее просто не бывает, и если до этого мне было куда отступать, то сейчас... под мостом небеса, над нами обрыв. Моргнула, чтобы стереть наваждение, но мое наваждение оказалось

слишком реальным. Ни отвести взгляд, ни вздохнуть. Хотя пульс грохочет в ушах, а лицо моего дракона так близко, что можно коснуться губами губ. И сгореть.

Он больше не удерживал, разве что лицо заключил в ладони.

— Меня не было в Мэйстоне несколько дней, — произнес Рэйнар, глядя мне в глаза. — Стоунвилл подал жалобу Аррингсхану.

— А...

Прозвучало ну очень многозначительно. То есть я уже слышала, что отец Ирргалии звонил Председателю Совета, но что значит — подал жалобу? Мне действительно нужен иррхан-юрист, а заодно свод законов, который... который, кстати, мне выслали в прошлые выходные и который я еще не открывала. Ну да, слишком насыщенная неделя выдалась.

— Он потребовал возмещения за оскорбление, нанесенное его дочери. Дело вынесли на Совет, поэтому все это несколько затянулось.

Получается, Ирргалия может кому угодно подсунуть рагранных пчел, и это в порядке вещей. А выставить ее из города — это смертельное оскорбление.

— Что значит возмещение?

Подалась назад, вглядываясь в его лицо, и Рэйнар нехотя меня отпустил.

— В случае рассмотрения в пользу Стоунвилла я должен был извиниться перед Ирргалией. Публично, в присутствии Совета и наших семей.

Мысленно вздохнула с облегчением: слово «был» определенно намекало на то, что все осталось в прошлом. Или нет? Судя по холодному взгляду, это еще не все.

— Какое решение вынес Совет?

— Предложение выпить кофе еще в силе?

Кивнула.

— Тогда пойдем. На кухне будет удобнее разговаривать.

Не знаю, удобнее или нет, но хоть будет минутка, чтобы перевести дух. Пока кофемашина занималась делом, я устроилась на стуле. Рэйнар садиться не стал, оперся ладонью на столешницу в сантиметре от моего обнаженного локтя. Волоски на коже тут же встали дыбом, только усилием воли я заставила себя остаться на месте.

— Совет отклонил жалобу Стоунвилла. Исключительно потому, что Ирргалия на моей территории нарушила мои правила. Поэтому я хочу разыскать твою семью, Леона. Потому что такие вопросы будут возникать постоянно.

Нет, все-таки это самый невероятный и противоречивый мужчина, которого я знала. Пару минут назад говорил так, что квартира только чудом не воспламенилась, а сейчас его голосом можно вакуумные заморозки в промышленных масштабах обеспечить.

— Какие — такие?

— Стоунвилл упирал на то, что это была невинная шутка, потому что никто не пострадал. Если бы у тебя было имя твоего отца...

— Мне достаточно имени моей матери.

— Дослушай. Если бы у тебя было имя твоего отца, за такое уже Стоунвиллам пришлось бы извиняться.

На полу вздохнул Марр. Видимо, решил напомнить, что он есть и всегда готов есть, но сейчас я даже на него не взглянула.

Понятно, поскольку я вся такая безродная не пострадала, рагранские пчелы — это невинная шутка. Оскорбленная добродетель Ирргалии требует справедливого возмещения, и все такое. Но вот если бы я была местрель, это уже считалось бы оскорблением в мой адрес. Потрясающе. Хотя, погодите-ка, был еще один звериный закон. Согласно которому, если ты не сумел защититься от ментальной магии — сам дурак. В целом прелестная выходит картина. Ну ладно, там тоже была поправка про серьезный ущерб здоровью. Нет, определенно надо читать правила выживания в мире ир்தханов. Вот только на прослушивание схожу и займусь.

— Я хочу защитить тебя, Леона. Но если ты будешь сопротивляться, это будет в разы сложнее.

Вот так плавно мы вернулись к тому, от чего ушли.

— Получается, сила моего огня для остальных не имеет значения? Только мой род?

— Я уже говорил, что пока не хочу ее раскрывать. Но даже если о ней станет известно, в мире ир்தханов происхождение — ключевое. Если тебя не признает твой род, силу крови придется подтверждать. Равно как и право войти в высшее общество.

— Каким образом?

— Призывом дракона и грамотным отведением зверя в пустоши.

Кофемашина поперхнулась раньше меня: чашка наполнилась, агрегат возмущенно запищал. Это позволило взять очередную передышку в просветительно-образовательном разговоре. Вскочила, вытащила первую и поставила ее на блюдце, а кофемашине подсунула вторую и нажала кнопку. Надеюсь, нужную. Потому что сейчас в моей голове кружило слишком много мыслей и несколько нецензурных замечаний, которые я с трудом удержала. Глаза у меня, наверное, были размером с чашки: по ощущениям,

они старательно лезли из орбит.

Имени нет — отребье! Есть сила — к драконам!

— И частенько у вас такое случается?

— Последний раз полукровка подтверждал силу в прошлом столетии.

Но он был мужчиной.

— Удачно?

— Леона, — Рэйнар подошел ко мне и обнял со спины, — я этого не допущу.

Чашка звякнула о блюдец и чуть не выпала из рук. Я принялась свирепо промокать ее салфеткой.

— Я могу разыскать твою семью.

От близости с ним мутился рассудок. Столько в его прикосновениях было властной уверенной силы, столько согревающего огня, что думать о чем-то серьезном решительно не получалось. Как я вообще жила всю эту неделю — без него? И как собираюсь жить дальше, если мы видимся только по выходным, если мы все равно не сможем быть вместе? Или сможем, если он найдет моего отца? Если тот действительно согласится меня принять? Разве это большая цена за возможность дать будущее нашим с Рэйнаром отношениям?

Так, кажется, кому-то нужно время, чтобы прийти в себя. Неудивительно, что после такого шквала чувств и новостей в голову лезет непонятно что. Но ведь... ведь это правда. И если он хочет его найти, значит ли, что тот тоже этого хочет?

Я повернулась в его руках и внимательно заглянула в глаза.

Изумрудные льдинки — попробуй разгадать, что за ними скрывается. Только когда во льдах разгорается пламя, я чувствую, как мое отзывается вмиг.

— Только если ты тоже этого хочешь. Леона?

Рэйнар Халлоран... спрашивает... моего согласия?!

Перед глазами неожиданно возникло насмешливое, немного растерянное лицо сестры, когда она пришла сегодня в ресторан. Если у Танны хватило смелости оставить прошлое за спиной, то у меня тоже хватит. Я хочу знать, как звали женщину, которой я обязана двумя рожденьями. Я хочу знать, почему она оказалась в Мериуже, и если у меня будет возможность посмотреть в глаза своему отцу, я хочу это сделать. Какой бы ответ там ни скрывался. Хочу смотреть в глаза этим заносчивым иртеханам, зная о своем происхождении все.

— Хочу, — сказала уверенно. — Только обещаю, что я обо всем узнаю первой. Ни твои родные, ни Аррингсхан, ни Совет, ни...

— Обещаю.

Он провел пальцами по моим губам, и я запрокинула голову. Окунулась в бушующий алый огонь, разгорающийся в стремительно темнеющих глазах. Всхлипнула, когда его губы накрыли мои, когда Рэйнар сцепил мои запястья за спиной. Рванулась к нему и застонала от короткой, обжигающей боли укуса. Он раскрывал меня этим поцелуем как самой бесстыдной лаской: остро, жадно, откровенно, словно я была его продолжением.

Но я и была.

Разве могут губы быть такими чувствительными?

Разве может горчинка быть такой сладкой?

Кончик языка скользнул по ожогу укуса, и по телу прокатилась горячая волна, глубина перешла в нежность. Когда он отстранился, из груди выбило воздух, я с трудом удержалась, чтобы не потянуться за продолжением ласки. Холодный воздух коснулся губ, заставляя прийти в себя. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, понимая, что еще чуть-чуть, и остановиться уже не получится.

Да, нелегко быть старшей сестрой.

— Кофе? — хрипло спросил Рэйнар.

— Если тебя не смущают печеньки из обычного супермаркета.

Мой голос тоже стал подозрительно низким.

— Думаю, с этим я как-нибудь справлюсь.

— С печеньками или со смущением?

— Со всем.

Если честно, не представляю, что может его смутить.

Дурацкая неловкость окончательно растаяла, перетекла в радость. Отчаянно яркую радость, с похожей я вскакивала в детстве — с осознанием, что сегодня выходные и не надо идти в школу. Мир расцветал всеми красками, а впереди было два невероятно прекрасных дня, омрачить которые ничто не могло. Вот и у нас впереди два безумно прекрасных дня, даже если не считать завтрашнего перерыва. Он не звонил не из-за нашей ссоры. Не из-за Ландстор-Холла и не из-за того, что я ему возражала. Не потому, что я ему не нужна.

Так, Леона, уймись. Уймись, я сказала!

— Мне все-таки интересно, что подразумевалось под «чем-нибудь еще»? — задала вопрос, который не давал мне покоя.

Дракон сощурился.

— Узнаешь. На выходных.

Академия располагалась на отдельном острове и напоминала город внутри города. В центре возвышалось огромное современное здание, представлявшее из себя высотку, выстроенную ярусами, вокруг нее кольцами расходился огромный парк. Солнце отражалось в затемненных стеклах и слепило глаза, перетекало с этажа на этаж, как расплавленное золото. Заметив мой взгляд, Рэйнар улыбнулся.

— Вечером она кажется объята огнем.

— Ага, — согласилась я и прилипла обратно к стеклу.

Мы уже заходили на посадку, но я все равно успела углядеть дальние корпуса, отгородившие открытую площадку, на которой под лучами голограмм стремительно двигались крохотные фигурки. Двигались так стремительно, что от попытки следить за ними запестрело в глазах. Впрочем, лучи двигались не менее шустро, а потом я увидела раскрывшуюся над площадкой голограмму дракона и очень натуралистичную струю пламени, прокатившуюся по полигону.

— Практическое занятие, — объяснил Рэйнар. — Это будущие вальцгарды.

— Сколько здесь вообще студентов?

— Каждый год выпускается около десяти тысяч иртханов.

Ого. Теперь понятно, почему Академия такая огромная.

Даже для многомиллионного города это более чем прилично, хотя, насколько я знаю, академий всего три на целую Аронгару. В Мэйстоне, во Флангстоне и, предсказуемо — в Зингсприде.

— Поступить может любой?

— Любой, кто достойно сдает экзамены и способен оплатить обучение. Вальцгардом может стать только аристократ.

Ну это вполне объяснимо. Чтобы выйти к драконам, нужно иметь достаточно сильную кровь. Достаточно для того, чтобы строем удерживать взбешенных зверей, если такое понадобится. Войн между городами или государствами сейчас не случается. Любой серьезный конфликт просто-напросто превратит нашу планету в руины и пепел, в этом имели возможность убедиться во времена Погасших костров.

Название эпоха получила из-за победы иртханов над драконами, но потом они принялись делить власть и направляли друг против друга не только оружие и армии, но и самих драконов. В результате земли горели, а мир был залит кровью. Сейчас же воюют преимущественно маленькие страны, вынужденные ютиться на небольшом ларганатском материке. Из-за этого их города полыхают, а из Таррхартского пролива почти не выводят армии миротворцев Аронгары и Ферверна.

— Женщины тоже могут пройти эту программу? Я имею в виду тренировки на полигоне вальцгардов?

— Нет, женщины к военному делу не имеют никакого отношения.

Ну разумеется. Можно было и не спрашивать.

Флайс медленно опустился на преподавательскую парковку в центральной части кампуса. Нас уже встречали: женщина в деловом костюме, юбка-карандаш стянула ее ноги так, что она едва ли не по стойке смирно стояла. Идеальная прическа, волосок к волоску, тоже деловая дальше некуда. Чуть поодаль стоял мужчина уже гораздо менее деловой. Седеющий, в простой джинсовой одежде. Разве что взгляд его отражал что-то среднее между благоговением и смущением — особенно когда цеплялся за моего дракона.

— Местр Халлоран, эсса Ладэ, — поздоровалась блондинка, ввернув в приветствие дежурную улыбку. А вот глаза ее за стеклами очков излучали легкий мандраж. Подрагивающие на планшете пальцы тоже выдавали волнение. — Добро пожаловать в Райгенсфорд.

Райгенсфордская Академия иртханов была названа в честь основателя. Насколько я знаю, раньше она вообще располагалась за пределами Мэйстона, то есть остров находился за городской чертой. После Ландсаррского налета Райгенсфорд был полностью отстроен заново.

— Здравствуйте, Лира. — Рэйнар улыбнулся. — Местр Шахррейн на месте?

Местр Шахррейн? Тот самый, о ком говорила местра Халлоран, претендент на руку и сердце Ирргалии, а заодно и на место правящего?

— Нет, ректор с заместителем срочно отбыли во Флангстон. Меня предупредили, что вам понадобится доступ на тренировочный полигон. Сегодня дежурный кипер Грихеш. — Она указала на мужчину, и тот кивнул в знак приветствия. По-прежнему немного смущенно. — Он вас проведет, все покажет, проинструктирует по технике безопасности. Если вам понадобится что-то еще, я всегда готова помочь.

От меня не укрылось, как нахмурился Рэйнар. Тень скользнула по его лицу и тут же растаяла, когда он посмотрел на меня. Он снова обратился к женщине:

— Спасибо, Лира. Если мне что-то понадобится, я с вами свяжусь.

— Хорошо, местр Халлоран.

Я попыталась собрать мозаику из представленных фактов. Шахррейн — ректор, но если они с замом отбыли вместе, значит, заместитель его сын. Сейчас я даже приблизительно вспомнила, как выглядит ректор Академии: зацепила как-то пару лет назад по визору. Уже тогда это был тучный

мужчина с полностью седыми волосами и суровыми складками у губ. Нет, он вряд ли может претендовать на правящего. То есть на следующих выборах будут выдвигать кандидатуру Шахррейна-младшего. В сухом остатке получаем, что отец с сыном сбежали во Флангстон, зная о нашем визите. Заодно и о напряженной обстановке между городами. Да, некрасивая ситуация.

— Местр Халлоран, эсса Ладэ, пойдемте. — Грихеш пропустил нас вперед по дорожке. Лира ушла в другую сторону, безопасники остались на парковке у своих машин. — У них сейчас время выгула.

— У кого? — удивилась я.

— У виаров и драконов. Все увидите сами. — Он кивнул. — С правилами техники безопасности знакомы?

Кипер обращался ко мне, но смотрел на Рэйнара. Смотрел так, как подростки смотрят на кумиров, а взрослые на тех, кого безмерно уважают. В груди полыхнуло необъяснимое, странное чувство. Чувство гордости за своего мужчину. Никогда бы не подумала, что это настолько приятно — видеть со стороны восхищение к тому, кого любишь.

— Думаю, они нам не помешают. — Рэйнар едва заметно коснулся моей слегка вспотевшей руки.

В ответ я покосилась на него. Надеюсь, не очень большими глазами. Конечно, виары — не драконы, но все-таки сегодня мой первый настоящий экзамен. Получится ли у меня отдать приказ?

Чтобы немного отвлечься, взглянула на центральный корпус. Теперь он возвышался над нами и упирался в небо, обтекающее его многочисленные ярусы подобно голографической стилизации. Из-за этого создавалось ощущение нереальности происходящего. Растопыренные многопалые руки деревьев, лишившихся оперения, главная высотка. Дорожки, растекающиеся по кампусу бесчисленными нитями, мешали сосредоточиться на чем-то одном. Учиться здесь наверняка здорово и очень престижно.

Интересно, каково это?

— Вольеры в зоокорпусе отгорожены от двора и полигонов защитным полем.

— Наподобие того, что создает Лаувайс? — спросила я.

— Нет, в данном случае силовым, — ответил Рэйнар.

— Отключается оно с помощью кода, который сегодня только у меня, — продолжал кипер. — Даже если вам покажется, что дракон может его преодолеть, это не так. Близко к вольерам подходить не стоит, не делайте резких движений, не бегайте, не повышайте голос.

Я представила себе, как бегу между вольерами. Размахивая руками, с истеричными визгами, и мне стало смешно. Рэйнар с трудом сдерживал улыбку, впрочем, и Грихеш тоже.

— Поверьте, эти правила писались не просто так.

— Верю, — честно призналась я.

Если даже на стиральных машинках пишут: «Не кладите виарят в барабан», то правила техники безопасности по сравнению с этим кладезь логики.

Кипер тем временем продолжал:

— Когда окажетесь со зверем один на один, на тренировочном полигоне...

Один на один?! Что значит один на один?!

Кажется, я потеряла мысль, потому что, когда очнулась, кипер уже молчал. К счастью, мы пришли. Или не к счастью, мы пришли, в любом случае на мой вопросительный взгляд Рэйнар ответил многозначительным молчанием. Пытать его в присутствии кипера было как-то неловко, поэтому решила дожждаться минуты, пока мы останемся наедине. И вот тут я ему выскажу все, что думаю! Значит, оставить меня наедине со зверем, да? Тут мою мысль унесло немного в другие пустоши, потому что вместо подъема внешний лифт ухнул вниз. Вместо привычно уносящейся земли перед глазами стремительно текла лента шахты.

— Ой, — сказала я.

— На территории Райгенсфорда наземное движение запрещено, — объяснил Рэйнар. — Флайсы беспокоят драконов.

Ага. Теперь понятно, почему мы заходили по такой странной траектории, почему студенческая парковка вынесена за пределы острова и располагается достаточно низко. Сейчас мы оказались под землей на просторной платформе рядом с капсулой, напоминающей вагон аэроэкспресса. Разве что внутри этой капсулы было всего четыре места, да и управлялась она автоматически, насколько я поняла: панели были рядом с каждым креслом. А еще у нее не было окон.

— Зоокорпус на другом конце острова, но это преподавательская магистраль, — пояснил кипер. — Прошу. Через пару минут будем на месте.

Через пару минут?

Это какая же у него скорость, если корпус на другом конце острова?

Я упала в мягкое кресло, Рэйнар устроился на соседнем.

Оглядела залитый теплым светом салон, где не было ничего лишнего, а еще пахло камартовой сладостью. Приятные сливочно-кремовые стены, такая же обивка, и... Я вдруг поняла, что все на меня смотрят. То есть дверь

закрылась, но мы почему-то не поехали. Прежде чем я успела додумать, Рэйнар подался ко мне и нажал кнопку справа. С мягким «вжих» меня захлестнуло ремнями и плотно прижало к спинке.

А в следующий миг к моей спинке прижало все внутренности. Язык прилип к нёбу, а глаза, по ощущениям, остались в точке, из которой капсула стартовала.

— Как ощущения? — спросил кипер.

— Х-хорошо, — выдавила я.

— К этому просто нужно привыкнуть. Расстояния между корпусами большие, — еще бы, я видела кампус сверху, — а перерывы между занятиями короткие.

Ну да, в наш век все торопятся.

На этой оптимистичной мысли я выходила из капсулы под руку с Рэйнаром.

— Как ты себя чувствуешь?

— Буэ.

Он улыбнулся.

— Не верю. Вестибулярный аппарат иртеханов легко справляется с высокими скоростями.

Не знаю, как насчет иртеханов, я вообще серединка на половинку. Интересно, если меня сейчас стошнит, поверят? Ну хорошо, зеленеть от высоких скоростей в нашем мире позорно, тем более что мне понравилось. Правда понравилось. Ну не считая первых ощущений. Вторые ощущения не заставили себя ждать: когда мы поднимались на лифте, сверху донесся рык. Не просто рык — раскатистый рев, бьющий сквозь стены. От этого все волосы на моей коже встали дыбом. Но как-то правильно встали, в смысле, не от желания спрятаться за широкую спину иртехана. То есть сначала я вздрогнула — попробуй не вздрогни, когда на тебя рычит стена, а потом меня захлестнуло волной дикой радости. Поймала на себе пристальный взгляд Рэйнара и замерла.

— Что? — спросила почти испуганно.

— Что ты почувствовала, Леона?

Не считая того, что чуть не свалилась в обморок?

— Не знаю, — произнесла неуверенно. — Радость?

И увидела довольную улыбку на лице своего дракона.

— Ты начинаешь их чувствовать.

О... ну шикарно. И что это значит?

— Эмпатия очень важна, — неожиданно вмешался кипер. — Для драконов особенно.

Я вопросительно посмотрела на Рэйнара.

— Они чувствуют, когда ты чувствуешь их. Это сближает.

Не уверена, что я готова сближаться с драконами.

Холл зоокорпуса напоминал ущелье. В центре был устроен фонтан, над головой раскинулось голографическое небо. Шумела падающая из чаши в чашу вода, а когда мы оказались в коридоре, нас сомкнуло между прозрачных, заполненных водой стен, внутри которых плескались глубоководные рыбы. На ходу я углядела только бериджар — огромную зубастую рыбину, выживающую благодаря своему бледно-голубому окрасу, позволяющему ей быть незаметной. И еще сан-ниддл — эту рыбку так называли за ярко-желтый цвет и торчащие из-под чешуи тонкие иглы, наполненные ядом. В общем, не позавидуешь тому, кто попытается ее сожрать.

Мы быстренько прошли по коридорам и очутились в просторном... нет, в очень просторном дворе. По размерам его можно было сравнить со стадионом. На противоположной стороне располагалась стилизация под скалы, именно там находились вольеры. За нами высокие стены корпуса взметнулись ввысь, как трибуны, и я вспомнила про Рольгена и его брата. А потом забыла вообще обо всем, потому что над нами распласталась тень, закрывшая солнце. Которая в следующий миг взвилась к небу, раскинув мощные кожистые крылья. Я наблюдала за полетом драконицы как замороженная, пытаюсь справиться с охватившими меня чувствами. Дыхание сбивалось, а в груди рождалось ощущение пьянящего восторга.

Полет.

Настоящий. Все выше, выше и выше...

А потом безумное падение и снова рывок вверх.

Сердце падало и взмывало вслед за чувствами, словно это я вспарывала небо и воздух стремительно меня обтекал.

— Оставьте нас, пожалуйста, — обратился к киперу Рэйнар.

— Я пока подготовлю испытательный полигон.

— Спасибо.

Не знаю, что со мной творилось. Не представляю. Драконица с алой чешуей, искрящейся в лучах, кружила над двором, то взлетая высоко к небесам, то опускаясь ниже, а я смотрела на нее, и мне почему-то хотелось плакать. От счастья. От глубокого, ни с чем не сравнимого счастья. Я даже отвернулась к стене и сделала вид, что в глаз попала ресница. Меня рвало на тряпочки и собирало обратно в лоскутное покрывало, трясло и обжигало. До тех пор, пока Рэйнар не обнял за плечи. Я тут же попыталась вывернуться, но наткнулась на улыбку и замерла. Никогда раньше не

видела, чтобы он так улыбался — светло, легко, преображаясь из правящего в... человека?

— Этого не нужно стесняться, Леона, — произнес он. — Твой огонь раскрывается, потому что ты принимаешь свою суть. Смотри.

И мягко развернул.

По двору к нам ковыляло (иначе и не скажешь, потому что оно все время спотыкалось и норовило завалиться то на один, то на другой бок) нечто. Крохотным его язык не повернулся бы назвать, потому что оно казалось немногим ниже Рэйнара. На голове ютился малюсенький на вид мягкий гребешок, а коготки уже были размером с лапы Марра. Каждый. Зато чешуйки пока еще совсем тоненькие.

Звереныш смешно щурился, переставляя короткие лапки, а потом разомкнул челюсти и дыхнул в нашу сторону. Струйка огня ударила в силовое поле, я шарахнулась, но Рэйнар удержал. В следующий миг драконица уже спикировала на землю к своему чаду. Внимательно посмотрела на нас — я даже забыла, как дышать, а потом осторожно подхватила детеныша за шкурку. Мощным ударом хвоста затушила огненную дорожку, после чего развернулась и направилась к вольеру.

— Драконенок, — обалдело сказала я. — С мамой.

— Да. Ему скоро будет месяц.

Я только что увидела драконенка! Настоящего... маленького... драконенка.

Только сейчас заметила разгуливающих по двору виаров. Их было много, наверное, не меньше двух десятков — самых разных, преимущественно диких. Даже равнинный резвился, гоняясь за голографическими зверьками. И никого из них не смущала близость драконицы с детенышем, тяжелая поступь которой ощущалась даже по эту сторону силового поля.

— Нравится? — спросил Рэйнар.

Как такое может не нравиться?

Точнее... как такое может нравиться настолько, что мне не хочется хлопнуться в обморок прямо здесь, а наоборот — хочется смотреть, смотреть и смотреть? Запрокинула голову, чтобы убедиться, что глаза меня не обманывают. Но нет, над нами было самое настоящее небо, самое настоящее солнце. Драконица недавно порхала над двором, не собираясь улетать в пустоши. Да и виары, бродившие рядом, не жились на солнышке или заигрывали друг с другом, тоже не особо стремились к свободе.

— Но... как? — спросила я. — Что их удерживает? Силовое поле?

— Драконов невозможно удержать, если они того не хотят.

В ответ на мой вопросительный взгляд Рэйнар только улыбнулся.

— Они здесь по своей воле. Это их выбор.

С ума сойти!

Драконы по своей воле живут рядом с людьми. Ну ладно, рядом с иртеханами, но это ведь не особенно меняет дело, правда? Не просто живут, они им помогают... учиться. Невероятно!

Невероятно, потому что для людей драконы — чудовища, от которых нужна защита. Да что там, когда драконица на меня смотрела, сердце в пятки ушло. Пусть даже длилось это считанные секунды.

— Сколько их?

— Теперь трое.

Я покачала головой.

— И после такого ты предлагаешь мне сдавать экзамен?

— Отключить эмоции проще, когда ты в их власти. Восприятие становится острее, граница четче.

Да уж, острее некуда.

— Ты готова.

— Ты в этом настолько уверен?

— Иначе бы нас здесь не было.

— Ты не предупредил, что я буду одна.

— Первое общение со зверем — это своего рода таинство. Все или всех, кто может отвлечь, следует исключить.

— А если во время этого таинства меня сожрут?

Губы Рэйнара дрогнули, словно он с трудом сдерживал смех. А вот мне было не до смеха, совсем! Представить только, махина ростом в половину меня. Если встанет на задние лапы, даже выше. И эта махина при желании может располосовать до косточек. Зубками или когтиками. А если что-то пойдет не так, если я что-то напутая?

— Ты готова, Леона. Мне нужно понять, на что ты способна. Выбирай.

— Выбирать?

— Найди того, кто захочет тебе помочь. Огнем. И позови.

Да он издевается!

Я неуверенно посмотрела на резвящихся виаров, не спешивших в свои скалы-вольеры. Раздолье, да и только. Для них. Для меня, в общем, тоже. Но как выбрать кого-то одного?

— Не спеши. Ты почувствуешь ответ.

Легко ему говорить!

Ладони снова вспотели вместе со всем остальным. Кажется, даже изнутри холодный пот прошиб. Пусть даже я знала, что виар согласится

мне помочь, все равно это виар. Дикий, со своим характером, пастью с острыми зубами и когтями-лезвиями. Наверное, когда-нибудь я привыкну к тому, что в зверином мире иртханов все перевернуто с ног на голову. То чрезмерная жестокость, то странное, порой даже пугающее соседство с удивительными созданиями — драконами, маленькими и большими. У меня перед глазами все мельтешило, поэтому я почти не всматривалась в игрища во дворе.

Чувства виаров напоминали спутанные поверхностные клубки, одни из которых искрились ярче, другие — не настолько сильно. Что-то сродни азарту, игривости, у некоторых даже злости или раздражения. А вот и меланхолия... Я зацепилась за устроившегося на солнышке серебристо-пепельного виара. Он вылизывал лапу, а потом повернулся. Глаза у него были прозрачно-голубые, как льдинки. Вот почти наверняка фервернских кровей зверь. Красивый...

Его, что ли, позвать?

— Закрой глаза, Леона, — негромко произнес Рэйнар. — Ты выбираешь разумом.

У-у-ух.

Ладно.

Прикрыла глаза и сосредоточилась на чувствах. Удивительно, но они и впрямь стали острее, а потом... потом вспыхнули ладони. Совсем как неделю назад. Хотела было сказать Рэйнару, но жар уже побежал по рукам, в плечи. Отозвался в груди огнем, устремился ввысь. Похожее тепло плескалось поблизости, и я рванулась к нему, точнее, рванулось пламя. Меня обожгло, по телу прокатилась дрожь, собираясь на кончиках напряженных пальцев.

«Поможешь?» — неуверенно спросила я.

И найденный огонь рванулся ко мне, отзываясь в сердце.

Гулкими сильными ударами, будто рождающимися в единстве нашей связи.

Нет, это точно не фервернский виар, у него ведь должно быть холодное пламя? Надеюсь, он не больше Марра, и уж точно надеюсь, что не равнинный. Вот у кого зубы...

Открыла глаза и поняла, что виаров поблизости нет.

Ни одного.

Эм... откуда во дворе тень? Только что ведь не было...

Тень сдвинулась и прямо передо мной оказалась морда размером с грузовой флайс.

Морда дракона.

ГЛАВА 11

Янтарные глаза. Чешуя цвета разгорающегося в ночи огня.

Удар мощного сердца отозвался в моей груди.

Миг — и сознание затопило силой: яркой, чужой. Дикой и неукротимой. Это была мощь в чистом виде. Бесконечная, всеобъемлющая и жаркая, как нутро готового исторгнуть лаву вулкана. Все выше, выше и выше, до предела, когда уже не хватает дыхания. Дикое, безудержное стремление раскрыться, взлететь и парить. Уверенность, достойная многовековых скал, взрезающих зубьями небо.

Огненный ураган, сметающий все и вся.

Первозданное пламя.

Нарастающий жар ударил в грудь. Прокатился по коже, собираясь в ладонях.

С рук посыпались искры. Настоящие искры, мгновение спустя обернувшиеся струйками пламени и ударившие в камни под ногами.

Вскрикнув, отпрянула.

Наткнулась спиной на Рэйнара, дракон отозвался громогласным ревом. Ревом, ударившим ввысь, расплескавшимся над двором.

Меня обожгло.

Подбросило и тряхнуло, затопило безудержной яростью и отчаянием.

Мощные лапы напряглись, взметнулись крылья. Из раскаленного добела горла вырвался второй крик, заметался между корпусом и вольерами. Зверь оттолкнулся от земли и устремился ввысь. Из вольера, со сложенными вдоль тела крыльями стрелой метнулась его пара.

— Что... — Язык отказывался подчиняться, да и мысль тоже.

Руки Рэйнара сомкнулись на моих запястьях, ладони перестало жечь.

Последние искры растаяли в воздухе, от несущегося с высоты рева заложило уши.

— Местр Халлоран! — к нам уже бежал кипер.

— Уберите поле.

Прежде чем до меня дошел смысл сказанных слов, перед глазами мелькнуло перепуганное лицо Грихеша.

— Под мою ответственность, — прорычал Рэйнар. — Быстро!

Кинер задрал рукав и что-то нажал на браслете. Силовое поле медленно потекло вниз, как потоки дождевой воды. Вопреки этому воздух вокруг Рэйнара казался зыбким, сотканным из мельчайших частичек

невыносимого жара. Алая радужка с вертикальным зрачком, взгляд как у фольклорного варранджа, способного обратить в камень.

— Стой здесь! — скомандовал он и шагнул во двор.

Как будто я собиралась куда-то бежать. Ноги налились тяжестью и вросли в землю, во рту пересохло. По ощущениям, я все-таки обратилась в камень, разве что под ним бурлила лава ярости, непонимания, обиды.

Дракон снова взревел, эхом ему отозвалась драконица.

Прежде чем на двор обрушилось пламя, иртхан вскинул руку. Он сам сейчас напоминал огонь. Вокруг него с силой клубился раскаленный воздух, смерчи подбрасывали ввысь клубы пыли, чтобы обрушить ее с высоты вихрей.

Миг — и дракон устремился вниз прямо на Рэйнара.

Я задохнулась криком и не сразу поняла, что зверь — стремительный и пугающий, замер над иртханом, его пара встревоженно кружила по двору. Шипение, треск и хлопанье крыльев. В лицо дохнуло жаром и мощью схлестнувшейся магии. От горячего воздуха перехватило дыхание.

— Тихо, — сквозь рокот рычания прорвался сильный голос иртхана. Громкий, низкий, яростный. — Тихо, Ррайз.

Уже спокойнее.

И еще:

— Спускайся.

Дракон раздраженно дернул хвостом, но все-таки подчинился. На ладонях Рэйнара заплясали язычки пламени. Пара опустилась на землю почти одновременно, но на драконицу иртхан не смотрел. Шагнул к зверю, протягивая ему руку.

— Успокойся. Она не хотела тебя обидеть.

Дракон бросил на меня взгляд, от которого сердце провалилось в левую пятку.

— Все хорошо.

От тяжелой поступи дрожала земля или это я дрожала? А может, мы вместе. У меня тряслось все — начиная с коленок и заканчивая макушкой. Ладони дергало, но, к счастью, я больше не напоминала ходячий мельгальский огонь. Зверь медленно подошел и изогнул шею, морда его оказалась на уровне лица Рэйнара. При желании он мог раскусить иртхана как орешек, причем не иносказательно. Но вместо этого только глубоко вздохнул, выпустив через ноздри струйки текучего пламени. Они схлестнулись с алой мощью иртхана и растаяли. Окончательно. Драконица осторожно приблизилась к застывшим друг напротив друга драконам, обвила супруга хвостом и тоже склонила голову. Почти касаясь огненным

носом плеча Рэйнара.

Меня накрыло умиротворением. Каким-то странным, диковатым, к которому еще примешивалось раздражение, но спустя миг угольки погасли.

Осталась только симпатия. И доверие.

— Леона, подойди.

А?

Я чуть не подпрыгнула на месте, даже на кипера посмотрела — может, у меня слуховые галлюцинации. Неудивительно после такого-то. Но нет, кажется, он слышал то же, что и я. Лицо Грихеша больше не казалось напряженным, он даже мне улыбнулся. Ободряюще. Вот только легче не стало. Запрокинув голову, посмотрела на возвышающихся скалами драконов. Инстинкт самосохранения намекал, что пора бы уже с визгами бежать вдоль вольеров в сторону выхода. Теперь я понимаю, что правила техники безопасности действительно писались не просто так.

Я — туда?

Нет.

Нет-нет-нет.

Я лучше тут постою.

— Леона.

Рэйнар обращался ко мне, но смотрел на него. На сидевшего перед ним огромного зверя, который доверчиво тянулся мордой к пламенеющим ладоням.

А говорил, к драконам не повезу, к драконам не повезу. Вот и верь после этого мужчинам.

Делать нечего, пришлось идти. Каждый шаг отдавался в левой пятке, из чего я сделала вывод, что сердце все-таки провалилось туда. Руки-ноги стали холодными, как ледяные отростки, язык прилип к небу, а внутренности сбились в кучку.

Но подо всем этим рождалось нечто новое, неизведанное и пьянящее.

Будоражащее.

Наверное, я чуточку сошла с ума, потому что меня захлестнуло восторгом.

Радостью.

И все это смешалось в такой невероятный коктейль, что я на миг остановилась, чтобы перевести дыхание.

— Ближе.

Рэйнар протянул мне руку. Вложила дрожащие пальцы в сильную ладонь и подняла взгляд. Дракон опустил увенчанную гребнем голову еще ниже. Тяжелые веки сомкнулись — неспешно, как жалюзи. А потом так же

медленно приподнялись, раскрывая всю красоту сияющих глаз. Радужка была огненной в прямом смысле этого слова, вертикальный зрачок сомкнулся в узенькую полоску.

Страшно, аж жуть. Несмотря на близость Рэйнара.

Страшно и в то же время... безумно прекрасно.

— Поздоровайся, — негромко сказал иртхан.

— Как?

Вместо ответа он соединил наши руки. Мои сомкнул в своих, и над ними взметнулся огонь. Чудом удержалась от крика: как замороженная смотрела на разгорающееся пламя. Оно полыхало — настоящее, пышущее жаром, но не жгло. Ладони слегка покалывало, от пальцев растекалось приятное тепло. Язычки бежали по коже, но не причиняли вреда, и Рэйнар протянул наши руки к дракону.

Тот всхрипнул, снова выпустил пламя из ноздрей. Охватившее ладони, слившееся с ними и растаявшее. Огромные глаза снова медленно прикрылись и распахнулись снова, а мы уже повернулись к драконице. Она неспешно, глубоко моргнула, а потом направилась в вольер. Встряхнула крыльями, и по широкой спине прокатилась волна чешуек. Они приподнимались и тут же складывались, играя бликами солнечных лучей.

Дракон вытянул мощную шею и поднялся.

Напоследок мотнул головой.

— Какой ты красивый, — прошептала тихо.

Он отозвался довольным урчанием — рокотом, прокатившимся по двору. Развернулся и потопал к своей семье. Проводив его взглядом, опустила глаза на наши ладони. По-прежнему объятые жаром сплетающихся в танце пылающих лент. Я впервые смотрела на свое пламя, на свой огонек, который вдохнула в меня кровь иртханов и который с каждой минутой разгорался все ярче.

— Как... как такое возможно?

— Стихийная магия, — коротко отозвался Рэйнар.

Стихийная? Но...

Но ведь это значит, что сейчас в моих глазах отражается цвет моего огня. Точно так же, как в глазах Рэйнара — алый.

— Какой он? — выдавила я. Голос почему-то дрожал.

Он разомкнул ладони, пламя заплесало озорными искорками и погасло.

Рэйнар пристально посмотрел на меня. И негромко произнес:

— Как вспышка на солнце.

Его слова отозвались огненным жаром в груди. И не только слова —

взгляд, который скользил по коже откровенной бессовестной лаской, обжигая как самое беспощадное пламя. Радужка не спешила менять цвет, а вертикальный зрачок раскрылся во всю ширину, и меня обдало гипнотической, одуряющей властью. Волоски на коже встали дыбом, внутри прокатилась волна странной звериной дрожи и возбуждения. Сейчас передо мной стоял даже не иртвах, самый настоящий хищник — ничуть не слабее дракона. Да что там, несколько минут назад я видела его силу. Чувствовала всей кожей, всем существом, и сейчас похожая билась во мне, заставляя откликаться на зов. Яростно, горячо, сильно. Так глубоко, насколько это возможно.

— Местр Халлоран, — неуверенный голос кипера заставил вздрогнуть.

Желание зарычать на приблизившегося человека ударило под дых.

Ой, мама! Что это со мной?

Облизала вмиг пересохшие губы, закусилась верхнюю, легкая боль привела в себя. Алые глаза моего дракона полыхнули ярче, а потом зрачки стянулись в привычные, человеческие. Рэйнар повернулся к Грихешу, и тот быстро продолжил:

— Тренировочный полигон готов.

— Не думаю, что он нам понадобится, Грихеш. Спасибо.

Не думает, что?.. Тут только на меня обрушились воспоминания, зачем мы сюда прилетели. Я должна была тренироваться на виаре, то есть должна была отдать приказ виару, а вместо этого позвала дракона?

Ой.

Я молчала, пока нас провожали до стоянки. Молчала, когда открылась дверца и когда Рэйнар сдержанно благодарил Грихеша за помощь и о чем-то с ним разговаривал — я особо не вслушивалась. В голове звенели бубенчики, как на старинных экипажах с ездовыми виарами. На узеньких мощеных улочках или в подземных лабиринтах бубенчики предупреждали встречных о приближении, а в моем случае — понятия не имею о чем. Мысли разбегались, как виарята от уснувшей мамы, попытки собрать их в гнездо не увенчались успехом. Сейчас, когда схлынул пьянящий восторг, когда отступило напряжение, меня затрясло. С удвоенной силой.

Я выбрала дракона. Ну или он меня.

Или мы друг друга.

И еще я горела... буквально.

Мама!

Подавить приступ зарождающегося желания побегать по салону — кстати, во флайсе Рэйнара это даже можно было сделать, помог иртвах. Он

опустился на сиденье, и я стремительно повернулась к нему.

— Что там произошло?

— Это ты мне скажи, — его голос сочился яростью, — почему о признаках проявления стихийной магии я узнаю в момент, когда ты зовешь дракона.

— Я не знала!

— Что именно? — вкрадчиво произнес он.

— Не знала, что это будет дракон! Как это вообще получилось?

— И то, что у тебя горят ладони, ты, разумеется, тоже почувствовала только сейчас?

Взгляд иртхана вонзился в меня и чудом не прошел насквозь.

— Да, — неуверенно сказала я.

— Не лги мне, Леона.

Он оперся на спинку сиденья рядом со мной, и я подавила желание просочиться сквозь обивку.

— Ррайз сорвался из-за того, что ты ударила магией. Стихией. Рядом с драконом, Леона!

— Но я же не специально!

— Не специально можно забыть планшет.

У, злопамятное драконище.

— Или молнию на сапоге сломать.

Это как раз было специально.

— Но не ударить по зверю огнем. Твое счастье, что там было силовое поле. Твое счастье, что он не ответил сразу же.

Обидно стало, дальше некуда. А главное, даже слова не позволили вставить.

— Мне одно непонятно — как тебе вообще пришло в голову молчать о таком?

— Я не молчала! Сначала мы поссорились, а потом...

— А потом?

— А потом ты ушел в Зингсприд!

— У тебя было два дня, чтобы все мне рассказать.

— Я напрочь забыла об этих ладонях! У моей сестры был день рождения, а еще я готовлюсь к прослушиванию!

— Напомнить, что, если не сумеешь совладать с магией, опера тебе не светит?!

Меня подбросило на сиденье.

— Погоди-ка... Ты за этим привез меня в Райгенсфорд? Чтобы проверить мою магию?! Ты знал, что на мой зов откликнется дракон?!

Как, как с ним вообще можно общаться?!

Как... как он вообще до такого додумался?!

Р-р-р!!! У-у-у...кушу! Больно!

Ладони снова начало печь, но прежде чем мой праведный гнев успел набрать обороты, на голову опрокинули точно ведро с сухим льдом.

— Не знал.

Глаза его полыхнули так, что меня вжало в спинку сиденья. И отнюдь не из-за скорости.

— Я привез тебя сюда, чтобы узнать, на что ты способна. Посмотреть, получится ли у тебя отправить зов виару — среди множества вариантов и кого выберет твой огонь. Насколько сильного зверя. Мне и в голову не приходило, что ты промолчишь о зарождающемся огне. Стихийная магия — показатель силы, это значит, что твоё пламя набирает мощь.

Ошарашенная такими откровениями, я только ресницами хлопала.

Определенно, нормальному человеку нужно куда больше времени, чтобы все это переварить. Но, наверное, мне нормальность не светит, так что лучше обо всем узнать сразу.

— Мм... а что, так быть не должно? — спросила тихонечко.

— Стихия у иртхана пробуждается ближе к совершеннолетию, в редких случаях особой, силы — у подростков. После того как полностью освоена ментальная магия, но у тебя все происходит стремительно. Из-за того, что твоя драконица была заперта, из-за того, что она долгие годы была вдали от себе подобных. Из-за мощи её пламени.

Рэйнар подался ко мне так резко, что я не успела отпрянуть. Сердце ударилось о ребра — от его запаха, от близости, от мощной яростной силы.

— Я не представлял, что ты дотянешься до Ррайза и что он ответит. Чуть с ума не сошел, когда он устремился к тебе. Отвечая твоему пламени.

Сердце билось гулко.

Сильно.

В такт его словам.

— Тем более не мог подумать, Леона, что так скоро увижу твой огонь. Не догадывался о том, насколько он силен на самом деле.

Последнее он выдохнул хрипло, и от этих интонаций по телу прокатилась волна мурашек. От голоса, одуряющей близости иртхана, от воспоминаний о том, что произошло на этом самом сиденье и как это было...

Горячо. Безрассудно. Неистово.

Рэйнар коснулся пальцами щеки, и она вспыхнула — точно огонь теперь не дожидался приглашения, чтобы расцвести под его лаской.

Перехватила его руку, не желая уступать. Коснулась губами ладони и дернулась: дыхание перебило от желания мести. От желания зарычать, впиться поцелуем в жесткие губы. Подчиниться, соблазнить и провоцировать до тех пор, пока он не сойдет с ума от желания. Обладать им так же, как он обладает мной, безраздельно.

Подчинить.

Властвовать.

Рванулась к нему, утонула в поцелуе. Вскрикнула, когда иртвахан сгрел мои волосы в ладонь, заставляя запрокинуть голову. Огонь уже не просто рвался к нему — он бесновался, готовый смести все и вся на своем пути. Испепелить, если не получит желаемого, долгожданного слияния со своей нацией. Заколочка под его пальцами жалобно треснула, хвостик приказал долго жить. Пряжи рассыпались по плечам и спине, по обивке сиденья, и с губ Рэйнара сорвался не то хриплый выдох, не то рычание:

— Я должен был понять сразу. Еще у тебя в квартире. Как ты отозвалась на поцелуй...

Губы ожег укус, как напоминание, в ритм словам. И продолжение, точь-в-точь как тогда, на кухне: сумасшедше-пьянящая ласка, острая — скольжение кончика языка по чувствительному до дрожи месту. Хрипло застонала, выгибаясь в его руках, впиваясь ответным поцелуем-укусом в жесткие, привыкшие подчинять губы. Наши языки переплелись вместе с дыханием, меня опрокинули на сиденье, а под его ладонями снова занимался огонь.

— Ч-что это? — выдохнула хрипло, глядя, как наши пальцы обтекает единое пламя. — Почему мне хочется тебя укусить?

— Твоя драконица проснулась окончательно. — Он скользнул губами по губам, разводя мои бедра. — И не желает мне подчиняться. Пока...

Сказано это было с сумасшедшим пламенем в глазах. С азартом, которым хлестнуло наотмашь, а после затопило волной пламенной силы. Смутно помню, как мы добрались до его дома. Когда холодный воздух скользнул по разгоряченной коже и меня рывком выдернули из салона на верхней парковке, я едва держалась на ногах. Пьяная от огненных поцелуев, с горящими губами и без курточки, которая осталась во флайсе. Впрочем, его пальто тоже потерялось, это я поняла, когда мы перешагнули порог и оказались на втором этаже. Пара шагов — и меня толкнули к стене. Сдернули джинсы вместе с бельем.

Выпуталась из сковывающей движения одежды и с силой дернула не желающий поддаваться ремень. Вскрикнула, когда меня подхватили под бедра.

Теперь уже зарычала я, вцепилась ногтями в сильные плечи, рванулась, и тут меня захлестнуло силой.

Мощной, подчиняющей, беспощадной.

Удар в моем теле отозвался хриплым выдохом. И ни с чем не сравнимым чувством полного слияния, когда он оказался во мне.

Так глубоко, так жестко, так сладко.

Кажется, я кричала. Или рычала. Или и то, и другое вместе.

Сходила с ума от безумного, идущего по нарастающей наслаждения от мощных, сильных ударов внутри. Царапала его спину, чувствуя, как перекатываются под пальцами литые мышцы, задыхалась от жадных поцелуев, выпивающих меня до дна. Тонула в алом пламени и возвращала свое.

Наслаждение на грани, когда кажется, что уже не выдержишь.

Движения — резкие, сильные, уносящие за грань реальности.

Сладкая, томительно сладкая судорога пронзила низ живота.

Одна, вторая, третья...

Всхлипнула, сжимаясь на нем, и задохнулась от взгляда в упор.

Огненная волна прокатилась по всему телу, отзываясь внутри пульсацией.

Моей и его.

Сжала пальцы на дрожащей, мокрой от пота спине, теряясь в бешеном наслаждении, разделенном на двоих. Захлебнулась криком, который Рэйнар принял в себя в глубоком, бесконечно яростном поцелуе. Поняла, что падаю — к счастью, в его руки. К счастью, мне упасть не позволили. По телу прошла сладкая дрожь, от болезненно-странного ощущения, когда он меня освободил. А когда подхватил на руки, закружилась голова.

Сладко и неправильно, но уже иначе.

По коже прокатывались волны огня, пламя из сцепленных ладоней перетекало в сердце... или в наши сердца, которые бились с оглушительным грохотом.

По крайней мере, в моей голове звучал не один ритм, а два.

В унисон, сводя с ума.

Во мне дрожало все — от кончиков пальцев ног до ушей, дрожало и таяло в жаркой истоме. Зато кусаться больше не хотелось.

Я подалась вперед и уткнулась лицом ему в плечо.

Мы прошли спальни и оказались рядом с балконом, на котором завтракали. Напротив него была еще одна дверь, как выяснилось, ведущая в огромную... нет, правда, без преувеличения огромную ванную комнату. Просторный зал, где можно было проводить занятия по аквааэробике в

мини-группах. В центре на возвышении — не ванна, не джакузи, а настоящий бассейн. Ну ладно, с бассейном я загнула, возможно, но к нему даже вела лесенка: белые ступени, обтекающие эту красоту. Вид из красоты открывался на город. Конечно, панорамное, во всю стену затемненное окно, всегда можно прикрыть экраном, но зачем? Ведь с той стороны все равно ничего не разглядеть.

— Вау, — тихо сказала я.

Всю жизнь мечтала о таком. Но если установка джакузи может обойтись в приличную сумму, в гораздо более приличную сумму обойдется возможность принимать ванну даже раз в месяц. Поэтому у нас дома только душевая кабина с фильтрами и ограничителем, который всегда предупреждает, если норма воды за месяц приближается к критической отметке.

— Почему ты мне это сразу не показал? Я бы здесь жить осталась.

Сказала и тут только поняла, что ляпнула. Ладно, шутки шутками, но...

— Жалею, что не показал сразу.

Внимательно посмотрела на него, но Рэйнар даже бровью не повел: попробуй разбери, что творится в его ир்தханьей голове! Поставил меня на пол, и босые пятки согрело теплое дерево. По которому не хочется скакать вприпрыжку, если забыла тапочки. Даже сейчас, после такого умопомрачительного единения, я чувствовала, как внутри искрит огонек. Под пальцами, легко касающимися сильных плеч, на губах, все еще горящих от поцелуев.

Дабы не искушать ни себя, ни Рэйнара, вывернулась из объятий и огляделась. Здесь не было ничего лишнего, только столик-подставка для полотенец, баночек, флаконов и дистанционных пультов. Справа на стене — огромная плазменная панель. За стеклянными автоматическими дверями устроились умывальники, на вешалках висели халаты, а чуть подальше застыли полочки, где можно оставить одежду.

Одежда!

Эрри!

— Надо собрать одежду, — сказала я.

— Это так срочно? — Рэйнар улыбнулся.

— Не хочу лишиться кофточки или джинсов и ходить по квартире голой.

— За такое я даже не стану ругать Эрри.

Фыркнула.

— Вряд ли тебя устроит, если я стану щеголять перед твоей охраной в

одной куртке.

— Не устроит. — Глаза его опасно сверкнули. — Но у тебя почти наверняка есть запасное умопомрачительное платье.

Запасного умопомрачительного платья у меня в этот раз не было. Я взяла сменную кофту, а еще красивый комплект белья, в который собиралась переодеться перед ужином. Вот только сейчас слабо себе представляла, получится ли у меня выйти на второй заход. Внутри все сладко сжималось, стоило вспомнить о нашей ураганной близости. Даже ходить было... ощутимо. В этом я убедилась, когда направилась к зеркалу.

Оперлась на умывальник, глядя на свое немного сумасшедшее отражение. Пряди торчали в разные стороны, глаза лучились счастьем, а губы полыхали, как Лаувайс в ночи. Коснулась кончиками пальцев нижней и вздрогнула — тело пронзила острая вспышка, будоражащая воспоминание, как жесткие губы сминали мои и как яростно я отвечала. Интересно, это значит, что моя драконица все-таки... подчинилась? И что это вообще значит?

Пока я терзалась вопросами из серии «жизнь диких животных», забурлила вода.

Приятно так забурлила, расслабляюще. Я обернулась и увидела, как ванна стремительно наполняется. Рэйнар уже успел завернуться в халат.

— Это включает музыку, — показал он мне пульт. — Это массаж. Можешь прикрыть окно, если захочешь, вот так регулируется температура воды и воздуха.

Автоматические двери выпустили его к умывальникам и закрылись — должно быть, там еще один выход. Подавив короткую вспышку разочарования (почему-то показалось, что он хочет остаться со мной), улыбнулась и направилась к минибассейну. После легкой, покалывающей кожу прохлады теплая вода приняла в свои объятия, как ласковая постель после месяца работы без выходных. Чуть не застонала, когда со всех сторон ударили струи воды, массируя разгоряченное тело. Как здорово было бы с ним... Тряхнула головой, отгоняя непрощенные мысли, откинулась на мягкую подушечку на бортике и прикрыла глаза. Потом, все потом.

Музыку включать не стала, зато воду сделала чуть теплее. Мелькнула мысль, что надо бы позвонить Танни, но я от нее отказалась. Сестра сегодня отмечает день рождения с друзьями и Миком, так что пусть отдыхает и расслабляется. Мы с ней договорились, что дома она будет не позже одиннадцати и не оставит страждущего Марра без еды и прогулки, вот ближе к вечеру и позвоню.

Журчание воды и сильные струи гидромассажа.

Окончательно потерялась в расслабляющих ощущениях и вздрогнула, когда двери снова разомкнулись. Разомлевшая, открыла глаза и увидела Рэйнара: все в том же халате, но с подносом.

— Что это? — задала я самый нелогичный вопрос, который только можно себе представить.

— Наш обед.

— Мы будем обедать здесь?

— Почему бы и нет.

Он водрузил поднос рядом с бортиком: тарелка с сэндвичами, тарелка с фруктами, салаты, бутылка вина и два бокала.

— Теперь я понимаю, что твоя юность действительно прошла в «Гритлэйн», — произнесла я, разглядывая горку сэндвичей.

— Ты что-то имеешь против?

— Нет, но...

— К тому же моя юность не прошла в «Гритлэйн». Я был там набегами.

— А теперь дорвался?

— В «Гритлэйн» продают бургеры. Сэндвичи — это Лаки Дэйс. Классные сэндвичи!

Я даже рот раскрыла.

— Чего я еще о вас не знаю, мейстер Халлоран?

Он усмехнулся.

— Что ты хочешь знать?

— Все!

— Все — это слишком много.

— А ты рассказывай постепенно.

Рэйнар снял халат и забросил его на подставку для одежды, а я увидела красные полосы, протянувшиеся через всю его спину. Следы от моих ногтей.

А-а-ай. Это правда я сделала?

— Больно? — спросила, когда он присоединился ко мне.

В ответ на недоуменный взгляд осторожно провела подушечками пальцев по припухшим царапинам. И не успела отпрянуть — черты его лица преобразились, становясь хищными, в глубине глаз снова полыхнула алая искра. Он перехватил мои запястья и хрипло произнес:

— Жжет.

Дотянулся до пульта, чтобы приглушить свет и отрезать нас от города.

— Но с тобой так всегда.

Меня снова бросило в жар. Понимая, что обед может не состояться,

потянулась за сэндвичем, чтобы занять рот, руки, а заодно и весь остальной организм важным занятием, читай — питанием. Тем временем Рэйнар нажал на что-то еще, и с тихим шуршанием двери в соседнюю комнату отрезали жалюзи. Ванная на миг погрузилась во мрак, а после на стенах один за другим стали вспыхивать огоньки, вскоре мы очутились среди россыпи звезд. Чувство было такое, что джакузи выбросили в воздушном пузыре в космос. И оставили лесенку, чтобы при желании мы могли сойти в этот искрящийся бесконечный поток.

— Ты обещал рассказать о себе, — напомнила я, пока Рэйнар разливал вино.

— Хм... дай подумать. На ум не приходит ничего такого, после чего ты не убежала бы с криками на другой конец Мэйстона.

Фыркнула.

— Думаешь, если я оказалась с тобой в одной ванне, меня может что-то напугать?

— Не думаю. — Он протянул мне бокал, и мы слегка соприкоснулись краями. — За тебя, Леона.

Вино оказалось терпким. Уж не знаю, сколько там лет выдержки, на этот раз на этикетку я не смотрела. Знала только, что пьянило оно сильнее из-за близости моего дракона. Салатик оказался вкусным, с солеными сыром, сладкими орешками и сиренево-зелеными листьями балахварта. Заправленный потрясающим кисло-сладким соусом.

— Каким ты был в детстве? — спросила, стараясь не потеряться в россыпях звезд и его глазах.

— Ужасно несдержанным.

Покачала головой.

— Не верю! Ты самый непрошибаемый тип из всех, кого я знаю.

— Сказываются долгие годы тренировки. Ребенком я постоянно во что-то влипал из-за своего характера. Как только уяснил, что в будущем на мои плечи ляжет безопасность и судьба целого города, то стал очень важным. Мне хотелось побыстрее вырасти, чтобы это будущее поскорее настало. Один раз поспорил с друзьями — мне тогда было шесть — что уйду в пустоши и вызову дракона.

Я чуть сэндвичем не подавилась. К счастью, не успела поставить бокал на поднос, поэтому быстренько запила откровения мастера Халлорана вином.

— Дело было вечером, а на следующее утро в Скай Стрим случился большой скандал. Уволили двух сотрудников службы безопасности, остальных бросили на поиски. Меня нашли на плотине, я уже почти ее

перешел и двигался к горам, чтобы выбрать пространство для призыва. Помню, как на меня орал отец. Кажется, это был единственный случай, когда он вообще повысил голос. Но тогда этими криками не то что кого-то призвать, распугать все пустоши под Мэйстоном было можно.

Сдавленно пискнула и закрыла ладонями рот.

Правда, долго сдерживаться не получилось — смех все равно прорвался между пальцев.

— Прости, — отсмеявшись, глубоко вздохнула и решила пару минут повременить с едой. — Я рада, что эта история закончилась хорошо. Тебе здорово влетело?

— Здравее не бывает. — Рэйнар улыбнулся. — Твоя очередь раскрывать страшные тайны.

— Мм... — Вот тут я всерьез задумалась. — Это действительно страшные тайны. Мы играли в драконов.

— В драконов? — Теперь ир்தхан выглядел озадаченным.

— Ага. Дети играют в драконов и ир்தханов, ты разве не знал?

Судя по выражению лица, я открыла для него неизведанную страницу своего прошлого. И то приятно.

— Чаще всего это случалось во дворе, потому что в квартире было очень тесно. Сначала мы строили город — стаскивали всякий ненужный хлам, а иногда и нужный, за что нам тоже влетало. Четверо из нас вставляли на корточки, их накрывали сшитыми простынями, на которых рисовали чешуйки...

На этом месте я поняла, что сейчас хохотать будет кто-то другой.

— Засмеешься — дальше рассказывать не буду.

Демонстративно сунула сэндвич в рот и принялась жевать. За это время ходившая ходуном грудь Рэйнара немного унялась, а сам он поднял руки, намекая на то, что подобное больше не повторится.

— Так вот. — Если честно, сейчас я сама с трудом сдерживала смех. — Пятый шел на двух ногах, вроде как голова и морда.

— Голову вы тоже рисовали? — серьезно уточнил он.

— А как же. В дракона мы обычно залезали по очереди, потому что никому не нравилось нападать на город. Ир்தхана выбирали считалкой.

— Почему?

— Потому что все хотели быть ир்தханом.

— Действительно.

— Оставшаяся массовка изображала горожан, когда «прилетал» дракон. Сначала он за нами гонялся. Голова изрыгала пламя — то есть разноцветные мячики, и те, на кого оно попало, считались погибшими. Так

же как и те, кого удалось зацепить лапой...

— Лапой?

— Да, в простынях были вырезаны дырки для лап. Тьфу, то есть рук.

Рэйнар не выдержал и бессовестно загрохотал. Как водопад в Скай Стрим. Спустя пару минут к нему присоединилась я. Небо, уже не помню, когда так в последний раз смеялась — наверное, в прошлой жизни, если они все-таки существуют согласно вендаистскому учению. Даже слезы на глазах выступили, поэтому как рассказчик я временно сошла с дистанции. Когда во мне кончились смешинки и все остальное перешло в бульканье, я взяла небольшой перерыв, чтобы отдышаться и доесть салат.

— Удивительное рядом, — пробормотал иртхан.

— Ты хочешь дослушать до конца?

— Меня интересует, кем во всем этом представлении нравилось быть тебе?

— Ну... я очень любила выводить детей из горящих небоскребов и помогать иртхану, пока он расправлялся с драконом.

— Значит, ты любила иртханов.

— Издалека.

— Очень.

— Очень издалека. Разумеется, были и те, кто называл нас придурками. Но они с нами не играли.

Отношение к иртханам в обществе весьма неоднозначное, и чем выше ты стоишь у власти, тем больше находится недовольных. Кто-то считает, что они защитники и основа спокойствия в нашем мире, кто-то винит иртханов в низком уровне жизни и прочих бедах. Такие люди всегда были, есть и будут. Чаще всего их отношение ограничивается тем, что они смотрят визор и ругаются на правящих, насаждают подобное детям и игнорируют выборы. Но есть и другие.

Те, кто называет иртханов захватчиками и порабощателями. Причем не только людей, но и драконов. Это движение называется «К истокам времен», состоящие в его рядах — настоящие фанатики. К кому же если кто-то ограничивается разбрасыванием агитационных карточек в подzemке, то кто-то доходит до заговоров и лазерных установок, способных заставить флайс правящего развалиться на части. Именно так погибла семья Аррингсхана.

Вспомнила и поежилась.

— А как ты развлекался в детстве?

— Не считая случая с пустошами?

Улыбнулась.

— В основном зависал в виртуальной реальности. Если не в обучающей, то в игровой.

Да, виртуальная реальность — развлечение не для бедных. Помнится, в детстве я мечтала, что когда-нибудь смогу купить себе такую приставку. По-хорошему, под полноценную виртуалку нужно было дорогущее оборудование и специальная комната, но некоторые обходились простенькими очками и наушниками. Такие были только у одной моей одноклассницы — ее родители были побогаче, и мы все ей страшно завидовали. Потом я увлеклась пением и музыкой, все остальное отошло на второй план.

— А что насчет обычной реальности?

— Обычной мне и так хватало. Не считая школы, всех этих собраний и публичных выступлений, на которые меня вытаскивали первым. Отец готовил меня к правлению, поэтому на всех неофициальных мероприятиях с восьми лет я появлялся вместе с ним. Я общался со взрослыми если не на равных, то вроде того. Учился думать как взрослый. Говорить как взрослый. Держаться как взрослый. Не просто как взрослый — как правящий.

— Разве сила твоего огня была известна сразу?

— Я был первенцем Листерна Халлорана, этого более чем достаточно.

В ответ на мой молчаливый вопрос пояснил:

— Первый наследник всегда рождается сильным за счет мощного слияния огней в момент зачатия. Разумеется, мою кровь проверяли с первого вдоха. А стихийная магия проснулась, когда мне было одиннадцать. Самый опасный возраст, но к тому времени у меня уже было гораздо больше мозгов и ответственности.

— И тебя никогда не тянуло на подвиги?

— Случай с побегом многому меня научил. В том числе тому, что переоценить собственные силы — значит подставить других людей. Отец уволил безопасников не потому, что они меня упустили — от них в ту ночь мало что зависело, а в назидание мне.

С ума сойти.

— Тогда я просто не представляю, как ты оказался в «Гритлэйн».

— Это было чуть позже. Пора бунтарства. К тому же мне было интересно, что есть в мире за пределами Скай Стрим, охраны и сопровождения.

— Тебя везде сопровождала охрана?

— Почти.

Ужас.

— В моем окружении это было нормально. Временами мне казалось, что это круто, временами невероятно раздражало.

Ну еще бы, подростка-то. Да девчонки наверняка на него гроздьями вешались, даже несмотря на то, что им ничего не светило. Если, конечно, он встречался с простыми девчонками — во всякие закрытые клубы даже очень богатому человеку так просто не попасть. Да и не факт, что у него была такая возможность.

— Еще у меня был виар. Барргарн.

От удивления чуть не выронила бокал, зато обнаружила, что он пуст. Рэйнар проследил мой взгляд и добавил вина, в полумраке оно заискрилось звездами. Дотянулась до маларрнелы — сочного сладкого фрукта с насыщенно-сиреневой мякотью и белой сердцевинкой. Она-то как раз была самой вкусной, с тонкой кислинкой, оттеняющей аромат, в ней же скрывалась крупная семечка. Но до особой вкуснятины еще нужно было догрызть, точнее, добратся сквозь дольки, которые брызгаются, когда ты пытаешься их отломить.

— Породистый?

— Разумеется. Аронгарский вислоухий. С родословной чуть ли не старше нашей.

Улыбнулась. Вислоухие виары по-своему очаровательны, а еще они более пушистые, чем обычные. А вот «родословную» старше Халлоранов представить сложно. Возможно, у Аррингсхана род более древний, и то не факт.

— Отец подарил мне виаренка на десятилетие. — Иртхан покрутил в руках бокал и поставил на бортик. — Мы с ним были неразлучны.

Но ведь виары живут около сорока лет, а это значит...

— У приставленного ко мне безопасника в заложницы взяли мать. Истоковцы. Он должен был меня убить, Барргарн меня спас. Бросился на охранника, прямо на лазер. Вцепился мертвой хваткой... насколько смог.

Рэйнар не изменился в лице, а у меня на глаза навернулись слезы. Не знаю почему, ударило так остро и глубоко, что дышать стало нечем. Подалась к нему, прильнула, обнимая руками и ногами, всем телом. Всем сердцем.

— Больше у меня виаров не было — до тех пор, пока Норгхар не притащил эту мерзавку Эрри. Когда-то я понятия не имел, что мне с ней делать. Теперь не представляю, как жил без любительницы свежих сапог.

Невольно улыбнулась.

— Вы с Норгхаром давно знакомы?

— Давно.

— Давай познакомим Эрри и Марра.

Идея пришла в голову случайно, но неожиданно мне понравилась.

— С удовольствием посмотрю, куда Эрри загонит твоего найденыша.

— Ой-ой! Эта капризная худосочная особа?

— Огонька в ней точно будет побольше.

— Ах так? — Я плеснула в него бурлящей водой, и Рэйнар одним рывком ушел под воду.

Зазевавшись, не заметила, как драконище вынырнул совсем рядом и утянул меня за собой. Подняв тучу брызг, рванулась навстречу воздуху и свободе. Окатила его уже целой волной, которая только чудом не выплеснулась за бортики. Глаза Рэйнара хищно сверкнули, и вот тут я поняла, что надо спастись бегством. Правда, оценить скользкую поверхность ванны забыла, в результате бултыхнулась вниз лицом. В считанных миллиметрах от внутренней лесенки: еще чуть-чуть, и приложилась бы прямо об нее. Забарахталась, в нос тут же набилась вода, и тут меня выдернули на поверхность. Не просто выдернули — перевернули рывком, от чего я шустро закашлялась, избавляясь от попавшей куда не надо воды.

— Леона! — Рэйнар чуть ли не рычал. — Все в порядке?

— Фыр, — сообщила я. — Кхе. Фыр.

Воды во мне оказалось больше, чем я рассчитывала, поэтому ни на что более вразумительное меня не хватало. Иртхан же с тревогой вглядывался в мое лицо: с такой тревогой, что сначала стало смешно, а потом затопила странная пронзительная нежность к этому мужчине. Такая острая и яркая, что даже брыкаться расхотелось. Даже страшно стало. Отчаянно страшно, потому что он впервые смотрел... так.

— Еще чуть-чуть — и мне грозила очередная пластическая операция, — сообщила бодро.

— Как тебе вообще в голову пришло бегать по ванне?

— Ну, знаете ли, — сообщила я. — Это вы начали первым, местр Халлоран!

— Я нырнул!

— А потом вы грозно сверкнули глазами. Испугали маленькую меня.

Я сделала большие глаза и выразительно похлопала ресницами.

— Чудесно, — мрачно сообщил Драконище. — Тогда мы в расчете.

И посмотрел так, что убежать точно расхотелось.

Если в воде можно загореться, то я только что это сделала. Если нет, то... кажется, все законы физики были бессовестно нарушены здесь и сейчас. Я вспыхнула, как сухое дерево, от корней до листвы. Сразу. Вся.

— Неужели? — поддразнила.

Хрипло так, словно успела простудиться. Вот только моя простуда была затяжная. С температурой, с которой не живут.

Обычные люди так точно.

Вместо ответа иртхан прищурился. Опасно.

— Тебе повезло, что здесь нет ремня.

— Я не поддаюсь, — облизнула губы. — Дрессировке.

Прямо перед нами важно проплывала маларрнела. Очищенная, которую я, разумеется, выронила во время падения. Зазевавшись, не заметила, как перед носом мелькнула рука иртхана, и фрукт переключался к нему в ладони. Прежде чем успела возмутиться, Рэйнар подхватил меня под бедра и усадил к себе на колени. Прохладный воздух коснулся груди, заставил соски стянуться в крупные горошины, которые иртхан тут же обласкал взглядом. Так обласкал, что никаких прикосновений не надо — кожа покрылась мурашками, внизу живота потянуло. Сладко так.

Дракон.

Драконище.

Мой!

Какое вино?

Самое пьянящее в мире чувство — чувство близости с ним.

Даже просто смотреть в глаза вот так, сверху вниз...

— Если я выпью еще чуть-чуть вас, мейстер Халлоран, ученица из меня не получится.

— На сегодня занятия отменяются.

— Почему это?

— Потому что после выброса стихийной магии силы лучше восстанавливать самостоятельно. Возьми.

Не сразу поняла, о чем он, а Рэйнар медленно отломил дольку и поднес к моим губам. Щеки обожгло, обожгло меня всю, волной странного, дикого возмущения. И все-таки я прикрыла глаза, повинаясь будоражащему желанию подчиниться.

Подчиняться — снова и снова.

Кто это, я? Или моя драконица?

Потянулась за долькой, вздрогнула, когда пальцы иртхана коснулись губ, размыкая их.

Медленно втянула в рот сладкий кусочек.

Коснувшись подушечек языком, еле удержалась, чтобы не прикусить кожу.

Чувственная игра перешла в поцелуй — нежной сочной сладостью с

легкой горчинкой и скольжением губ по губам. Рэйнар бережно раскрыл мою ладонь и коснулся дыханием пальцев, с которых сегодня впервые сорвался огонь. От безобидной, но до откровения интимной ласки сжалось сердце.

— Рэйнар, — прошептала тихо, насколько хватило дыхания.

Такое возможно? Глаза в глаза, проникая друг в друга, прорастая, сплетаясь огнями и чувствами. Пока вокруг бурлит вода и космос рассыпается звездами.

Наваждение.

— Позволь мне...

Не знаю, что откровеннее — ласка или взгляд.

Тот, когда он смотрел на меня, собирая губами капельки с груди и плеч.

Тот, когда одним движением снова привлек к себе на колени.

Тот, когда я чуть приподнялась, направляя его в себя.

Или тот, когда медленно опустилась вниз. Может быть, тот, когда от короткой вспышки боли закусила губу?

Или тот, когда его голос отразился во мне:

— Пламя мое, — хрипло, на выдохе.

Глубокий, растянувшийся во времени поцелуй.

На этот раз все было медленно. До стона, до крика, до бессильного изнеможения. Упоительно-медленно, нежно, словно мы покорили огонь, но разбудили что-то другое. Не менее важное, не менее сильное, соединяющее ничуть не слабее пламени. Пронзительно-остро, когда хочется не то кричать, не то шептать имя — все громче, громче и громче. И я шептала до тех пор, пока звезды перед глазами не вспыхнули ярче, не разлетелись беспорядочно, а после снова не собрались в искорки на стенах.

Из ванной выползала на дрожащих ногах, но далеко уползти не успела. Видимо, Рэйнар решил, что подгибающиеся ноги не лучшая опора для женщины, которая умудрилась поскользнуться на ровном месте. Честное слово, я была не против, особенно когда меня завернули в халат. На ходу успела только прагматично сцапать полотенце для волос, которое прижала к груди.

Глаза слипались, я чувствовала себя бессовестно счастливой.

Нет... преступно счастливой.

— Пять минут, — сказала сонно, когда Рэйнар устроил меня на постели.

— Хоть десять, — ответил дракон.

Я улыбнулась ему, честно моргая, — пять минут и не больше! Не менее честно уткнулась носом в подушку.

И сразу же отключилась.

ГЛАВА 12

Мы с Рэйнаром сидели за барным столиком, потому что других мест не оказалось. На нас пялились все: кто-то снимал на телефон, кто-то просто откровенно глазел. Девушка, которая собирала подносы за не особо аккуратными мэйстонцами, так засмотрелась на правящего, что споткнулась и чуть не выронила добычу из рук.

— Не боишься, что это скажется на твоей репутации? — спросила я.

— Ужин в «Гритлэйн»?

— Ужин в «Гритлэйн» со мной.

— Все в порядке, — сообщил он. — Мои знакомые не ходят в «Гритлэйн».

— А если кто-то выложит видео в сеть?

— Моя пресс-служба заявит, что это монтаж, и все записи немедленно закроют.

Тут к нам подскочил официант, который нес на подносе два восхитительно больших, одуряюще пахнущих бургера. Настолько одуряюще, что рот сразу наполнился слюной. Рядом стояли пластиковые стаканы с шипучкой «смерть желудку». Особенно в сочетании с острым соусом, от аромата которого мне захотелось наброситься на медлящего парня. Почему-то он был во фраке и одну руку отводил за спину. Вот только фрак оказался синего цвета, рубашка желтого, а голову его украшала фирменная кепка с логотипом «Гритлэйн».

— Местр Халлоран, ваш заказ, — почтительно произнес официант.

— Благодарю, — великодушно отозвался Рэйнар.

Хотела спросить, давно ли в «Гритлэйн» появились официанты, но иртвах властно привлек меня к себе и поцеловал в губы.

Поцелуй оказался с привкусом маларрнелы.

Сладкий, с легкой горчинкой.

— Тебе здесь нравится? — неожиданно спросил иртвах.

— Ну... ничего особенного.

— Тогда у меня есть идея получше. Нам с собой, пожалуйста.

Не успела сказать, что сначала я бы с удовольствием поела, как в руках официанта из воздуха возник пакет. Парень живенько сложил туда нашу еду, отчего мой желудок протестующе заурчал, а Рэйнар подал мне руку. Когда мы поднялись, вскочили все сидящие, не просто вскочили — вытянулись по стойке смирно. Заиграл гимн Аронгары, и мы торжественно

двинулись к выходу, провожаемые восхищенными взглядами. Двери распахнулись, вместо флайса прямо перед ними разлегся дракон.

Огромный, с янтарными глазами, он пускал из носа колечки дыма.

— Прошу на борт, эсса Ладэ, — торжественно сообщил Рэйнар.

Мы поднялись по крылу, уселись, дракон взмыл в воздух и устремился к Лаувайс. Ветер трепал волосы, грудь Рэйнара напоминала крепкую спинку, а ноги сжимали меня так, что упасть не грозило. Страшно не было, а вот есть хотелось не по-детски. Одной рукой я вцепилась в скользкую чешую, другой попыталась вытащить бургер, но в эту минуту дракон резко развернулся. Пакетик ухнул вниз вместе со всем содержимым.

— Не-э-эт! — закричала я, понимая, что долгожданный ужин ускользает.

И открыла глаза.

Виары и ларрки! Приснится же такое.

Солнце заливало комнату, но как-то неправильно. То есть совсем не как закатное, а как самое что ни на есть утреннее. Холодное, скупое выдающее прячущийся за высотками свет по карточкам. Есть хотелось зверски, хоть простыню жуй. Из-под одеяла торчала только моя голова с закрутившимися в колечки волосами, которые так и высохли. Полотенце валялось рядом. Пару минут я соображала, как так получилось: точно помню, что засыпала поверх покрывала, но сейчас оно было аккуратно сложено на кресле. Там же лежали мои вещи в целости и сохранности, даже «потерянная» курточка. Сумки стояли рядышком: большая — с женским запасом на все случаи жизни и маленькая.

Потерла глаза, выпуталась из одеяла и прошлепала к ним.

Вытащила мобильный и охнула. Восемь утра!

Я не просто отключилась, я, как бы поточнее сказать... вырубилась.

Проспала больше двенадцати часов, вечер с Рэйнаром и... наверное, возможность заснуть рядом с ним. Это почему-то царапнуло. Остро. Особенно когда в голову пришло, что если бы он хотел заснуть вместе со мной, отнес бы не в гостевую спальню, а сразу к себе. Не позволив мысли оформиться во что-то серьезное, поспешно набрала Танни. Прислушиваясь к гудкам, подошла к зеркалу и обнаружила там завернутое в халат счастливое нечто с легкой безуминкой в сонных глазах.

— Леа... — простонали на той стороне. — Выходной!

— Ой!

— Вот тебе и ой, — удивительно, но голос Танни не отдавал раздражением.

Обычно разбудить ее в такое время в выходные было чревато

последствиями, но сейчас даже через мобильный показалось, что она лучится и сияет.

— Прости, — пробормотала я. — Еще не совсем проснулась.

— Зато я уже совсем, — пробурчала сестра. Не то чтобы недовольно, скорее весело.

— Как вчера отдохнула?

— Очешуенно! Мик за мной заехал, ему понравилась Имери и остальные. Сначала мы посидели все вместе, а потом... — Она неожиданно смутилась. — В общем, все прошло замечательно. Марр сытый, ничего из обстановки не съел, на улице побывал по расписанию.

Я улыбнулась.

— Рада, что хорошо отметили. Потом покажешь, что тебе подарили?

— Конечно! Мик... А, нет, лучше покажу!

— Хорошо.

— Леа, ты сегодня во сколько вернешься?

Насторожилась.

— Точно пока не знаю. А что?

— Да ничего, просто спросила.

Так уж и ничего?

Я не то что против, чтобы выходные были выходными, но у общения с Миком есть и обратная сторона. Сейчас сестренка увлечется влюбленностью, а потом начнутся не сделанные уроки и прочие прелести. Хотя пока он влияет на нее положительно, за это я даже готова терпеть его снобизм. Удивительно, что ему понравилась Имери: он даже когда у нас был, смотрел сверху вниз, с налетом покровительства. Отмечали они, конечно, в каком-то кафе, но Имери и друзья Танни простые, большей частью из небогатых семей. В общем, судя по всему, ребята действительно ему понравились. Потому что компания сестры никому бы не спустила снисходительность и выпендрож. Даже ее парню. Даже за пять минут короткого знакомства.

— В общем, я досыпать. Хорошего дня! — Танни быстренько перевела тему.

— И тебе.

Распрощавшись с сестрой, быстро привела себя в порядок. Среди вещей нашлась даже заколка, но сегодня я не стала собирать волосы в хвост. Упорно старалась не думать про гостевую спальню и про то, что случилось вчера. А что, кстати, случилось вчера? Чувство, когда внутри все заходится от нежности, казалось еще более нереальным, чем сон про «Гритлэйн» и полет на драконе.

Так, Леона.

Давай сначала выйдем из комнаты, поздороваемся, а потом уже решим, что реально и что нет. Может, это было просто временное помешательство. Или драконица потянулась к дракону, ну мало ли. Кстати, про драконицу тоже не помешало бы расспросить, у меня теперь раздвоение личности будет или огонь нас с ней все-таки сплавит воедино?

В спальне Рэйнара не оказалось — я осторожно приоткрыла дверь в надежде полюбоваться на спящего иртхана во всей красе, но мне не обломилось. Постель была разобрана, а вот владельца не наблюдалось. В гостиной его тоже не нашла, равно как и на кухне — зато там обнаружилась Эрри. Миска с едой была пуста, виари подняла голову и уставилась на меня. Голубые льдинки поблескивали холодом, но сегодня меня хотя бы не игнорировали.

— Ну привет, — сказала я. — Спасибо, что не съела кофточку.

Эрри моргнула — медленно, выразительно, как умеют только драконы, виары и Рэйнар. Насчет последнего не уверена, хотя во времена начала нашего знакомства его прищур казался мне очень похожим на разомкнутые устрицы драконьих век.

— И джинсы тоже.

Протянула ей руку, но виари поднялась и направилась к выходу, вильнув худосочной пятой точкой. Ладно, не очень-то и хотелось. Надо бы хоть воды попить, пока я сама что-нибудь несъедобное не сжевала. Совершать набег на чужой холодильник как-то неприлично, и...

— Доброе утро.

Обернулась.

Как же я люблю, когда он такой. С потемневшими от воды волосами, в рубашке и брюках — без панциря делового костюма и брони ледяного взгляда.

— Доброе.

— Как спалось? — Рэйнар подошел ко мне и легко поцеловал в губы.

Сладкую горчинку маларрнелы перебила пряная свежесть: его поцелуи всегда разные на вкус. Разные по настроению. Но главное, что это его поцелуи.

— Хорошо. Мне снилось, что мы летали на драконе.

Он приподнял брови.

— А еще что ужинали в «Гритлэйн». Поэтому, если ты меня не покормишь, я сделаю это сама.

Иртхан рассмеялся.

— Прости. Последнее, о чем я думаю, когда смотрю на тебя, — это

завтрак.

— А первое?

— Какие сегодня на вкус твои губы.

От созвучия мыслей на миг перехватило дыхание.

Тогда почему мы спали в разных комнатах? К счастью, я не спросила это вслух.

— Почему ты меня не разбудил? — поинтересовалась, когда мы устроились на балконе.

Говорить с набитым ртом невежливо, но мне и правда дико хотелось есть. А еще хотелось с ним говорить, купаться в лучах раннего холодного солнца — на контрастах с теплыми бордюрами у окон и подушками. Наслаждаться шикарным видом на город и на своего мужчину.

— После стихийной магии нужен долгий отдых. Повезло, что ты проснулась утром.

Действительно повезло.

— А если бы я спала до вечера?

Два выходных! Два коротких выходных с ним, а я половину умудрилась проспать.

— Боюсь, я бы не удержался от искушения и разбудил.

Мягкий кофе — лучший способ взбодриться утром. Был. Сейчас лучший способ взбодриться — это случайно цапнуть одну булочку с ним и соприкоснуться пальцами. Дернуло, обожгло, подбросило, вышибло все слова и вопросы. Как от прикосновения к раскаленному металлу, только куда горячее. Но прежде чем я успела поинтересоваться про драконицу, он продолжил:

— Должен же я был наконец-то показать тебе «что-то еще».

Ой.

Я чуть не подавилась слойкой с горячим Литтоновым джемом, а Рэйнар уже развернул планшет. Моему взору предстал «Шеррамел Стар». Сеть отелей премиум-класса неоднократно удостоивалась всяческих наград. Основательница Шеррамел Трингард была иртеханессой. Ее отели снискали мировую славу за счет роскоши, стандартов первоклассного обслуживания и элитной кухни.

Сейчас я смотрела на один из них. Расположенный на первой линии зингспридского побережья, из его окон открывался вид на океан. Ослепительно-белый песок, бирюзовая вода с густым кружевом волн, ближе к горизонту меняющая цвет. Так непохожая на суровый свинец Гельеры.

— Я подумал, что проходить телепорт только ради «Артомеллы»

скучно. К тому же мне не помешает парочка настоящих выходных. Да и тебе тоже.

Моргнула.

— Ты меня приглашаешь... туда?

— А ты против?

Нет. Нет, я не против, я «за» всеми конечностями, и мне плевать, что Эвель меня уволит! Точнее, потом будет не плевать, но сейчас я вдруг осознала, насколько я туда хочу. С ним.

— Ты сделал все, чтобы отказаться от выхода в оперу не получилось.

— Разумеется. — Рэйнар убрал планшет и откинулся на спинку стула.

Я же пыталась перевести дух.

В Зингсприд. С ним. Не только в оперу.

На целые выходные.

Пляж. Шезлонги. Океан. И мы вдвоем.

Настоящее солнце взамен ультрасовременных соляриев! Правда, солярии я не любила в отличие от той же Зетты, но... Пляж. Шезлонги. Океан! Настоящий отдых! Возможность посмотреть город, в котором родилась и выросла Шайна! Пробежаться по ее любимым местам — я их все знаю наперечет. Повалиться на пляже, когда тебе подают коктейли. Походить по песку, чувствуя его обжигающее тепло пятками. Совсем как в кино! Как ходила Люси в «Мир без тебя». У-и-и-и!!!

— Мм...

— Вижу, ты уже продумываешь программу. Это хорошо. — Иртхан допил кофе и вернул чашку на блюдце.

— Не совсем. Рэйнар, если мы будем вместе...

— Мы будем вместе безо всяких если.

Э-э-э... это вот он сейчас о чем?

— Ты уже давно для всех моя.

А... ага. Непривычно цеплющее разочарование заставило яростно укусить остатки булки вместе с пальцем. Вопль удержала лишь потому, что иначе булка вернулась бы обратно. Окончательно укрепив мой образ девочки из низов, которая разговаривает с набитым ртом и плюется хлебом на меткость. Поэтому я продолжала на себя злиться молча, только украдкой потерла покусанный палец о джинсы.

— Что не так, Леона?

Он еще спрашивает! Тоже мне, Леоновладелец.

— Для всех иртханов — не значит для всей Аронгары. Рэйнар, у меня есть сестра.

— Хочешь, чтобы я приставил к Танни охрану?

Не знаю, как насчет приставить. Зато я сразу представила, куда меня Танни пошлет с таким предложением. Особенно сейчас, когда у нее есть Мик. И если уж быть до конца честной, Танни тут вообще ни при чем.

Так, все, закрыли тему.

— Не думаю, что это потребуется.

— Тогда заканчиваем завтрак и переходим к занятиям. Будем учиться контролировать стихийную магию.

Чуть кофе не поперхнулась. Ощущение, что я схватилась за раскаленную сковородку, перекрыл сноп рассыпающихся искр, ударившее в силовое поле пламя и с ревом взрывающийся ввысь дракон.

— Подожди, ты же говорил, что сначала надо справиться с ментальной...

— В случае с тобой, Леона, строить планы — все равно, что петь колыбельную дракону.

Попыталась представить, как засыпают драконы под колыбельную и как они вообще засыпают. Интересно, правда. В школе нам рассказывали, что пары спят вместе, а еще что они оберегают гнездо (когда появляются драконята) по очереди. Но представить себе спящего дракона все равно получалось смутно, они везде изображены парящими в небесах. Низвергающими пламя над изломами гор, пустошами или над городами. В общем, мощное запугивание с ранних лет.

— У тебя проснулся огонь. Чтобы двигаться дальше, нужно научиться предупреждать его всплеск. Этим мы сейчас и займемся.

— Угу, — согласилась я.

И решила, что буду пить кофе медленно, маленькими глоточками. Благо там, в чашке еще много осталось, на доньшке. Само воспоминание о том, как ладони начинают гореть, как с них срывается огонь, пробуждало легкую тряску в коленях. Потому что было неразрывно связано с чувством, что я чуть не подожгла себя, и обиженным драконом. Кажется, Рэйнар называл его Ррайз. Стоило задуматься о нем, в мыслях снова вспыхнули огромные янтарные глаза. Дыхание, раскаляющее воздух так, что он начинает обжигать. И дикий, пьянящий восторг от близости зверя. Который все равно перекрывала тряска в коленях.

— Как Ррайз оказался в Академии?

— Ррайза нашли совсем маленьким у браконьеров из Балт-Лар-Сити, — ответил Рэйнар. — Его пара, Миррьяр, родилась в Райгенсфорде.

Драконца появилась на свет в Академии?

— Как?

— Ее мать лишилась пары, но Миррьяр тогда вот-вот должна была

родиться. Поэтому она отказалась уйти вслед за своим драконом, и ее привели в Академию. Драконица вырастила обоих, а после вернулась в пустоши. Миррьяр осталась с Ррайзом, с тех пор они неразлучны.

— А пара... ее отец... это тоже были браконьеры?

Рэйнар покачал головой.

— Огненная лихорадка.

— Огненная?

— Да. Единственная болезнь, которая поражает драконов. Когда огонь перестает подчиняться и отказывается выходить вовне, зато бушует внутри. Остановить его невозможно. Причины лихорадки до сих пор не установлены, но зверь сгорает за несколько дней. В прямом смысле. То же самое происходит с иртханами.

Широко распахнула глаза.

— Неужели современная медицина...

— Нет. Ни современная, ни древняя. Ни знания первых иртханов. Ничего.

Вздохнула и потянула кофе. Точнее, капельку, которая никак не желала вытекать, потому что оставалась последней. К сожалению, еда закончилась, поэтому надежда оставалась только на нее. Пришлось наклонить чашку посильнее. И голову. Обхватить ободок губами...

— Леона, — негромко произнес Рэйнар. — Пора заниматься. Не тем, чем ты занимаешься.

— Ну... я еще не допила. Вот, — продемонстрировала ему капельку.

В ответ иртхан поднялся и выдернул меня из-за стола, совершенно не стесняясь жалобного звяканья блюдца. Тряска в коленях стала сильнее.

— От того, что ты пытаешься тянуть время, ничего не изменится.

— Это кто еще кого тянет! — уперлась носками в пол. — Мобильный...

— Никуда не убежит.

— А если мне позвонят? Срочно. Я уже говорила, что у меня завтра прослушивание! Кстати, может, отложить тренировки на следующую неделю, чтобы...

Рэйнар подхватил мобильный и вложил мне в руку.

— Все. Идем.

Поскольку я продолжала упираться, он остановился и сдвинул брови.

— Ты хочешь попасть на прослушивание?

Драконище!

Пришлось идти за ним. Не то чтобы я боялась, что мне позволят поджечь квартиру, подпалить хвост Эрри или устроить пепельное

напыление из коллекции натуральных книг. Осознание того, что вскоре на моих руках снова заплывет огонь, заставляло покрываться бисеринками холодного пота от пяток до макушки. Наверное, если бы я с детства учила всякую умную теорию и готовилась к тому, что у меня с пальцев будет течь пламя, все было бы по-другому. Но я не готовилась. Я вообще ни к чему такому не была готова, вот только кто бы меня еще спрашивал.

Мы оказались в знакомом кабинете, где на столе стоял раскрытый ноутбук — видимо, Рэйнар уже работал с утра.

— Учти, если я что-нибудь подпалю...

— Ничего не подпалишь, — заверили меня. — Я буду рядом.

— Главное, чтобы как с Ррайзом не получилось, — пробормотала себе под нос. Хотя вряд ли Рэйнар испугается и подскочит до потолка. — С чего начнем?

— Сначала попробуем вместе.

Иртехан указал мне в сторону окна. Там и правда было просторнее, а если что поджигать, так только огнеупорное стекло. Ну можно еще жалюзи и стены, но до них еще достать надо. Додумать не успела, потому что Рэйнар мягко привлек меня к себе. Мы отражались на фоне Мэйстона: над городом и Гельерой, в вереницах мельтешащих флайсов. Моя голова едва доставала ему до плеча.

— Запоминай ощущения и старайся понять, как происходит смена состояния.

— Погоди-погоди-погоди... Минуточку, я только соберусь...

— Леона, — строго, — я держу тебя за руки. Или ты думаешь, что я позволю поджечь собственный кабинет?

Ладно, убедил.

— Поехали!

Ай!

Вот все-таки нельзя к этому привыкнуть. Сначала вспыхнул его огонь — внутри, и тут же отозвался мой. Ладони запульсировали, становясь горяченными, от пальцев до плеч прокатилось приятное тепло. Замерцали искры, и спустя мгновение взметнулись огненные язычки. От его пальцев к моим, от моих к его. Я смотрела, как сливаются воедино две родственные стихии — отражения нашей сущности. Смотрела и не могла наглядеться.

— Почему я искрю, а у тебя все спокойно?

— Нестабильная магия. Так всегда бывает в первые месяцы.

Месяцы?!

— Сейчас твой огонь следует за моим как ведомый. Тебе нужно научиться вести его самой. И контролировать — это самое сложное.

— Контролировать пламя? Разве это возможно?!

— Возможно, иначе города пришлось бы оберегать от иртханов.

Сдавленно фыркнула, хотя от его шуточки снова стало не по себе. То есть умом я понимаю, что, пока Рэйнара рядом, ничего страшного не случится. А когда его рядом нет? Что, если я все-таки что-нибудь подпалю? Или кого-нибудь? Не могла эта стихия проснуться чуточку позже, хотя бы после прослушивания? Мало мне было ментальной магии и приказов, с ними еще не разобрались.

— А случаи самовозгорания — явление частое?

— Нет. Обычно те, кто наделен такой силой, умеют ей управлять.

Меня определенно настораживает слово «обычно».

И вообще, мог бы сказать, что такого не бывает.

Ведь не бывает же?

— Леона...

— А? — зачем-то обернулась, хотя спокойно могла посмотреть ему в глаза через стекло, в ясное холодное небо.

— Посмотри на себя.

Медленно подчинилась. Подняла взгляд и увидела иртханессу. Радужка плескалась огненно-рыжими переливами, разгораясь и переходя в раскаленное золото. Зрачок медленно вытягивался в вертикаль. Сказать, что это завораживало — значит, ничего не сказать.

— Ох...

— Ты прекрасна. — Голос Рэйнара, согретый его дыханием, будоражащей лаской прокатился по шее.

Пальцы иртхана скользнули по моей скуле, потянулась за ними и замерла.

Не мигая, смотрела на бьющийся во мне огонь. Пляшущий в ладонях, отражающийся в глазах цветом. Мой огонь, огонь моего рода. Но... Если моя магия настолько сильна, как он говорит, значит ли, что...

— Это поможет найти моего отца?

— Скорее сузит круг поиска. Подозреваю, что в твоём роду были правящие.

Правящие?! Нет, я, конечно, собиралась покопаться в истории иртханов-аристократов, но не настолько глубоко. Правда, тогда я думала о Рагране, но может статься, мой отец вообще из Аронгары. Или еще откуда-нибудь. Зингсприд — столица, которую ежегодно посещают миллионы туристов. В том числе и высокородных.

— Несколько поколений назад либо их прямые потомки. Определить, к какой именно ветке ты относишься, пока невозможно. Разве что сличать

кровь каждого с похожим огнем. Твоя мать по-прежнему главный ключ к твоему происхождению. Узнаем ее имя — узнаем все.

— Погоди, но разве я должна управлять огненной стихией? Ведь желтый...

— У твоего пламени не изначальный цвет.

— То есть?

— В прошлом браки заключались по цветам пламени, но потом в результате массового переселения после цунами, полностью поглотившего материк Хтарра, огни начали смешиваться.

О чем-то таком я тоже читала. То есть читала о том, что сейчас у иртеханов главное — чистота крови, именно на нее смотрят при заключении династических браков.

— Хочешь сказать, что я и здесь серединка на половинку?

Да, это многое объясняет. Потому что желтое пламя — это воздух и пески, о которых я помнила из файлов Вэйлара. Есть в этом что-то ненормальное. Что-то, что все время хочет разделить меня на две части. То есть я наполовину иртеханесса, а теперь еще и наполовину алая, наполовину желтая.

— Не совсем так. Если два равных по силе огня постоянно смешивать, постепенно они сольются в один. Алые и желтые так часто образовывали пары, что возник новый огонь. Его называют рыжим, или цветом истинного пламени.

С рыжим у меня отношения как-то не складываются, так что цвет истинного пламени мне нравится куда больше. Перевела взгляд на пляшущие над нашими ладонями язычки. И правда в пламени Рэйнара было больше алых оттенков, в моем — рыж... в общем, цвета истинного пламени.

— Из-за двойственной природы стихий, которые ему отзываются — огня и воздуха.

Двойственной?! Мне бы с одной для начала разобраться.

Зато теперь я точно знаю, как выглядит вспышка на солнце. В памяти мелькнуло смутное воспоминание. Вспышка на солнце, вспышка на солнце... ох да, точно! Кажется, именно это пришло мне в голову, когда я подумала про волосы Вэйлара. Волосы волосами, а огонь? Неужели такой же, как у меня? Тогда понятно, почему он меня почувствовал на юбилее! Или нет?

— У Вэйлара такое же пламя?

Вопрос сорвался с губ раньше, чем я успела его остановить. Согревающее тепло подпалило кончики пальцев. Языки пламени

взметнулись выше, напоследок предупреждая ласково лизнули запястья и растаяли. Глаза Рэйнара сверкнули алым.

— Да. Сильнейший истинный Аронгары. После отставки Аррингсхана займет место правящего в Зингсприде. В столице много сильных семей, но вряд ли кто-то осмелится бросить ему вызов. Если бы не возраст, Рингисхарр вполне мог бы претендовать на Председателя Совета.

— Вызов? Зачем?

— Магический поединок был и остается единственным способом проверки сильнейшего. В случае если на место правящего два претендента набрали одинаковое количество голосов и они равны по силе, Совет может назначить такое решение вопроса. А теперь, если мы закончили с посторонними вопросами, — голос его похолодел еще на несколько градусов, — перейдем к практике.

С посторонними, так с посторонними. Наш разговор, вообще-то, начался с моей семьи, ну да ладно.

— Сосредоточься. И приступай.

Развернула ладони вверх и посмотрела на них: ладони как ладони. Только подрагивают слегка. Мысленно вернулась к ощущениям, с которых все начиналось: тепло. Кажется. В холодном поту сложно управляться с огнем, но придется постараться. В конце концов, если я не справлюсь с этим страхом сейчас, не справлюсь уже никогда! Давай, Леона, соберись. Подумаешь, всего-то один раз большого дракона напугала. Чуть не подпалила себе джинсы и костюм Рэйнару. Это было давно, почти вечность назад, то есть вчера. Я сказала, соберись, трясущееся получешуйчатое!

Завтра на прослушивании ты будешь одна. И на сцене тоже.

— Любой огонь начинается с эмоции.

— Разве я не должна держать эмоции под контролем?

— Если хочешь заставить пламя отступить.

Хм. О чем бы таком подумать?.. А, вот. О том, что посторонними вопросами великих учителей отвлекать нельзя. Стоило задуматься, как в центре ладоней слабо запульсировало. Отлично, я на верном пути! Потянулась за этим чувством, прикрыв глаза, и руки начали разогреваться. Тепло покатилося по пальцам, перепрыгивая с одного на другой, потекло в запястья, перекинулось на плечи. Я развела ладони в стороны, представляя, как загорается мой первый самостоятельный огонек. Все у меня получится, и...

— Театральностью увлекаться необязательно.

— Ай!

С рук сорвались две огненные змейки, спиральками взмыли в воздух и

растаяли с легким пшиком.

— Обязательно было язвить?

— Обязательно сосредоточиться на том, что ты делаешь. — Иртхан обошел меня и прислонился к стене. — Никак не на язвительных замечаниях. Когда работаешь со стихийной магией, даже если вокруг тебя рушатся горы, отвлекаться нельзя. Огненная суть — суть дракона, вспоминай Ррайза. Все сначала.

У-у-у, драконище!

«Все сначала» повторялось бесконечно. Я взмокла, как набл пред раскрывшим пасть драконом, — не столько потому, что меня каждый раз потряхивало, сколько потому, что все мои провалы и косяки замечал он. Не просто замечал, сообщал о них с такой непробиваемой физиономией, так жестко, как будто я вообще не старалась.

Как будто я только и делала, что каждый день начинала с легкой разминки в виде искорок и заканчивала вихрями огня, оборачивающимися вокруг Лаувайс кольцами. Обида вспыхнула с новой силой, и очередная попытка создать крохотный костерок обернулась в рванувшийся ввысь пламенный сноп. Тот не долетел до потолка только благодаря Рэйнару, я же похолодела и выросла в пол.

Впрочем, этого никто не заметил.

— Ужасно, — отчеканил иртхан. — Никакого чувства огня.

Разумеется, никакого! Я готовилась сдерживать эмоции, а не фонтанировать ими. И уж тем более не командовать пламенем.

— В чем оно заключается? Руки у меня каждый раз горят одинаково.

— Импульс, который ты подаешь, когда отпускаешь его вовне, — именно в нем. Сила, которую вкладываешь во всплеск.

Моя и без того невысокая иртханесская самооценка стремительно ползла вниз, как шкала термометра в фервернских снегах. Тем не менее я продолжала пробовать: пару раз у меня получились огненные шарики, которые лопнули и рассыпали искры, едва успев родиться. Еще были фонтанчики и один недоязычок, из которого вполне могло бы получиться что-то сносное. Если бы я на радостях не наклонилась его рассмотреть, а он не попытался лизнуть выбившуюся из хвоста прядку, после чего Рэйнар его затушил и объявил перерыв.

— Когда в следующий раз надумаешь заняться самосожжением, — резко заметил он, — наклоняйся быстрее.

После такого самооценка заползла в уголок и свернулась клубочком. С другой стороны, я была искренне рада небольшой передышке. Сейчас у меня уже тряслось все: не от страха, от напряжения. Кофточка напоминала

свежевыстиранную, из машинки, в которой сломался отжим. По крайней мере, мне так казалось, пока мы шли на кухню.

Там нас ждал накрытый стол и нормальный обед — оказывается, пока мы занимались, в квартире появилась домработница, все приготовила и так же бесшумно испарилась. А ведь я даже не почувствовала запаха жаркого с приправами и овощами и ароматной кислинки чудесного литтонового десерта, которыми сейчас наслаждалась.

Точнее, пыталась наслаждаться: параллельно впитывая вводный курс лекций по управлению стихийной магией. В частности, о том, что остужается огонь так же, как голос, — постепенно и медленно, ни в коем случае не резко. Основой здесь было именно умение почувствовать, когда он зарождается. Еще до того, как тепло перекидывается на руки. Со временем я должна буду научиться его ловить на эмоциональном уровне. К счастью, выяснилось, что со временем огонь «успокоится» и появляться будет только по моему приглашению, а не во время сильных потрясений. Чтобы справиться с ним сейчас, мне предстояло применять навыки ментальной магии. То есть эмоциональное гашение.

— Если почувствуешь, как разогреваются руки, сразу вспоминай голосовые упражнения. Ныряй в это состояние, как в ледяную воду.

Легко ему говорить.

— Когда речь заходит о стихийной магии, делай упор на внутреннее равновесие. Так или иначе, именно с него все начинается.

— Как по мне, так эмоции и равновесие немного друг другу противоречат.

— Они друг друга дополняют.

— Познакомишь меня с эссердой... — немного зависла, потому что информации было слишком много, а еще последняя ложечка мусса оказалась самой вкусной.

— Карингэм, — подсказал он.

— Да. — Я не удержалась и поскребла в креманке края. — Если я не возьму у нее рецепт, моя жизнь пройдет зря.

Рэйнар приподнял брови.

— Думай об огне. А не о рецептах.

— Даже за обедом?

— Даже во сне. Пока не научишься справляться с тем, чем тебя наградила природа.

Сказано это было так, что кислинка мигом превратилась в горчинку. Да за что он на меня так взъелся?! Я же правда стараюсь! Как могу, как умею, не могу же я за полдня освоить то, чему другие учатся годами. Да и хотела

бы я посмотреть на того, кто сможет.

— Я справляюсь!

Иртхан поднялся, и мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Мы снова вернулись в кабинет, где меня ждало огнеупорное стекло. Холодное, как владелец этой квартиры, и столь же непробиваемое. Между ним и вчерашним Рэйнаром, в объятиях которого я сходила с ума, пролегла ледяная пропасть. Он даже разговаривал рублеными фразами — с тем же ритмом нож для колки льда вгрызается в глыбу.

— Продолжаем.

Настроения продолжать не было. Вот вообще. Но у меня есть обязательства не только перед собой, но и перед другими. Перед Хейдом, в конце концов, перед комиссией, и когда я буду завтра петь, я должна быть лучшей. Должна выложиться, должна зажечь не только себя, но и всех, кто будет на прослушивании. Зажечь в хорошем смысле слова, разумеется.

— Черпай эмоции из спокойствия. — Его голос немного смягчился. — Уверенность, спокойствие, радость, силу. Обида, гнев или тем более ярость могут привести к непредсказуемым последствиям.

— А я на кого-то обижаюсь? — передернула плечами.

— Приступай, Леола.

Заело его, что ли?

Глубоко вздохнула и сосредоточилась на внутренних ощущениях. Не так это просто начинать с нуля, когда за спиной уже столько неудач. Для начала нужно отрешиться от обиды и сконцентрироваться... ну не знаю, на чем-то хорошем. Например, на мыслях про Марра. О том, как я его нашла. Хотя день тогда был дурацкий. Я опоздала на занятия по вокалу, получила втык на работе, дождь лил как из ведра, а ветер хлестал порывами. Так, что зонт норовил улететь, а заодно и меня с собой унести прямо в пустоши. В довершение всего на выходе из подземки у меня сломался каблук, и я ковыляла, стараясь не наступать в особо глубокие лужи, — подпрыгивая на одной ноге и становясь на пятку, когда особо глубокие лужи все-таки попадались. Вода заливалась во все места, было холодно и противно.

Проходя мимо нагромождений мусорных контейнеров, высившихся у стены, слышала странный звук. Сначала мне показалось, что это скрипит сорвавшийся с заклепки лист железа, но потом в него вплелись тоскливые плачущие нотки. Тогда я подумала, что железо не может плакать. А еще о том, что плакал мой деловой костюм. Потому что, если я сейчас просто пройду мимо и не проверю, заснуть уже не смогу.

Собственно, на скрип я и шла. Точнее, на плач. Между рядов тесно составленных контейнеров, потому что доносился он откуда-то из глубины.

То и дело задевая и обтираясь всем чем можно о заляпанное отходами железо. Зонт пришлось закрыть, и я вмиг превратилась в мокрое нечто. Зато в дальнем ящике под пластиковыми пакетами и прочим хламом торчал кончик крохотного дрожащего хвостика. Кучка мусора шевелилась и издавала такие звуки, от которых сжималось сердце. Закинув то и дело норовящую соскользнуть сумку за плечо, принялась ворошить размокшие отходы и наконец наткнулась на две сверкающие в темноте янтарные пуговички.

Виаренок был совсем маленький, мокрый и весь дрожал. Шерстка облепила худое тельце, из-за чего голова казалась непропорционально большой. Он даже не попытался укусить или царапнуть, когда я вытаскивала его из контейнера. Помню, что тогда у меня было единственное чувство: прижать к себе и согреть. Что я и сделала, распахнув пиджак и устраивая звереныша на груди так, что из-под промокшей одежды торчал только нос. Он завозился, попытался выбраться, и тогда я сказала:

— Не бойся. Все будет хорошо.

В миг, когда он заурчал, на душе вдруг стало тепло.

Очень тепло. Несмотря на продолжавший хлестать ветер и дождь. В тот момент я поняла, что ни за что с ним не расстанусь.

Тепло было и сейчас, катилось по пальцам, собираясь в ладонях.

Отдавалось в тело и в плечи, а потом взметнулось язычками на ладонях и заплясало, ровнехонькое и уютное. Искорки — небольшие, сыпались в разные стороны, но таяли, не долетая до пола. Кажется, я даже сама не поняла, как это произошло, но это было прекрасно. Хотя ладони все еще подрагивали и пламя вместе с ними. Мой первый огонь! Настоящий! Я его держу... Держу? Держу!

— Теперь заставь пламя отступить. Вспоминай игру голосом и ментальную магию.

Тон Рэйнара — холодный и жесткий, отрезвил.

Ни слова о том, что у меня получилось. Ни слова о том как.

Прощаться с огоньком не хотелось, но меня уже потряхивало от напряжения. Видимо, в удачный всплеск ушло больше сил. Вспомнила о том, как остужают эмоции. Тихо, медленно, постепенно. Сосредоточилась на зажженном огне — и так же медленно начала «остужать». Чувство, когда маленькое сердечко билось рядом с моим, сменилось тишиной, разделенный на двоих дождь тоже. Под конец и вовсе накрыла холодная тишина кабинета и пристальный взгляд Рэйнара. Язычки пламени становились все меньше, уже стягивались в крохотные вспышки на ладони,

когда зазвонил мобильный.

Чудом не схватилась за него, а когда осознала, меня прошиб холодный пот.

Огонек заволновался, дернулся в сторону. Почувствовав слабинку, заискрился.

Нет уж, не сдамся! Не отпущу.

Сосредоточиться! Не отвлекаться.

Легкое покалывание в кончиках пальцев, затихающая пульсация в ладони.

Мобильный словно захлебнулся, но огонь в ладонях уже растаял. Поспешно вытащила телефон и обнаружила... пропущенный от Драконища. Молча хлопала глазами то на растопыренные пальцы, где только что бился огонь, то на дисплей. Перевела на Рэйнара недоумевающий взгляд, а потом поняла. Сердце ухнуло вниз, мобильный — в него. К счастью, ирлхэн поймал его на лету, иначе мне понадобился бы новый телефон.

— Ты... — прошептала, задышавшись. — Ты... ты...

— Молодец, — коротко произнес он.

Я подавилась воздухом, руки мелко дрожали. Я чуть задницу себе не подпалила, а он стоит и смотрит, как будто ничего не случилось! Понимая, что еще немного, и вмажу ему прямо промеж глаз пресловутым огоньком, развернулась и бросилась к двери. Меня перехватили у дверей — перехватили и прижали к себе.

— Отпусти! — забила в сильных руках. — Отпусти! Ты не просто Драконище, ты...

— Зато у тебя получилось.

От возмущения окончательно лишилась дара речи.

— Это что, экстремальное обучение? — скорее прорычала, когда он ко мне вернулся.

— Это обучение. Стихия не прощает ошибок, а я взялся тебя учить. Значит, несешь за тебя ответственность.

Смотри не надорвись! Сгорая от желания как следует врезать ему под коленку — чтобы проникся, все-таки вывернулась из его рук.

— Рэйнар!

— Вернемся к теории. Мне многое нужно тебе рассказать, особенно учитывая следующие выходные.

— Я еще не согласилась, — буркнула я.

— Ты отказываешься? — Глаза его потемнели.

Признаюсь, было такое искушение, особенно после того, что он

провернул.

— Сейчас мне вообще хочется тебя укусить. Это нормально?

— Нормально. Ты привыкаешь к жизни с драконицей.

Кстати, о драконицах.

— Мы с ней теперь как две сущности в одном теле, и однажды мне захочется летать?

— Нет, — сообщил он, устраиваясь за столом. — Вы как единое целое. Драконья кровь порождает звериную сущность, которая немного иначе реагирует на окружающий мир. Со временем ты привыкнешь и перестанешь разделять себя и ее. За стол, Леона.

— Ползком?

Глаза у него сверкнули, а я послала ему воздушный поцелуй. Простите, не удержалась.

Лекции затянулись до позднего вечера — когда мы вышли из кабинета, было уже темно. Эрри встречала Рэйнара в коридоре: грациозно выгнула спину, потягиваясь. Длинные полупрозрачные коготки царапнули пол.

— Позерша, — фыркнул он. — Вернусь — погуляем.

— Ты сам с ней гуляешь? — удивилась. В красках представила, как Халлоран идет по Центральному парку, впереди трусит Эрри, а в каждом кустике — по охраннику. И над аллеей летит боевой флайс. Правда, прежде чем успела проникнуться картиной, удивилась еще больше. — Вернешься откуда?

— Хочу прокатиться с тобой.

Мы вместе поднялись на верхнюю стоянку, где нас ждал его флайс. Когда взмыли ввысь, я вдруг осознала, что у меня осталось двадцать минут. Может быть, чуть больше, если водитель сбавит скорость. Не знаю, что такого отразилось в моих глазах, потому что в его мелькнул голодный хищный огонек. Он подался ко мне, и в этот миг зазвонил мобильный.

На сей раз его.

— Минуту.

То ли взгляд, то ли случайное прикосновение, но сердце бешено заплясало. Поэтому я прозевала начало разговора.

— Что значит — не получилось?! И это лучшие специалисты?

Меня хлестнуло раздражением. Кажется, я впервые слышала, чтобы Рэйнар повысил голос — настолько, что дрожащее в нем напряжение готово было вырубить всю связь в Мэйстоне. Удивленно взглядела в лицо: серьезный, сосредоточенный. Халлоран говорил с неизвестным мне собеседником, но смотрел на меня. Так, что мурашки побежали по коже.

— Только Аррингсхан и моя семья.

Пауза.

— Разумеется, готовь официальный запрос. Нет, с ним я буду говорить сам.

О чем он?

Рэйнар отключил связь, лоб его прочертила горизонтальная складка.

— Случилось что-то серьезное?

— Новости из Раграна, Леона.

Я подавилась не успевшим сорваться с губ вопросом. Сердце билось в такт движущейся на его часах секундной стрелке.

— Архив с данными по району, где жила твоя мать, оказался поврежден. Восстановить информацию невозможно.

ГЛАВА 13

Поврежден? То есть имя моей матери теперь узнать не получится?

Очевидно, вопрос был написан у меня на лице, потому что Рэйнар ответил:

— Мы отправим запрос на официальное расследование.

— Расследование?

— К архиву, в котором содержалась информация о твоей матери, обращались пару месяцев назад. Тогда все было нормально. — Ноздри его шевельнулись, придавая лицу хищное выражение. — Кто-то не хочет, чтобы тебя нашли.

Получается, мой отец жив, но вовсе не жаждет встречи со мной? Все это время он обо мне знал или узнал, когда Норгхар начал копать в Рагрانه? А может, дело не в нем? Возможно, этого не хочет семья матери? Или семья отца? Мысли покружили и разлетелись, как стая диких виаров поутру, а меня затрясло. Мало им было того, что они вышвырнули женщину с ребенком на руках из своей жизни. Мало того, что она погибла по их милости, так они еще сделали все, чтобы ее память была утрачена.

Безвозвратно.

— Леона, в век информационных технологий невозможно стереть все. Следы, так или иначе, остаются. Определить личность твоей матери теперь будет сложнее, но это ничего не меняет. Разве что займет больше времени.

— Насколько?

— Зависит от того, как быстро Аррингсхан подпишет запрос и как быстро власти Раграна дадут разрешение.

— Очаровательно!

— Норгхар вычислит того, кто повредил архив.

— Так же, как узнал имя?

Рэйнар прищурился.

— Что ты хочешь сказать?

— Только то, что в век информационных технологий людей стирают с лица планеты по щелчку пальцев.

— Сомневаешься, что я смогу найти твою семью? — холодно спросил он.

— Сомневаюсь, что моя семья хочет, чтобы ее нашли.

— Это меня совершенно не волнует.

«Зато волнует меня», — хотела сказать я, но промолчала.

Для того чтобы войти в мир иртыханов, все равно нужно получить родословную или пройти тест на кровьпригодность. Пока не пройду, смотреть на меня будут как на блохастую виари, с легким оттенком недоумения и вопрошать — кто мысленно, а кто вслух: «Кого ты с собой привел?» — совсем как местра Халлоран. А еще мне любой сможет подбросить рагранских пчел и отделаться легким конфузом. Зато потом раздует по этому поводу скандал, что ее-его-их незаслуженно обидели, оскорбили и все такое.

Меня затрясло еще сильнее, отчаянно захотелось что-нибудь разбить, но сегодня я уже швырялась мобильниками, а за перегородкой сидел водитель. Ладно, стекло звуконепроницаемое, но мне жалко телефон: второго раза он может и не пережить. Да и вообще, глупо расстраиваться из-за тех, кого никогда не знала. Глупо, и еще глупее на них злиться.

— Во сколько у тебя завтра прослушивание?

— В семь.

— На кого будешь пробоваться?

— Хочу получить партию Люси.

— Люси?

— Главная героиня рок-оперы «Мир без тебя»... — осеклась.

Просто вспомнила, что это тайна.

— В чем дело?

— Название премьеры мне сообщили по большому секрету.

Рэйнар усмехнулся и подался вперед.

— Не сомневайся, дальше меня оно не пойдет. Спой для меня, Леона.

От неожиданности замерла.

— Что, прямо здесь?

— Прямо сейчас. Безумно скучаю по твоему чарующему голосу.

— Ты слышишь его постоянно. — Чарующий голос отметился хрипотцой.

Не знаю, откуда она взялась. Глубокая, интимная. Безжалостно-откровенная.

А потом песня сама сорвалась с губ.

Горячей твоих глаз лишь дыханье дракона.

Мы у всех на устах, мы с тобой вне закона.

Вне законов мирских, вне законов небесных

Наша жизнь натянулась, как леска над бездной.

Глаза Рэйнара потемнели, и даже в салоне стало темнее. Руки легли на мои плечи, и петь приходилось ему в губы. На одном дыхании, которого рядом с ним почти всегда не хватало. Только не сегодня: наверное, это была самая откровенная песня в моей жизни.

Распахнув свои крылья, подхваченный ветром,
Ты мои повторяешь шаги — метр за метром.
Каждый час, каждый миг, каждым яростным вздохом
Ты кричишь мне: «Моя!» — под раскатистый грохот.

Я тоже кричала, если можно кричать в сопрано. По венам бежал огонь, вливался в кровь, отравляя ее своей бесконечной выжигающей сутью — и возвращал к жизни искрящим потоком, струящимся через нас двоих. Смотреть ему в глаза, в эти разгорающиеся костры становилось все тяжелее, но тяжелее было бы говорить о том, что по-прежнему не давало покоя. Обжигало сильнее любого пламени.

Грань преступной игры надорвется, как цепи оков,
В тот отчаянный миг, когда к этому ты не готов.
Под прицепами вспышек взлетая все выше и выше,
Ты меня позовешь за собой, но ответа уже не услышишь...

Скорее почувствовала, чем поняла, что флайс пошел на снижение.
— Пламя мое, — низкое рычание подхватило тишину, чтобы разорвать в клочья, — что же ты со мной делаешь?

«Ты же сам просил спеть», — хотела сказать я. Но не смогла. Голос не слушался.

Как так получилось, что песня стала больше чем песней? И ведь сто лет не пела ее, а сейчас подхватила мотив и утонула в нем, словно в первый раз.

Мы смотрели друг на друга и молчали. Так невыносимо близко, как никогда раньше.

На миг показалось, что он меня сейчас поцелует, но Рэйнар только медленно отстранился. Дверца флайса поехала вверх, в лицо ударила прохлада. Ударила, но не отрезвила. Точно так же не отрезвил ошалевший взгляд Лансаро, выкатившегося на стоянку из лифта. Не знаю, что поразило его больше, — эскорт охраны или ведущий меня под руку правящий. Сосед

остановился с открытым ртом, но его мигом оттеснил один из сотрудников службы безопасности.

В лифте мы тоже почему-то молчали.

И перед дверью.

Даже когда я достала ключи, а Рэйнар поставил сумку с вещами.

Не сразу поняла, что пытаюсь ключом от гримерной Ландстор-Холла открыть собственную квартиру, он понял быстрее: перегнулся через мое плечо и мягко провел нужной карточкой по панели.

— Спокойной ночи, Леона.

— Спокойной ночи, — тихо сказала я.

Скользнула в квартиру, привалилась лбом к закрывшейся двери. Кровь отхлынула от лица, от рук и вообще отовсюду, откуда только можно. Сердце колотилось так, словно я пробежала спринт на Соурских играх и взяла золото.

В прихожую со скрежетом на повороте вылетел Марр, ткнулся носом в пятую точку и радостно клацнул зубами.

— Леа! — судя по всему, Танни кричала с кухни. — Я тут печенек купила. Хочешь?

— Печеньки на ночь вредно!

— Зануда!

— Сейчас приду!

Потрепала по голове соскучившееся чудовище и уселась на тумбочку — снимать сапоги.

Сейчас, когда собственный голос больше не вел за собой, когда руки Рэйнара не лежали на плечах, обжигало другим.

Мыслями.

Что, если мою семью так и не найдут?

Что, если мы с ним снова окажемся в разных мирах?

Осознанием.

Осознанием того, насколько глубоко он... во мне. Когда мы вместе, это как дыхание, как жизнь, как биение сердца. Что я буду делать, если прервется пульс? Если однажды ему придется жениться — пусть даже не на Ирргалии, а на ком-то другом? На иртханессе с более сильной кровью, родившейся в полной семье, с юных лет владеющей огнем. Если у него появится другая...

Как я буду дышать тогда?

Здание Мэйстонской оперы — пожалуй, одно из немногих зданий, сошедших с небес на землю. Во время ландсаррского налета оно серьезно

пострадало, но было полностью восстановлено. Плавные изгибы крыши, арочные окна с асимметричными рамами — правда, стекла в них сейчас значительно прочнее. Расположено оно на площади Искусств, в самом сердце города, над ним проходят крупнейшие аэромагистралы и тянутся пешеходные мосты-переходы. Иглы небоскребов пронзают небо, но здесь, на выложенной кремовой плиткой площади, кажется, что ты оказалась в другом столетии. Особенно когда здесь проходят голографические выставки античных скульптур или живописи прошлых веков.

Вторым украшением площади был музыкальный фонтан в виде факела, который возвышался до верхней арки. Когда не поют в опере, поет фонтан — оперные теноры и сопрано со всех уголков мира звучат под мощные всплески воды, бьющие ввысь. Летом по вечерам на площади собирается множество людей — в отличие от оперы на фонтан можно посмотреть совершенно бесплатно. А посмотреть есть на что: когда расцвеченные огнями столбы воды взлетают в небо, чтобы обрушиться вниз тысячами пенных брызг, замирает сердце. Девчонкой я часто приходила сюда — сидела на дальних скамейках, глазела сквозь подбиравшуюся поближе к зрелищу толпу и представляла, как однажды войду в арочные двери как дива.

Вот только служебный вход с другой стороны. И парковка тоже за площадью.

Рольген подал мне руку, но я все равно треснула головой о дверцу флайса.

— Ай.

— Осторожнее! — запоздало пробормотал Лидс.

— Угу, — прошептала я, потирая ушибленное место. — Прическа не пострадала?

По сути, на прослушивании мало кто обращает внимание на прическу. Но я все равно завила локоны и надела платье, которое — как по мне, идеально отражает образ Люси. Легкое, с тонкими бретелями, с летящим бледно-голубым атласом юбки. Сейчас под этот бледно-голубой атлас знатно поддувало даже в теплом пальто, и кожа под чулками мигом покрылась мурашками. Да что там, я сама превратилась в гигантскую ходячую мурашку.

— Все в порядке.

— Точно?

— Точно, — заверил меня охранник.

— Эй, шустрики! — С другого конца парковки к нам уже спешил Хейд.

Волосы его слегка примял флайсоциклетный шлем, но в остальном он был бодр, свеж и весел, чего нельзя сказать обо мне. С утра я дважды облилась кофе. Первый раз — потому что рука дрогнула, к счастью, он уже успел остыть. А второй — потому что Танни решила поухаживать за волнующейся мной и сделала его сама. Но то ли в тот момент она думала о Мике, то ли что-то еще, в общем... ощущение было такое, что я проглотила горсть ягод горичинки. В итоге закашлялась, пытаюсь отдышаться, уронила чашку и решила, что на сегодня кофе с меня хватит.

— Пойдем, — кивнул агент в сторону служебного входа.

Если он и удивился, что у меня машина с водителем, то виду не подал. Равно как ничего не сказал по поводу Рольгена. Разве что наградил пристальным взглядом. Объясняться я сейчас была не в состоянии, поэтому решила отложить разговор про свою личную жизнь на потом. Так или иначе, говорить с ним придется. Желательно до того, как состоится наш с Рэйнармом выход в Зингспридскую оперу.

Мысль об этом заставила коленки трястись еще сильнее. Если честно, сейчас я бы еще парочку раз постояла возле дракона, только чтобы сегодня не выходить на сцену. Вот откуда это во мне, а? Я же пою с детских лет, меня пихали во все школьные мюзиклы, но как только речь зашла о том, чтобы выйти к режиссеру, во мне проснулся дикий панический страх. Тот, когда поджилки трясутся, а во рту сухо, словно я из пустыни выползла. То ли сказывался неудачный опыт предыдущего прослушивания, то ли что-то еще, но сейчас во мне закончились связные слова. И мысли тоже. Живот скрутило, а ноги стали тяжелыми, как арматурные опоры.

— Ты лучшая, — сказал Хейд.

— Угу.

— Если я говорю, значит, так и есть. Поешь ты роскошно. Осталось просто выйти и сделать то же самое перед крутыми дядьками.

Рольген улыбнулся. Не знаю, что его позабавило.

— Надеюсь, меня вызовут одной из первых, — пробормотала, обращаясь скорее к себе.

Терпеть не могу ждать.

— Тут уж как повезет, — хмыкнул Хейд.

Мы оказались у дверей, и они распахнулись, пропуская нас в холл. Сегодня здесь былолюдно: претендентки прибывали одна за другой. Поскольку мы замешкались, нас обогнула изящная светловолосая девушка и впорхнула внутрь.

— Удачи! — Рольген снова улыбнулся — на сей раз ободряюще.

— Спасибо. — Удержалась от порыва его обнять, потому что это

означало бы вцепиться руками и ногами.

— Жду звонка.

Хейд снова окинул меня пристальным взглядом — вот поразительно, как различается пристальный взгляд в исполнении Халлорана и его. В глазах агента я всегда ловила этаким профессиональный интерес, разве что с легким оттенком личного. Взглядом Рэйнара можно было пригвоздить к стене и провести сканирование одновременно.

Мы прошли в холл и направились к стойке регистрации. Миниатюрная блондинка уже получила пропуск: окинула меня оценивающим взглядом, раскрыла плечики, как бабочка крылья, и процокала к турникету. Стоявшая справа темноволосая участница хмурилась, рылась в сумочке, охранник терпеливо ждал.

— На прослушивание? — уточнила суровая девушка в униформе, когда мы протянули ей документы для проверки записи.

— Да. — Хейд облокотился о стойку и одарил ее очаровательной улыбкой.

Глаза девушки заметно потеплели.

Пока она сканировала документы, нас изучала охрана, а я изучала холл. Служебный был не настолько красив, как центральный для зрителей, но и здесь было на что посмотреть. Под ногами раскинулось ковровое море насыщенного цвета кистонского вина. Стены, отмеченные змейками светильников, голограммы с сюжетами легендарных оперных постановок. Руки пришлось сцепить за спиной, потому что мне совсем не улыбалось начать отбивать ритм идеальным маникюром по стойке.

Ради него я сегодня вскочила раньше Танни и раньше нее выбежала из дома, чтобы все успеть. В салоне, где мы познакомились с Лэм, я была первой клиенткой. Вроде тех, что готовы наводить красоту в любое время дня и ночи, потому что захотелось. К слову, сделали мне все быстро и красиво: в тон платью, с неброскими искрами снежинок. А вот с подружкой пересечься не удалось.

— Зал для претенденток прямо по коридору и до упора, — сообщила принимавшая нас девушка. — Вещи придется взять с собой. Если захотите переодеться, для этого есть специальные комнаты, они прилегают к залу.

Ну вот и все.

— Все еще только начинается, — подмигнул Хейд мне. — Выше нос, звездочка.

— Я сказала это вслух?

— Да еще так уныло, словно собралась продуть.

— А если...

— А если быть не может. Мы идем побеждать! Выше нос и вперед.

— Главное, чтобы нос не перевесил.

— В твоём случае не перевесит, даже если ты задерешь его к потолку.

Мы прошли куда было сказано, все это время я вспотевшими руками сжимала сумочку.

— Давай, вперед. Я в тебя верю.

— А где будешь ты?

— Поблизости.

Глубоко вздохнула и шагнула в зал. Над ведущими на сцену дверями висело табло — пока что оно было темным. Девушки уже вовсю обсуждали предстоявшее прослушивание, над диванчиками и столиками протянулся флер взбудораженного напряжения, свойственного всем прослушиваниям. Электронные часы отсчитывали последние минуты, и возбуждение нарастало. Шепот становился все громче, меня начинало потряхивать. Ощутимо. Я даже к кулеру отошла на всякий случай, поближе к водичке, потому что ладони слегка покалывало. Хотя, может, лучше сразу к огнетушителю?

Сегодня с утра даже Танни поинтересовалась, что это я такая нервная.

В ответ я показала на Шайну. Она смотрела на нас или сквозь нас — с портрета, который каждый день напоминал о ней. Шайна была моей музой и моим вдохновением. Именно мысли о ней не позволяли опустить руки, когда из них все валилось. И уж, наверное, она не тряслась, когда ходила на прослушивания.

— Ой, да ладно! Что там такого страшного? Выйдешь, споешь...

— Посмотрю я на тебя, когда ты будешь сдавать выпускные экзамены.

Танни фыркнула.

— К счастью, до них еще далеко.

— Не заметишь, как полтора года пролетят.

В ответ сестрица только улыбнулась.

— А пока буду наслаждаться жизнью!

В том, что выходными она насладилась по полной, сомнений не оставалось: Танни сияла, как микрочип на новехонькой кредитке. Выяснилось, что Мик подарил ей приставку и простейшее оборудование для портативной виртуальной реальности, очки и несколько игр, включая «Другую жизнь». Правда, еще нужно было вызвать техника, который все это подключит и настроит. Конечно, до комнаты с полным погружением, как в детстве Рэйнара, далековато, но в этой, кажется, даже были встроенные симуляторы ветра и дождя.

— Девушки, всем доброго вечера! — Голос секретаря заставил

вздрагнуть и вернуться в реальность. — До прослушивания осталось пять минут. На табло будут высвечиваться ваши имена, будьте внимательны. Выходите, представляетесь, поете обязательную арию, которую выбрали. Вторую — на выбор комиссии, вам сообщат уже на сцене.

Ну... ничего нового, в общем-то.

— Результаты прослушивания станут известны завтра, ближе к вечеру. Я лично перезвоню всем, кто нас заинтересует. Удачи!

Она кивнула и скрылась в коридоре.

— Пфф, результаты, — хрупкая блондинка — та самая, что мы видели в холле, передернула плечами. — Мне тут по большому секрету шепнули, что партию Люси уже отдали Кларин Сиддэрли.

Кларин Сиддэрли? Известной мэйстонской оперной диве?

Тезка Клари уже восемь лет делила сцену с Лизой Барлоу. В отличие от высокой темноволосой Лизы Кларин была светловолосой и изящной. Чем-то отдаленно напоминала стоявшую передо мной девушку, после слов которой в зале ненадолго повисла тишина. Подумалось, что они обе внешне гораздо ближе к Люси, чем я. Но я всегда хотела петь Артомеллу, для нее мой образ подходил идеально.

— Да бросьте, — донеслось насмешливое из-за спины, — откуда вы знаете?

— У меня есть знакомые в опере. — Блондинка уселась на диван, закинув ногу на ногу с таким изяществом, словно сама была Кларин Сиддэрли.

Неужели это правда? И что делать, если так? Нет, конечно, в оперу далеко не каждый прыгает сразу на главную роль, и начинать всегда приходится с малого, но... Но почему тогда сейчас в груди разливается предательский холодок разочарования? Если Хейд об этом знал, почему не сказал сразу? Или решил, что партия Эллы мне больше подходит? Она, кстати, брюнетка. Может, он вообще считает, что мне подойдет любая партия, лишь бы на главную сцену Мэйстона пробиться?

— Что же ты тогда тут делаешь? — фыркнула молодая женщина с короткой стрижкой и пышными кудрями, подхваченными лентой.

— Не знаю, что вы тут делаете, — блондинка сделала акцент на обращении, — но лично я хочу получить партию Эллы. Она куда интереснее этой унылой мямли Люси.

— Люси не мямля, — хмыкнула я.

— Да неужели? — Блондинка вызывающе посмотрела на меня. — Об нее вытирают ноги, а она стелется тряпочкой. Ну да, изредка умудряется взбрыкивать, но все это обычно заканчивается командой «к ноге!», и она,

как виари, плетется рядом, не забывая заглядывать в рот своему парню.

— Она не заглядывает, — чувствуя, что начинаю заводиться, сцепила руки в замок. — Она принимает его таким, какой он есть. И учится жить в мире, который не хочет ее принимать.

— Он ею вертит, как хочет, — девушка приподняла брови, — а она сходит по нему с ума. Незавидная участь.

— Поэтому она от него уходит.

— Чтобы потом вернуться.

— Потому что любит.

— Потому что она ничего из себя не представляет, когда его рядом нет.

Ах да. И еще немного потому, что у нее появляются обширные возможности прыгнуть выше головы. Легко любить, когда тебе дарят роскошные подарки и осыпают милостями. Элле милости не нужны, она сама себе хозяйка и аристократка до мозга костей.

Ну да, конечно, Элле милости не нужны. Зачем они ей, когда папа с рождения все приносит на блюдечке — и учебу, и рекомендации, и карьеру, и счета с нужной суммой нулей после единички!

От желания запустить в белобрысую голову стаканчиком спасла только воцарившаяся в зале тишина. Я подняла глаза на табло и увидела имя: «Кармина Ардерли». Блондинка вспорхнула с дивана и направилась к дверям, даже не оглянувшись, а я допила воду и смяла пластик в руке так, что края впились в ладонь. Имя ей шло, как наблу крылья. Да чтоб тебе провалиться сквозь сцену и застрять по самые уши!

Развернувшись, шваркнула пластик в урну и замерла под перехлестьем взглядов: на меня смотрели абсолютно все. Похоже, за нашим с блондинкой спором наблюдали, но сейчас осталась только я одна. Живенько устроилась в ближайшем кресле и уткнулась в мобильный. Сделала вид, что меня там что-то очень интересует, хотя перед глазами стояло только лицо блондинки, которая с ехидной улыбочкой сообщила о Кларин. Руки слегка покалывало, и я глубоко вздохнула.

Надо успокоиться.

Срочно!

— Мне тоже нравится Люси, — раздалось справа.

Я подняла голову и увидела невысокую рыженькую девушку. Пухленькую, с серыми глазами, а еще у нее, в отличие от большинства следующих моде на короткие стрижки, тоже были длинные волосы. Правда, она собрала их в хвост. Не успела я подумать, что у меня не складывается с рыжими, как она улыбнулась.

— Тарина Стрейланд.

Интересно, псевдоним или настоящее имя?

— Бриаль Бетрой.

Она устроилась рядом со мной в соседнем кресле.

— Я была на твоём выступлении в Ландстор-Холле. У тебя чудесный голос.

От неожиданности даже злиться перестала.

— У меня сейчас дикий мандраж, поэтому я могу что-нибудь не то сказать, — пробормотала я, — но спасибо.

Тарина улыбнулась, отчего на щеках у нее появились ямочки.

— У меня тоже. Иначе бы я ни за что не решилась подойти...

— Почему? — У меня чуть глаза на лоб не полезли.

— Потому что... ну, ты на сцене такая... ну, такая... невероятная. А еще ты звезда.

«Ы», — как сказала бы Танни.

То, что у звезды дрожат все лучики — это, наверное, к делу не относится. И то, что ей хочется догнать другую звезду и звездануть как следует, тоже. Тарина больше не пыталась заговаривать, сцепила руки на коленях поверх удлинённой юбки-карандаша. Я же старательно водила пальцем по дисплею.

А потом она коснулась моей руки и указала на табло.

Я медленно перевела взгляд и замерла.

«Бриаль Бетрой».

Что? Так быстро? А-а-а!!! Нет, я, конечно, хотела, чтобы меня вызвали одной из первых, а еще лучше вообще первой, но...

— Удачи! — прошептала Тарина.

— Спасибо! Оставлю здесь вещи, хорошо?

— Конечно, я посмотрю.

Быстро отвела руки за спину и сложила пальцы колечками, а после вскочила. Пальто оставила на спинке кресла, нехотя приткнула под него сумочку. Расставаться с ней не хотелось: за нее было бы ну очень удобно цепляться, пока сердце отстукивает в такт шагам. Выпрямилась, расправила плечи и направилась к дверям, за которыми скрылась моя предшественница. Стоило шагнуть в коридор, как из-за поворота вывернула блондинка — так резко, что мы чудом не влетели друг в друга.

— Они там все не в настроении, — хмыкнула она. — Так что готовься пролететь.

Прежде чем я успела ответить, та прошла мимо с таким видом, словно я была вмонтированным в стену светильником. Сердце забило еще чаще. Все быстрее, быстрее и быстрее. По рукам потекло тепло, собираясь в

центре ладоней, воздух под руками сгустился, превращаясь в зыбкое марево.

Нет, нет, нет, только не сейчас!

Пожалуйста, только не сейчас. В воздухе заметались крохотные искры, я привалилась к стене и глубоко вздохнула. Еще раз. И еще. Холодный воздух. Очень холодный, и таким же сейчас должен быть мой разум. Если я хочу петь, а я хочу этого больше чего бы то ни было, нужно отбросить все страхи. И сделать это нужно прямо сейчас.

Да, один раз я действительно пролетела, но это не значит, что так будет всегда. Да, я чуть не подпалила себя и Рэйнара, но я справилась с огнем однажды и справлюсь сегодня. Роль Люси отдали Кларин Сиддэрли? Драконья чешуя на уши! Даже если и так, все равно буду петь. Выйду и спою так, что они все будут сидеть с открытыми ртами и забудут про Кларин. Ради себя, ради своей мечты, ради Танни и ее будущего. Я действительно люблю оперу, я вкладываю в каждую строчку больше, чем просто голос и старания, — всю себя и свое сердце. Я получу эту партию, потому что я мечтала об этой сцене всю жизнь!

Огонь, готовый вот-вот вырваться, затаился, только руки пекло и середину ладоней дергало.

Вдох-выдох.

Сердце глухо билось о ребра.

Оттолкнулась от стены и быстро направилась вперед к заветной двери.

Шаг — и я на сцене.

Мне уже доводилось бывать в этом зале — роскошном, с возносящимися ввысь потолками, бесчисленными рядами партера, ячейками лож и многоярусными балконами. С центральной люстрой, раскрывающейся над ними нахлестом золотых пластин, в центре которого во время представлений горит ослепительный белый шар. А вокруг — бесчисленные россыпи светильников.

Комиссия устроилась напротив сцены: тучный седовласый мужчина в костюме посередине, справа от него — худой брюнет с острым подбородком и цепким взглядом, а слева — вальяжно развалившийся, в линялой толстовке с агрессивным принтом и джинсах. Из-под воротника на жилистую шею выползала татуировка. Ноги он вытянул вперед, закинув одну на другую, и смотрел на сцену с таким видом, словно его заранее тошнило от всех претенденток. От этих троих зависела моя судьба, но сейчас они были просто моими зрителями. Не важно, как высоко сидит тот, кто тебя слушает, если он поверит в то, что ты поешь. Если поверит в то, что десятки тысяч зрителей почувствуют то же, что и он, в миг, когда твой

голос разнесется над залом.

— Добрый вечер! — произнесла я, сжимая по-прежнему горящие ладони и переходя взглядом от одного мужчины к другому. — Меня зовут Бриаль Бетрой, я пою уже четыре года, и в Ландстор-Холле мои выступления неизменно собирают полный зал.

Мой голос парил — я чувствовала его отзвук в каждом уголке.

Вдох-выдох.

Огонь отступил еще дальше — жар перешел в тепло и сменился неожиданной легкостью. Вспомнились слова Тарины и ее взгляд, когда она на меня смотрела: внимательный, восторженный, удивленный. Вспомнились все, для кого я пою каждый вечер, вспомнились и отозвались уверенностью в сердце. Уверенностью в том, что все будет хорошо.

— Я без ума от Люси и от истории «Мир без тебя» и безумно хочу раскрыть ее всему миру. Сегодня я пою только для вас! Встречайте Триаррис и арию «Солнечный ветер»!

Прикрыла глаза, шагнула вперед, подхватывая первые ноты музыки и следуя за ними. А может быть, уводя за собой.

Струной натянутой горизонт звенит,
И солнце катится в зенит, и рассыпается,
И легким шлейфом искр над нами простирается,
Но сердце все равно от чувств моих горит.
Горит...
Оно... тобой...
Горит.

Петь с закрытыми глазами — все равно что петь обнаженной. Все чувства раскрываются настолько, что даже малейшее движение воздуха, когда поводишь рукой, чувствуется почти как прикосновение. История Триаррис — история любви слепой девушки и художника. Он влюблен в ее образ, возвышенный и немного трагичный, а она влюблена в него. Он рисует картины и рассказывает ей о том, как красив мир, что их окружает.

Я слышу мир, я чувствую его... И знаю
Лишь таким, каким его представил ты.
Картины эти безупречной красоты,
Пусть даже день за днем тебя теряю.
Теряю...

День за днем...
Теряю...

Его имя гремит на весь мир, он становится известным и начинает тяготиться их отношениями. Однажды возлюбленный приводит ее на берег, чтобы рассказать о том, что пресытился их чувствами, но Триаррис сама уже догадывается о том, что он хочет сказать. Она готова остаться рядом с ним, пока он сам не попросит ее уйти, и обещает, что не станет мешать его новой жизни.

Ты любишь день, я с юных лет в ночи живу.
Мне не увидеть ни восход, ни твоего лица,
Но я пройду дорогу нашу до конца
И за собой в последний миг не позову.
Не позову...
Поверь, не позову...

Ты словно ветер солнечный — неуловим,
Когда...

— Достаточно! — Резкий хриловатый голос заставил вздрогнуть, и музыка оборвалась.

Вместе с дыханием и взятой нотой, которую я не успела закрыть.

А вот глаза открыла и даже поморгала, пытаюсь осознать, что произошло. Меня прерывали во время пения, разве что когда я училась, и то — на практике, ни в коем случае не на экзаменах. И уж тем более не на прослушивании.

— Мило. — Мужчина в джинсах хлопнул себя по коленям и поднялся. — Это все очень мило. Ты училась в Высшей вокальной школе. На эстраду. С чего ты вообще взяла, что сумеешь петь в опере?

От такой фамильярности ненадолго опешила, равно как и от нахального пренебрежения в темных глазах. Другие мужчины не выказывали ни малейшего интереса к тому, что происходит, словно этот вообще не имел к ним никакого отношения.

— Вы слышали, как я пою.

— Слышал. Ладно, опустим детали. Почему ты выбрала сцену Триаррис?

— Потому что она перекликается с настроением Люси, после того как та рассталась с возлюбленным.

— Ни хрена.

Он подошел к секретарю — та сидела чуть поодаль, подхватил с соседнего кресла планшет и направился ко мне. На сцену взобрался так легко, будто каждый день брал барьеры или перемахивал через заборы, спасаясь от полиции в неблагополучных районах. Смуглый, чуть выше меня ростом, морщины в уголках глаз и сильные руки. Бугры мышц угадываются даже под плотной тканью толстовки — сразу видно, качается основательно.

— Джерман Гроу. Постановщик и по совместительству композитор этого безобразия.

Сказать, что я очешуела — значит, ничего не сказать. Джерман Гроу светился редко, интервью не давал и никогда не появлялся на публике без солнцезащитных очков. Когда ему задали вопрос почему, он заявил, что если постановщику нечего показать, кроме собственной рожи, и дать послушать, кроме собственных излияний, — это величайшая трагедия. Похлеще тех, что «сей гений» пытается пропихнуть в мир.

Родом из Балт-Лар-Сити, в юности он перебрался в Флангстон. Там поставил несколько кричащих, скандальных мюзиклов, от которых публику как следует встряхнуло. Проходили они в «Грандвэй» с неизменными аншлагами. Кажется, какую-то из его постановок даже хотели запретить за чересчур откровенные сцены, но потом передумали. И вот теперь — рок-опера «Мир без тебя», Мэйстон. Круто. Очешуеть. Спасибо, Хейд, что не сказал ничего лишнего. А я еще себя ругала, что не доложила ему о своей личной жизни!

— Люси. — Он сунул планшет мне в руки, ткнул в дисплей. — Ария «Яд». Пресловутое прощание. Валяй.

— Без подготовки?

— Без подготовки, без сопровождения. Проблема?

Он прищурился, окатив меня волной такого пренебрежения, что мне захотелось треснуть его планшетом. Думает, сбегу, что ли?

— Не проблема, — хмыкнула я.

Вместо ответа Гроу раскинул руки и отступил. Манерой общаться он напоминал не то Хейда с его небрежной, но удивительно харизматичной фамильярностью, не то Рэйнара с напором и уровнем жесткости титанового пресса. И смотрел приблизительно так же: сквозь густые щетки по-мужски коротких ресниц просматривались глаза матерого хищника. Благо у меня есть опыт общения со всякими мастистыми...

парнокоггистыми.

— Здесь дуэт, — заметила. — Мне петь за двоих?

— Ее парня я беру на себя.

Это уже что-то новенькое.

Глянула в планшет, и в голове зазвучал мотив — пока еще едва ощутимый, опасно-призрачный, как ходьба по тонкому льду. Невозможно спеть, когда не слышишь звучания, но сейчас музыка рождалась внутри меня, подхватывала слова и вплетала их в себя. Шагнула назад, отражая затянувшуюся тишину возносящимся ввысь голосом:

Мы из разных миров, мы не вместе с тобой
Даже в миг, когда имя твое выдыхаю со стоном...
Твоя жизнь далека... от моей, дорогой,
И проходит она по твоим лишь законам.
По твоим... лишь... законам!

Наши взгляды схлестнулись, и меня затрясло. Передалось от Люси — в минуту, когда она осознала, что для ее любимого мужчины гораздо важнее собственный статус, чем их чувства. Я хорошо помнила этот момент в книге: когда он сказал, что в их отношениях все останется как есть, потому что она принадлежит другому миру.

Ты на пульсе моем держишь руку свою.
Ты сжимаешь ее с каждым днем все сильнее.
Я кричу под тобою на самом краю...
Я тобою дышу, я тобою живу, я с тобою смеюсь...
Сердцем, бьющимся в такт твоему.
Сердцем, что без тебя мне уже ни к чему!

Теперь за нами следили все: не только седовласый, которого я ошибочно приняла за постановщика в самом начале, но и сидящий рядом, даже секретарь с независимым видом подалась вперед.

Ничего в этом мире не решают слова,
Только сила и власть, и стоящие рядом.
Ты не сразу, увы, суть игры поняла,
Но ты стала моим изнуряющим ядом.

Каждый вздох, каждый жест, каждый взгляд,
Каждый стон...
Я тобою отравлен, но я не влюблен.

Он выдернул из моих рук планшет.

— Уловила разницу? Триаррис остается, но она уже от него отказалась. Люси уходит, но она с ним. Свободна. — Его голос, низкий и хриплый, как от сигарет, недостаточно сильный, чтобы взорвать зал, тем не менее ударил по нервам, ударил так, что захотелось ударить в ответ. Он повернулся ко мне спиной раньше, чем я успела что-либо сказать, махнул секретарю: — Ри! Следующая.

Гроу спрыгнул со сцены и направился к своему месту.

— Не остается, — сказала в линиящую спину. — Потому что знает, что не сможет пережить его равнодушие.

Вскинула руку, выплавляя слова на взметнувшемся ввысь голосе:

Ты считаешь, что чувства твои — это яд?
Ты был счастлив со мной, ты был этому рад!

Не знаю, обернулся ли он: из зала я вылетела с ускорением, которому мог позавидовать новехонький спортивный флайс, на бегу чуть не врезалась в следующую претендентку. Только оказавшись у двери, ведущей в общую комнату, остановилась. Меня трясло так, что мало не покажется. Не то от чувств Люси, не то от своих. Немного постояла, выравнивая дыхание и успокаивая бешено скачущий в груди мячик, читай — сердце, а потом вышла в общую комнату.

Ко мне тут же подлетела Тарина со словами:

— Ну что? Как прошло?

Замечательно. Не считая того, что я пела дуэтом с Джерманом Гроу. Он сказал мне, что я свободна, а я сказала ему все, что о нем думаю, — правда, через Люси.

— Чудно, — подняла вверх большой палец и даже улыбнулась.

— Точно? А то ты какая-то бледно-красная...

Интересно, это как?

— В смысле, щеки красные, а сама белая.

Ладно, я даже не буду пытаться это представить.

— Они правда не в настроении?

Они? Ну, если не считать постановщика, у которого, видимо, кризис личности, остальные вели себя довольно сносно. Последний вопрос Тарины вызвал оживление среди остальных. Если до этого доносились перешептывания, то сейчас все стихло. Я буквально чувствовала липнущие ко мне заинтересованные взволнованные взгляды: похоже, блондинка успела знатно всех накрутить.

— Мне так не показалось.

Кто бы еще напомнил, куда я дела сумку?

— Что тебе сказали? — Тарина перебирала пальцы и закусила губу.

— Как обычно.

Впрочем, как обычно — это спасибо, мы с вами свяжемся, после чего никто не перезванивает. Мне даже такого не сказали. Да я даже толком не попрощалась с ними. А вот с партией Люси, похоже, стоит попрощаться. Попыталась понять, что же чувствую по этому поводу, получилось не очень. Словно чувства рассеялись в густом тумане. Надо собираться и сваливать, пока Хейд меня не нашел. Не готова я с ним сейчас об этом говорить, вообще ни с кем не готова.

Внимание привлек торчащий из-под полы пальто ремешок.

Сумка!

Дернула ее так, что пальто соскользнуло, едва успела его подхватить и вытащить мобильный. Хейд меня опередил:

— Жду в холле.

Пожелала Тарине удачи и на автопилоте выдвинулась в холл. Наверное, ничего страшного не случилось — в конце концов, это не первое и не последнее прослушивание. Ну, если Хейд захочет продвигать меня дальше после такого эпичного выхода. Желание побиться головой об стену смешалось с желанием постучать об стену головой Гроу. Самоуверенный, напыщенный набл. Свободна! Да сам ты свободен, наблище! Драное!

— Та-ак. — Меня отловили на крутом вираже в холл, развернули лицом к себе. — А ну пошли.

— Куда?

— Кофе пить. Держи. — В заледеневшие руки сунули стаканчик с кофе, добытый из автомата.

Я проглотила все разом, почувствовала только сладость и послевкусие слишком густой пенки.

— Садись давай. — Хейд подтолкнул меня к диванчику и потянул вниз. — Как он тебе?

— Кто?

— Гроу.

Как?! Он?! Мне?!

— Почему ты мне о нем не сказал?!

— Чтобы ты бегала по потолку?

— Чтобы я смогла подготовиться!

— К такому подготовиться невозможно. — Хейд протянул мне свой стаканчик, в котором кофе еще был, но я покачала головой. — На него иногда... ладно, на него частенько находит. На репетициях он вытряхивает из актеров и певцов все, на что они способны. Вместе с ошметками нервов.

Да уж, я заметила.

— У него не бывает полутонов, но на выходе из его постановок получается нечто.

Не выдержала и фыркнула. Можно подумать, мне от этого легче.

Хотя стоит признать, Гроу шикарен. Я видела его самый скандальный мюзикл «Горячее только звезды», тот самый, что хотели запретить. До безобразия простая, бесстыдно откровенная история была подана так, что я не отлипала от экрана все два с половиной часа. И это притом, что не очень люблю смотреть записи — они убивают большую часть очарования, которая творится на сцене.

— Не грузись. Ты была на высоте.

Угу. Выше только звезды.

— Кстати, финалом его приложила шикарно. Молодчина.

— Ты был на прослушивании?

— Сидел на самом верху. Твой голос — это нечто.

— По мнению Гроу, мой голос недостаточно хорош.

Потому что у меня в свое время не хватило денег на Мэйстонскую оперную академию, где голоса ставят как надо.

— По мнению Гроу, достаточно хорош только он сам. Привыкай.

Привыкать? Нет уж, спасибо.

— Я бы не потащил тебя в оперу, если бы считал, что твое место на эстраде, — хмыкнул Хейд.

— При чем тут ты? — Повертела в руках стаканчик и бросила в урну.

— С тех, кого привожу я, спрос всегда больше.

— Так ты лично с ним говорил?

— Разумеется. Те двое, что там сидели, — это его кастинг-режиссер и продюсер, но по большому счету последнее слово все равно за ним. Хрена с два он возьмет кого-то, если сам не видит его в роли.

— Тогда на фига ему кастинг-режиссер?

Хейд развел руками.

— Насколько я понял, он к нему прислушивается.

— А что насчет Кларин Сиддэрли?

— У Гроу с ее агентом была предварительная договоренность. Он даже ее пробовал... — Хейд взъерошил волосы и отстраненно глянул на охранника. — Но контракт еще не подписан. Поэтому я пришел к нему и сказал — у меня есть твоя Люси. Потому что это крутая постановка, звездочка, и потому что она порвет Мэйстон. Но главное, ты ее достойна.

Настолько достойна, что меня пнули с прослушивания?

Так, все, проехали. Дышите ровно, эсса Ладэ. Ровно и глубоко.

— И что теперь?

— Теперь будем ждать, — подмигнул он. — Возьмет тебя Гроу или нет, твой голос возьмет оперу. Я сделаю для этого все от меня зависящее.

В серых глазах мелькнули искорки веселья, которое невольно передалось мне. Кажется, даже начало отпускать — по крайней мере, больше не хотелось треснуть признанного гения чем-нибудь потяжелее.

— Спасибо, — сказала я.

— С тебя танец, — фыркнул Хейд. — Приватный.

— Хей!

— Шучу. Обычный. Это ровно тридцать процентов от твоего сногшибательного обаяния, которое достается другому, пока что мне неведомому парню. Считай это комиссией за восстановительные работы после гроукатастрофы. Пойдем.

Не выдержала и рассмеялась, в ответ он шустро вздернул меня на ноги и почти прижал к себе в развороте на турникет. Вообще-то до машины меня должен был провожать Рольген, но сил объясняться еще и по этому поводу с Хейдом не было. Завтра, все завтра. Или вообще потом.

С агентом мы распрощались на стоянке, безопасник хоть и помрачнел, но ни слова не сказал. Пока мы поднимались по воздушному рукаву, смотрела, как Хейд становится совсем крохотным, так же, как и его флайсоцикл. Уменьшалось и здание Мэйстонской оперы, отдаваясь, поблекли огни в высотной дымке, площадь стянулась до размеров донышка кофейной чашки. А после и вовсе пропала из виду.

По дороге мы болтали о превратностях творческой профессии, чокнутых гениях и немного о внучках Валентена — без них почти ни одна поездка не обходилась. Чем ближе подлетали, тем сильнее меня клонило в сон — видимо, сказывалось напряжение последних дней. Сейчас приду домой, лягу спать и до завтра удержу состояние эмоциональной невесомости, а завтра уже будут результаты. Какие-никакие, а будут. Я выложились на полную, я пела круто, и это главное.

Дом встретил тишиной, которую нарушило бодрое цоканье когтей

Марра. Виар радостно ткнулся носом в пальто, оставил на нем шерстяной начес — видимо, для утепления, и ускакал на кухню, где принялся греметь пустыми мисками. Явно намекая на то, что пора есть. Прошла на кухню и обнаружила, что миски действительно пусты — аккуратненько вымытые, стоят в сторонке. Странно. Почему Танни его не покормила?

— Танни! — крикнула я. — Я дома!

Тишина.

— Танни! — чуть громче.

Наверное, опять музыку в наушниках врубила на полную и рисует своего Мика. Поднялась наверх, дернула ручку двери в комнату сестры, и... раздался легкий щелчок.

Дверь была заперта. Изнутри.

ГЛАВА 14

Это еще что за новости? Танни запирается, когда не в настроении или когда мы ссоримся. Учитывая, что не ссорились мы со дня появления в нашей квартире Грэнса и Каррока, остается второе.

— Тан? — Негромко постучала.

Тишина.

— Танни!!!

Пришлось пустить в ход кулак, который немилосердно заныл. В комнате что-то зашелестело, что-то шмякнулось, а потом из-за двери раздалось:

— Чего тебе?

— Не хочешь вместе поужинать и поболтать перед сном?

— Нет.

Судя по интонациям, действительно не в настроении.

— Так и будем через дверь разговаривать?

Молчание.

Да что у нее там случилось-то?

— Виу! — донеслось жалобное снизу.

Марр уже смолотил еду и теперь сидел у лестницы с такими глазами, что сразу становилось понятно: с ним не гуляли. Мы договорились, что это сделает Танни — в счет очереди на следующей неделе, потому что я не представляла, когда вернусь. Хорошо хоть освободилась раньше, чем рассчитывала. Неужели так сложно вывести виара минут на двадцать?!

— Танни, открой дверь.

— Я спать хочу!

Танни — и спать? В такое время?!

— У тебя все в порядке?

— Все просто чудесно! Теперь ты от меня отстанешь?

Прителепортанулись.

С Миком, что ли, поругалась? С чего бы? Они друг друга сообщениями забрасывали, вместе гуляли с Марром. Сегодня утром она дожидаться не могла, когда с ним увидится, наспех покидала в себя еду. Я ушла раньше, но, судя по горке немытой посуды, оставшейся на подносе машины, Танни выбежала следом. Даже ланч забыла, я обнаружила его в холодильнике, когда вернулась с маникюра.

— Ты почему с Марром не погуляла?

— Дерьмо!

Дверь распахнулась так резко, что я едва успела отскочить. Танни вылетела в коридор, взъерошенная и злая. Хвост, несколько раз пережатый резинкой, превратился в фонтан разноцветных прядей, то тут, то там торчащих в разные стороны. Судя по всему, она даже не переодевалась — свитер и джинсы, в которых сестра ушла в школу, приняли изрядно помятый вид.

— Ну чего еще? Сейчас погуляю.

— Пойдем вместе.

— На кой?

— Хочу с тобой поговорить.

— О чем?!

Вместо ответа я указала ей в гостиную, где уже притоптывал виар. Танни закатила глаза и направилась вниз, а я к себе. Выпуталась из платья, влезла в джинсы, застегнула кофточку. Когда спустилась в холл, сестра со скучающим видом отколупывала лак с ногтей. Пластинки отлетали и падали прямо на пол, но я промолчала. Нужно хорошенько подумать над тем, с чего начать разговор.

Особенно хорошенько, если она действительно поругалась с Миком.

На улице было морозно, поэтому шею замотала шарфом поверх куртки — не хватало еще простудиться, а ноги вбила в теплые сапожки на сплошной подошве. Танни нахлобучила шапку с висячими за спиной «ушами», заканчивающимися помпонами, одернула дутик. В таком составе мы и вышли на улицу: горячий сердцем и телом Марр бодро потянул нас в сторону парка, но я его придержала.

— Не беги, чудовище. Холодно.

Холодно и правда было не по-детски. Перед тем как в Мэйстоне начинаются снегопады, обычно заворачивают «голые» холода, от которых зуб на зуб не попадает. Сопровождаются они продувающими ветрами с Гельеры, забирающимися во все места, не упакованные в слои одежды. Эх, в Зингсприде бы сейчас, понежиться на песочке там, где вечное лето.

Мысли о Зингсприде пришли как-то не вовремя. А ведь до «Артомеллы» осталось совсем чуть-чуть. До «Артомеллы» и солнечных выходов с Рэйнаром.

Виары и ларрки!

У меня даже купальника нормального нет.

Есть парочка на случай бассейна. А поскольку в бассейне я давно не была, купальникам этим уже пора на пенсию.

— Чего тебе от меня надо?

Голос сестры заставил вздрогнуть и вернуться в реальность.

Мы как раз пришли в парк, и я отпустила виара. Тот рысью ускорился в сторону любимых кустов, на ходу расправляя крылья, подпрыгивая и подлетая. Мы медленно побрели следом. Вообще гулять вот так было странно — давно мы с Танны не выбирались никуда вместе. Сразу вспомнились слова Рольгена о разнице между другом и родителем. Эх, кто бы меня научил, как правильно поступить. Как правильно подобрать слова...

— Танны... у тебя что-то случилось?

— С чего ты взяла?

— Потому что ты заперлась в комнате.

— Тебе в голову не приходило, что я просто хочу побыть одна?

— Танны, — вздохнула и посмотрела на сестру, — у меня был долгий день... очень долгий день. Поэтому давай просто поговорим по-человечески.

Танны поежилась и сунула руки в карманы дутика. Припустила так, что я едва за ней поспевала.

— А если я не хочу?

— Что?

— Говорить по-человечески!

— Почему?

— Потому что! — Сестра остановилась, словно на стену налетела. — Просто потому что, понимаешь? Хотя нет, вряд ли ты понимаешь! Я говорила, что не хочу видеть своего папашу, но ты притащила его на мой день рождения! Потому что ты так захотела!

Теперь уже остановилась я.

— Мне казалось, ты сама этого захотела.

— Казалось! — Губы Танны искривились, она обхватила себя руками. — Потому что это нужно было тебе. Потому что ты этого хотела, ты, а не я!

При чем тут эстерд Барт?

— Да что произошло?! Вы поругались с отцом?

Танны вскинула руки.

— Знаешь, что? Гуляйте-ка вы дальше вдвоем. Не терпится от меня избавиться? Расслабься! Я совершеннолетняя, найду работу, а ты освободишься от обузы.

Развернулась, чтобы убежать, но я перехватила ее за рукав.

— Что ты сказала?!

— Что слышала! — Сестра рванулась с такой силой, что дутик

жалобно затрещал. — Отвали! Отвали, я сказала! Видеть тебя не могу!

Меня уже трясло, но все-таки я постаралась вложить в голос всю свою выдержку.

— Танни, ты...

— Что я? — Танни вновь рванулась, но я держала крепко. — Ну что? Сейчас будешь рассказывать, что и кому я должна, что мне надо делать, хотя даже звонят теперь ему?! Хочешь знать, каково это, когда родной отец называет тебя шлюхой?!

Ошеломленная, я подавилась несказанными словами. Захлебнулась порывом колючего ветра, закашлялась, а Танни бросилась на меня и ударила в плечи. Так, что я попятилась. Снова. И снова. Куртка смягчала толчки, я же настолько растерялась, что даже пошевелиться не могла, просто продолжала отступать. До тех пор, пока из темноты не вылетел Марр. Плотно вцепившись зубами в дутик, виар с рычанием потянул сестру назад.

— Хочешь знать, что произошло? Отлично! Я тебе расскажу. Мик переспал со мной потому, что поспорил со своей компашкой. Драная ларрка Броджек вызвонила моего папашу, и он выговаривал мне. При ней! Знаешь, почему Мик подарил мне эту приставку? Потому что следующий секс с таким, как он, мне светит только в виртуальной реальности. Так он сказал. Довольна?!

Танни с силой оттолкнула мою руку и бросилась к выходу, я за ней.

— Танни! Стой!

— Отвали! — Не оборачиваясь. — Оставь меня в покое!

— Пожалуйста, остановись!

Марр догнал сестру в три прыжка. Схватил за курточку, дернул, а Танни сжала кулак и со всей силы саданула ему в нос. Виар взвизгнул, шарахнулся назад, и в меня потоком хлынули обида, боль и непонимание. Такие... искренние, такие болезненные, что я чуть ли не зарычала. Прежде чем сестрица успела хоть что-то сделать, налетела на нее вихрем, схватила за шиворот и потащила за собой.

— Отпусти! — попробовала взбрыкнуть, но я тряхнула ее с такой силой, что тряхнуло меня.

— Не дергайся.

— Совсем очешуе... — взвыла Танни, но под моим взглядом подавилась последним словом.

Я тащила ее к дому, вцепившись в дутик, не обращая внимания на ошалевшие лица прохожих. Чудом не вписалась в молодого парня с высоко поднятым воротом пальто, когда оглянулась посмотреть на плетущегося

позади Марра. Виар то и дело тряс головой, а меня накрывало. Вина, обида, боль, разочарование. Потухший взгляд. И снова вина и боль — чувства зверя, которые сейчас били сильнее, чем мои.

Втащила сестрицу в квартиру, волоком втянула на лестницу, а затем в комнату, швырнула к стене и указала на стоящую в углу коробку с приставкой.

— Вот! — заорала. — Вот та мразь, которая сделала тебе больно. Не я! Не он!

Ткнула в сторону гостиной, где остался Марр.

— Эта мразь, которому такая, как ты, не светит даже в виртуальной реальности!

Шагнула к столу и с силой выдернула подставку для планшета и перьев. Все содержимое посыпалось на пол, а я сунула ее в руки сестры.

— Бей! — рявкнула. — Бей, или я сама это сделаю!

Танни обалдело посмотрела на меня, а потом размахнулась и со всей дури врезала по коробке. Хруст, треск, в стороны полетели ошметки упаковки и какие-то детальки. А Танни уже замахнулась снова. Она колошматила по этой несчастной приставке, пока та не превратилась в грудку жалких клочков, обломков, погнутого металла и пластмассы. До сбитых пальцев и огненных щек. Отшвырнула подставку в сторону и повернулась ко мне. Задышающаяся, растрепанная, со сверкающими глазами.

— Все? Теперь ты оставишь меня в покое? Или в душ тоже вместе пойдем?!

Понимая, что сейчас могу наговорить лишнего, вылетела из спальни. В гостиной рванула окно, уперлась ладонями в колени, пытаюсь отдышаться. Ледяной воздух обжигал легкие, не сразу поняла, почему пахнет паленым, а когда поняла, с визгом сорвала занявшиеся перчатки и затоптала огонь. Джинсы не полыхнули только потому, что я сбила с них искры раньше, чем превратилась в живой костерок. Сердце бухало о ребра.

Несколько минут ушло на то, чтобы справиться с огнем.

И еще несколько — чтобы выровнить дыхание.

Я вытащила из куртки мобильный и набрала номер отчима.

— Леона? — Голос у него был раздраженный. — Я собирался тебе зво...

— Ты назвал Танни шлюхой. Это правда?

Тишина.

— Это правда?!

— Правда, но я был на взводе. Ей не стоило...

Внутри что-то мелко задрожало, как будто по натянутой струне били железным прутом. Задрожало, а потом порвалось.

— Забудь мой номер, — прорычала в трубку. — Забудь, что у тебя были мы. Ты, урод хренов! Я доверила тебе самое дорогое, что у тебя было в твоей паршивой жизни, а ты что сделал?

— Как ты смеешь мне выговаривать?! — Голос отчима взлетел в фальцет.

Как смею?! Как я смею?

— Ей была нужна твоя поддержка!

— Теперь я понимаю, что эссерда Броджек права. Это твое воспитание привело к тому, что...

— Еще одно слово про мое воспитание, — прошипела я, — и к тебе снова придут. Только на этот раз уже не с вопросами.

— Ты что, мне угрожаешь? — Вот теперь его голос дрогнул.

— Просто хочу, чтобы ты знал. Еще раз сделаешь Танни больно — урою. Сунешься к ней — урою. Я ее сестра, и я запрещаю тебе к ней подходить. Усек?

— Ты ей никто! — процедил он. — А я ее отец!

— Отец? — хмыкнула. — Носитель генетического материала.

Нажала отбой, сдавила телефон между ладонями.

Марр подошел и сел рядом, заглядывая в глаза.

Положила руку виару на голову, почесала между ушей.

— Она не со зла, чудовище. Ей больно.

— Виу.

Только сейчас поняла, что стою в верхней одежде и уличной обуви. На полу валялись дымящиеся дырявые перчатки, а джинсы обзавелись подпалинами, однозначно намекая на то, что эмоции мне противопоказаны. Из распахнутого настежь окна тянуло холодом, как из самой глубины сердца. Подошла ближе, подставляя лицо обжигающему ветру и глядя на рассыпанные по черному небу блески созвездий. В такой холод небо почему-то становится пронзительно-высоким, а звезды видны особенно ярко.

Пожалуй, впервые за все время, что мы с Танни остались одни, я не знала, как быть. Как помочь, как исправить то, что произошло. Получится ли у меня все исправить? Можно ли такое исправить вообще?!

Мразь! Дерьмо! Урод моральный!

Ладно, хрен с ним, с Миком. И даже с эссердой Броджек, но отчим?!

Как я могла быть такой душой? Как вообще могла поверить, что ему действительно важна Танни?!

Ему. Им обоим!

Почему я не страхла с Хейда имена посетителей «Веалии»?! Почему не развернулась, не побежала за парочкой, не взгляделась в лицо этой мрази, в его самоуверенную ухмылочку, показавшуюся знакомой?! Почему ничего не сказала Танни?!

Потому что торопилась на встречу.

Потому что сгорала во флайсе с Рэйнаром.

Потому что...

Дабы не подпалить что-нибудь еще, разделась и пошла готовить ужин — из того, что нашлось в холодильнике и могло быстро превратиться в горячую еду. Можно было позвонить в службу доставки, но мне нужно было отвлечься.

А главное, у меня даже получилось.

И ничего не пригорело. Нигде.

Разложив по тарелкам, хотела отнести наверх, но потом решила, что Танни полезнее будет вылезти из комнаты. Особенно сейчас, когда ее спальня напоминает побоище. Она и правда напоминала: к разломанной приставке присоединились ботинки, обрывок подарочной упаковки, носок, леденец, беспорядочно разбросанная одежда. Не просто разбросанная — ощущение было такое, что джинсы, свитер и куртку смело ураганом.

Сама Танни свернулась на кровати клубочком: закутавшись в одеяло, с мокрыми после душа волосами и заплаканным лицом. Спящая, она выглядела совсем девчонкой. Да что там, она и была совсем девчонкой.

Немного постояла, глядя на сестру, потом погасила свет и вышла.

Сейчас, когда эмоции схлынули, разум стал холодным, как небо. Наверное, никогда раньше он не был таким холодным.

С отчимом разобрались.

На очереди эстерда Броджек. И Мик.

Секретарь директрисы не успела и слова сказать. Я прошла мимо нее, не размениваясь на приветствия или на то, чтобы повесить в шкаф куртку.

— Эсса Ла...

Вторая половина имени застала меня уже в кабинете Мильмены Броджек, которая вскинула голову не то на мои шаги, не то на голос Мальтии:

— ...дэ.

Секретарь влетела следом, покрасневшая и напуганная.

— Эсса Ладэ... Эстерда Броджек, простите, я не успела... она...

— Вам платят за то, чтобы вы все успевали. — Директриса поднялась,

раздувая ноздри, и глянула на девушку так, что любая другая на ее месте испарилась бы. Буквально. Хотя я даже приблизительно не представляла себе, как секретарь могла меня остановить. Несмотря на то что была чуть выше и немного объемнее, ей пришлось бы проявить как минимум сноровку Рагги Харримана, ловца флангстонской сборной по гратхэнду. — Кажется, я предупреждала, что занята. Вам придется подождать, эсс...

— Нет, — сказала я, — не придется. А вот вам придется многое мне объяснить, эссерда Броджек.

Директриса стала пунцового цвета, из-за чего пучок волос показался еще более блеклым, а водянистые глаза потерялись на треугольном лице.

— Да что вы себе позволяете... — начала было она, но я подняла руку.

— Не больше, чем вы. Хотите продолжать при секретаре?

Секретарь не знала, куда себя деть. А заодно меня. Но если с первым еще можно было что-то поделаться, то со вторым вряд ли.

— Мальтия, оставьте нас, — наконец произнесла эссерда Броджек.

С таким видом, словно глотнула сока лица без подсластителя. Не дожидаясь приглашения, я прошла к директорскому столу и села.

— Не помню, чтобы я приглашала вас садиться, эсса Ладэ.

— Не уверена, что мне требуется ваше приглашение, — сообщила, глядя в глаза директрисы.

На какое-то время в кабинете повисло молчание. Напряжение сгущалось, я чувствовала ледяные ожоги, которые вплавляло мне в спину возмущение директрисы. Видимо, она ждала, что я обернусь и признаю свою ничтожность, но так и не дождалась. Тишину нарушил четкий стук каблучков. Мильмена Броджек обошла меня и приблизилась к своему столу.

— Неудивительно, что в вашей семье творится такое.

— Удивительно, — сказала я, — что такое творится в вашей школе. Отцу Лодингера вы тоже звонили?

— А вот это уже не ваше дело.

— Ошибаетесь. Как раз мое. — Я сцепила руки на столе и посмотрела на нее сверху вниз, хотя та возвышалась надо мной, как корявый остов недостроенной малобюджетной высотки. — Моя сестра...

— Ваша сестра, — по мере того, как к эссерде Броджек возвращалось самообладание, возвращалось и ее привычное снисходительное высокомерие. Директриса опустила в кресло и поджала губы, — сама поставила себя в такое положение. Полагаю, исключительно потому, что ее моральные качества оставляют желать лучшего.

Я сделала глубокий вдох, досчитала до десяти и даже в окно посмотрела. По дороге сюда решила, что буду держать себя в руках,

поэтому наш разговор начался еще относительно спокойно. По сравнению с тем, что могло бы быть. Особенно учитывая, что ночью я почти не спала — все время прислушивалась, что там творится в комнате Танни. Несколько раз даже наведывалась, чтобы посмотреть, все ли в порядке, но сестра спала. Спала крепко, обхватив руками подушку, а рядом на полу лежал Марр. Лежал с полуприкрытыми глазами, мордой к ней, чутко отслеживая малейшее движение.

Ближе к утру я все-таки провалилась в сон. Предварительно поставила будильник на шесть, чтобы успеть поговорить с Танни перед тем, как она уйдет в школу. А проснулась в десять — мобильный самым пакостным образом разрядился.

— Я позвонила ее отцу, потому что вы, как я полагаю, не только не способны сделать из ситуации соответствующие выводы, но и наглядно объяснить девочке, что к ней привело.

— Ее официальным опекуном являюсь я, — повторила холодно. — Несмотря на то что Танни уже совершеннолетняя, до окончания школы она остается на моем попечении. Вы прекрасно знаете закон и прекрасно понимаете, что не имели права этого делать. Закроем тему, и, надеюсь, мы друг друга поняли. Вы беседовали с Лодингером?

Она захлопнула ноутбук с такой силой, что он жалобно хрустнул.

— Это вас совершенно не касается.

— Все, что касается моей сестры, касается меня.

— Я пригласила мальчика и провела разъяснительную беседу по поводу его мелкого хулиганства...

Мелкого хулиганства? То, что этот урод провернул с Танни, она называет мелким хулиганством?

— Если я сейчас возьму ваш ноутбук и выброшу в окно, это будет мелкое хулиганство. — Я подалась вперед. — А то, что сотворил он, — набово скотство.

— Я бы попросила вас выбирать слова.

— А я бы попросила вас подбирать слова. Мелкое хулиганство так называется потому, что отец Лодингера регулярно переводит особо крупные суммы в фонд школы. Всем об этом известно.

— Да как вы смеете!

Ноздри эстерды Броджек раздулись, брови сошлись на переносице.

— Считаете, что можете безнаказанно врываться в мой кабинет, оскорблять, угрожать...

— Поверьте, я еще даже не начинала, — холодно сообщила я. — Сейчас вы пригласите Лодингера в кабинет и отстраните его от занятий без

возмещения оплаты на неделю. А еще заставите извиниться перед Танни. В моем присутствии.

— Вы не вправе ничего требовать! — Директриса хлопнула ладонью по столу. — Если вам не хватает опыта и умения, чтобы привить сестре должные моральные качества, другие за это не в ответе. Почему-то из всех девочек школы именно она оказалась на видеозаписи сомнительного содержания...

Что-о-о?!

Мильмена Броджек осеклась, но было уже поздно. Я почувствовала, что руки снова начинают гореть. Вместе с ними вспыхнули щеки. Я вспыхнула так, что по ощущениям могла спалить эту долбаную школу, всего лишь дохнув. Вот только с ладоней не сорвалось ни единой искры, а голос прозвучал удивительно тихо:

— Что вы сказали?

— Гм. Я думала, об этом вам тоже известно, — пробормотала она, бессмысленно маскируя замешательство под напускной холодностью. — Эта гадость... была заснята на видео и оказалась во внутренней сети школы. Разумеется, ее сразу же изъяли.

Гадость? Первый раз моей сестры?

На видео.

В школьной сети.

И моя Танни утром просто пошла в эту школу.

Или не пошла?

Кабинет Броджек сначала стал очень маленьким, а потом расширился до пределов вселенной. Залитой огнем до краев.

— Танни сейчас на занятиях? — рывком поднялась из-за стола.

— В мои обязанности не входит следить за посещаемостью каждого ученика.

— В ваши обязанности не входит ничего, кроме как лизать задницу спонсорам. Звоните секретарю. Узнавайте.

Директриса подавилась воздухом. Лицо ее сначала побелело, а потом снова заалело, как рагранский полевой цветок. Она подскочила из кресла сжатой пружиной, указала мне на дверь, хищно сверкнув идеальным маникюром. Острие стилета вонзилось в воздух рядом с моей переносицей.

— Вон! Убирайтесь, пока я не вызвала охрану!

Огонь плеснул в ладони, я оттолкнулась от стола и шагнула к ней. Искры взметнулись язычками пламени, раскаляя воздух. Эссстерда Броджек издала странный звук, даже рукой потянулась к горлу. Словно задохнулась от пышущего в лицо жара.

— Вы не ту девочку обидели, — ворвались в голос рычащие нотки. — Это понятно?

— Вы... вы...

Директриса хватала губами воздух, пока дар речи к ней не вернулся.

— Вы...

— Я подам на вас в суд, — процедила я, — за то, что о случившемся с Танни узнал ее так называемый отец. За то, что вы даже не потрудились позвонить мне, хотя именно я являюсь ее официальным опекуном. И, пожалуй, за то, что в вашей школе делают ставки на людей, а вы этому потворствуете. Как думаете, кто его выиграет?

— Ваша сестра совершеннолетняя! — взвизгнула директриса. — Она несет ответственность за свои поступки, я вообще не имею никакого отношения к тому, что происходит вне стен школы...

Глаза ее забежали, я же просто стояла, не в силах сдвинуться с места. Понимала, что, если сейчас пошевелюсь, полыхнет знатно.

— Звоните секретарю, — повторила. — Сейчас же!

Не в силах отвести от меня взгляд, директриса подтянула к себе телефон и что-то забормотала. В слова не вслушивалась, вслушивалась в гулко ухающее сердце и текущий по венам огонь. На этот раз он накатывал волнами, рвался сквозь ладони, грозя не просто спалить, испепелить все на своем пути. На нем я сосредоточилась, делая вдох за вдохом, заставляя медленно отступать. Лодингер... Мысль о нем хлестнула как шквальный ветер, сильнее раздувающий пламя.

Мразь, какая же мразь!

Вспомнился счастливый взгляд Танни, ее улыбка.

Улыбка, какой я никогда до него не видела.

Бесконечные сообщения между делом.

И ведь не ленился, писал!

— На занятиях, — дрожащий, кислый голос директрисы плеснул в сознание. — Ваша сестра на занятиях. Вы довольны?

Словно поставив точку в нашем разговоре, по зданию школы гулким эхом прокатился мелодичный звонок.

— Более чем, — сложила ладони, которые едва заметно дрожали. — Пригласите Танни к себе в кабинет. До этого подготовьте ее документы и документы на выплату по неустойке. Я забираю сестру.

Мишель Броджек приоткрыла рот:

— О... о... какой неустойке речь, если ее забираете вы?!

Я обошла стол. Огонь еще бился в ладонях, но уже тише. Видимо, почувствовал мою власть и отступил, сознавая, что воли больше не

получит.

— Готовьте документы.

Не дожидаясь ответа, развернулась и вылетела за дверь. Секретарь вскинула голову и тут же снова уткнулась в монитор.

— Где я могу найти Микаса Лодингера?

Мальтия приоткрыла рот. Я терпеливо ждала, пока она придет в себя. Подобие накрывшего меня ступора не было похоже ни на что из того, что мне доводилось испытывать раньше. Полыхала внутри, но снаружи меня словно сковало коркой непробиваемой окаменевшей лавы.

Секретарь вынырнула из расписания.

— Они сейчас сдают кросс... Наверное, на поле.

На время перемены от голосов и шума школа превратилась в гудящий улей. Пищали электронные замки личных ящиков, кто-то смеялся, кто-то возбужденно обсуждал баллы, преподавателей и видеолекции. Я не вглядывалась в учеников, только в электронные указатели, ведущие к лифтам. Четче всего слышала биение сердца и свои шаги. Очередной поворот, сомкнувшиеся створки, очередной коридор и выход на стадион, над которым на время занятий растянули утепляющий купол.

Народу было полно: несколько девочек разминались на поле, кто-то сидел на трибунах и жевал. Вглядывалась в лица, пока не увидела Лодингера. Прислонившись к опоре одной из трибун, он притянул к себе блондинистую девушку. С ногами от ушей, блестящими, стянутыми в хвост волосами, роскошную, как королева выпускного бала, даже в спортивной форме. Рядом с ними стояла еще одна пара, которая гоготала в ответ на каждое слово, вылетающее из его рта.

Первой меня заметила блондинка, скользнула равнодушным взглядом и отвернулась. Потом глянула снова, прищурилась, дернула Лодингера за рукав.

— Ты ее знаешь?

Мик повернулся, и все последовали его примеру. На холеном лице расплылась улыбка, он взъерошил взмокшие волосы, пропуская их сквозь пальцы. На серой футболке темнели пятна пота.

— Зна-а-а-ю, — произнес нарочито медленно, раскатывая на языке каждую букву. — Ее зовут Леа... Сестренка идет ругать меня за Танюшку.

Все четверо грохнули.

Подошла и остановилась.

— Поговорим?

— Хочешь наедине?

Девчонки прыснули, дружок Лодингера усмехнулся.

Хмыкнула.

— А не засышь?

Улыбка с лица Мика стекла мгновенно. Он сунул руки в карманы, и блондинка недовольно нахмурилась.

— Валите. Разберемся, и догоню. — Стоило его друзьям отойти, резко шагнул вперед и ткнул меня пальцем в грудь. — Давай-ка сразу по делу... Леа.

Имя он словно выплюнул.

— Забей и смирись, если не хочешь неприятностей. Потому что если вдруг — обеспечу. Легко.

Лодингер смотрел на меня, а я на него. В это смазливое лицо, в сверкающие глаза, которые я помнила по фоткам.

Танни рисовала его портрет.

Его долбаный портрет!

— Любишь сверкать задницей? — перебила, понижая голос до полного нуля.

Мик обалдело уставился на меня.

— Снимай штаны и беги.

Приказ отдала четко, глядя в глаза, а потом развернулась и направилась обратно к дверям. За моей спиной повисла полная тишина, впрочем, когда я дошла до дверей, тишина воцарилась уже надо всем полем. Кто-то присвистнул, следом эхо подхватило отголосок взлетевшего над стадионом вопроса:

— Это что, Лодингер?!

— Вот ларрченьш! — с чувством сказала Лэм, когда я замолчала. — Ты все сделала правильно, даже не сомневайся.

Я посмотрела на свои руки, с которых чуть ли не в лицо директрисы сорвался огонь. Ступор понемногу отступал, на смену ему пришло странное дикое чувство — когда отчетливо понимаешь, что натворила, но ничуть об этом не жалеешь. Сейчас я уже смутно представляла, как это произошло. Помнила только, что она вскинулась, а в следующий миг внутри взметнулась волна звериной ярости и пламя вырвалось на свободу вместе с рвущимся из груди рычанием. Честно говоря, не думала, что у меня вообще получится отдать приказ. Я вылетела из кабинета с единственной мыслью: найти, наказать, разорвать! Читай, вломить ему между ног коленом так, чтобы горело несколько дней. Потом Мик начал глумиться, а в итоге отправился скакать по полю, сверкая голой задницей.

И ведь не скажешь, что хуже.

Глянула на Лэм.

— Не знаю, что делать дальше, — призналась честно.

— А чего хочет она? — Лэм подвинула ко мне чашку с остывшим кофе.

Из комнаты Танни лилось унц-унц-унц, ты-ды-ды-ды и в-в-иии-х. Гнусавое пение, пробивающееся сквозь басы, не спасали даже эти дикие звуки.

— Бросить учебу и найти работу.

В школе сестра мне ни слова не сказала. Молчала она и когда мы возвращались домой. Только попытавшегося разговорить нас молодого водителя наградила таким взглядом, после которого он перестал улыбаться и включил музыку погромче. Даже не попрощался и не поблагодарил, когда я провела карточкой над планшетом, добавив неплохие чаевые.

Зато когда мы вернулись, Танни прорвало. Выяснилось, что в другую школу переводиться она не намерена, что поссорилась из-за Мика с Имери и остальными, потому что они уверяли ее, что он набл, каких пещеры не видывали. На вопрос, почему она ничего не сказала про друзей, заявила, что мне насрать, и всегда было насрать, вот пусть так дальше и будет. Что сейчас она стала совершеннолетней и может сама во всем разобраться. Мы не поссорились только потому, что сестра сбежала к себе и снова закрылась.

— Хочешь совет, лапонька? Чем меньше ты будешь с ней возиться, тем лучше. — Лэм постучала пальцами по столешнице. — Сидеть дома и прислушиваться к каждому вздоху не вариант. Захочет есть — сама выйдет.

Удивленно взглянула на подругу.

— Девчонка она у тебя сильная. Если сразу глупостей не наделала, уже не наделает. Вон даже в школу пошла, чтобы показать всем набла. Ну а дальше... такое можно пережить только самостоятельно. Как бы вокруг тебя ни плясали, легче не станет, станет только хуже. Можешь мне поверить.

Я верила. Долго думала, звонить подруге или нет. Я вообще много чего передумала за то время, пока убиралась на кухне, пока сидела в гостиной рядом с Марром, пока смотрела какую-то фигню по визору с выключенным звуком. Ведущая ток-шоу что-то вещала, беззвучно открывая рот, точно так же рты открывали участники, устроившиеся на удобных диванчиках, а массовка бесшумно рукоплескала и сыпала улыбками.

Собственно, позвонила только потому, что Лэм в свое время прошла через это.

Повезло, что она оказалась выходная. Повезло, что без вопросов

примчалась ко мне, потому что оставлять Танни одну я была не готова.

— В лучшем случае она просто погрязнет в жалости к себе. В худшем сядет тебе на голову и пустится во все тяжкие.

— Предлагаешь делать вид, что ничего не случилось?

— Предлагаю вести себя как обычно.

— Но...

— Я серьезно! Поверь мне, уж я как никто знаю, о чем говорю. Мозги у нее на месте, а сердце... ну, такое только время лечит. Сейчас для нее, главное, знать, что ты на ее стороне, остальное фигня. Судя по тому, что ты сотворила, ты на ее стороне. Она не дура, поймет, когда будет не так больно.

— Угу.

— Вот тебе и угу. Не вздумай ее расспрашивать или пытаться смягчить. Когда Танни будет готова, поговорите нормально.

— А до того?

— А до того просто будь рядом. — Лэм оценила опустевшую мисочку, из которой я не стащила ни единой печенюшки. — Давай-ка лучше по кофе. И давай договоримся, что на этот раз ты будешь его пить.

Она прыгнула со стула и направилась к кофемашине. Мне же живо представилось, как мы сидели на этой самой кухне: Танни, Мик и я. Но я ничего не заметила.

Ни-че-го.

Или решила, что это недостаточно важно. А что было достаточно важно? То, что Рэйнар не звонил мне почти неделю.

— Эй, ты там?

— Там, просто задумалась.

— О чем это? — подозрительно спросила подруга.

— О том, что хреновая из меня сестра.

— Приехали! — Лэм захлопнула емкость для сливок. Щелчок, кофемашина мягко зашумела. — То есть ты думаешь, если бы мне в мои четырнадцать лучшая подруга сказала: «Рогги Варски — дерьмо набла и хочет тебя поиметь на потеху публике». Я бы ответила: «Да, круто, спасибо большое!» — и тут же дала этому придурку разворот? Ага. Скорее послала бы подругу и разругалась с ней до синих виарчиков, а то еще и сцепилась. Мозги включаются, когда дерьмо происходит. До этого жгут чувства.

— Но это не отменяет того, что я была занята чем угодно, только не Танни.

— Так, ты мне это брось. — Лэм повысила голос. — Даже если ты сейчас выдерешь у себя на голове все волосы, твоей сестре это не поможет.

Она помахала рукой перед шкафчиками, автоматические дверцы принялись открываться одна за другой. По звукам было похоже на то, что взлетает стая виаров.

— Ага! Печеньки! — Вытащила начатую упаковку и опрокинула все в миску, а потом повернулась и уперла руки в бока. — Вот. Посмотри на меня! Тогда я ненавидела всех парней и считала, что они вонючие наблы. Только из-за того, что один ларрченыш меня кинул. Где тот ларрченыш сейчас? А где я? Собираюсь замуж за самого крутого парня Аронгары. И...

Она вскинула руку, не позволяя себя перебить.

— Если скажешь, что это не так, сама выдеру тебе все волосы.

Не выдержала и рассмеялась.

— То-то же. Круче Дрэйка парня нет.

Лэм говорила насмешливо, но в голос ее все-таки просочилась нежность. Едва заметная, тщательно оберегаемая от посторонних ушей и даже от самой себя. После долгих лет одиночества ей нелегко привыкалось к совместной жизни, но с тех пор, как они обручились, с каждым днем все больше прорастали друг в друга. Честно говоря, я и раньше смутно могла представить их по отдельности, а сейчас так вообще.

Наверное, Лэмэрти права. Если у нее получилось перешагнуть через такое, у Танни тоже получится. Однажды в жизни сестры появится настоящий мужчина, а не этот кусок дерьма.

Права Лэм и в том, что моя сестра сильная.

Мы, Ладэ, вообще сильные. Так что справимся. И переживем.

— Во-от такой ты мне нравишься больше. — Подруга сунула мне под нос печеньку слишком резко. Отмахнулась, и печенька улетела к довольному Марру, который проглотил ее и умильно посмотрел на Лэм. Компенсацию за пережитое вчера в виде огромного куса мяса виар уже получил, а сейчас с радостным урчанием устроился рядом. Положил голову мне на колени, блаженно жмурясь, когда задевала пальцами самое чувствительное место между ушами. А уж когда принялась чесать подбородок... Кухню наполнило такое урчание, словно в окно залетел игрушечный радиоуправляемый флайс.

— Думаешь, Танни не бросит учебу?

— Уверена. Я вот не бросила, хотя поначалу хотелось. Обмозговала все и подумала, что с незаконченным мне особо ничего не светит, а из-за Варски ломать собственную жизнь — чистейшей воды идиотизм. Сейчас придет в себя, встряхнется, сходит на курсы этого... как его там...

Я не помнила. Зато отчетливо помнила, что этот подарок Танни сделал Рэйнар.

О том, что вчера напрочь вылетело у меня из головы. Вплоть до настоящей минуты, когда за окнами уже начинало смеркаться, и по хорошему, если все-таки ехать на работу, надо уже выдвигаться в сторону Ландстор-Холла.

О прослушивании. О том, что мы вчера не общались. Почему-то.

То есть со мной все понятно.

А почему он?

Наверное, этот вопрос из разряда разных спален. Риторический.

— Кофетъ подано. — Лэм уселась рядом со мной и потрепала Марра по голове. — Пей. Ешь. Я слежу. Тебе еще выступать сегодня. Не хочу, чтобы ты экзотично кувыркнулась со сцены в руки эстердов, которые только того и ждут.

Не выдержала и фыркнула.

— Ну-с, а насчет тебя что? — поинтересовалась подруга. — Как прошли выходные?

Чашка звякнула о блюдец, пенка обласкала края, как прибой берег. Узоры мгновенно таяли, как следы на песке, который облизывают волны. Реклама большинства зингспридских курортов начиналась именно с белоснежного песчаного побережья. Что характерно, Зингспридская опера тоже располагалась на побережье, только с другой стороны, рядом с деловым центром. Возвышалась над городом в арочной чаше, высота стебля которой немногим уступала Драконьему шипу.

Само здание стилизовано под так называемый драконий цветок. В природе это сплавленные между собой стеклянные кристаллы, тянущиеся к небу многочисленными «лепестками». Когда дыхание дракона раскаляет землю, отблески огня играют в гранях, преобразая их в огненные. Стены оперы во время представления из-за подсветки кажутся раскаленными и становятся «прозрачными». Выглядит сногшибательно. На голографических картинах, снимках, на видео.

Могу только представить, какая она вживую.

Так и буду теперь представлять, потому что поехать не получится. И об этом мне сегодня предстоит сказать Рэйнару.

Перевела взгляд на портрет Шайны, как если бы она могла помочь.

— Правильно смотришь, — заметила Лэм, философски ковыряясь ложечкой в остывающей гуще.

— Не-а, — сказала я. — Они были друзьями.

— Не начинай.

— Я разговаривала с Аррингсханом.

— Шутишь?!

Подруга подскочила на стуле и воззрилась на меня так, словно я утаила от нее жизненно важную информацию, срок которой истекает через пять секунд.

— В перерывах между выступлениями он пригласил меня пообщаться наедине.

— И-и-и?

— Сделал комплимент моему голосу и попрощался.

— Ну ни... набла ж себе, а. Ты не взяла автограф?

— Мне в тот момент как-то не об автографах думалось.

Лэм шумно выдохнула.

— У них не было романа. Он говорил о ней как о друге. А еще он говорил о ней в прошедшем времени.

— Думаешь, Аррингсхан в курсе, что с ней случилось?

Кивнула.

Шайна была моей музой и моим вдохновением. Именно мысли о ней не позволяли опустить руки, когда из них все валилось. Хотелось бы верить, что она живет где-нибудь в домике на побережье, но... Но талантливые певицы не бросают карьеру просто так. Не исчезают в никуда, особенно если твой голос называют достоянием Аронгары. Когда миллионы зрителей и меломанов по всему миру сходят по тебе с ума, и даже самые жесткие критики безоговорочно называют тебя шелковым сопрано, возносящим публику к небесам.

Об этой истории забыли как-то слишком быстро.

Полиция закрыла дело за неимением улик, хотя версий было множество, от похищения сумасшедшим поклонником до связей с теневым бизнесом и поспешного бегства.

— Тогда почему он ее не искал? — Лэм потерла подбородок и нахмурилась.

Действительно, почему?

Образ Гердехара Аррингсхана встал перед глазами так ясно, словно мы только вчера сидели в ресторане-пещере. Когда Шайна пропала, он уже был Председателем, главой Аронгары. Мог перевернуть полмира, чтобы ее найти, но вместо этого обронил лишь прощальные слова: «Она была без ума от музыки. Так же, как моя жена».

Эта мысль вонзилась занозой в сердце.

Может, все дело в том, что Шайна — просто оперная певица. А он правящий.

Тогда откуда такая горечь в словах?

Или все-таки искал, но нашел, когда было слишком поздно?

— Не знаю, — честно призналась я. — В мире иртыханов все сложно.

— Насколько сложно, лапонька? — Лэм поводи́ла ложечкой в пенке и нарисовала смайлик.

— Для меня очень. У них свои законы, и звериного в них больше, чем человеческого.

Не только в законах. В иртыханах тоже. Достаточно вспомнить пламя, полыхнувшее в груди. Оно выжигало, раздира́ло на части, призывало обрушить весь свой гнев на тех, кто посмел обидеть Танни. Ну вот и обрушила, и добавила бы еще. Пожалуй, теперь я как никто понимала драконицу, которая привела за собой остальных к границе города. Ею двигала боль и первозданная ярость.

— Это совсем другой мир. Временами мне кажется, что я смогу стать его частью, но потом...

— Но потом?

— Потом происходит что-нибудь такое, от чего у меня волосы на голове дыбом.

Особенно если вспомнить, за что Рэйнар хотел нацепить на брата запечатывающие огонь магические каракули.

— А ты хочешь? — Лэм задумчиво покрутила пустую чашку и отодвинула вместе с блюдцем. — Становиться его частью?

— Хочу.

Поразилась тому, как однозначно это прозвучало.

Действительно, до встречи с Рэйнаром я и помыслить не могла, что открою для себя мир огня и драконов с такой неожиданной стороны. Теперь пламя стало частью меня, моей сутью, и представить, как оно было раньше, без него, сейчас уже сложно. Без него — это без пламени или без Рэйнара?..

Продолжить мысль не успела: шаги, что-то клацнуло. Марр сорвался с места и улетел в гостиную. Вернулся уже вместе с Танни. Бледная, со стянутыми в хвост волосами, в линялом топе и шортиках, сестра наградила меня вызывающим взглядом и направилась к кофемашине. Бросила на ходу:

— Привет, Лэм.

— Привет, — та подмигнула. — Как дела?

— Шикарно. Подозреваю, она тебе уже все растрепала, так что давай этим и ограничимся.

Танни яростно ткнула в кнопку и вылетела с кухни. Я вскочила было следом, но Лэм усадила обратно. Хлопнула меня по руке.

— Не зависай. Знаешь, о чем я сейчас жалею?

Вопросительно посмотрела на нее.

— О том, что у меня не было такой сестры, как ты.

— Я у тебя есть сейчас.

— А я у теб...

— И это здорово. — Глянула на часы. — Можно я сегодня не пойду на работу?

— Нет, — сурово сказала Лэм.

— Тогда мне пора собираться.

— Давай помогу с посудой.

Сбросила Рольгену сообщение и поднялась. Мы шустро убрали со стола, сгрузили грязное в посудомойку. Игнорируя жалостливые взгляды Марра выдать ему еще печенья, протерли столы. Почти закончили, когда Танни явилась на зов кофемашины. Не глядя на нас, выдернула с креплений поднос и водрузила туда чашку с кофе. Нырнула в холодильник, и тут пиликнул ее мобильный. Вытащив телефон из заднего кармана, сестра открыла сообщение. Комнату наполнил шум любительской съемки, смех и возбужденные голоса.

У Танни отвисла челюсть. Буквально.

— Что за...

Осторожно глянула через ее плечо на дисплей с иконкой файтбоба. Двое суровых на вид школьных охранников мчались по стадионным дорожкам вслед за Лодингером, сверкающим пятой точкой. Таких трибун даже чемпионаты по гратхэнду не собирали — туда если не вся школа, то половина высыпала точно. Видео слегка дрожало, потому что оператор хохотал как ненормальный.

Из чего я сделала вывод, что Мика в школе любили не все.

Пока Лэм и Танни залипали над зацикленным видео, а охранники гонялись за звездой школы, мой телефон взорвался мелодией «Ураганное пламя» Вицкера Реймса. Можно было даже не смотреть на дисплей, я и так знала, что увижу.

«Местр Халлоран Драконище-не-драное».

Успела только коснуться экрана, когда из трубки донеслось рычание:

— Через полчаса в моем кабинете, Леона. Полчаса, и ни минутой позже.

ГЛАВА 15

Полчаса?! О чем он вообще говорит?!

— Мне на работу ну...

— Это приказ. Рольген в курсе. — Из динамика обдало холодом, а потом соединение прервалось.

Я моргала на погасший дисплей, пытаюсь собрать мысли в кучу. Прежде чем желание набрать номер Рэйнара и сообщить, куда он может пойти со своим приказом, набрало силу, в дверь позвонили.

— Ты кого-то ждешь? — Лэм наконец повернулась и тут же нахмурилась. — Все хорошо?

Танни наконец-то выключила видео и тоже уставилась на меня.

— Угу, — ответила я и отправилась открывать.

Потому что поблизости было слишком много всего, что можно разбить. Потому что последний раз чувствовала себя так, когда он заявил, что приблизил меня к себе. То есть вот состояние очешуения было примерно такое же, а учитывая, что меня даже слушать не стали и приказали явиться в Лаувайс...

На пороге предсказуемо оказался Рольген.

— Лидс, заходи.

Безопасник покачал головой. Обычно встречавший меня улыбкой, сейчас он выглядел серьезным и хмурым.

— Что-то случилось?

— Почему ты не вызвала меня утром, Леона?

Потому что! Потому что решила, что не готова отвечать на ваши вопросы и мило беседовать перед разговором с эсстердой Броджек. Но что самое смешное, смотрел он так, будто я обязана была это сделать. Обязана лично ему.

— И что? — теперь уже начала закипать. — Перед тобой я тоже должна отчитываться?!

Рольген изменился в лице. Серьезность превратилась в каменную маску.

— Нет, — сказала он. — Не обязана. Жду тебя здесь.

И отступил.

Чувствуя, как внутри набирает мощь невидимый огненный смерч, с силой захлопнула дверь и направилась к лестнице. Марр отлетел с дороги, потому что я пошла на таран. Сдается мне, даже если бы сейчас передо

мной нарисовался дракон размером с гору, я бы тоже пошла на таран. У меня был небольшой запас времени, я хотела сначала подбросить до дома подругу и только потом ехать в Ландстор-Холл. Теперь все мое хотение накрылось «задницей дракона», цитируя Лэм.

— Я ненадолго.

Подруга, которая уже вышла в гостиную, кивнула. Я же пыталась справиться с охватившей меня яростью. Мало того что мне приказали, так еще и Рольген теперь торчит за дверью. Вероятно, ему приказали еще раньше, а он прибежал и рад стараться. Но что самое паршивое, ехать все-таки придется, потому что теперь даже на другую парковку не слиняешь тайком.

Переодевалась быстро. Понимая, что даже прическу сделать не успеваю, наспех покидала в сумку все необходимое. Займусь уже в Ландстор-Холле во время распевки. Правда, предварительно выскажу местру Халлорану все, что думаю, если он так желает меня видеть. Когда слетела по лестнице, чуть не столкнулась с Танни. Сестра тащила поднос с печеньем, разогретыми сэндвичами и кофе. Поймала ее хмурый вопросительный взгляд, но ничего не сказала.

Лэм молчала, пока я застегивала пальто и накидывала шарф. Молчала, когда молнии на сапожках свирепо вжикнули одна за другой. Только когда шагнула к двери, мягко перехватала за запястье.

— Лапонька? Это ведь местр Халлоран звонил?

Драконище это звонил.

— Узнал?

Кивнула.

— Видео?

— Понятия не имею.

Как и почему Рэйнар узнал, гадать бессмысленно. Вот только судя по рычанию, ему не доложили, как все было на самом деле.

— У тебя не будет проблем?

Покачала головой.

— Проблемы будут у Мика.

Вот не хотела я впутывать Рэйнара, но, может, оно и к лучшему. Не представляю, как Мик себя поведет, когда оклемается, и как себя поведет его отец. Танни нужна защита, а если она будет исходить от правящего, вряд ли даже сам Баррет Лодингер осмелится клацать зубами в ее сторону.

Из дома мы вышли вместе и распрощались на парковке.

Предлагать ей ехать с нами бессмысленно, все равно сначала меня повезут в Лаувайс.

Во флайсе было подозрительно тихо. Даже обычно словоохотливый Валентен молчал, не говоря уже про Рольгена. Молчали они так, что слышалось дыхание системы кондиционирования и потрескивание летящих от меня искр. Ну хорошо, искр не было, потрескивало что-то внутри, угрожая полыхнуть пожаром. Ладно, я использовала магию. Но этот урод использовал Танни, и как по мне, так ему еще мало досталось!

По верхним коридорам к приемной почти летела. Оба секретаря были на месте, молодой человек с кем-то негромко говорил по гарнитуре, что-то быстро печатая. Девушка поспешно поднялась мне навстречу. Светлые волосы аккуратно уложены, деловой костюм сидит как влитой. Вот только почему-то под идеальным макияжем глаза у нее были слегка красные.

— Эсса Ладэ, местр Халлоран вас ждет. Позвольте ваше пальто.

Она приняла одежду из моих рук и кивнула на дверь:

— Прошу вас.

Рэйнар стоял у окна. Когда я вошла, обернулся.

Обманчиво спокойный, только глаза прищурены.

— Проходи, Леона. Садись. — Тон его отливал сталью.

Точно так же, как печатка с фамильным гербом.

— Уложились в полчаса? — поинтересовалась ядовито.

— Сейчас не лучшее время меня провоцировать. — В низкий голос прокралось рычание. — Как ты додумалась использовать магию?

Как додумалась?! Я?!

— Я защищала свою сестру!

— Ее жизни что-нибудь угрожало?

Поверить не могу!

— Ты знаешь, что этот урод сотворил с Танни?!

— Знаю. Говорил с Барретом Лодингером, но речь сейчас не о нем. О тебе и о твоём поступке, — не размыкая сцепленных за спиной рук, он шагнул ко мне. — Ты угрожала огнем и отдала ментальный приказ.

Угрожала огнем? Ах да, забыла! Он же все знает. Ну, значит, знает и о том, что произошло с Танни. И при этом продолжает меня отчитывать.

— Рэйнар, он издевался над ней! Влюбил ее в себя, а потом...

— Достаточно. Сядь, — указал он на ближайший стул.

Разве что «место» не скомандовал.

— И не подумаю! Я...

— Садись.

В поединке взглядов ноги отказывались повиноваться и грозили вот-вот согнуться в коленях, чтобы уронить меня на нужное место. Так мы ни до чего хорошего не договоримся и не договоримся вообще. Глубоко

вздыхнула и села, дождалась, пока он сядет напротив, потерла едва различимую царапинку на сатиновом металле и вновь посмотрела на него.

— Рэйнар, позволь объяснить...

— Объясни. Почему ты хладнокровно использовала магию, не владея ею в совершенстве. Почему подвергала опасности жизни других людей и свою.

— Опасности?! — зло рассмеялась. — Я контролировала огонь! А от пробежки без штанов еще никто не умирал.

— Контролировала? — Взгляд его потемнел до черноты позднего вечера за окном. — Ты отдала ментальный приказ парню, но не завершила его. Он бегал, пока его не скрутили и не вкололи успокоительное. Даже когда пришел в себя, порывался повторить, ему потребовалась помощь иртехана. Это ты называешь контролем?

Он придвинулся ко мне вплотную. Сила, бившаяся в нем, хлестала наотмашь, и моя поднималась из глубины сердца, глухим рычанием на выдохе и дрожью.

— Мы не используем силу на людях просто потому, что можем.

— Да неужели? — огрызнулась. — Тогда что это такое было с ремнем? Тлеющие угли полыхнули алым, зрачок взметнулся в вертикаль.

— Ты не человек, Леона.

— Ну да, это многое объясняет. В частности, не смогла защититься — сама виновата, поэтому Рэйнар умница и молодец, а Леона дура.

— Свои претензии будешь высказывать в следующий раз. Сейчас мы говорим о тебе.

Претензии?

Ярость ударила волной. Подбросила. Собралась в ладонях.

— Да, давай поговорим обо мне! — сжала кулаки. — В частности, о том, что я наполовину иртеханесса, но в приличном обществе видеть меня никто не желает. Пока я не получу фамильное клеймо на за... простите, благословение семьи, или пока меня не сожрет дракон!

— Я уже говорил, что это дело времени, Леона.

Скептически фыркнула.

— Ты сомневаешься в моих словах?

— О нет! Я не сомневаюсь. Мне просто интересно, кто быстрее справится. Ну, если у тебя есть Норгхар, то у моей семьи, так жаждущей встречи со мной, есть какой-нибудь Лоргхар, и сейчас все зависит от того, кто окажется шустрее. Вы же не особо заморачиваетесь вопросами такта, когда дело касается препарирования чужой жизни.

— Когда ты говоришь вы, кого ты имеешь в виду?

— Иртханов, разумеется.

— В тебе тоже кровь иртхана, Леона.

— Не уверена, что я этому рада!

Выпала, глядя ему в глаза. Которые сейчас полыхали так, что никакой огонь не нужен.

— Твоя уверенность, — хлестко произнес он, — или неуверенность ничего не решает. Ты моя женщина и обязана думать не только о своей репутации. Но и о том, рядом с кем ты находишься.

Ничего не решает?!

— Прежде всего я думала о своей сестре! — прорычала ему в лицо.

— С этим ты должна была прийти ко мне.

Таким взглядом только ожоги ставить.

— Рэйнар! — Меня потряхивало, как бутылку с зажигательной смесью. — Я привыкла все решать сама!

Алые глаза опасно сверкнули, вертикальный зрачок распахнулся во всю радужку.

— Твоя самостоятельность крайне избирательна, Леона. Не потому ли Рингисхарр сбросил тебе файлы?

Хотела спросить, при чем тут вообще Вэйлар.

И тут до меня дошло.

— Ты сказал, сбросил файлы? — Голос дрожал не то от ярости, не то от обиды. Не то от всего вместе взятого.

Я вцепилась в подлокотники, чтобы не запустить забытой кем-то подставкой для планшета прямо в эту самоуверенную физиономию.

— Разве нет?

— Ты дал слово, что не станешь ничего узнавать!

— Я дал слово, Леона, — он подчеркнул мое имя, — что это останется между нами.

Ну я и дура! Дура, дура, дура, дурища просто!

Вскочила, но короткое безэмоциональное:

— Сядь, — обидно уронило обратно на стул.

— Отпусти! — прошипела.

— Отпущу, когда сочту нужным.

Поскольку приказ держал крепко, оставалось только ругать себя так, что цензура краснела. Можно подумать, я не знала, что в игре словами Халлоран мастер. Он действительно не говорил, что не будет узнавать имя, но почему же так больно-то сейчас? Больно и обидно. За себя, за Танни! Сижу тут перед ним и отчитываюсь как провинившаяся школьница! Какого набла, спрашивается?! Во мне даже рычание кончилось, осталась одна

только ярость, которая жгла ладони и горела в груди.

— И оно осталось между нами. Я не стал выносить это на Совет, вызывать Рингисхарра на поединок или как-либо еще заявлять о его подковерном поступке. Как раз потому, что обещал тебе.

Я молчала. Боялась, что вместо слов из меня вырвется пламя и сметет его кабинет ко всем наблам. А заодно и его иртхамство со всей его спесью. Подковерный поступок? Сам ты драконище подковерное. Драное и беспринципное! Обещал он! Сказала бы я, куда он может пойти со своими обещаниями.

— Оставить это без внимания я не мог. По многим причинам.

— И одна из них — твоя репутация?

Иртхан опасно прищурился.

— Что? Ведь именно за нее ты трясешься больше всего! То есть мою сестру можно втаптывать в грязь, а я должна мило улыбаться и все время помнить о том, рядом с кем нахожусь. А ты? Тебе какая-нибудь ответственность полагается или тебе можно все, просто потому что? Я... я согласилась на любое наказание, только чтобы ты не узнавал имя! Мы договорились, Рэйнар! Или твое слово совсем ничего не стоит?

— Месяц таэрран.

Что?!

Смотрела на него, не в силах поверить в услышанное. Смотрела до тех пор, пока затянувшееся молчание не подтвердило его слова.

— За что?! — прорычала. — За голозадного уroda?! Потому что я не пришла к тебе и не поставила в известность? Или потому что однажды я обратилась к Вэйлару с одной малюсенькой просьбой?! Может, все дело в этом?

Он поднялся из-за стола. Взгляд стал тяжелым, как штабеля листового железа.

— Ты не нацепишь на меня этот долбаный ошейник!

— Ошибаешься.

Огонь бушевал внутри, и только усилием воли я еще сдерживалась. Хотя теперь уже меня трясло так, что дыхание прерывалось. Возможно потому, что в алых кострах однозначно читался мой приговор. Он это сделает, он действительно это сделает... Мысли судорожно заматались в поисках спасения, зацепились за ментальные блоки и противостояние приказам. Что там говорилось? Сосредоточиться на ощущениях и держаться за них.

Горящий в груди огонь, пламя — чистая ярость.

Нырнула в нее, окунулась с головой, позволяя затопить сознание.

Зацепилась за неукротимую силу стихии, позволяя ей набирать мощь. Виски взорвались болью, с ладоней плеснули искры, но оно того стоило.

Свобода!

Вскочила так, что ножки стула скрежетнули по полу. Внутри все бурлило, но я вытолкнула из себя все эмоции и из последних сил скомандовала:

— Не подходи.

Он дернулся, словно на стену наткнулся.

Получи, драконище драное!

Короткое изумление в глазах Рэйнара сменилось драконьим бешенством. Алое пламя полыхнуло ураганной яростью, но я уже швырнула ему под ноги стул и метнулась к двери. Почти схватилась за ручку, когда меня дернули назад и толкнули к стене. Я брыкалась, царапалась, вцепилась ногтями ему в руку, пнула воздух вместо иртеханской ноги.

— На колени, Леона, — холодное рычание.

Как эхо пустоты в фервернских льдинах.

Ментальный удар был таким сильным, что я сразу рухнула к его ногам, а из груди выбило воздух. Без воздуха нет пламени, кажется, вот и мое растерянно полыхнуло и погасло.

— Смотри на меня.

Запрокинув голову, смотрела в пылающие глаза, не в силах пошевелиться. Даже моргать не получалось, кажется, только гореть под этим угольным взглядом, падая в черный провал зрачков.

— Не смей! — прошипела яростно. — Не смей делать это со мной! Я каждый вечер на сцене, мне...

Вздрогнула, когда пальцы коснулись подбородка: это прикосновение было таким знакомым, что по телу прошла дрожь.

— Тебе стоило задуматься об этом раньше.

Шею обожгло, с его пальцев брызнуло и потекло странное пламя. Тонкие нити, как след от пера планшета, повторяющие скольжение по коже. Жгучая боль, словно на мне медленно застегивали шипованный ошейник колючками внутрь. Магическое клеймо впивалось в кожу росчерк за росчерком, звено за звеном, цепляя что-то внутри. С каждым движением пальцев иртехана становилось все холоднее.

— Таэрран невозможно снять, она сходит сама, постепенно. Закрывать одеждой нельзя — загорится.

Каждое слово впивалось в сердце жуткой, обжигающей болью. Болью и унижением. Никогда раньше это не было так. Ни когда ушел отчим. Ни

когда Вальнар заявил, что голосить в клубе не самое достойное занятие. Из последних сил держала лицо, стараясь не разреветься. Глупо, по-детски, из-за собственной дурацкой доверчивости. Из-за того, каким беспощадным был огонь его глаз — гораздо более жестоким, чем запирающая мое пламя таэрран. Короткая искра замыкающего заклинания у основания шеи, под волосами, пронзила до самого сердца.

— Свободна.

Иртхан отступил, а я поняла, что меня больше не держат.

Ни приказ, ни ноги. К счастью, я почти сидела.

Не чувствовать пламя было пусто. Словно из меня вытряхнули нечто очень важное, а взамен набили какой-то синтетической ерундой. Вроде той, что пихают в дешевых мягких дракончиков. Горело на мне теперь только магическое клеймо, как будто шею обмотали раскаленной лентой. Я поднялась, выпрямилась и даже не рухнула вниз. Реальность дергалась перед глазами туда-сюда, вместе с ней «ездили» стены и обстановка, дурацкая подставка для планшета и лицо иртхана, который стоял передо мной.

Алое пламя сменилось изумрудным льдом. Тем самым, о края которого очень просто порезаться. Смотреться в него не было никаких сил, но все-таки я смотрела. Пыталась разглядеть там мужчину, вместе с которым падала в звездное небо, который обнимал меня и нес на руках в спальню.

Его не было.

Только Рэйнар Халлоран, с которым я познакомилась в ложе Ландстор-Холла.

Ему я и показала выразительный жест из оттопыренного среднего пальца.

— Счастливо прошвырнуться в оперу, местр Халлоран.

Потянулась за сумкой, когда Рэйнар снова шагнул ко мне. Ноздри его хищно дрогнули.

— Продолжим разговор вечером.

Если бы не было так больно, я бы ему много чего сказала, но оставаться рядом не могла. Стены смыкались и давили, мне нужно срочно выйти из этого кабинета. Сейчас же, пока меня не вывернуло наизнанку или пока я снова не хлопнулась к его ногам в обморок. Схватила сумку и вылетела за дверь. Рванула пальто так, что плечики рухнули вниз, а поднявшаяся навстречу мне секретарь вздрогнула. Я выбежала из приемной, все ускоряя шаг: чем дальше от этого места, тем лучше. Чем дальше от него, тем лучше. Чем дальше от звездных россыпей...

Кабинет, кабинет, двери мелькали перед глазами.

Чудом не рухнула в пасть распахнувшему двери лифту.

Ударила кулаком по панели и привалилась к стене. Кабина отсчитывала этажи, а я смотрела вверх, только чтобы не смотреть на себя. Не видеть клейма, что горело на моей шее.

Не думать о том, что...

Иногда небо — это всего лишь стены. А звезды — просто светильники.

Как ни странно, когда меня со всех сторон сдавило людьми, дышать стало легче. Давно я не летала на аэроэкспрессах. О том, насколько они забиты в час пик, то есть когда большинство мэйстонцев либо едут домой с работы, либо на ночную смену, тоже как-то забылось. Пока бежала до станции в распахнутом пальто, даже не чувствовала холода, зато сейчас меня затрясло. Мерзкая противная дрожь продирала до костей, мокрые от снега волосы липли к лицу. Когда стало посвободнее, привалилась к стене, тщетно пытаюсь согреться. Обхватив себя руками, смотрела на вереницы флайсов, извивающихся над Мэйстоном в пелене снегопада.

Ехать с Рольгеном и Пристом, которые крутятся в мире иртханов уже несколько лет и наверняка не раз видели таэрран, сейчас не хватало сил. Зато обычному миру не было до меня никакого дела. Ни до меня, ни до того, что горело на шее. Поэтому я вылетела через главный вход Лаувайс — тот, что впервые привел в кабинет Халлорана. Поэтому сейчас я опаздывала на работу.

При мысли о Ландстор-Холле затошнило.

Впервые в жизни я боялась того, чем горела всю жизнь, потому что сейчас гореть было нечему.

Впервые в жизни не знала, смогу ли выйти на сцену, но если я сразу не справлюсь с тем, что произошло, оно справится со мной. Можно будет сразу возвращаться в Лаувайс к Халлорану и до конца жизни сидеть у его ног. Ну либо закрыться дома и банками поедать замороженный крем. До тех пор пока не обнулятся счета и мне не придет уведомление о задолженностях. Признаться, очень хотелось запереться в спальне и не вылезать оттуда. Но помимо прочего мне нужно думать о Танни.

О Танни, которой сейчас очень нужна сестра, а не раскисшее до соплей нечто, которое подмял под себя какой-то дерьмовый ошейник. Именно мысли о ней вытряхнули из подобия ступора, именно они толкнули в поезд, идущий до одноименной станции — «Ландстор-Холл», а не на Четвертый остров. Впрочем, это не отменяло того, что я опаздываю. С прической можно распрощаться сразу, а вот с распевкой и макияжем

придется ну очень поднапрячься. Мобильный раскалился от звонков Рольгена и Эвель, но я не отвечала. С первым говорить вообще не хотелось, а со второй скоро увидимся, да и не было никакого желания объясняться по телефону.

Пока добежала от станции до Ландстор-Холла, волосы окончательно засыпало снегом. Когда влетела в клуб, до выступления оставалось от силы полчаса. Промчалась по коридорам молнией, чтобы наткнуться на собравшихся возле моей гримерной Лигрисс, Эвель и Дрэйка. Заметив меня, начальница изменилась в лице. Круто развернулась на каблуках, на ходу бросив:

— После выступления зайди ко мне, — и зашагала по коридору.

У визажистки были глаза на пол-лица.

— Мы же не успе...

— Успеем, — коротко отрезала я и улыбнулась Дрэйку.

Пианист посмотрел вопросительно, оттопырил пальцы и поднес к уху, изображая разговор по мобильному. Приподнял брови, но я покачала головой и шагнула в гримерную. Потом, все потом.

Швырнула пальто на диванчик и устроилась перед зеркалом. Как сотворить из себя что-нибудь достойное, распеться и при этом выйти на сцену в срок? Хороший вопрос. Из зеркала смотрела девица с тяжелыми темными волосами, бледным лицом и пламенеющей на шее магической росписью толщиной в палец. Отдернула взгляд и ткнула в ярко-красную помаду, которую купила еще в самом начале работы в Ландстор-Холле, но которой так ни разу и не воспользовалась.

— Сегодня акцент на губы.

— Уверена, что тебе пойдет?

Не уверена. Но выбирать особо не приходится под такое украшение. Да и с глазами возиться в десять раз дольше.

— Да.

— Что ты собираешься делать с прической?

Что с ними сделаешь после снегопада и за такое время? Хотя...

— Эффект мокрых волос.

Вытащила из сумки бутылку с водой и, согревая во рту, сделала несколько глотков. Пока Лигрисс прыгала вокруг меня с кисточками и кремами, закрыла глаза и приступила к простейшей распевке. На выдохе, между двумя нотами «ммммм», в низкий. И дальше. Сосредоточиться на том, как из груди льется тихий звук. Одновременно пропуская пряди между смоченными гелем ладонями.

Ты просто выйдешь на сцену, Леона.

Выйдешь и споешь. Как всегда.

Несколько простых упражнений, одно за другим.

Руки были холодными, я тщетно терла ладони друг о друга, пытаюсь согреть. Лигрисс явно волновалась по поводу времени, из-за этого кисточка несколько раз срывалась. Пришлось подправлять серебристые тени, растушеванные на верхних веках, чтобы сделать глаза прохладнее и сместить акценты. Правда, сделать эти льдинки еще холоднее вряд ли бы получилось. Такой же льдинкой подрагивало в груди сердце, перегоняя холодную кровь. Волосы застывали спутанными «мокрыми» прядями, а я продолжала распевку уже на простеньких куплетах.

За пять минут до выступления от Бриаль Бетрой осталось одно воспоминание.

На бледном лице выделялись алые губы, которые удивительно сочетались с полыхающим на припухшей коже ошейником. Серебряный иней платья только чудом не плавился от жара клейма.

Наплевать.

Выйду — и буду петь.

Петь для тех, кто пришел меня слушать. Для тех, кто каждый вечер ждет встречи со мной.

Собралась и пошла!

Знакомый путь на сцену стал чуть ли не бесконечным. Ступеньки, по которым я поднималась, — магнитами. Ноги были тяжелыми и дрожали. Дрэйк привычно вскочил, чтобы подать мне руку, изумление в его глазах мешалось с тревогой. Я же улыбнулась в притихший зал. Казалось, каждый взгляд вливается в мою шею, добавляя расплавленного металла в мешающую свободно дышать таэрран. Понятное дело, что иртханы не афишируют свои наказания, я вот знать о таком не знала, но... Но что будет, если с огнем драконицы уснул и мой? Тот, что искрил в каждом слове, на каждой ноте, в каждом звучании?

Перед глазами потемнело, пришлось глубоко вздохнуть.

Не время раскисать! Только не сейчас.

— Добрый вечер! Рада видеть вас всех!

Обвела зал взглядом. Дождавшись, пока утихнут приветствия, раскинула руки.

— На улице сейчас настоящий снежный шторм. По-моему, нам не помешает немного согреться! Или правильнее будет сказать, зажечь?

Зал привычно гроыхнул аплодисментами, какая-то девушка взвизгнула:

— Зажигай, Бриаль! Зажигай!

Ее слова подхватили смехом и аплодисментами.

Дыхание сбилось, но я уже сняла со стойки микрофон и кивнула Дрэйку: «Пламя в твоих руках».

Первые аккорды взорвали воцарившуюся после объявления песни тишину, и я шагнула в объятия музыки.

Пламя... пламя в сердце моем.
Пламя... увы, обернулось льдом.
Льдом, который кромсает на части
Наше недолгое яркое счастье.

Привычный туман сигаретного дыма рассеивало освещение. Сегодня оно было холодным, как лунный свет на снегу. Я шла по этим дорожкам, улыбаясь в зал, подхватывая взгляды и отпуская. Песня набирала темп, и я набирала его вместе с ней.

У холода тоже тысячи жал.
Огня моего... ты не удержал.
А лед не удержишь в руке
И тем более на поводке!

Указала на сидевшего за столиком мужчину, он подхватил игру изумлением и приложенной к груди ладонью.

Ты думал, что можешь меня приручить,
Что можешь на цепь меня посадить.
Теперь, мой милый, держись
Подальше и не обожгись!

Я смотрела в лица, обращенные ко мне, и понемногу оживала. Читала в глазах интерес, удивление, внимание... от того, что на моей шее застегнули ошейник, для них ничего не изменилось. Женщины подхватывали ритм, пританцовывая, мужчины улыбались, но все они были со мной. Они приходили ко мне и шли за моим голосом, чтобы почувствовать настроение песни, и во мне снова разгорался огонь. Не тот, который я даже толком не успела почувствовать, но тот, который заставил

меня первый раз взяться за ноты. Тот, которым горела Шайна. Тот, который привел меня на сцену.

Ведь лед... лед в сердце моем
Обернется... жгучим искрящим огнем!
И взгляд, отразившись во всех зеркалах...
Напомнит...

Зацепилась за движение в полумраке ВИП-ложи, поспешно перевела взгляд на Дрэйка и закончила:

Напомни-ит...
Напомнит... пламя в твоих руках!

Зал взорвался грохотом рукоплесканий, а я поклонилась так, что волосы взметнули воздух. Подмигнула пианисту, который сейчас улыбался, и выпрямилась. Широко улыбнулась, взлетая голосом над громом оваций:

— Продолжим?

— Продолжим! — подхватили десятки голосов из зала.

Взгляд невольно скользнул по перилам центральной ложи, на которые легли руки. Сильные мужские пальцы сцеплены в замок.

Кажется, когда вышла на сцену, шторы были задернуты. Обычно все желающие послушать меня приходили заранее, но были и те, кто подтягивался во время выступления.

— «Танец под обрывом». — Я кивнула Дрэйку, почему-то не в силах отвести глаз от ложи.

Возможно потому, что на меня смотрели слишком пристально. Первые аккорды прорезали только-только улегшуюся над малой сценой Ландстор-Холла тишину, и тогда мужчина подался вперед. Достаточно, чтобы рассмотреть его лицо. Широкие плечи, белоснежная рубашка не скрывали накачанных мышц и подчеркивали смуглую кожу. Темные глаза вонзились в мою шею, а я чуть не пропустила вступление. Потому что из полумрака ложи на меня самым беззастенчивым образом пялился Джерман Гроу.

ГЛАВА 16

По коридорам шагала так стремительно, что полы платья развевались за спиной. Перед глазами в узорах витражей все еще стекали холодные искры, блики отражались в глянце крышки рояля. Музыка лилась в зал, подхватывала слова песен. Голос в объятиях игры Дрэйка возносился ввысь и затихал, чтобы обрушиться на зал с новой силой, а взгляд то и дело цеплялся за Гроу. Не представляю, что он вообще забыл в Ландстор-Холле. Явился послушать Бриаль Бетрой? Вчера у него была такая возможность, но он вышвырнул меня с прослушивания. Даже распеться толком не позволил.

— Бри, стой! — Дрэйк догнал меня у гримерной. — Что происходит?

— А что происходит? — Прикоснулась ключом к замку, тот коротко пиликнул, и дверь приоткрылась.

— Это ты мне скажи. — Он приобнял меня за талию и заглянул в глаза. — Прибежала сегодня сама не своя. Потом появился он, и вы устроили перекрестный огонь. Как весь зал не положили, не представляю.

— Перекрестный огонь? Так, обменялись парочкой взглядов.

— Ага. За куплет. — Дрэйк скептически хмыкнул, увлекая меня в гримерную.

— Его ложа прямо по центру.

Играть с Гроу в гляделки не было ни малейшего желания, но достаточно сложно не смотреть на того, кто прожигает в тебе взглядом дыру. Откровенно и бесцеремонно на протяжении всего выступления. Первый взгляд до сих пор царапал шею: на миг даже показалось, что он узнал таэрран. Но потом он поднял взгляд, и ничего, кроме нахально-пристального невнимания, в этих глазах я не уловила.

Провела ладонью рядом с панелью выключателя, свет вспыхнул красками на лепестках цветов. Такими же сочными, как их ароматы, от которых сейчас почему-то замутило. Наткнулась на букет аррензий, окутанных облаком полупрозрачной упаковки в белоснежных искрах, поспешно отвела взгляд и нырнула в сумку за мобильным. Звонков от Хейда не было, от секретаря тоже.

— Кто он вообще такой? — спросил пианист.

— Композитор. Постановщик.

И наблище, каких свет не видывал.

Дрэйк присвистнул.

— Так это ты к нему вчера ходила на прослушивание?

— Да.

— И что?

Выразительно приподняла брови. Плюхнулась на стул и свирепо дернула ремешок туфельки. Затем второй. Взгляд зацепился за непрозрачный пластиковый конверт на туалетном столике, в нем оказалась карточка. Без имени, такие используют для коротких сообщений, вот и на этой световым маркером было выведено: «Ты хочешь Люси. Я хочу тебя. Договоримся?»

Я моргнула.

Перечитала еще раз.

— Ты куда? — встревоженно поинтересовался Дрэйк, когда я вскочила со стула.

Вместо ответа показала ему сообщение. Гроу считает возможным срывать на мне свое гениально-дерьмовое настроение — сначала заявляя, что я не отличаю Люси от Триаррис, а после тащится ко мне на работу с такими предложениями? Чудесно! У меня тоже найдется что ему сказать.

Пианист помрачнел.

— Уверена, что это хорошая идея? Эвель и так не в настроении.

— Она постоянно не в настроении.

Дрэйк покачал головой.

— Ты же знаешь, она не одобряет выходов к клиентам.

— Я не собираюсь к нему выходить. Я к нему зайду. Ненадолго.

К ВИП-ложе подлетала на таких скоростях, которым могли позавидовать победители Соурских забегов. Только на миг замешкалась: воспоминания о Рэйнаре заставили отдернуть пальцы от ручки, словно она могла меня обжечь.

Вот только Рэйнара там нет и быть не может.

Зато там есть кое-кто другой, и с этим кое-кем другим мы сейчас однозначно договоримся. Вопрос только в том, до чего.

Решительно толкнула дверь и шагнула вперед, вот только вместо знакомого полумрака меня встречал яркий свет вмонтированных в стену светильников. Гроу не только задернул шторы, но еще и наглухо запечатал ложу звуконепроницаемыми жалюзи, чтобы из зала не донеслось ни нотки. На низком столике — два бокала на тонких ножках, рядом устроилось ведерко со льдом, в котором отдыхала закупоренная бутылка.

Постановщик рассматривал меня, будто не нагяделся за полтора часа выступления. Стоял, сложив руки на груди, отчего рубашка натянулась еще

сильнее, подчеркивая накачанные мышцы. Даже ради Ландстор-Холла Гроу не особо изменил своему стилю: рубашку сопровождали неизменные линиялые джинсы, правда на сей раз не с вытянутыми коленями.

— Это ваше, — протянула конверт. — Все условия, которые вы хотите мне предложить, я обсуждаю через своего агента.

Гроу взял его (горячие пальцы обожгли ладонь) и швырнул за спину.

— Даже такие?

— Такие я вообще не обсуждаю.

— Чудесно. — Низкий, нахально-хрипловатый голос ввинтился в сознание. — Почему именно Люси?

От неожиданности опешила:

— Что?

— Почему ты хочешь петь именно Люси?

Потому что я хочу петь именно ее! Эту девушку, которая шагнула из мира в мир, оставив за спиной все страхи. Которая не побоялась остаться одна и бросить вызов обществу, которое не желало ее принимать. Хочу, потому что эта история отзывается во мне как никакая другая.

— Потому что она не сдается, — ответила, глядя ему в глаза. — Несмотря ни на что.

— Вчера ты меня уверяла в обратном.

— Разве?

Гроу усмехнулся и указал на столик. Хотела сесть в кресло, но передумала. Устроилась на диванчике и расправила платье так, что сесть рядом со мной и не на гладкое серебро ткани было невозможно. Впрочем, Гроу это не смутило, он отбросил подол мне на колени и устроился рядом, закинув руку на спинку.

— Ты говорила, что она бежит от своего парня.

— Не бежит, а уходит.

— А есть разница?

— Большая. Когда ты бежишь, ситуация остается неразрешенной. Когда ты уходишь, это выбор. Оставаться рядом с тем, кому нет до тебя никакого дела, это и есть бегство.

Постановщик усмехнулся. Ноги он расслабленно вытянул вперед и закинул одну на другую. Его рука почти касалась моего плеча, но почти и касалась — разные вещи. Гроу отстукивал по бархату спинки какой-то известный ему одному ритм, а прищур, словно прицел, вонзился мне в губы. В ответ уставилась на татуировку, перетекающую с шеи на плечо и на грудь. Под такой рубашкой ее было отчетливо видно: надломленный цветок в пасти дракона.

— Выбор, говоришь?

Взгляд постановщика пробежался по моим обнаженным рукам гораздо откровеннее, чем иные заглядывают в декольте.

— Раньше ты мечтала об Артомелле.

— При чем здесь Артомелла?

Он выдернул из заднего кармана мобильный. Откинул футляр и вытянул руку так, чтобы я смогла рассмотреть собственное резюме.

— Здесь написано, что ты пела арию Артомеллы. Без сопровождения.

— Она меня вдохновляет.

— Всего лишь вдохновляет?

Задумалась, это было странно. Я действительно мечтала об этой партии с той самой минуты, как услышала Шайну. Но была ли это моя мечта? Или это была мечта Шайны, которая отзывалась во мне?

— Да.

— Любишь Артомеллу, но на прослушивание выбрала унылую страдалицу Триаррис.

— Триаррис не страдальца. У Люси и Артомеллы совершенно разные образы.

— Неужели? — Он снова прищурился.

— У них даже истории совершенно разные. «Артомелла» — это драма, «Мир без тебя» — легкая и красивая история любви.

— Между драмой и любовной историей гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд. Так же как между Люси и Артомеллой. Но суть все равно одна: и то, и другое можно показать пафосно и сонливо. Или так, что зрителю вынесет мозг. Я предпочитаю второе.

Гроу захлопнул телефон и ткнул в сторону бокалов.

— Перейдем к делу.

Вот не пойму, что с этой ложей не так. Второй раз разговариваю здесь с мужчиной, а между нами ведро. И не сказать, что мне не хотелось надеть его на голову Гроу. Причем на этот раз своими руками, без помощи шатких полочек старинных декораций. А ведь когда говорит об опере, на нормального человека похож.

— Свою позицию я вам уже озвучила.

Он махнул рукой.

— Забей. Хотел посмотреть, как ты себя поведешь.

Прежде чем я успела выдать весь словарный запас девочки из низов — что, впрочем, не помешало мне выдать его в мыслях, Гроу продолжил:

— Мне нужна не девица, которая при слове секс бьется в истерику, а женщина, которая перешагнет через свои закидоны, если потребуется. Мои

постановки для взрослых людей, и не для тех, которые читают стихи под луной. Мои герои трахаются, даже когда просто держатся за руки. Иногда красиво, иногда жестко. Они ведут себя мерзко и вытягивают из зрителей все нервы. Так что эта история будет какой угодно, только не легкой. Особенно для тебя.

Он подтянул джинсы и согнул ноги, привычно скрестив их. Снова раскрыл мобильный и, казалось, потерял ко мне всякий интерес, что-то просматривая в ленте сообщений. До меня же медленно доходило: Гроу что сейчас сказал — для тебя? Значит, партия Люси...

— Люси твоя. Уверена, что не хочешь отметить?

Перевела взгляд на сильные пальцы, сжимающие горлышко бутылки. Капельки становились тяжелее и струйками чертили запотевшее стекло.

Вспомнила, как он выставил меня с прослушивания, медленно поднялась.

— Присылайте контракт моему агенту, — сказала я и вышла в коридор.

Не оглядываясь.

Хлопок вырвавшейся на свободу пробки поглотила закрывшаяся дверь.

Я шла, ускоряя шаг, не в силах поверить в случившееся. Сердце не могло угнаться за ритмом шагов.

Я буду петь Люси.

Я буду петь в Мэйстонской опере...

Я буду петь как Шайна!

Прижала ладони к горящим щекам, вылетела к гримерной и резко остановилась.

У дверей стоял Лидс Рольген. Мрачный, как небо перед ураганом, со сложенными на груди руками. Его взгляд однозначно говорил о том, что из Ландстор-Холла мне не выйти.

Одной.

Взгляд Рольгена зацепился за мою шею — ну, разумеется, не могла же я предположить, что безопасник Халлорана ни разу не видел таэрран. Впрочем, неловкость тут же сменила сосредоточенность, Лидс помрачнел еще сильнее. Самое смешное, что попасть к гримерным почти нереально, но служба безопасности правящего пролезет даже там, где застрянет мыло.

— Ты готова, Леона? Местр Халлоран ждет.

— Не дождется.

Проглотив холодную усмешку, направилась к двери, но Рольген шагнул вперед. Обойти его не было никакой возможности, безопасник

загораживал мне дорогу. Даже если бы получилось проскочить внутрь и запереться, что дальше? До утра сидеть в гримерной?

— Я к нему не поеду.

— У меня приказ тебя привезти.

— Потащишь на плече?

— Если придется.

Что-то в его взгляде подсказало, что да, потащит.

Причем сделает это прямо сейчас и без малейшего сожаления.

При мысли о том, что придется снова оказаться лицом к лицу с Халлораном, перед глазами потемнело, а руки заledenели. Странное дело, если раньше их начинало жечь, то сейчас первым признаком того, что меня начинает трясти, становился холод. Словно я зажала в каждой ладони по огромной ледышке.

— Я к нему не поеду, — повторила, сжимая кулаки и делая глубокий вдох.

Рольген не сдвинулся даже на миллиметр.

— Леона, я не знаю, что между вами произошло, но...

— Что произошло? — спросила я, вцепившись ногтями в локти. Голос упал до звенящего шепота, горло перехватило, будто таэрран сжимался все сильнее. — Хочешь знать, что произошло? Первый раз моей сестры сняли на видео и выложили в школьную сеть. На всеобщее обозрение! А потом на меня надели ошейник. За то, что я вломила уроду, который это сделал. Уроду, который играл ее чувствами, ее сердцем, который заставил ее пережить все это дерьмо! Уйди с дороги!

Безопасник изменился в лице: на миг, едва уловимо. Цепкий взгляд стал растерянным, брови приподнялись, чтобы сойтись на переносице. А потом Лидс отступил в сторону.

Я влетела в гримерку, кидая в сумку вещи: расческу, мобильный, наскоро смела заколки, даже не собирая в футляр.

Завернувшись в пальто, потянулась было за шарфом, но тут же вспомнила, что надевать его теперь нельзя. Затолкала поверх всего, вздернула воротник и вышла. Рольген никуда не делся, стоял напротив двери, сосредоточенный и хмурый. Ни слова не сказав, зашагала по коридору, он шел следом. Не представляю, что он там себе надумал. Не представляю, что я буду делать, если он попытается отвезти меня к Халлорану. На стоянку вышли в молчании, в таком же молчании спустились на лифте и сели во флайс.

Только когда Валентен спросил, куда едем, мы почему-то хором ответили:

— Четвертый остров.

Я покосилась на Лидса, но безопасник уставился поверх переднего сиденья, навыворот в лобовое стекло. Скулы обозначились четче, лицо стало жестким, точно превратилось в каменную маску.

Только сейчас до меня дошло, что он действительно собирается отвезти меня домой.

Пыталась поймать его взгляд все время, пока мы шли по воздушному коридору и взлетали, но он так и не повернулся. Тогда я тоже взглянула в окно. Снегопад набирал силу: из-за мощи обрушившейся на Мэйстон стихии внизу не было видно даже аэромагистралей. Высотки, испещренные смазанными огнями, напоминали затертые неумелой обработкой картины. Движение было затруднено даже наверху, Валентен вынужден был сбросить скорость, усилить боковые огни и фары, но это не помогало: мы летели в густой пелене. Добирались чуть дольше, чем обычно, и все же гораздо быстрее, чем получилось бы на обычном транспорте.

Валентен припарковался внизу на подземной парковке, чтобы мы не бежали по снегопаду.

— Доброй ночи, Леона, — кивнул водитель.

Всю дорогу он старательно делал вид, что не заметил ошейника. Так старательно, что смотрел куда угодно, только не на меня.

— Доброй ночи.

Лидс вышел первым и подал мне руку.

— Спасибо, — сказала я, когда мы шли к лифтам.

Безопасник кивнул.

— Лидс, правда.

Я коснулась его руки. Осторожно.

— Спасибо. Прости за все, что наговорила тебе сегодня.

Рольген внимательно посмотрел на меня.

— Пожалуйста.

Больше мы не говорили, разве что у дверей он спросил про Марра. По идее, выводить зверя была моя очередь. Вот только стоило открыть дверь, как в прихожей обнаружились смачные отпечатки мокренских лап, которые еще не успели подсохнуть. Из гостиной доносилась какая-то пальба, ор. Судя по музыке и фразам, которые я в свое время выучила наизусть, Танни смотрела свою любимую киношку про космодесантников, случайно открывших путь в параллельные миры.

— Все в порядке, — сказала я Лидсу и показала на пятна от виарьих подушечек. — Сегодня уже никуда не пойду.

Подтверждая мои слова, в холл вылетело мокрое от снега чудовище,

шерсть которого стояла дыбом. Когда она намокала, а потом высыхала, возникал вот такой диковатый и угрожающий эффект. Виар принялся крутиться у моих ног, изредка не без любопытства поглядывая на Рольгена и потягивая носом: может, у парня есть еда? Когда понял, что еды нет, сразу потерял интерес.

— Завтра жду звонка, Леона.

— Я позвоню.

Рольген кивнул и попрощался.

Только когда за ним закрылась дверь, я поняла, что у меня почему-то дико замерзли ноги. Опустила глаза и обнаружила, что все еще стою в туфельках. В тех самых, в которых выступала в Ландстор-Холле, и...

Эвель!

Чтоб тебя, чтоб тебя, чтоб тебя! Я же забыла зайти к Эвель.

Отражением моих мыслей в сумке истерично задергался телефон.

С минуту я боролась с искушением оставить его под шарфом, а то и вообще зашвырнуть подальше, но потом все-таки вытащила из сумки.

— Мне кажется или я просила тебя зайти? — Голос начальницы дребезжал от ярости.

— Эвель, прости, пожалуйста. У меня был очень нелегкий день, и...

— Меня совершенно не волнует, какой у тебя был день. Сегодня ты прибежала за десять минут до выступления!

— За полчаса.

Старалась говорить тихо, чтобы Танни не услышала. Впрочем, судя по тому, как орал визор, не услышать что-то грозило именно мне. Легонько подтолкнула Марра, и он умчался в комнату.

— За полчаса?! А завтра ты вообще не явишься или явишься так, что Лигрисс даже не успеет сделать визаж, что я буду делать тогда?

Прикрыла глаза и досчитала до трех.

— Эвель, я хоть раз тебя подвела? Хоть раз не предупредила о том, что у меня не получится выйти, или позвонила за пять минут до выступления? Да, я сегодня задержалась, но поверь, у меня была действительно серьезная причина...

— Все твои серьезные причины, Леона, сводятся к одной, — процедила Эвель. — Видимо, ты считаешь, что она все оправдывает и что тебе можно творить все, что угодно. Так вот, милая моя, это не так. Если подобное еще раз повторится, я вынуждена буду поговорить о твоём поведении с местром Халлораном. Уверена, что как работодатель он меня поймет, и тебе придется искать другую работу. А если не поймет как работодатель, поймет как мужчина.

Внутри что-то дернулось.

То ли потому, что каждое упоминание Рэйнара проворачивалось в сердце лазерным ножом. То ли потому, что...

С Лодингером Халлоран уже переговорил.

А меня даже слушать не стал.

— О чем ты? — тихо спросила я.

— О твоём сегодняшнем визите в ВИП-ложу. У меня элитный концертный клуб, а не дом свиданий, советую это учитывать.

Перевела взгляд на туфельки с незастегнутыми ремешками. Как я не навернулась, хотелось бы знать.

— Советую тебе заняться поисками замены. — Поразилась тому, как холодно и спокойно звучит мой голос.

— Ты увольняешься?! — Эвель опешила.

— Уже уволилась.

Нажала отбой и вышла в гостиную. Танни не включила верхний свет, из-за этого экран визора расчертил комнату на голубоватые квадраты и полосы. Сестра лежала на диване, лямка комбинезона сползла с плеча.

— Спасибо, что погуляла с Марром.

Танни оторвалась от просмотра, скользнула равнодушным взглядом, и тут брови ее приподнялись, глаза округлились.

— Ты что, татушку сделала?

Я чуть не подавилась воздухом. Таэрран и впрямь напоминала 3D-татуировку, вошедшую в моду лет пять назад. В то время на них случился особый бум, тогда только самая ленивая молодежь не ходила со всякими выпуклыми узорами. Новейшая технология позволяла существенно сократить время нанесения, полностью готовый узор моментально вводился под кожу при помощи специального оборудования.

О том, что придется как-то объясняться еще и с сестрой, вообще не подумала, но ответ она мне подсказала сама. К счастью.

Не уверена, что я готова что-то ей объяснять. Не уверена, что сейчас лучшее для этого время.

— Ага.

— Клево смотрится, — сообщила Танни и снова уткнулась в визор.

Вот и ладно. Лучше пусть так.

Хорошо хоть уже не запирается в комнате и не сбегает при виде меня.

Поднялась к себе. Забыла снять пальто, но возвращаться уже не хотелось, точно так же, как не хотелось есть. На рукаве обнаружился лепесток аррензии. Набл его знает, как он туда попал. Наверное, прилепился в примерной. Перевела взгляд за окно, где метель не

унималась, становилась еще сильнее, хотя казалось, куда уж больше. Вспомнилось, что в день знакомства с Рэйнаром тоже шел снег. И еще в тот день я тоже забыла переобуться.

Не успела даже сумку поставить, когда мобильный взметнулся «Ураганным пламенем». Сердце подскочило к горлу и забилось с бешеной силой.

Вытащила надрывающийся телефон и провела пальцем по дисплею.

— Валентен возвращается за тобой. Будь готова через пятнадцать минут.

Холодный голос, какой же холодный.

Холоднее только метель за окном.

— Зачем?

— Мы не закончили разговор.

— Разве? По-моему, мы все друг другу сказали. Я поняла, что обращать магию против людей запрещено. Урок усвоен отлично, по этому поводу можешь больше не волноваться. Тем более что таэрран все равно не позволит зажечь огонь, а Рольген не повезет меня к тебе.

— Рольген уволен. Сегодня тебя доставит водитель.

Вот теперь сердце пропустило удар. Рука дрогнула, но голос — нет.

— Уволишь Рольгена, — тихо сказала я, — оставишь меня без охраны. Никто другой ко мне не подойдет.

— Ты не понимаешь, Леона, — в его голос ворвались рычащие нотки, — мои приказы не обсуждаются.

— Нет, это ты не понимаешь, Рэйнар. Сегодня Лидс Рольген сделал для меня столько, сколько тебе и не снилось. Доставить можно еду из ресторана или платье из магазина. Но не меня. Я приехала в Лаувайс не потому, что ты приказал меня привезти, а потому что хотела сама. Потому что хотела тебя видеть и хотела с тобой поговорить. Сейчас не хочу. И не поеду.

— Ты бросаешь мне вызов, Леона? — Опасно. Тихо.

— Да.

Это прозвучало неожиданно даже для меня самой.

Настолько неожиданно, что я не сразу осознала звучащую в трубке тишину.

Тишину, кричащую сильнее самого яростного приказа.

— Доброй ночи, Рэйнар, — сказала я.

Захлопнула чехол и выключила телефон.

Его образ неожиданно встал перед глазами так четко, как будто он сейчас оказался напротив меня. Холодный взгляд, жесткая линия губ.

«Свободна».

Огонь побежал по венам, в висках застучал пульс. Наверное, стоило все понять сразу в тот день, когда я впервые очутилась в кабинете Халлорана. Вот только потом были Марр и драконы, и сумасшедшая, всепоглощающая, сводящая с ума нежность.

Лед трескался, и вместе с ним трескалось что-то внутри. Не сразу почувствовала, что по щекам текут слезы. Только когда первая темная клякса расплылась на рукаве пальто, стянула его и бросилась в ванную. Ткнула во внутреннюю блокировку двери, рванула к раковине. Врубила воду на полную, горячую, игнорируя стремительно скачущие цифры расхода. Шипение, от соприкосновения с прохладным воздухом ввысь взметнулось облако пара, зеркало затянуло непрозрачной пленкой. Вместе с моим отражением, только ожог таэрран по-прежнему пламенел даже сквозь нее.

Теперь уже слезы хлынули сплошным потоком, а я сползла на пол, подтянула колени к груди и редела прямо в чулки. Уткнулась взглядом в расстегнутые ремешки туфелек и почему-то разревелась еще сильнее. Не знаю, что такого было в торчащих язычках: то ли воспоминания о скользких по ноге пальцах, повторяющих молнию на обуви. То ли о сожранном Эрри сапоге, то ли о словах, от которых все внутри сжималось от нежности и раскрывалось так, что хотелось кричать, петь, дышать полной грудью.

«Моя. Огненная. Девочка».

Не знаю, сколько времени прошло, пока ко мне вернулось ощущение реальности.

Я поняла, что подметаю волосами пол. Что под ладонями только холодный кафель, который, несмотря на бушующий внутри ураган, не нагревается от моего огня. И не нагреется еще месяц.

Поднялась, расправила плечи.

Опустила кран и провела по запотевшему зеркалу ладонью, смело встречая свой взгляд.

Может, таэрран и запер огонь, но...

Моя магия — это мой голос. И этого у меня не отнять никому.

Моя мечта сбылась. Я буду петь Люси в постановке Гроу и сделаю все, чтобы ее история прогремела на весь мир. У моей сестры будет все самое лучшее: и школа, и Академия, и друзья, и первая настоящая любовь, которая выметет из ее воспоминаний Мика точно так же, как Мэлз вымела обломки приставки и сбросила в мусоропровод.

Я изучу все долбаные законы иртеханов, даже если мне придется только

этим и заниматься все свободное время. Не может быть, чтобы в наше время привязка к наставнику была нерушимой. Найду способ выбрать себе другого учителя и стать равной любому из тех, кто смеет меня судить.

Узнаю о своих родителях все. Без его помощи.

Больше Рэйнар никогда не посмотрит на меня сверху вниз.

Больше никогда не станет мне приказывать.

Ни он, ни кто-либо другой.